

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ТЕМНЫЙ ЛОРД

ТЕМНЫЙ ЛОРД

ТЕМНОЕ ПРОРОЧЕСТВО

МЕЧ ЭРИДЖУНА

ОЗЕРНАЯ ЛЕДИ

КЛЯТВА ТЕМНОГО ЛОРДА

Темный Лорд

Александр Прозоров

**Темный Лорд: Темный Лорд.
Темное пророчество. Меч
Эриджуна. Озерная леди.
Клятва Темного Лорда**

«Издательство АСТ»

2008, 2009, 2014, 2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Прозоров А. Д.

Темный Лорд: Темный Лорд. Темное пророчество. Меч Эриджуна.
Озерная леди. Клятва Темного Лорда / А. Д. Прозоров —
«Издательство АСТ», 2008, 2009, 2014, 2015 — (Темный Лорд)

ISBN 978-5-17-151104-3

Юный Битали Кро, поступивший во французскую школу чародейства и волшебства, ничем не отличается от иных учеников. Однако именно его преследует череда несчастий, словно бы неведомые силы желают ему смерти. Именно над ним кружит ореол Темного Лорда, в недавние времена ставшего ужасом для всего магического сообщества и побежденного с немалым трудом самыми сильными из волшебников. Волей-неволей юноше приходится вступить во взрослую борьбу безжалостных колдунов, полагаясь лишь на свои врожденные способности и отважную помощь верных друзей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151104-3

© Прозоров А. Д., 2008, 2009, 2014,
2015
© Издательство АСТ, 2008, 2009, 2014,
2015

Содержание

Темный Лорд	6
Башня Кролик	6
Орден Пяти Пророчеств	18
Клятва Грифа	33
Черный маг	57
Поединок	85
Отличник	108
Братство	150
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Александр Прозоров
Темный Лорд: Темный Лорд. Темное
пророчество. Меч Эриджуна.
Озерная леди. Клятва Темного Лорда

© Александр Прозоров, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Темный Лорд

Башня Кролик

Пасмурным осенним вечером желтый «Пежо», раскрашенный шашечками такси, прошелестел колесами по влажным известковым плитам, которыми была выложена дорога вдоль длинного обветшалого забора высотой в полтора человеческих роста, и остановился перед покосившейся кирпичной аркой. За ней открывался заброшенный сад: высокие яблони с узловатыми потрескавшимися ветвями могли похвастаться от силы десятком плодов, неухоженный шиповник расплзся на все пространство между стволами, тесно переплетаясь с пожухлым бурьяном. Дальше, уже в десятке шагов от ворот под кронами царил непроглядный мрак.

– Вы уверены, мадам, что вам нужно именно сюда? – Приоткрыв дверцу, водитель выставил ногу наружу и чуть сдвинул назад кепку с лаковым козырьком.

– Вы проникли в частные владения!

От низкого баса таксист шарахнулся назад в машину и дернул дверцу, прищемив собственную ногу.

– Фу ты, испугал! – с трудом перевел он дух. – Откуда ты взялся? Я и не заметил, как ты подошел...

– Это частные владения, – угрюмо повторил упитанный бородач в суконной пилотке и такого же материала длинной куртке, опускающейся до самых голенищ высоких охотничьих ботфорт. На плече незнакомца стволом вниз свисала потрепанная двустволка, широкий ремень оттягивала плотно набитая брезентовая охотничья сумка. – Если вам нужно в Ренс или Нант, поезжайте прямо до Ла-Фраманса, там будет стоять указатель. Если вы ехали в Бовель, то повернули слишком рано, возвращайтесь на шоссе.

– У меня приглашение, – вышла на дорогу пассажирка, худощавая невысокая женщина в твидовом костюме с юбкой чуть ниже колен. Шляпка с вуалью, что закрывала ее лицо, смотрелась с этой одеждой совсем не к месту, но, видно, без плотной вуали сейчас эта дама обойтись не могла. После недолгих поисков в сумочке на свет появился конверт без марки, украшенный на левой стороне изображением змеи, сплетенной в восьмерку и кусающей себя за хвост.

– Простите, мадам, – сменился бас охотника приятным баритоном. – В замке будут очень рады встрече. Я заберу вещи и провожу племянника к хозяйке.

– Могу проехать к дому, – предложил водитель. – Только дорогу покажите.

– Туда, – указал за арку охотник. – Всего полмили по прямой.

Таксист хмыкнул, заглушил двигатель и пошел открывать багажник. Наружу тем временем выбрался еще один пассажир: коротко остриженный мальчуган лет четырнадцати с янтарными глазами, слегка растопыренными ушами и чуть приплюснутым носом. Одет он был в чистенький коричневый костюмчик, бирюзовую рубашку и бежевый галстук с косой зеленой полоской. Паренек окинул взглядом сад и длинный забор с растрескавшейся кладкой, но тут женщина обхватила его и крепко прижала к себе.

– Какой ты уже большой, Битали, – сглотив, прошептала она. – К концу года, похоже, меня перерастешь. Веди себя хорошо. На Рождество увидимся. Ну, ступай, мой мальчик. До ночи тебе нужно еще многое успеть. Пиши обязательно. Все, беги.

Женщина подняла вуаль, поцеловала сына в глаза, поспешно опустила сеточку, нашарила пальцами в сумочке платок, но не вытащила, а только скомкала его.

– До свидания, мама. – Битали торопливо поцеловал ее в щеку, отступил, коротко помачал ладонью. – Отцу передавай привет. Я напишу.

Мальчишка развернулся, быстрым шагом вошел в арку ворот – и оказался в сладко пахнувшей мертвой тишине. Казалось, в заброшенный сад не проникал ветер, здесь не жили ни птицы, ни насекомые, ни мелкие зверьки. Тишина стояла полнейшая. Неестественная... Битали замедлил шаг, оглянулся. Охотник, обещавший отнести его вещи, исчез неведомо куда. Машины на дороге тоже видно не было. Похоже, такси уже умчалось, скрывая от сына слезы матери.

– Понятно... – пробормотал мальчик, воровато оглянулся, сунул руку за пазуху и вытянул небольшую лакированную палочку цвета вишни, толщиной с мизинец и длиной немногим больше ладони. Он сделал глубокий вдох, на миг замер, собрав губы в плотную бабочку, и резко рубанул палочкой перед собой: – Обсессиион!!

Мир впереди дрогнул, качнулся прозрачной волной и зашевелился: задрожали листья на деревьях, защебетали птицы, со всех сторон разом застрекотали кузнечики. Увы, даже после снятого наваждения сад остался заросшим и неухоженным – но теперь на земле проглядывала тонкая тропка, указывающая путь меж кустов. Битали задвинул палочку в плотно сжатый кулак и направился вперед, стараясь не испортить костюм о разбросанные по веткам шипы. Кроны вековых яблонь, своею мощью больше походивших на дубы, сдвинулись над головой, с каждым шагом становилось все темнее.

Между тем в ожившем мире помимо беззаботного щебетания появились и другие, отнюдь не столь радостные, звуки. Жалобное поскуливание, отрывистый лай. Одинокый протяжный вой, возникший справа и быстро сместившийся за спину. Шуршание в траве, шелест пересохшей листвы под деревьями. Впереди, словно огоньки свечей, внезапно загорелись красные огоньки. Загорелись парами, что не предвещало одинокому путнику ничего хорошего.

Юный гость поежился, поймал палочку за кончик, плавно вытянул из кулака – но хода не замедлил. Еще десяток шагов, и в сумраке прорисовались крупные серые силуэты шести волков: широкие, ходящие ходуном грудные клетки, полуоткрытые пасти, из которых на землю тягуче падала кровавая слюна.

– Обсессиион!!! – опять рубанул воздух Битали.

Однако на этот раз ничего не изменилось. Волки никуда не исчезли. Двое из них даже несколько раз насмешливо тьякнули. Стая разомкнулась и стала обходить мальчика с боков. Тот попытался, прикусил губу, быстро соображая... и вдруг расплылся в широкой улыбке:

– Цвакхет! – коротким выпадом указал он на одного из волков. – Цвакхет! Цвакхет!

В первые секунды показалось, что заклинание не помогло, но очень скоро попавшие под магическую атаку звери забеспокоились, начали разбегаться. Юный чародей направил палочку на тех волков, что обходили его справа. Двое, не дожидаясь нападения, отбежали, два других поднялись на задние лапы, оказавшись ростом выше мальчика, и угрожающе зарычали.

– Ближе не подходите, – направил на них палочку Битали. – Кто вас знает, метаморфов. Как мне пройти к директору школы?

Оборотни опустили на четыре лапы и закрыли пасти. Обменялись взглядами. Один коротко, по-собачьи, тьякнул и потрусил через сад. Мальчик заторопился следом. Уже через несколько минут сад расступился, и перед гостем предстал окруженный ярким и зеленым стриженным газоном величественный замок, сложенный из огромных бесформенных валунов, тем не менее совпадающих друг с другом настолько точно, что следов раствора между широкими полосами сухого серого мха нигде не просматривалось.

Судя по узким высоким окнам, начинающимся в трех человеческих ростах от земли, это могучее укрепление за последние века не перестраивалось. Зубцы устремленных в небо башен по его углам хоть сейчас готовы были заслонить от врага лучников, массивные ворота – выдержать удары тарана, обширные укрытия – вместить сотни защитников. Но сейчас десяток мальчишек в парусиновых штанах и футболках гоняли между контрфорсами мячик, а бойницы и смотровые окна были аккуратно застеклены.

– Домовые отнесут ваши вещи к вам в комнату, мсье, – оказался уже здесь встретивший его на дороге охотник. – Если, конечно, профессор Артур Бронте согласится принять вас в школу. Идите за мной. . .

Сдвинув приклад вперед и положив на ружье руки, мужчина направился к самой высокой башне, увенчанной островерхим зеленым шатром. Чуть отстранился, пропуская Битали вперед к стене, положил руку ему на плечо. . . Желудок мальчика резко колыхнуло вверх-вниз, качнуло вправо-влево, дыхание перехватило. Битали закашлялся, а когда взял себя в руки, обнаружил, что находится в светлом кабинете с готическими окнами, выходящими на все стороны света.

– Надеюсь, вы не жалуетесь на здоровье, юноша? – услышал он голос, вкрадчивость которого скрывала довольную усмешку. – К сожалению, размеры сторожевой башни столь малы, что в моем кабинете не осталось места для двери. Приходится обходиться.

Попав на яркий свет после лесного полумрака, мальчишка никак не мог различить, с кем разговаривает. Его невидимый собеседник тем временем неторопливо шуршал бумагами.

– Битали Алистер Кро. . . – задумчиво произнес он. – Вы знаете, что занятия в школе идут уже три недели?

– Мне очень жаль, профессор Бронте. – Мальчик был уверен, что беседует именно с ним. – К сожалению, у нас дома случился пожар, учебники и принадлежности пришлось закупать снова. Шить одежду согласно правилам вашей школы. . . Я постараюсь наверстать упущенное, профессор.

– Да уж, придется постараться, мсье Битали Кро. . .

Глаза наконец привыкли к свету, и мальчик смог различить за массивным глянцевым столом невысокого щекастого профессора. Большая голова над узкими плечами, длинные волосы с проседью придавали ему вид воробьиного филина, пусть и умного – но слишком маленького для столь большого кресла и звания.

– И впредь приезжайте, пожалуйста, не прямо сюда, а к озеру Де Леври, по ту сторону дороги. Появление отдыхающих у воды не привлекает постороннего внимания. Сюда же от озера ведет удобный подземный ход.

– Вы хотите сказать, что я принят, мсье директор?! – Волна радости и облегчения ощутимо прокатилась по всему телу Битали.

– Я полагаю, сам факт вашего присутствия в сем кабинете доказывает ваши способности, юноша, – добродушно улыбнулся «воробьиный филин» и закрыл толстый журнал в кожаном переплете. На пальце блеснула рубиновая искра от печатки с золотой змейкой, свернувшейся в восьмерку. – Да, мсье Кро. . . Я надеюсь, наши охранники не пострадали?

– Что вы, профессор, – мотнул головой новый ученик. – Я знаю, что они не опасны для магов, и обошелся лишь заклинанием слабости. Мне показалось, ваши метаморфы недавно перекусили, и слабость в желудке быстро отвлекла их от моей персоны.

– Вы молодец, юноша, – кивнул директор школы. – Правда, теперь придется кормить их ужином еще раз.

– Опасных существ для отпугивания смертных используют во всех школах, – поспешно, словно оправдываясь, ответил мальчик. – Иногда очень ценных. В школе Роустера, например, в озере у школы живут два Каролинских дракона. Если нанести им вред, диплома об окончании точно не получишь.

– Вижу, вы повидали немало, мсье, – сложил ладони перед собой Артур Бронте. – Сколько же школ вы поменяли?

– Это четвертая, профессор.

– Были проблемы с успеваемостью?

– Нет, профессор. . . – Радость в душе Битали погасла так же быстро, как появилась. – Скорее, бытовые проблемы. К сожалению, в домах, где мы поселяемся, часто случаются пожары.

Видимо, родовое проклятье, от которого трудно избавиться. Из-за пожаров родители были вынуждены переезжать.

– Пожары случались при вас?

– Я тут ни при чем! – невольно повысил голос мальчик. – Я ничего не поджигал!

– Охотно верю, – кивнул Артур Бронте. – Но на мне лежит ответственность за жизнь и здоровье всех учеников. Я обязан принять все меры безопасности на возможный случай неконтролируемого пирокинеза. Вы уже совсем взрослый юноша, и вы меня поймете. Поступим так. Я прикажу поселить вас в башне Кролик. Она лишь примыкает к стенам замка, и пожар... которого, я уверен, не случится... Пожар не сможет перекинуться на здание школы.

– Кролик? – переспросил Битали. – Странное название для военного бастиона.

– Рассказывают, – расцепил пальцы директор, – будто первый владелец замка как-то теплым солнечным днем увидел с этой башни пробегающего внизу кролика. И столь стремительно кинулся к краю стрелковой площадки, что не удержал равновесия и рухнул наземь. Да еще и мимо злополучного зверька. С тех пор имя «Кролик» и утвердилось за одной из частей замка. Однако мы с вами заболтались, мсье Битали Кро. Подробности расписания дня, уроков и правила поведения в нашей школе вам сообщит староста башни.

Артур Бронте поднял с правого угла стола колокольчик, встряхнул его. Не успев услышать звонка, Битали ощутил знакомый рывок желудка вверх и вниз. Однако оказался не на улице, а в сумрачном прохладном коридоре, который подсвечивался лишь яркими окнами дома, что был выткан на украшающем каменные стены гобелене, и бледно-желтой луной, светящейся на ковре чуть дальше. Под луной, по черным от времени доскам пола, неторопливо шествовали его вещи: мягкий вместительный чемодан, кофр с учебниками, портфель и сумка с вещами. Короткие, толстые и мохнатые ноги проглядывали только из-под чемодана – однако Битали знал, что домовые по своему характеру всегда скрытны и часто отводят чужие взгляды даже не по необходимости, а просто по привычке. Не любят, чтобы их видели, и все.

Словившись, Кро побежал следом за здешними хранителями порядка и вскоре шагнул рядом с порхающим на уровне колена портфелем. Поворот, небольшой переход, еще поворот, долгий путь по коридору... Изнутри замок явственно превышал себя самого снаружи. Еще поворот – и собранное для Битали добро легко и непринужденно исчезло под брюхом полусидящего мраморного сфинкса. Мальчик, наклонив голову, попытался пройти следом – но только больно ударился головой о каменное брюхо.

– Вот те раз, – попятился он, растирая ушибленный лоб. – Похоже, в этой школе никто не знает о существовании дверей.

Откуда-то потянуло слабым влажным сквознячком, дернул языками пламени и громко затрещал костер на ближнем гобелене, на мальчика ехидно скосили глаза собравшиеся возле огня охотники, даже фыркнула собака у ног одного из них.

– Вы не знаете, как пройти в башню Кролик? – поинтересовался у них Битали.

Вытканые на толстом полотне люди промолчали, словно и не услышали. А может, и правда не слышали – кто их знает, на гобеленах-то?

– Лучше бы картины повесили, – вздохнул Кро. – С ними хоть поговорить можно.

– Крайне неверное утверждение, – с легким потрескиванием выходя из стены между коврами, парировал взъерошенный мужчина в бесформенной шапочке. – Картины есть обычный холст, запечатлевший на себе фрагмент из жизни. Гобелены же и ковры вытканы из живой шерсти, имеющей собственную историю и влияние. Опять же, в шерсть несложно добавить волос единорога или мохнатого змея, которые... что?

– Непроницаемы для магического воздействия, – неохотно закончил фразу Битали.

– Безукоризненно верно, – вскинул указательный палец собеседник. – Однако я вас совершенно не помню, юноша. Вы с какого курса?

– Я новенький, мсье, – признался мальчик. – Приехал всего час назад. Битали Кро.

– Очень приятно, юноша, это многое объясняет, – вежливо склонил голову собеседник. – Значит, вы станете изучать у меня шаманизм и естествознание. Меня можно называть «профессор», либо профессор Филли Налоби. Или я это уже говорил?

Профессором преподаватель отнюдь не выглядел: тусклые серые туфли, кожаные штаны, усеянные темными пятнами; из-под короткой бирюзовой бархатной курточки выглядывала коричневая сорочка, с левой стороны заправленная за пояс, а с правой – выпущенная наружу. Под мышкой мсье Филли Налоби держал толстенную пачку исписанных листов, такую же лохматую, как и его голова. Больше всего профессор напоминал опаздывающего на экзамен студента. Да и возрастом выглядел ненамного старше.

– Да, мсье, – кивнул Битали.

– Да, – согласился профессор. – На чем мы остановились? А, да... Поскольку наши воспитанники в большинстве хорошо овладевают навыками хождения сквозь стены, руководство школы решило закрыть их гобеленами, дабы юноши не бродили где ни попадя. В разрешенных для прохода местах оставлены достаточные промежутки.

– Не проще было двери сделать? – тихо поинтересовался Кро.

– Крайне неверное утверждение! Данный замок был построен маркизом Клодом де Гуяком в начале четырнадцатого века, в годы печального Третьего Пророчества, в преддверии знаменитой Большой Войны. Он оказался чуть ли не единственной твердыней, вынесшей все осады и штурмы как войсками мятежников, так и толпами безнадзорных смертных. Нельзя сказать, чтобы нога противника ни разу не ступала в эти помещения, но отсутствие дверей неизменно путало осаждающих, лишало их ориентировки... Ну, а смертные – так те и вовсе сквозь камень ходить не умели. Да и сейчас вроде бы не умеют.

– Маркиз де Гуяк – это тот, который с башни за кроликом прыгнул? – вспомнил рассказ директора Битали.

– Нет, что вы! – отмахнулся свободной рукой профессор Налоби. – Барон Бажо вообще не имеет отношения к замку. К моменту своей смерти он едва успел закончить эту башню, да и то не полностью! Именно из-за недостроенной площадки он и погиб. Оступился на краю кладки. К маркизу де Гуяку обратилась его вдова в поисках защиты. В те времена, знаете ли, у смертных правил не закон, а меч, и на оставшиеся без хозяина земли тут же возникли желающие. Маркиз принес женщине клятву защищать ее всеми силами от любых опасностей и сдержал свое слово до конца. Баронесса прожила, если не ошибаюсь, двести семь лет, ни разу не заболев, не поцарапавшись и не ушибившись. Она отошла так тихо и покойно, что до сих пор не знает о своей смерти, прогуливается по замку и ночует в спальне в женском корпусе. Все обитатели замка называют ее хозяйкой и мадам, а себя – ее гостями. Кстати, юноша, попрошу вас это запомнить.

– Да, профессор.

– Теперь, юноша, возьмите свою палочку и встаньте вот здесь, рядом со мной. Видите стену между коврами?

Кро кивнул. Сплошную кладку с известковыми прослойками было очень трудно не заметить.

– Прекрасно! Толщина здесь – примерно две ладони. Сосредотачиваете силу и взгляд на кончике своей палочки, на выдохе направляете его вперед, проталкиваете, не останавливаясь, пока он не окажется по ту сторону, а затем протягиваете за палочкой все тело. Это заклинание мы называем «онберик», действие производится на выдохе, в момент обрыва заклания. Демонстрирую...

Профессор Налоби кашлянул, встал к стене чуть боком, вскинул палочку перед собой, сузил глаза, словно целясь через нее в выпуклый валун:

– Онберик!

Он воткнул палочку в стену, погрузив в камень до запястья, а затем скользящим движением выгнулся, качнулся вперед, как бы протекая в получившееся отверстие. Камень раздвинулся, плотно скользя по плечам, согнутой и плотно прижатой к животу ноге, встряхнул зажатые под мышкой бумаги. Наконец «всосалась» левая нога – и стена с легким треском сомкнулась.

Битали достал свою палочку, погладил через рубашку висящий на груди рубиновый амулет, нацелил кончик палочки в окаменевший за семьсот лет раствор между серыми камнями:

– Онберик! – Он сделал выпад, словно шпагой, и чуть не сломал палочку, жестко упершись в стену.

Кро отступил, облизнул губы, сосредотачиваясь:

– Взгляд и силу на кончик, проталкиваю его на выдохе... Онберик!

И опять палочка только жалобно хрустнула в его руке.

– Ну что? – «перетек» из стены в коридор профессор. – Получается?

– Онберик! – зло выкрикнул Битали и в третий раз попытался пронзить вишневой палочкой холодный гранит.

– Крайне неверно, юноша! – покачал головой преподаватель. – Во-первых, кричать совершенно ни к чему, это не дает никакого эффекта. Опорное слово произносится на выдохе, энергично, а не громко, дабы помочь выплеснуть внутреннюю силу в точку ее приложения, касание же происходит в момент произнесения «к». Будьте любезны.

– Онберик! – В этот раз свою злость Кро выплеснул не в крике, а в желании протолкнуть сквозь стену кончик палочки. Одновременно с окончанием слова Битали ткнул ею в стену, успел подумать, что сделал это слишком рано, но не ощутил под рукой опоры – и не прошел, а провалился через стену, растянувшись на полу под столом, между перекрещенными дубовыми ножками.

– Грубовато, конечно, юноша, техники никакой, – задумчиво произнес над ним профессор, – однако для первого раза неплохо. Я бы даже сказал, энергично. У вас очень хорошие задатки, молодой человек. Природные. Если их подкрепить грамотными упражнениями и правильным образованием, вы сможете превзойти самого маркиза де Гюяка, нашего первого директора и основателя... Хотя, наверное, правильное будет наоборот.

– Надеюсь, профессор, ваша школа сможет дать мне это образование? – поднялся Битали. После первого успеха его настроение сразу улучшилось.

– Безусловно, юноша, – кивнул профессор Налоби, поморщился и огляделся: – Зачем же я сюда возвращался? Ах, да! Оставить контрольные...

Он сгрузил стопку листов из-под мышки на стол, чуть подвинул, смещая сваленные на него картонные папки и книги, одни из которых выглядели древними фолиантами, другие – блестели яркими глянцевыми обложками.

Все четыре стены небольшой комнаты были заставлены высокими, под потолок, застекленными стеллажами. Исключение составляли лишь два проема: для выходящего во двор окна и на стене напротив. Правда, под окном стояли ряды мисок с молоком, поверх которых лежали толстые ломти хлеба. Все полки были заняты: книгами и папками, горшочками, мешочками, шкатулками. На одной Битали увидел солидный запас заячьих лапок, на другой – гусиных перьев, на третьей – плотно составленные обычные хлебные батоны. Профессор же, не без труда обеспечив стопке контрольных устойчивое положение, облегченно вздохнул, утер ладонью лоб:

– Хоть бы дождь прошел. Не жарко, не холодно. Душно. – Он повернулся к Битали, вскинул волшебную палочку, на миг замер, чуть склонив набок голову, хмыкнул: – Какие у тебя глаза... Чистый янтарь. В наше время такие глаза большая редкость... Да... – Мсье Налоби о чем-то задумался, но уже через несколько мгновений спохватился: – Ах да, на чем мы остановились? Стена... Давайте, юноша, попробуйте еще раз. Как, говорите, вас зовут?

– Битали Кро, профессор.

– Прошу вас, мсье Битали, – приглашающе указал на стену преподаватель.

Мальчик подошел к преграде на расстояние вытянутой руки, коснулся ладонью холодного камня, потом вскинул палочку:

– Онберик!

В этот раз его вишневая древесина пробила древние валуны с первой попытки, а Битали, по мере сил, постарался не вломиться вперед, а протиснуться, раздвигая стену, в готовое отверстие – и с легкостью вернулся в сумрачный коридор.

– Неплохо, неплохо... – Преподаватель вышел наружу почти одновременно с ним. – Думаю, теперь вы сможете проникнуть в свою комнату без особого труда.

– Благодарю вас, профессор. К сожалению, мне неизвестно, где она находится. Домовые несли мои вещи, вошли под сфинкса... А дальше он меня не пустил.

– Что же вы сразу не сказали, юноша?! – округлил глаза Филл Налоби. – Это же крайне меняет дело! Минуточку...

Он похлопал себя по курточке, сунул руку куда-то за пазуху, извлек серебряный колокольчик и коротко потрянул им два раза. Прислушался, потом резко опустил руку, указывая под гобелен с охотниками пальцем с неровно обкусанным ногтем:

– Я слышу тебя, Фич! Перестань стучать башмаками и скажи, куда вы поместили на первое время этого юношу?

Ответа Битали не услышал, но вот профессор чему-то удивился:

– Башня Кролик? Ну, если это приказ директора... Пойдемте, Кро... – От сфинкса преподавателя отделяло всего пять шагов. Мальчику, который успел его обогнать, двигаться и вовсе не пришлось. – Это... э-э-э... решение все еще больше упрощает. Для первокурсников и отстающих возле башни предусмотрен самый простой путь. Направляете палочку этому изваянию между глаз, касаетесь и произносите нужное место: «Верхний боевой ярус!»

Профессор звонко щелкнул сфинкса по носу и, наклонившись, нырнул ему под брюхо.

– Верхний боевой ярус! – Битали воспроизвел движение Налоби в точности, нырнул между каменными лапами, ощутил знакомый рывок желудка, и по глазам ему тут же ударил яркий свет.

– Хорошее место, юноша.

Одно из окон заслонила тень, и Кро смог наконец-то различить окружающее. Совершенно круглая в плане комната радиусом примерно в десять шагов, восемь узких высоких окон, мощные тяжелые балки на потолке, плотно подогнанные доски снизу. Когда-то здесь, несомненно, и вправду стояли самострелы и лучники, дежурили в ожидании врага храбрые воины. Но теперь бойницы были забраны стеклами, станины орудий заменили письменные столы, сундуки и кровати, вместо очага для кипячения смолы стоял открытый на две стороны небольшой камин. Правда, без трубы. То ли недоделанный, то ли дым из комнаты должен был исчезать иным путем.

«Ничего, разберемся, – решил Битали. – Главное, что постелей всего две. Не общая казарма, как в Гринике».

– Отличный отсюда вид открывается, юноша, – произнес замерший у окна профессор Налоби. – Идите ко мне, полюбуйтесь.

Новый ученик школы маркиза де Гуяка подошел ближе, щурясь на заходящее солнце. Отсюда, с высоты примерно шестизэтажного дома, глаз без труда охватывал пространство на добрый десяток миль. Далеко под ногами начиналось зеленое море древесных крон. Ветер полыхал ветви, и казалось, что волны и вправду перекачиваются с места на место, устремляясь к далекому горизонту. Правда, кое-где в это пространство врезались песчаные полосы, судя по цвету – пшеничные поля или свежее жнивье. Слева, у самого края неба и земли поблески-

вало обширное зеркало. Видимо, то самое озеро, о котором говорил директор Бронте. Место приезда и отбытия учеников...

Битали вдруг понял, что профессор Налоби, пользуясь случаем, вглядывается в его ярко освещенные глаза, и, отступив к оставленному возле камина чемодану, спрятал палочку и взялся за ручку.

– Кро... Кро... – пожал плечами Филл Налоби. – Не помню такого рода среди магического сообщества. Ты ведь наследственный чародей, не так ли?

– Мы не коренные французы, профессор, – глядя чуть в сторону, пояснил Битали. – Мы переехали из Швейцарии.

Про несколько других мест проживания, сменившихся за время пути из Швейцарии во Францию, мальчик решил умолчать.

– Может быть, – не стал спорить преподаватель. – Кро... Очень интересно. Успехов вам в нашей школе, юный Битали Кро. Думаю, уже завтра мы увидимся на уроке. Приготовьте справочник Латрана и толстые кожаные перчатки... Ах, да, разбирайте вещи, не стану отвлекать.

Налоби пересек комнату, стукнул палочкой по стеклу выходящего во двор окна – и исчез, оставив после себя лишь небольшое облачко пыли.

– Дались ему мои глаза!

Битали снова взялся за чемодан, оттащил его к свободной кровати: несмятой, стоящей между пустым столом и никак не разукрашенным шкафом, – открыл, принялся развешивать сорочки, штаны и куртки по плечикам. До утра они должны были хотя бы отвисеться. А если здешние домовики не ленивы – могут до утра и погладить. Учебники заняли место в ящиках стола, коробочка конфет удобно разместилась под лампой.

К тому моменту, как опустевшая сумка была задвинута под кровать, послышался слабый треск и недовольный чих. У окна возникло существо странного вида: ростом на голову ниже Кро, в ботинках, брюках и в рубашке с закатанными рукавами – но лохматое, как овца, с торчащими в стороны острыми собачьими ушами и приплюснутым носом. Глаза были человеческие, карие. Щеки, да и все пространство от бровей до ключиц – голое. Ладони – черные, однако тыльная их поверхность – лохматая. При этом пальцы не когтями заканчивались, а вполне нормальными розовыми ногтями.

– Ты домовый? – Это было первое, что пришло Битали в голову.

– Сам ты домовый! – недовольно буркнуло существо, расстегивая рубашку. – Это моя комната! Откуда ты тут взялся?

– Директор поселил... – Кро все еще не мог сообразить, с кем имеет дело. – Так что теперь я тоже здесь живу. Меня зовут Битали Кро.

– Тебя-то за что? – Его будущий сосед плюхнулся на кровать и принялся стаскивать ботинки.

– В каком смысле?

– Почему сюда загнали?

– А это что, место заключения?

– Ладно, хорош придуриваться! – Бросив рубашку на спинку кровати, сосед упал на постель и с наслаждением потянулся, благо при его росте это получалось даже с закинутыми за голову руками. – Я недоморф, меня за урота держат, вот я сюда от всех и отвалил. Пошли они все к чертям собачьим! Ларак и Комби ниже этажом просто дураки, с ними никто дела не имеет. Цивик над нами невезучий, его поэтому сторонятся. Дубус, что с ним обитает, зануда страшный. Алак, с первого, воняет, что навозная куча. Тоже, видно, недоморф. Ну, его, понятно, отчего никто в компанию не берет.

– Что за «недоморфы»? – не понял Битали.

– Уж какие есть, – подsunул руки под голову сосед. – Новичков в общие корпуса всегда поселяют. Там они или приживаются, или нет. По друзьям или братствам кучкуются. А тебя сразу сюда. Почему?

Рассказывать о своих проблемах Битали не хотелось – но он понял, что, не будь он откровенным, ответной искренности никогда не добьется.

– У нас дома несколько пожаров случилось, – признался он. – Профессор Бронте почему-то решил, что это из-за меня.

– А-а, пожары, – кивнул сосед. – Тогда понятно. Огонь, он ведь любого колдуна неважно убить может. А нас здесь никому не жалко, коли ты и вправду... того...

– Чего «того»? – повысил голос Битали.

– «Неконтролируемый пирокинез» называется, – рывком сел в постели сосед. – Быть нам тогда с тобой, приятель, в одном костерке головешками.

Он поднялся, подошел ближе:

– Поклянись, что не ты пожары устраивал!

– Иди ты лесом, – отмахнулся Кро, уже жалея, что сказал правду.

– Ладно, не обижайся, – присел на край стола сосед. – В нашей башне у каждого свой грешок имеется. Давай лучше знакомиться, раз под одной крышей оказались. Меня Надодоухом зовут, в честь деда. Я из исконного рода Сенусертов. Слышал?

Битали неопределенно пожал плечами.

– Это все из-за родового проклятья. На иссякание племени. До Второго Пророчества мы знамениты были. Теперь вот – сам видишь. За домового принимают.

– Извини, я же не знал, – смутился Кро. – Вид у тебя, согласишься, не совсем... привычный.

– Ерунда. Я уже такого успел наслушаться, что уж лучше домовым... – Надодоух протянул руку. Кро сделал шаг навстречу и с осторожностью ее пожал. Однако силы в пальцах соседа было совсем немного. Как у обычного человека.

– Снять проклятье пробовали?

– Еще бы! – возмущенно фыркнул сосед. – Каждое поколение. Только толку пока ни на гран. Видать, на мне оно окончится. Вместе с родом. Я ведь последний буду. Здесь за пять лет привыкли, и то пальцем вслед показывают. А как первокурсники наезжают, так сызнова каждый день визги. Кто со мной, таким, свяжется? Со следующего года шаманство себе профилем выберу. Если хорошее место найти, можно и в лесу выжить. Или в горах. Были бы смертные поблизости. А поместье продам.

– Я раньше недоморфов ни разу не видел.

– Ну, так полюбуйся. Зрение – как у человека, нюх – как у собаки, руки обезьяньи, шерсть козлиная, – со злостью ответил Надодоух. – Все перекидчики или зверьми нормальными бегают, или людьми ходят. А я середина-наполовину застрял.

Правда, злился он явно не на собеседника, а просто на свое горькое невезение.

– Может, еще удастся что-нибудь придумать?

– В нашем роду дети в каждом поколении это слышат. Сперва те, кто вонял. Потом те, кто обрастал. У кого руки чернели, у кого лапы кривились... И так до самого конца. До меня, то есть.

– Кстати, а кто у вас староста? – предпочел поменять тему разговора Битали. – Мне говорили, он с правилами меня познакомит.

– Чего знакомить? Все как везде. Первый этаж западной стены – у метаморфов. С магией у них всегда слабо, так им комнаты с дверьми сделали. И вход через ворота. Ночью к ним лучше не соваться. Да и в саду гулять не советую.

– А говоришь, как везде. – Кро отступил к своей постели и сел. – В других школах их вообще никогда не было. Не учили таких.

– У великого маркиза на этот счет имелось крайне свое мнение, – голосом профессора Налоби ответил недоморф. – Его школа изначально базировалась на скрещении дисциплин.

– Этот как? – не понял Битали.

– Пусть профессор Филли объясняет, – отмахнулся Надодух, – не буду чужой хлеб отбивать. Так, что еще? Увидишь в замке даму в шляпе с офигенным пером – кланяйся и называй ее хозяйкой. На прочих призраков плевать. На домовых жаловаться Филлу Налоби, на нехватку мыла, полотенца, воды и всего прочего – мадам Лартиг. На второй этаж восточного корпуса не заходить, там комнаты девочек. В северном корпусе живут все остальные. Чего еще? Завтрак начинается в семь и до урока, обед с двух до трех, ужин с семи до десяти.

– Одежда какая?

– Ну, твоя, – окинул взглядом костюм нового ученика недоморф, – это на праздники, выходные, ну и домой обратно ехать. Парусиновая форма – для занятий и обычных дней, а спортивный костюм – для дурачества на улице.

Похоже, играми на свежем воздухе Надодух не увлекался.

– А в комнатах?

– Неограниченно! – Недоморф с некоторой показухой почесал обнаженную мохнатую грудь. – Ты откуда сюда сбежал? Из казармы или тюрьмы?

– Из колледжа Глоу, в Шотландии. Там обязательный общий отбой в десять вечера.

– Пусть они это нашим метаморфам расскажут, – довольно рассмеялся Надодух и вдруг спросил: – Так это ты пожары запаливал или нет?

– Нет, конечно! – отрезал Битали.

– Жаль, – снова рухнул на постель сосед. – Если бы ты жег, то и бояться нечего. Вот если ненамеренно загоралось... Тогда хуже.

– Душ у вас тут принять можно?

– Хоть два! От сфинкса сорок шагов отсчитай, налево за стеной лестница будет. По ней на два витка вниз, выходи в коридор, опять налево. Ну, а там уже по запаху найдешь.

– Указатели есть, где какие? – уточнил Кро, хорошо зная, как любят шутить над новичками старожилы.

– Ты это про женские, что ли? – усмехнулся недоморф. – Не бойся, все их удобства в их корпусе, туда так просто не попасть. А где профессорские, так я и вовсе не знаю. Учителя едят, умываются и живут отдельно. Дабы престижа не ронять.

– Ясно. Ну, ладно, – решил Битали, – на ужин я опоздал, так хоть ополоснусь с дороги.

– Мыло там есть всегда, а вот полотенце прихвати, – посоветовал Надодух.

– Ага, – кивнул Кро, снимая костюм и облачаясь вместо него в полотняную, пахнущую влажным крахмалом, пижаму, перекинул через плечо полотенце, переложил в карман вишневую палочку, но тут же спохватился и достал обратно: в школе маркиза де Гуяка без волшебства было невозможно даже просто выйти из комнаты.

– Я быстро, – пообещал Битали, подступил к подоконнику и легонько по нему стукнул, лихорадочно соображая, что же при этом нужно сказать. Однако магия сама исправно выполнила его желание: мгновение спустя он стоял в коридоре между лапами сфинкса. – Теперь сорок шагов влево.

Мальчик повернул, старательно отсчитал сорок шагов, оказавшись аккурат меж двух ковров, на которых слабо светилась ажурная арабская вязь. Поколебавшись, он прошел еще немного и нацелился палочкой в промежуток перед гобеленом с сияющим белым единорогом:

– Онберик!

Стена раскрылась с удивительной готовностью – вот только оказался он не на лестнице, а в забитой швабрами, ведрами и пыльными тряпками кладовке с крохотным оконцем у самого пола. Закашлявшись, Битали развернулся, снова ударил палочкой в стену – но на сей раз та не поддавалась. Видимо, мальчик сдвинулся и оказался за ковром, сотканным с примесью шерсти

единорога. Кро подвинулся, ударил снова – опять безуспешно. Он опять подвинулся – но и третья попытка оказалась неудачной.

– Вот, невезуха, – почесал Битали в затылке. – Ладно, будем мыслить логически. Надодух ростом меня меньше – значит, и шаг у него короче. Наверное, я проскочил слишком далеко, и тогда лестница находится... Где-то с этой стороны...

Переступая через груды старого тряпья, мальчик добрался до нужной стены, взмахнул волшебной палочкой:

– Онберик!

Деревяшка благополучно утонула в камне, юный чародей потянулся следом... И ухнул с приличной высоты! Может, с половину человеческого роста, а может, больше. Здесь царил полный, непроглядный мрак, под ногами что-то похрустывало, навевая мысли о костях замурованных в стены пленников.

– Онберик!

И Битали наконец-то вывалился на ступени крутой, закрученной вправо, узкой каменной лестницы. Здесь тоже было темно – но окружающие детали взгляд все-таки различал. Правда, давало это мало: вверх и вниз тянулись одинаковые глухие стены, никаких окон, табличек и, разумеется, дверей. Юный Кро получил отличную возможность оценить мудрость основателя школы. Разобраться, что к чему и куда идти, в замке было невозможно даже в спокойной обстановке. В каком направлении выбираться к коридорам? Какая из стен наружная? Куда попать, если ринуться вправо или влево?

Теплилась, правда, небольшая надежда: если сверху льется свет, то там наверняка должно быть окно. Выглянув из него, можно понять хотя бы, с какой стороны двор, а с какой – улица.

Битали, перемахивая через ступеньку, торопливо взбежал на самый верх...

Разумеется, мудрый француз предусмотрел и это: лестница венчалась башенкой в полтора роста высотой. Свет шел из окон, шедших по самому верху. Ни допрыгнуть, ни забраться по гладкой стене.

Помимо всего прочего – теперь Кро не знал и того, на каком этаже находится. Поди разберись на спиральной лестнице! Мальчик, теперь медленно, спустился примерно настолько же, насколько поднялся, покрутился на ступени, покачивая палочкой.

– С какой же стороны коридор?

Нужно было делать выбор – но воображение очень красочно показывало, как он проходит сквозь стену и обрушивается на зеленую лужайку перед замком с высоты шестого этажа. Так окончить первый свой учебный день Битали не хотел и решил хотя бы спуститься как можно ниже, к уровню земли.

– Альба! – Юный чародей тихонько стукнул палочкой о грудь и двинулся по ступеням, подсвечивая путь огоньком, вспыхнувшим на самом ее острие.

Виток, еще один, еще, еще, еще, еще...

Через несколько минут Битали остановился, поняв, что спускается слишком долго. За это время можно дважды одолеть самую высокую из замковых башен. А ведь идущий от башни Кролик коридор, как он понимал, должен был находиться в корпусе и не очень высоко. К тому же, кладка из валунов вокруг лестницы как-то незаметно сменилась ровной известняковой стеной.

– Оскури! – страхнул огонь с палочки Кро, облизнул пересохшие губы и попытался рассуждать вслух: – Если это не морок и я не хожу по кругу, то давно должен попасть куда-то в подвал. Проверить это просто. Если снаружи за стеной нет свободного места, палочка пробить ее не сможет. Если есть – я смогу туда пройти.

На самом деле Битали не был особо уверен в этом предположении: мастерству преодоления стен в предыдущих школах особого внимания не уделялось, – но бродить по спирали ему здорово надоело, и Кро готов был рискнуть, чтобы разорвать бесконечный круг блужданий.

– Вот здесь вроде хорошее место... – Он погладил стену перед собой, постучал по ней согнутым пальцем и, ничего не услышав в ответ, решительно вскинул палочку:

– Онберик! – и тут же скользнул следом за ней.

В обнаруженном помещении было тихо, прохладно и темно. С минуту Битали прислушивался, одновременно надеясь на помощь и опасаясь обитателей этого места. Не дождавшись ни шороха, он зажег слабый «альба». Вокруг прорезались массивные туши винных бочек – каждая размером с индийского слона.

«Все-таки подвал», – с облегчением подумал мальчик, пошарил по карманам, нащупал давно забытый сантиметр, присел и сделал на стене, над самым полом, вертикальную царапину. Теперь он знал, в каком месте можно выбраться назад, если не удастся найти здесь помощи.

Опустив палочку вниз и светя под ноги, Битали медленно двинулся вдоль стены огромного подвала и уже через минуту наткнулся на самую обычную, банальную дубовую дверь из двух створок! Она была заперта – но для мага, прошедшего в школе маркиза де Гуяка хоть один день, это не имело никакого значения.

– Онберик! – небрежно приказал мальчик и оказался в сводчатом коридоре.

Лестница оставалась, по его оценке, где-то справа. Туда он и повернул. Однако очень скоро коридор неожиданно оборвался гладкой ровной стеной, покрытой старой облупившейся штукатуркой. Кро потыкал в нее пальцем, пожал плечами:

– Зачем нужно вырубать в скале проход, никуда не приводящий?

Он колебался всего мгновение – потом вскинул волшебную палочку и уже привычно выдохнул:

– Онберик!

Орден Пяти Пророчеств

Место, в которое попал Битали, оказалось хорошо освещено. Это был сводчатый зал в форме правильного пятиугольника, причем на каждой стене красовалась выложенная крупными сверкающими камнями восьмерка из кусающей себя за хвост змеи. Из нижней петли каждой выступал кронштейн, удерживающий медный факел. Огонь на этих свечках полыхал магический – ровный и сильный, не дающий ни запаха, ни треска, и каждый своего цвета: синий, красный, желтый, зеленый, фиолетовый. Внизу у каждой стены стоял сундук, и тоже соответствующего цвета. Крышки вокруг замочных скважин были надписаны перламутровыми переливчатыми буквами: «Орден Пяти Пророчеств». Обязательное среди магов предупреждение: не трогай, содержимое защищено смертельными заклятиями. Чтобы никто не попытался открыть случайно, перепутав со своим. Про это учеников в школах в первые же дни предупреждают – дабы не сунулись из любопытства в запретное место.

В центре зала стоял массивный стол, тоже пятиугольный, в окружении пяти кресел, обитых сукном разного цвета. Столешницу украшал знак восьмерки – но эта выглядела несколько иначе. В скрещении линий красовался бирюзовый зубчатый шестигранник – общепризнанный знак хаоса. У верхней петли с разных сторон шли знаки двух первых Пророчеств: знак холода и знак жара. Четыре Пророчества Битали изучал по истории еще в Италии, в Гринике. Первое предсказало Исход, вызванный наступлением на землю Большого Льда, который поглотил легендарную прародину, и помогло магам вовремя начать переселение. Второе Пророчество предсказало Расселение – эпоху расцвета магии, когда чародеев стало так много, что народ страны Ра не мог дать им достаточно сил для жизни. Второе Пророчество указало пусть и трудный, но неизбежный путь спасения и места, куда следовало отправиться основателям новых племен и родов.

Третье Пророчество, оглашенное всего тысячу лет назад, объявило о неизбежности Большой Войны между новыми племенами. Именно в те годы маркиз де Гуяк выстроил этот замок и смог уцелеть во время самого страшного, многовекового побоища, когда маги, колдуны и метаморфы истребляли друг друга тысячами и даже использовали смертных для уничтожения врагов.

После Большой Войны земля превратилась в безжизненную пустыню, на которой осталось почти в сто раз меньше магов, нежели в эпоху Второго Пророчества. Именно тогда и прозвучало Четвертое Пророчество – пророчество Единения. Уцелевшие маги всех родов и племен приняли Хартию, провозглашающую единство крови всех чародеев, единство законов и единство будущего. Профессор Вильфердо объяснял, что Единение превратило всю планету в единый народ и единую страну, в которой могут случаться мелкие внутренние неурядицы, но уже не разразится новая Большая Война, поскольку больше не существует по-настоящему крупных и сильных врагов. Мелкие свары и войны между семьями или братствами возникали постоянно, но вот большое кровопролитие стало совершенно невозможным.

Про Пятое Пророчество Битали никогда ничего не слышал. Бродили, конечно, всякие слухи – но никто не воспринимал их всерьез. Однако на столе, на нижней петле восьмерки, оно было отмечено руной огня: сомкнутыми остриями вверх треугольниками. Зато здесь отсутствовал символ Третьего Пророчества: сломанная ветвь.

Кро подошел ближе, провел взглядом по линии восьмерки: Хаос, Исход, Расселение, Хаос, Единение, Огонь, Хаос...

– Так вот оно что, – пробормотал он. – Пророчество Войны и Хаос – это одно и то же... И после Пятого Пророчества опять настанет эпоха Хаоса.

Взгляд его упал на сверкающий край столешницы. Вблизи стало видно, что это не инкрустация. В узкие щели стола были вставлены перстни с печатками: знак «змеиной» восьмерки, нанесенный на синий, красный, зеленый камни.

Кро вспомнил, что именно такой перстень – с рубином – украшал один из пальцев директора школы, профессора Бронте. В душе появилось мальчишеское желание стащить себе хоть один, но Битали удержался. Ведь он не знал, как повлияет перстень на своего владельца, какие силы даст и что отнимет взамен. Не знал, какими заклинаниями они защищены от кражи. Хватало того, что его угораздило попасть в явно запретное место, в святилище какого-то тайного братства. За одно это можно поплатиться очень и очень серьезно.

«Если здесь горят факелы, значит, в любой миг может кто-то появиться!» – обожгло мальчика. Он взмахнул палочкой, выскакивая обратно в коридор, пробежался до дверей винного погреба, проскользнул в него, потом на лестницу – и только тут облегченно перевел дух.

– Ну, что хотел, я узнал, – утер он пот со лба. – Это не наваждение, это действительно подвал. Отсюда можно выйти просто ногами.

Огонь он зажигать не рискнул – положил ладонь на стену и пошел наверх, пока пальцы не ощутили, как ровная шершавая стена сменилась выпуклыми покатыми боками валунов. Поднявшись на полвитка, мальчик в очередной раз использовал «онберик» и выбрался в обширное помещение, заставленное низкими деревянными лавками. В густом от влаги воздухе витали ароматы ванили и жасмина.

– Надо же, душевая! – с усмешкой понял Битали.

Однако после неожиданно долгого приключения у него осталось только одно желание: спать. Да и время было слишком позднее. Мальчик развернулся, вышел обратно на лестницу, аккуратно отмерил два витка вверх, с первой попытки попал в коридор, свернул к сфинксу и стукнул его палочкой по носу:

– Верхний боевой ярус!

В комнате было сумрачно, как на лестнице: солнце скрылось, никакого света не горело.

– Это ты, Кро? – сонно спросил из темноты недоморф. – С легким паром...

– Спасибо. – Битали нащупал шкаф, сунул полотенце на полку. – Слушай, Надодух, ты можешь завтра показать мне замок? Чтобы я хоть примерно разобрался, где и что. Без проводника тут собственной тени не найдешь.

– Могу, мне не жалко... – Недоморф протяжно зевнул. – Спокойной ночи.

* * *

– Кра-а! Кра-а... Кра... Кра!!

Хриплое, простуженное карканье заставило Битали открыть глаза и перевернуться на живот. Через край подушки он различил своего соседа, сжимающего в одной руке волшебную палочку, а на пальце другой удерживающего черного с проседью ворона. Недоморф стоял у приоткрытого окна совершенно голый – что, при его мохнатости, не имело значения.

– Закрой, сквозит, – зевнул Кро.

– Какая разница, все равно вставать, – не оборачиваясь, ответил Надодух. – Это Черныш, мой тотемник. Не сидится ему в стропильной, всегда сбегает, сколько ни сажал. Бойтся, что я завтрак просплю и не принесу ничего. А в стропильной, между прочим, тотемников кормят три раза в день отборным мясом... – Последние слова, произнесенные укоризненным тоном, относились уже к ворону.

– Ка-а-ар-р-р! – захлопав крыльями, недовольно ответил тот.

– Ты знаешь, Битали, – оглянулся недоморф, – по-моему, он магию куда лучше меня изучил. Из любой клетки всегда выбирается и из любой кладовки. Как у него это получается? Не представляю.

– Ты выбрал тотемником ворона? – Кро зевнул еще раз, потянулся до хруста в суставах и откинул одеяло. Западные окна башни оставались черными, но восточные уже порозовели, окрашивая стены в буро-красный оттенок. Птица была права: в леса Пеллан-де-Гранда пришел новый день. – Собираешься прожить триста лет?

– Почему бы и нет? – не понял сосед. – Чего плохого, коли триста зим увидишь? Правда, Чернышу столько, боюсь, не вытянуть. Ему уже за двести. Деда моего пережил. Лети давай! Как вернусь, покормлю.

Недоморф ловко метнул птицу за окно и быстрым движением волшебной палочки заставил створку захлопнуться.

Битали, ежась от свежести, распахнул шкаф, задумчиво посмотрел на коробку с зубной щеткой и порошком, лежащие поверх чистенького полотенца.

– Слушай, сосед, – поинтересовался он, – ты зубы по утрам чистишь?

– Я их никогда не чищу! – возмутился тот. – Если их не чистить, между клыками остаются кусочки мяса, загнивают, и когда кого-то кусаешь, даже несильно, враг скоро умирает от заражения крови.

– Да? – Битали невольно передернул плечами.

– Шучу, шучу, – рассмеялся недоморф. – Подожди, сейчас полотенце возьму.

Благодаря соседу, этот поход в душевую обошелся для Кро без приключений. Через четверть часа они вернулись в свою комнату, пахнущие душистым яблочным мылом и сверкающие жемчужными зубами, переоделись и отправились в столовую – сбив перед сфинксом с ног рыжего большеглазого мальчишку.

– Привет, Цивик! – перешагнул через него недоморф.

– Привет, – понуро и безропотно ответил тот, стряхивая с полотенца просыпанный зубной порошок. – Не помнишь, чего у нас первым уроком?

– Математика! – бодро отозвался недоморф. – Но ты лучше сразу все учебники бери, а то опять перепутаешь!

– Я пробовал... – Судя по тону мальчика, даже в этом случае нужной книги у него не оказывалось.

Недоморф между тем, не дождавшись ответа, уже мчался по коридору. Сразу за ковром, расшитым арабской вязью, он свернул влево, бодро сбежал по узкой лестнице, и они с Кро оказались на густо заросшем низкой зеленой травой, внутреннем дворе замка, украшенном лишь пятью баскетбольными корзинами. В самом центре возвышался небольшой пенек, который можно было бы принять за возвышение для судьи – если бы не отверстия, из которых струился сизый дымок. Со всех сторон, прямо из стен замка выскакивали ученики, чтобы уже через несколько шагов провалиться сквозь дерн. Получалось не у всех – несколько девочек лет восьми, сбившись в кучку, старательно притоптывали пятками, кружась близ самой высокой башни. Напротив них, у Кро на глазах, подросток в длинном свитере и шортах бодро нырнул – но не провалился вниз, а растянулся на траве, вздыбив ее носом в бодрый хохолок. Битали вдруг вспомнил, что уходить сквозь препятствие вниз его никто не учил, и тронул соседа за плечо:

– А тут есть проход для новичков?

– До центра не ходи, на стол упасть можешь, – ответил Надодух и солдатиком ушел в глубину.

Делать ничего не оставалось. Битали выхватил палочку и ткнул ее в дерн перед носком туфли, отчаянно выплеснув страх в опорное слово заклинания:

– Онберик!

Нога вслед за палочкой погрузилась вниз – мальчик едва успел поджать локти и задержать дыхание, как опора снизу исчезла, он ухнул на глубину почти в два человеческих роста и влажно шлепнулся подошвами о выложенный мраморными плитами пол. Ноги подогнулись –

но равновесие Кро все-таки удержал, начал отряхиваться, однако тут совсем рядом приземлилась малышка-второкурсница в длинной цветастой юбке, безразмерной цыганской кофте и с длинными, собранными в пучок волосами. Поняв, что рискует оказаться у кого-то под ногами, Битали поспешил к центру зала. Там, за тремя рядами столов с мохнатыми когтистыми ножками, на широких прилавках манили к себе учеников подносы с печеными пирожками и рыбными биточками, с поджаристыми птичьими тушками и ломтиками сырого мяса, с салатами и винегретами, с блинчиками и вареньем, с аппетитными ломтиками яичниц. На вазах щедрыми грудями возвышались яблоки, груши, мандарины, апельсины, гроздья винограда и сочные дольки дынь.

Кро, оставшийся без ужина, взял из стопки тарелку и сразу потянулся вилкой за соблазнительным толстым бифштексом. Не тут-то было: между четырьмя зубцами и мясом возникла упругая, но неодолимая преграда.

– Тысяча ифритов! – не выдержав, выругался он. – Это что, очередной морок? Хотя, от школы, где учат оборотней, можно ожидать чего угодно!

– Ты чего, новенький? – хмыкнула рядом поджарая, как голодная щука, девушка в шелковом черном платье, узколицая, с сильно вытянутым подбородком и точно таким же носом. – Про витамины никогда не слыхал? Пока хоть что-то из фруктов не сожрешь, другой еды не получишь. Эшнун Ниназович потребовал, а с ним не поспоришь.

Длинной тощей рукой она сняла с подноса зеленое яблоко, быстро его обкусала, разбрызгивая сок, положила огрызок на край прилавка, наколола себе пару биточков и отошла. Кро дотянулся до груши, оказавшейся мягкой и сладкой, съел, положил на то место, где всего секунду назад был огрызок незнакомки, зацепил себе бифштекс, яичницу, добавил две ложки салата, оглянулся. Щукообразная девица была за столиком одна. Битали подошел к ней, поставил тарелку, кивнул:

– Спасибо.

– Кушай на здоровье. – Она целиком отправила в рот последний биточек, подмигнула, наклонилась и шепотом посоветовала: – И впредь постарайся поменьше болтать об оборотнях, находясь у них на кухне.

– Извини, невольно вырвалось. А кто такой Эшнун Ниназович?

– Мне-то что? – хмыкнула девушка. – Я же не метаморф. А Ниназович – это целитель наш школьный. Малость того от старости, его ведь еще маркиз в замок пригласил. Даже с учителями ни с кем не разговаривает, за детей считает. С ним и директор-то не спорит.

– И все это терпят? – удивился Кро.

– Не терпят, – мотнула головой девушка. – Просто не замечают. Он из целительной, на моей памяти, не выходил ни разу. А лекарь он самый лучший. У нас в школе вообще все самое лучшее. Ты на какой курс пришел?

– На пятый.

– Да ты что?! Ну, значит, еще увидимся.

Собеседница с силой стукнула пальцем по краю опустевшей тарелки и рывком поднялась. Стол качнулся, из-за края высунулся широкий розовый язык, слизнул посуду. Послышалось довольное чавканье. Битали сглотнул, попытавшись представить себе дальнейшую судьбу пропавших предметов.

– В школе, где учат оборотней, можно ожидать чего угодно... – на этот раз себе под нос буркнул он.

Вокруг, все прибывая, в поисках свободного места сновали ученики в свитерах, рубашках и спортивных костюмах, девочки в изящных платьях и замарашки в тряпье, все возрасты вперемишку, без всякого толку и порядка. В колледже Глоу, оставленном Битали в прошлом году, всех учеников заставляли при высадке на остров надевать мантии одного покроя, со своим цветом для каждого курса, и не носить ничего другого вплоть до окончания года. Тогда он

вместе с одноклассниками ругал попечителей за маразм, которому приписывали столь упертую старомодность. Но сейчас Кро вспомнил порядок и опрятность старого колледжа с тоской.

– Прямо как в парижской ночлежке, – покачал он головой, отрезая ломтик от бифштекса. – Правда, если здесь знают о витаминах, то и столовые приборы, наверное, все же моют, а не вылизывают...

Расправившись с завтраком и слегка осоловев от еды, он поднялся, чуть подождал, глядя на тарелку, покрутил головой, вздохнул и, подобно другим школьникам, перевернул ее, зацепив за край указательным пальцем. Стол встряхнулся, словно мокрая собака, чавкнул и длинным языком слизнул грязную посуду вместе с объедками.

– Спасибо, было очень вкусно, – вежливо кивнул полуживому предмету мебели Битали и отправился к темному проему, в котором скрывалось большинство поевших учеников. Там, к его удивлению, обнаружилась обыкновенная арка, выводящая на лестницу. Так что путь обратно в башню никаких сложностей у новичка не вызвал. В комнате недоморф уже скармливал с ладошки ворону мелко порезанное вареное мясо. Окно опять было распахнуто настежь, впуская в их общее жилье холодный уличный воздух.

– Он и зимой так же вламывается? – поинтересовался Кро.

– Тебе-то что? Тебя до первого снега здесь уже не будет. – Дождавшись, пока птица соберет остатки угощения, Надодух вытер руку полотенцем. – Теперь можно полчаса-часик поспать. Черныш к первому уроку разбудит.

– И чего мы тогда вскакивали в такую рань? – возмутился Битали?

– Зато в душевую народу набежать не успело, – пожал плечами недоморф. – И в столовой свободно было...

Истинная причина раннего пробуждения тем временем сидела на раме приоткрытого окна и невозмутимо расправляла клювом перышки.

– Я расписание так и не посмотрел, – махнув на ворона рукой, вытянулся на застеленной постели Кро. – Мы ведь с одного курса? Что сегодня будет?

– Математика и природоведение. После обеда – дальновидение. У тебя учебники есть?

– Есть, – закинул руки за голову Битали. – А может, ты и прав. После плотного завтрака самое время немножко вздремнуть.

Курс математики в школе маркиза де Гуяка читался в обширной аудитории человек на триста. Скамьи располагались амфитеатром, уходя ступенями от небольшой коричневой доски к расчерченному тяжелыми черными балками потолку не имеющего окон зала. Мягкий белый свет струился от стены над доской, а потому записывать было удобно только на самых первых партах, внизу. Однако недоморф, первым проникнув в помещение, решительно поднялся к самым дальним, высоким партам. Кро поотстал, осматриваясь.

Учеников для столь обширной аудитории набралось всего ничего, десятка четыре. Может, чуть больше. Девочки собрались двумя серыми стайками на дальнем от входа крае. Одеты они были в одинаковые легкие платья с белыми кружевами у ворота, волосы закрывали такие же бесцветные платки. Мальчики на занятия тоже явились в форменных парусиновых костюмах. Таких же, как и у Битали: брюки, пиджак с кожаными рукавами ниже локтя. Ученики разбились на три неравные группы. По сторонам от центрального прохода, весело переругиваясь, расположились полтора десятка ребят. Слева все как один носили на вороте значок в виде треугольника острием вниз, правые обходились без украшений.

– А как ваш Жульен мордой о трон влетел, забыли?

– Он, может, и мордой, а два мяча вам, троллям, вкатал!

– Как твой нос, Жуль?! Эшнун заклеил или сострогал новый?

– Чему вы радуетесь? Семь два продули!

Казалось, они не замечали ничего вокруг, но стоило Битали попытаться занять крайнее место на втором ряду, как подростки моментально возмутились:

– Эй, ты куда, тетеря?! Это парты ордена! Вон, к троллям иди, у них места много, – закричали одни.

– Еще чего! Он приبلудный, не из землячества! – ответили другие.

– Какой еще орден? – отступил под столь дружным напором Кро.

– А это ты видел? – указали на треугольнички на воротниках сразу несколько учеников. – Здесь места ордена Грифа! Топай отсюда! Тебе разрешения никто не давал!

– Здесь занято, не видишь?!

Выяснить, что за ордена и землячества водятся среди последователей великого маркиза, времени не было. Битали вернулся к растрескавшейся входной стене, где на обширном пространстве вольготно расположились трое ребят и две девочки, кинул учебник и тетрадь на столешницу первого ряда.

– Тебя сюда звали, гусар? – наклонился вперед ближний парень с черными короткими кудрями и большими матовыми глазами. – Не видишь, занято?

– Вижу, что свободно, – огрызнулся Кро, усаживаясь на скамью.

– Ты чего, не понял? Тебе объяснить?

Однако тут стена пропустила в аудиторию суровую крепкую даму, что напоминала свою статью поднявшегося на дыбы быка: короткие ноги, обтянутые клетчатой юбкой, широкие плечи и могучая грудь. Загривок ей заменяла копна ниспадающих на спину волос, маленькие глазки прятались за круглыми очками.

– Доброе утро, молодежь! – Она стукнула по столу волшебной палочкой, и там возникла стопка задачников. На столешницу шлепнулся журнал, зашелестели, перелистываясь, страницы.

– Доброе утро, мадам Кроус! – нестройным хором отозвались ученики. Ученицы, здороваясь, торопливо перебежали от троицы к одной из девчоночьих групп.

– Открываем пособие на странице сорок семь, глава «Теория пределов».

– Ты еще пожалеешь, гусар, – шепотом пообещали за спиной. – Горько пожалеешь.

– Мсье Уловер! – тут же повысила голос математичка. – Какое заклинание позволяет получить решение для трех последовательностей, заключенных в хаусдорфово пространство? Не слышу ответа!

– Не знаю, мадам Кро... – Голос позади звучал теперь жалко и виновато.

– А коли не знаете, мсье, то извольте молчать и запоминать, чему вас учит преподаватель! Еще ни одна волшебная палочка и ни одно заклятье не спасали от законов математики.

– Да, мадам... Простите, мадам...

– Сядьте, мсье. О, я вижу, у нас новенький?

Под острым взглядом мальчик поднялся:

– Битали Кро, мадам.

– Каков радикал второй степени для тридцати шести, мсье?

– Шесть, мадам...

– Число возможных пределов для трех последовательностей, заключенных в хаусдорфово пространство?

– Не больше трех, мадам.

– Совсем неплохо, мсье. Вы учились в Германии?

– В Шотландии, в колледже Глоу.

– Знаю, знаю. Весьма достойный колледж. Садитесь. Теперь все быстро просыпаемся и посмотрим сюда. Допустим, нам нужно определить предел неопределенности типа...

Женщина тряхнула волосами, вскинула палочку и широкими ее взмахами стала выводить черные формулы прямо на светящейся стене над доской. Битали поспешно схватился за тетрадь: он и так пропустил почти месяц. Чтобы наверстать отставание, нужно было как минимум не тратить время на повторение того, что говорилось на уроке. Прозвучавшие из-за спины

угрозы вылетели у него из головы, а потому, когда после урока блеклоглазый Уловер вдруг поймал его у выхода, он даже растерялся:

– Ты чего? Пусти! – попытался Кро сорвать пальцы одноклассника со своего ворота.

– Ты думал, гусар, твоя наглость тебе даром пройдет? – наклонился к нему парень, превосходивший его ростом больше чем на голову. – Ты понимаешь, на кого пасть раззявил, серв безродный? Тебя прямо тут размазать, али желаешь на солнышко перед смертью глянуть?

– Кто кого размажет... – Битали сунул руку за пазуху, нащупывая рубиновый амулет.

– Оставь дурачка, Уловер, – прозвучал рядом спокойный голос. – Пусть живет. Он уже все понял.

Хватка на шее ослабла, от толчка Битали отшатнулся назад.

– Помни, кто ты есть и кому кланяться обязан, раб. – Уловер презрительно сплюнул ему под ноги и двинулся вслед за друзьями.

Кро скрипнул зубами, продолжая сжимать амулет, однако ввязываться в драку сразу с тремя врагами, каждый из которых был куда крупнее, а может и сильнее его одного, все же не рискнул.

– Забудь, – посоветовал спустившийся с задней парты недоморф. – Не связывайся. Знаешь, кто это? Арно Дожар, сын графа Олафа Дожара, главы Гаронской ветви рода. Он уже сейчас себя новым графом воображает. Впрочем, право на пятерых слуг у него действительно есть. Вот свиту себе и завел. Они ему уже клятву принести успели, обязаны служить до самой смерти. В общем, о будущем своем позаботились.

– Да хоть сам маркиз, мне на это начхать.

– Вот и чихни на полудурков. И обходи стороной. У них ведь мозгов, как у гадюки. И кусить по-змеиному могут. Забудь.

– Я зубы-то им ядовитые повыбиваю... – Битали все еще не мог успокоиться, хотя амулет все-таки отпустил.

– Зубы выбить не долго. Да как бы потом змеи покрупнее не приползли. Айда в башню. До природоведения всего четверть часа, а профессор Филли велел перчатки на его урок прихватить. Как бы чего кусачего не показал.

Для изучения природы руководство школы выделило помещение в несколько раз меньшее, нежели на математику. В низкой каменной комнате с узкими витражными окнами с трудом вместились три ряда столов, на двух учеников каждый, пара шкафов прошлого века с толстыми массивными дверцами и обложенный валунами, закопченный очаг. Здесь было сумрачно, пахло мокрой шерстью и приторно-сладким яблочным освежителем.

Средний ряд парт оказался от начала и до конца занят орденом Грифа, возле окон вместе с троллями расселись девочки. У противоположной стены – спереди раскладывали справочники опять же ведьмочки, за ними расположилась свита Арно Дожара. Родовитый хозяин на этот раз определялся без труда: тонкие черты лица, аккуратно зачесанные волосы, голубые глаза и парусиновая форма с легким бирюзовым оттенком, холеные белые руки, на пальцах – три изящных перстня. Наследник графского титула вальяжно развалился, выставив ноги в проход, и лишь слегка скривил губы, когда Кро остановился возле пустой парты между девочками и свитой аристократа.

– Не ищи себе приключений, гусар, – спокойно посоветовал красавчик. – Я справедлив, но умею и наказывать. Твое место нынче возле кроликов, новичок. Мою милость или право на орден еще нужно заслужить. А пока – бегом в дальний угол.

Одобрительный смешок, пробежавший по рядам, показал, что большинство учеников курса мнение Дожара полностью разделяют. Битали колебался с полминуты, поглаживая висящий на груди амулет, но раздувать ссору все же не стал и, пройдя мимо довольной графской свиты, шумно бухнулся на стул возле Надодуха.

– Вот и молодец, – сообщил куда-то вперед Арно Дожар. – Умный мальчик.

– Ничего, – тихо буркнул недоморф. – Мир у нас маленький, еще встретимся. В школе все еще только начинается.

– Один вопрос, сосед, – не напрягая голоса, но и особо не таясь, поинтересовался Битали. – Как у вас тут с приличиями? Если я этого фазана бить начну, нам мешать не станут? Или ваши толпой на одного накинутся?

Юный граф резко обернулся, недоморф открыл рот – но тут один из шкафов загрохотал, покачнулся, и сквозь дверцу в класс буквально вывалился профессор Налоби: снова взлохмаченный и со стопкой работ в руке.

– Как же он тут неудачно стоит! – недовольно оглянулся на шкаф Налоби, положил свои бумажки на ближайшую парту, поправил шапочку, разглядывая чуть приоткрывшуюся дверцу. – Крайне неудачно... – Он подхватил стопку листов, решительно зашагал к очагу. – Сегодня нашей темой станет управление домовыми духами. Это ведь пятый курс, не так ли? Ах да! Здравствуйтесь, дети!

– Здравствуйтесь, профессор Налоби! – ответило немногим меньше половины класса.

– Хочу сообщить, что темой сегодняшнего занятия станет управление домовыми духами. Что требуется для подчинения духов, нам скажет Ирри Ларак. Слушаю вас, юноша...

Филли Налоби замер, глядя на полного, коротко постриженного мальчика на задней парте.

– Нужно... – медленно поднялся тот. – Нам нужно... Нужно нам... Принести жертву...

– Прекрасное утверждение! – встрепенулся профессор и в волнении даже снял шапочку, скомкал в кулаке. – А какая жертва требуется домовым?

Ирри Ларак задумался, отчего его щеки заметно порозовели, потом тихо предложил:

– Нужна кровь?

Помещение содрогнулось от дружного хохота. Налоби тяжело вздохнул и вернул шапку на голову:

– Крайне неверное утверждение. Я так надеялся, что пять лет учебы оставили в вашей памяти хоть какой-то след, юноша. Неужели так трудно запомнить, что духи-хранители ограничивают круг принимаемых подарков обычными угощениями? Мсье Дожар, а каково будет ваше мнение по данному вопросу?

– Обитающие в мире духи обладают обостренным чувством справедливости, профессор, – поднялся со своего места красавчик в бежевом костюме. – Когда мы даруем им подношение, они считают обязательным отплатить за подарок службой или ответным даром.

– Приятно знать, что не все мои слова исчезают бесследно, – Филли Налоби достал волшебную палочку, – хоть у кого-то часть остается в памяти. О чем это я? Ах, да, чувство справедливости! Справедливость – это очень забавное чувство. Кто-то ради справедливости готов построить дом, а кто-то – вспороть животы тысячам невинных прохожих. Предопределяются же таковые желания, мадемуазель Вантенуа...

– Характером вызываемых духов, – поднялась с ближней к очагу парты шукообразная девица. В учебной форме она уже не выглядела такой тощей, как утром в столовой. – Мятажные духи из своего понимания справедливости калечат, духи-хранители исцеляют. Первые откликаются на кровавые жертвы, вторые на подарки мирские: еду, украшения, одежду.

– Именно это вам и надлежит сегодня проверить. – Профессор жестом разрешил ученице сесть. – Ирри Ларак, будьте любезны открыть шкаф и разнести по столам кусочки хлеба и пиалки для молока. Это поможет вам запомнить, что именно требуется для установления доверия с домовыми. Прочих прошу открыть конспекты и приготовить перья.

– Нафига это все переписывать? – пожал плечами недоморф. – В справочнике ведь все есть.

– А вдруг профессор что-то добавить сможет?

– Это Филька-то? – тихо хмыкнул сосед. – Да он феску сам поменять не может, не то что добавление в курс внести.

– Как увидеть домового духа? – спокойно и размеренно начал диктовать профессор Налоби. – Для этого необходимо определить местонахождение домового и посмотреть прямо на него, расфокусировав взгляд до полного разведения зрачков. Записали? Теперь демонстрирую...

Филли Налоби провел вокруг очага волшебной палочкой, с кончика которой просыпались округлые плоды снежнягодника, и потрянул уже знакомым Битали колокольчиком.

– Как вы должны уже запомнить, юноши и девушки, – вскинул он палец, – домовые духи нелюдимы и всегда отводят от себя глаза. Обычно они настолько привыкают к такому поведению, что отводят взгляды, даже находясь наедине. Посему единственный способ заметить сих духов-помощников – это парировать отвод предварительным нарушением направленности зрения. А именно: необходимо смотреть не на домового, а в точку, что находится далеко за ним. Уточняю: не близко за ним, а весьма, весьма далеко. Скажем, в миле за стеной.

– Где же мы такое место в комнате найдем? – с усмешкой поинтересовался сосед Битали.

– Крайне уместный вопрос! – обрадовался профессор. – Таких мест в домах, разумеется, нет, мсье Надодух. Нигде и никогда. А посему домовые духи не нуждаются в иных способах укрытия и к оным не прибегают!

– А если их морок «обсессииом» разрезать? – поинтересовался кто-то из компании «троллей».

– Вы меня разочаровываете, мсье Марс! – всплеснул руками Филли Налоби. – Как считаете, мадемуазель Вантенуа?

– Заклятие «обсессиион» не поможет увидеть домовых, поскольку они не ставят морок, а лишь отводят глаза, – встала из-за стола девушка. – «Обсессиион» же разрушает лишь морок, либо иные оптические иллюзии.

– А вот, как я слышу, у нас появились первые гости, – резко повернул к очагу голову профессор. – Самое время проверить наш урок на практике. Ах да, Генриетта. Если ответите на уроке еще на один вопрос, получите десять баллов в аттестат. Остальным советую взяться за перья и изобразить в тетради того, кто сейчас хрустит рассыпанными ягодами.

Определить, где находится невидимый гость, было нетрудно: попавшие к нему под ноги ягоды не только лопались, но и оставались смятыми. Битали напрягся, глядя в ту сторону – но ничего, кроме каменной кладки, различить не мог. Он закрыл глаза, представил себе парус далеко-далеко в море, резко поднял веки – на миг у очага проявился слабо очерченный силуэт и тут же рассеялся, словно дымок одинокого уголька. Мальчик снова закрыл глаза, открыл, усилием воли удерживаясь от взгляда на очаг, и попытался разглядеть парус, белеющий где-то там, далеко за стеной... И вдруг как-то краем, боковым зрением заметил, что поверх раздавленных ягод мнется низкий волосатый бородач в маленькой шляпе, свободной рубахе до колен и непропорционально больших ботинках. Зрачки непроизвольно сместились на него – и тут же оказалось, что у очага никого нет. Но теперь это было уже неважно: Кро схватился за вечное перо и принялся поскорее вычерчивать замеченного незнакомца: шляпка, подол до колен, ботинки, борода...

– Мсье Кро, вам три балла в аттестат, – послышался над головой голос преподавателя.

– А почему три? – не понял Битали.

– Потому что вы явно увидели нашего духа, – окончательно запутал его профессор Налоби. – Надодух? Ничего, мсье Надодух... Мсье Лайтену три балла, мсье Дожар – пять баллов, мсье Уловер... Не вижу ничего.

– Почему три? – возмущенным шепотом спросил соседа Битали. – Что я не так сделал?

– Чем тебе три балла не нравится? – не понял недоморф. – Все в плюс пошло.

– Так девице, вон, десять баллов пообещали. У вас десять лучшая оценка?

– Оценки, они ведь все хорошие, – снова не понял его сосед. – Хоть один балл, хоть десять – все к аттестату приплюсуются. Мне за прошлый год больше двух ни разу не ставили, но все едино пять сотен накопилось. У графа, помнится, тысяч десять вышло. А у нашей выскочки, Аниты Горамик, так и вовсе сорок с лишним тысяч. Вон она, рыжая на второй парте...

Недоморф указал на миниатюрную девочку, ростом и телосложением больше похожую на второкурсницу.

– То есть все оценки складываются?

– Ну да, – кивнул Надодух. – Говорят, так родителям сразу видно, кто как учился. Если даже отличник, но ленивый, то сумма меньше получается, чем если не такой умный, но на каждом уроке ответить вызываешься и вообще стараешься. Только мне это все равно поперек шерсти. Меня в любом раскладе ни один род не примет, хоть я и миллион наберу.

– Странная у вас школа...

– Не знаю, – пожал плечами недоморф. – В других не бывал.

– Теперь все положите перья! – закончил обход класса профессор. – Вырвите лист из тетради, скомкайте и бросьте на пол. Все сделали? У вас у каждого на столе есть молоко и кусок булки. До конца урока вам предстоит вызвать духа, принести ему жертву и в качестве оплаты заставить его убрать мусор. Причем исключительно ваш, а не кого-то другого. Приступайте.

Каким образом нужно вызывать духа, Филли Налоби не пояснил. Видимо, это изучалось на предыдущих уроках. Кро, опустив на пол угощение, принялся спешно листать справочник в поисках нужной главы.

– Ага, вот оно... – Мальчик пробежал глазами по строкам: – Так... Угощение домовому духу оставляется в тихом укромном месте... – Кро поднял голову, оглядел класс, в котором везде и всюду бормотали заклинания ученики, а весь пол был заставлен мисками и закидан бумажными шариками. – Однако... Что еще? Если домовый раздражен или ему кажется, что хозяин неправильно себя ведет, плохо заботится о доме, ленится и сорит, он может прибегнуть к наказаниям, сам начинает портить предметы и одежду, способен серьезно поранить... покусать или исцарапать открытые части тела.

Битали глянул на смятый листок возле стула и быстро натянул кожаные перчатки.

– Прирученных домовых удобно вызывать свистком или колокольчиком... В общем случае... Да, вот оно... – Кро захлопнул справочник, повернулся к проходу, тихонько позвал: – Маленький хозяин, приди ко мне в гости, прими угощенье, дай благоволение. Э-э-э... Ешь пироги, дом береги...

Кро запнулся, оглядывая скромное угощение, и решил, что пироги он обещает зря.

– Маленький хозяин, приди ко мне в гости, прими угощенье, дай благоволение... Или просто приходи да молока выпей. А то новую тему начнем, придется сидеть голодным. Пользуйся случаем.

– Давай я выпью, и дело с концом, – предложил недоморф. – Чего добру пропадать?

– Подожди, вдруг я себе еще троечку заработаю?

– Запылитесь – сам пить будешь.

– Молоко? Я уже вышел из этого возраста... – Битали вдруг показалось, что его комок покачивается на полу, словно от слабого сквозняка. И если еще вчера он не обратил бы на это никакого внимания, то сейчас – отвел взгляд немного в сторону и попытался разглядеть парус в далеком море, что раскинулось за каменной стеной. Паруса увидеть не получилось, но возле бумажки Кро различил существо немногим выше колена, с большущими круглыми глазами, курносое и остроухое. Оно было одето в нечто, похожее на толстое шерстяное пончо грубой вязки и короткие сапожки с завязками спереди на голенище. Руки существа были сложены на животе, длинные тонкие пальцы постоянно шевелились, словно собравшиеся в клубок змеи.

– Ты кто? – поинтересовался Кро, продолжая смотреть мимо малыша.

Тот недоверчиво склонил голову набок, его уши заметно зашевелились.

– Ты домовый?

Существо опасливо оглянулось по сторонам.

– Нет? Ну, и ладно. В классе их все равно не вызовешь. Шуму много. Есть хочешь? Брось ты эту бумажку, я ее сам потом подберу. Вот, лучше молока выпей. Да булку возьми. А то урок кончится – заберут.

Теперь странный малыш вперился немигающим взглядом прямо в Битали. Прошло не меньше минуты, прежде чем он подошел к столу, поднял пиалу, вытянул губы в трубочку, стремительно высосал молоко и быстренько закусил булкой.

– Хочешь еще? Я могу после обеда из столовой чего-нибудь принести.

– Мое имя Батану, юный кудесник, – почтительно поклонился малыш. – Отныне я твой должник. Твой хлеб, моя служба.

– Так ты говорящий? – изумился Битали.

– С кем ты там речи ведешь? – навалился на плечо недоморф. – Вызвал, что ли?

Кро от неожиданного толчка покачнулся, потерял направление взгляда – а вместе с ним и своего собеседника.

– Опа, молоко пропало. Сам выпил?

– Ерунда все это... – Битали подобрал скомканную бумажку и захлопнул ее между страницами толстого справочника Латрана. – Тебя что, не кормят?

– У Филла молоко настоящее. А в столовке витаминизированное и кальцинированное. Полезное для здоровья. В общем, отравы, в рот не возьмешь.

– Зато для здоровья полезно.

– С такой пользой и здоровья не захочется!

– Мсье Сенусерт! – Профессор взмахнул палочкой, и по классу пронесся хлопок, словно от удара хлыста. – Вы желаете получить в аттестате минус? Будьте любезны, юноша, поведайте нам о пришедшем к вам домовом духе!

– Дух как дух, – пожал плечами недоморф. – Пришел, сказал, что от моего молока псиной пахнет и пить он его не станет.

– Своего имени он, конечно, не назвал?

– Увы, профессор.

– Нет имени, юноша, нет и баллов. Теперь попрошу внимание на меня. Как все мы сегодня вспомнили, духи, демоны и иные существа из мира природы обладают обостренным чувством справедливости. И по сей простой причине они никогда и ни за что не принимают жертву, принесенную с корыстной целью. За очень редким исключением. Но сии случаи больше относятся к сделкам, нежели к жертвам. Жертва всегда являет акт уважения, а не авансовую уплату. Чтобы сделать духа своим союзником и слугой, свой подарок нужно принести ему с уважением и искренностью, как и полагается дарить подарки. Повторяю: бескорыстно и искренне! Прошу записать эти слова в конспекты большими красными буквами. И только потом плавно наращивать зависимость нового раба от ваших подачек. На сем наш урок считаю законченным. Все свободны.

– Вот и обед! – радостно взревел кто-то из троллей и громко захлопнул учебник.

На звук повернулась половина класса, и хрупкая рыжая девочка укоризненно покачала головой:

– Тебя что, неделю не кормили?

Битали совсем не сразу понял, что это и есть та самая Анита Горамник, на которую показывал недоморф во время урока. Спереди выпрямившаяся отличница выглядела совсем не так, как сзади, сидя за партой. У нее обнаружилась вполне складная фигурка, большие голубые глаза, милая улыбка. Теперь она казалась не ребенком с младшего курса, а хрупкой и изящной

юной леди, словно вырезанной из слоновой кости: точеные ушки и носик, безупречные линии рук и плеч, длинные пушистые ресницы.

– Пошли, чего встал? – пихнул его локтем в бок недоморф. – Обед у нас короткий, а ртов в школе много.

– Да, иду, – стал собирать учебники Кро.

– Твое-то какое дело, рыжая? – ответил «тролль»: крупный, с большущими ладонями и тоже, кстати, огненно-рыжий.

– Повежливее с дамами, Пикаччи! – неожиданно вступился за Аниту Дожар. – Тут тебе не деревня.

– Моя деревня любой ваш город переплюнет, – буркнул Пикаччи и отвернулся, складывая учебники и тетрадь в стопку.

– Идем, чего застрял? – поторопил соседа Надодух, и Кро поспешил за ним к выходу.

Только во время обеда Битали понял, как выручил его ворон соседа с ранним пробуждением. Шумная утренняя столовая, как оказалось, была еще свободным помещением. Сейчас же, среди дня, здесь было просто не протолкнуться. А уж тем более – не сесть. Для нового ученика стало непостижимой загадкой: отчего руководство школы не распределит питание по сменам, не организует приход сюда курсами или корпусами. Или, хотя бы – почему не поставит больше столов? Пока же ученикам пришлось действовать самостоятельно. Солидную часть подземелья отгородил себе орден Грифа: несколько старшекурсников стояли в оцеплении, не пропуская к столам посторонних, еще десяток столов на мохнатых ногах отогнали к стене «тролли» и тоже подпускали к свободным местам только своих, выделив два стола для первокурсников, один – для старших, остальными пользовались подростки среднего для школы возраста. По такому же принципу обедали и девочки. За оставшиеся несколько столов то и дело возникали споры: на них претендовали группки из пяти-десяти учеников, норвящие согнать тех, кто меньше числом или кто слабее, или торопливо набивающие животы в предчувствии столкновения с соперниками. Увидев, как двое прихвостней Дожара бесцеремонно согнали младшекурсников, только-только занявших свои места, и усадили за стол юного графа, Кро понял, что есть ему придется стоя, а потому вместо супа предпочел спагетти с сыром и пару сосисок. Однако даже просто стоя у стены, он пару раз оказался на пути прыгающих вниз учеников. Будь в руках суп – обязательно выплеснулся бы.

«От школы, где учат оборотней, можно ожидать и чего-нибудь похуже!» – уже в который раз понял Битали и, в качестве моральной компенсации, кинул перевернутую тарелку на графский стол. Тут же промелькнувший широкий розовый язык поддал Арно Дожара под локоть и едва не снес его грибной суп. Родовитый мальчишка выругался, но даже не оглянулся. Видимо, похожие ситуации возникали здесь постоянно.

Битали поймал себя на том, что все сильнее сучает по унылому и однообразному колледжу озера Глоу.

Послеобеденным занятием оказался курс дальномирия, который читал здесь чопорный и сухопарый профессор Омар ибн Аби Раба, арабская внешность которого резко контрастировала с белоснежной сорочкой, серым в полоску костюмом-тройкой и пенсне на длинной золотой цепочке.

– Оказывается, у нас новенький, – дойдя до последней парты, остановился он перед Битали Кро, вынул из кармана жилетки пенсне, поднес к глазам, глянул на мальчика сквозь линзы и тут же убрал их обратно. На среднем пальце в сиянии свечей отразила огненный блик зеленая печать, на которой кусала себя за хвост свернувшаяся в восьмерку змея. – Очень интересно. Не подскажете ли мне, молодой человек, каковая особенность зеркала делает его незаменимым инструментом мага для проникновения в тайны всего сущего?

– Зеркало имеет свойство отражать все виды обращенного на него нематериального воздействия, – вскочив по прежней привычке, отчеканил Кро. – Таких, как свет, магнетику, тепло

и мысли. В результате на поверхности отражающего слоя зеркала из обрабатываемых энергий, на краткий миг теряющих свойства направления, скорости и силы, возникает тончайшая эмульсия безмерного пространства, не имеющего времени, направления, цвета, жизни и прочих качеств привычного мира. Благодаря этому через эмульсию можно установить прямой контакт с любым местом Вселенной, любым ее часом и пространством.

– Четыре балла в аттестат, – кивнул профессор Раба. – Замечательное начало для изучения новой дисциплины. Как же нам определить, мсье Битали, в каком направлении устремится наш взгляд, в прошлое или будущее, в мир живых или мертвых?

– Поскольку данная эмульсия не имеет собственного направления, измерения или возраста, то все ее качества целиком и полностью зависят от воли наблюдателя.

– Еще четыре балла в аттестат. И садитесь, хватит с вас для первого урока. – Омар ибн Аби Раба мягкой бесшумной походкой двинулся к установленному на небольшом возвышении, обитому бархатом креслу, небрежно взмахнул палочкой из эбенового дерева. Столешницы по всему классу зашипели, поверхность их дрогнула и стала зеркальной. – Посмотрите на свои парты, драгоценные мои создания. Это ваше окно в прошлое и будущее, ваш почтовый ящик и ваша вечная связь с предками, ваш защитник и, увы, ваш самый опасный враг. Так как же вам, юные создания, не оказаться среди мертвых, пожелав взглянуть на губы юной чаровницы, и не выдать себя врагу, надумав послать весточку в отчий дом?

Профессор Раба сел в кресло, закинул ногу на ногу. Волшебная палочка в его руках удлинилась и превратилась в тонкую трость с серебряным набалдашником.

– Чтобы не сделать оплошности, каждый из вас должен уметь удерживать зеркало в тисках своей воли и не допускать даже малых отклонений от намеченной цели. Достигается это первейшее требование для работы с зеркалами путем выработки жесточайшей дисциплины мысли. Вы обязаны уметь думать только о том, что вам необходимо, и не скатываться ни на что постороннее. У кого-нибудь имеются вопросы?

Класс молчал. Вопросов ни у кого не возникло, поскольку никто ничего не понял.

– Прекрасно. Тогда приступим к практическим занятиям. Разбейтесь на пары. Первое упражнение: ученики, ближние к окну, говорят, дальние от окон – слушают. Задача говорящих: в течение десяти минут рассказывать напарникам о верхнем левом стекле в оконной раме, ни на что не отвлекаясь и не переходя на другие темы... Начали!

Профессор щелкнул пальцами, и на подлокотнике возникли песочные часы.

– Значит, первым говорю я, – повернувшись к соседу, погладил подбородок Битали. – Стекло в оконной раме. Оно наверху. Оно сделано из стекла. Оно чуть пыльное, внизу грязи больше, чем сверху. Оно прозрачное. Стеклянное. Размером примерно локоть на локоть. Толстое. Сделано из стекла. Обычного стекла, расплавленного и остуженного. Стекло делается из песка. Чистого и отборного. Песка много в пустынях. Там жарко и нет домов. Ничего не растет. Ни травы, ни деревьев, ни кустов. Там нет воды. Вода уходит в песок. Поэтому рек и озер там нет. И рыбы...

– Можешь не продолжать, Кро, – подмигнул ему недоморф. – Подозреваю, что рыба, которую ты только что помянул, не имеет к верхнему левому стеклу здешнего окна никакого отношения. Ну, совсем не в тему! Вместе с реками, озерами и морями.

Однако Надодух веселился зря. Когда он и Битали поменялись ролями – он сам, начав с деревянной рамы, уже через минуту увлеченно рассказывал соседу о жирных красных дождевых червях.

До конца занятия ученики успели сделать по пять заходов, но на первом уроке ни одному не удалось удержаться в рамках заданной темы дольше одной минуты.

– А посему, драгоценные мои друзья, – подвел итог профессор, взмахнув тростью, – работать с зеркалами вам еще рановато. Для начала овладейте дисциплиной собственного сознания.

И все столешницы класса снова стали сосновыми, покрытыми одним слоем коричневой морилки.

Вернувшись в башню, Битали с облегчением скинул с себя одежду и упал на постель:

– Кошмар! Еще никогда в жизни никто так не издевался над моими мозгами. Голова болит, будто я две ночи не спал и бился лбом о стену. Он у вас всегда такой?

– Ты про кого? – Недоморф тоже скинул учебную форму, натянул майку и длинные шорты.

– Про последнего.

– Тут ты не прав! Омар ибн Аби Рабиа очень умный ученый. Знает все что можно и еще чуть-чуть того, о чем никто не догадывается, – неожиданно встал на защиту профессора Надодух. – Ты бы видел, как он на тартарологии Лысого Расетрота из небытия вызвал! Черный монстр в три роста высотой с двумя оскаленными пастями и шестью руками. Половина класса на месте обмочилась! С тех пор ни один школяр больше не пытался гадать на костях в полночь у себя в комнате.

– Я и не говорю, что он плохой, – поправился Битали. – Я говорю, что голова после его урока как ватой набита. Ничего не соображаю. Может, в душ сходить? Ужин когда будет? Там вечером такая же давка, как в обед?

– Умываться иди, – стал загибать пальцы, отвечая на вопросы, недоморф, – ужин будет, вечером там три часа на питание, все спокойно поесть успевают. Хотя, конечно, иногда совсем пусто бывает, а иногда толпа набегают, как в обед.

– А ты пойдешь?

– Сохнуть долго, – пригладил шерсть на плече сосед. – Я лучше освежитель для белья вечером под одеяло суну.

– Как знаешь. – Кро достал полотенце и как бы невзначай спросил: – Ты не знаешь, лестница, что от душевой, она как далеко вниз уходит?

– До бесконечности, – с легкостью ответил недоморф. – Ты чего, забыл? Там, внизу, она переходит в пологий спуск и идет к озеру Де Леври. Мы же через нее каждый... Ах да, ты же первый раз приехал. Да еще опоздал. В общем, там подземный ход.

– Знаю, – кивнул Битали, надевая тапочки. – Мне директор рассказывал. К озеру приходит автобус.

Когда он вернулся, комната оказалась пуста. Надодух отправился куда-то по своим делам. Пользуясь свободным временем, Кро решил заданные мадам Кроус уравнения, перелистал справочник Латрана. Среди домовых духов никого круглоглазого он не нашел, зато среди описаний в конце книги обнаружил сразу трех похожих на Батану существ. Первым был пещерный бескрылый вампир ампо, другим – гвинейский корочковый лемур, третьим – монсалватский эльф. Род духов-хранителей, обитателей исключительно каменных домов, истребленный вместе с катарской магической ветвью во время Большой Войны. Иллюстраций в справочнике не имелось, но из описаний было ясно, что из всех троих только эльфы пользовались одеждой и обувью.

– Значит, Батану эльф? – вздохнул мальчик. – Тогда не так обидно, что оценку не поставили. Домового я так и не вызвал.

– Господин меня звал? – услышал он со стороны окна.

– Батану?

– Ты произнес мое имя, господин. Я давал клятву вернуть долг и пришел на зов.

– Извини, не знал, что потревожу... – Битали почувствовал себя неловко, сунул руку в коробку с конфетами, подвинул ее к краю стола: – Вот, угощайся. Надеюсь, тебе понравятся. Желейные. Я такие очень люблю.

– Я еще не оплатил за угощение, господин.

– Не называй меня господином, от этого я кажусь себе старым и бородатым, – усмехнулся Кро. – И можешь забыть про молоко, это такой пустяк. К тому же оно было школьным. Попробуй лучше конфету. Считай, я позвал тебя, только чтобы угостить.

Эльф не ответил – однако в коробке что-то зашуршало.

«Хорошие существа все эти духи, – подумал мальчик. – Самый злобный и коварный из них не возьмет без разрешения ничего чужого, даже конфетку. Не войдет без разрешения в дом. Не нарушит взятой клятвы. Обостренное чувство справедливости! Жалко, что люди не такие. И смертные – тоже».

Никаких звуков в комнате больше не возникало. Похоже, напрасно потревоженный эльф ушел. Битали тоже убрал учебники – по его мнению, настало самое время подкрепиться.

Когда он выбрался через стену, оказалось, что во дворе замка идет ожесточенное сражение. Не меньше четырех десятков ребят с диким азартом гонялись за тремя мячами, подбадриваемые еще большим числом болельщиком. Битали замедлил шаг, пытаясь разобраться в происходящем. То, что целью игроков было забросить мяч в баскетбольную корзину противника – угадывалось без труда. Труднее было разобраться, кто и против кого сражается. Сперва Кро решил, что рядом идут сразу две игры. Четыре команды – четыре корзины. Две команды носили треугольники ордена Грифа, среди игроков другой он узнал «тролля» из своего класса. Вот только мячей, по его мнению, было многовато. И команды слишком часто забегали на чужое поле. Но тут началась скоординированная атака, и стало ясно, что полторы команды «ордена» пытаются с двумя мячами прорваться к корзине «троллей», в то время как примерно треть осталась обороняться от нападения игроков с третьим мячом.

Значит, игра была общей! Четыре команды, три мяча, одно поле. Еще одна корзина, кстати, оставалась неиспользуемой – про запас. Следовало только добавить, что прочие правила больше напоминали регби, а не баскетбол: мяч пинали ногами, носили в руках, кидали, отнимали, игроки врзались друг в друга плечами, головами, запрыгивали сверху. Для отражения натиска и проведения своей атаки годились любые способы без ограничений.

У Битали даже зануло под ложечкой от желания побегать с мячом в общей свалке – но, увы, он не знал, кто и как собирает команды. Да и к началу игры, похоже, он безнадежно опоздал.

– Ладно, не последний раз, – решил Кро и нырнул в столовую.

Здесь оказалось почти пусто: два десятка школяров сидели за столами, еще двое только накладывали себе снесь. Пользуясь возможностью, Битали нагрузил свою тарелку от души: тушеным с изюмом и черносливом рисом, котлетами, куриными крылышками, жареными пескарями, и в итоге наелся так, сразу за обед и ужин, что с трудом пробрался обратно в башню и сразу упал в постель.

Клятва Грифа

Гендерные искусства в школе знаменитого маркиза изучали под самой кровлей северного корпуса. Когда-то здесь, видимо, находилась боевая площадка с тяжелым оружием: баллистами, арбалетами, иными громоздкими приспособлениями. Но потом нужда в таких средствах обороны отпала, над широкой каменной крышей владельцы поставили деревянную двускатную кровлю, и боевая площадка превратилась в обширный зал с прочным ровным полом. Его разделяла надвое белая полоса в два шага шириной, а единственным украшением был укрепленный под самым коньком зеленый плакат с красными буквами: «Сильному – слава, слабым – смирение». Вдоль стены шли длинные стойки с разнообразным холодным оружием – секирами, мечами, алебардами, топорами, пиками, рогатинами, саблями и ятаганами. Мест для сидения здесь не имелось вовсе, а потому пятикурсники жались по стенам, привычно разбиваясь на группы: «тролли», «орденцы», девочки, свита графа. Обитатели башни Кролик слонялись по одному, и только Битали стоял рядом с недоморфом.

– Неладное что-то у нас в школе, – почти на ухо зашептал соседу Надодух. – Директор вчера отъехал в Совет Равных. Он ведь член хранителей Хартии, один из избранных, отвечающих за ее исполнение. Так вот, он до сих пор не вернулся.

– Может, дела у него в Совете? – пожал плечами Битали. – Нам-то какое дело?

– Как бы не так! – тихонько хмыкнул недоморф. – Это у нас в школе какая-то напасть. Да такая сильная, что мадам Кардо вчера вся в слезах была и хотела бросить занятия и уехать к другу аж в Центральную Африку! А наша красотка Эления ее добрых полчаса отговаривала, утешала и убеждала, что все совсем не страшно и никто не умрет. Понял?!

– Ты-то откуда знаешь? – не поверил Кро.

– У меня, сосед, внешность, может, и домового, – припомнил соседу давнишнюю обмолвку недоморфа, – зато слух волчий. Вчера, пока ты дрых, я все это в коридоре под девичьими спальнями выслушивал. Через стену, разумеется.

– Может, там чего-то свое... – после небольшой заминки сказал Кро. Что еще ответить излишне любопытному другу, он не знал.

Наконец торцевая стена жалобно скрипнула, и на дорожке появился румяный, с тонкими усиками, хорошо упитанный, однако еще не толстый преподаватель – в тонком, обтягивающем спортивном костюме, но опоясанный мечом, в сверкающих лакированных туфлях и с кружевным воротником.

– Как думаешь, он в трениках или в колготках? – шепотом поинтересовался недоморф. – Говорят, раньше все рыцари носили колготки.

– Не колготки, а чулки, – поправил его Битали. – Иначе ножные доспехи не надевались.

– Три балла в аттестат, – с усмешкой похвалил его Надодух.

– Мои поздравления пятикурсникам! – громко объявил учитель. – С сегодняшнего дня вы входите в новый мир, поднимаетесь на новую ступень своего развития! Многое из того, что не нужно знать детям, отныне станет открыто для вас. Многие тайны найдут свое объяснение, многие странности окажутся понятными, как божий день. Отныне, с этой самой секунды, вы считаетесь достойными отвечать за свои поступки и получаете право на владение оружием! Вас я пока не знаю, но очень скоро запомню каждого. Мое же имя – сэръ Ричард Уоллес, и потрудитесь произносить его полностью! Всем понятно?

– Да, сэръ Ричард Уоллес, – без особого задора ответили ученики.

– Прекрасно! Теперь мой первый вопрос: кто из вас бывал в замковой библиотеке?

Почти все присутствующие – за исключением, пожалуй, Кро и недоморфа – подняли руки.

– Отлично. Тогда ответьте мне, сколько там живет кошек?

– Две! – сообщила одна из девочек.

– Две, сэръ Ричард Уоллес! – напомнил преподаватель. – В следующий раз за забывчивость буду выставлять минус единицу в аттестат. А почему их всего две?

На этот раз отвечать никто не рискнул.

– Их там всего две, потому что на трех уже не хватит мышей! В подвале живут пять котов, потому что больше подвалу не прокормить. В поле за замком – еще три кошки, и большему числу там не выжить. В лесу – всего пара, ибо там их самих так и норовят сожрать. Итого, двенадцать кошек, – учитель обвел всех многозначительным взглядом. – Однако каждые полгода половина этих тварей приносит по четыре котенка. Итого: каждый год на эти двенадцать пригодных для жизни мест приходит полсотни новых претендентов. Что это значит? Это значит, что каждый год пятьдесят кошачьих жизней должны прерваться, чтобы самые сильные и достойные продолжили путаться у нас под ногами. Вы меня поняли, пятикурсники? – Сэр Ричард Уоллес выхватил меч и очертил острием полный круг. – Все вы, здесь присутствующие, все вы до единого – лишние люди! Для вас нет свободного места в этом мире! Оно имелось во времена Первого Пророчества, когда наши предки смогли уйти в новые земли. Оно имелось во времена Второго Пророчества, когда нашим прародителям нашлось куда расселиться. Но уже в годы Третьего Пророчества свободных мест больше не осталось, и ради них началась долгая Большая Война, едва не прервавшая наш род полностью. Вот и сейчас для вас нет свободного места. Вы лишние! Как бы вас ни любили ваши родители, какой бы мирной и тихой ни была ваша родная нора, сколь скудным ни был бы ваш удел, рано или поздно вам придется защищать его от чужого посягательства, либо мечом и отвагой добывать для себя новое место под солнцем! И только знание, полученное на моих уроках, поможет сохранить вам жизнь и набить свое брюхо! Все поняли?

Курс подавленно молчал.

– Вижу, что все, – удовлетворенно кивнул сэръ Ричард Уоллес. Бодрой подпрыгивающей походкой он пошел вдоль учеников, вскинул меч, указав клинком на одного из «троллей»: – Имя?

– Артур Тинтаголь! Сэр... Ричард Уоллес... Сэр...

– Каким оружием можно убить мага?

– Никаким... сэръ Ричард Уоллес. Только сжечь на костре. Потому что высокие температуры нарушают естественное состояние материи, и любое волшебство теряет силу.

– Ответ глупого школяра, но не пятикурсника. – Учитель двинулся дальше, указал на его соседа. – Ты?

– Родриго Батиа! Сэр Ричард Уоллес! До тех пор, пока у мага жив тотемник, его всегда можно вернуть к жизни. Но если сперва убить тотемника, а затем самого...

– Уже лучше, – кивнул преподаватель. – Пожалуй, один балл в аттестат вы заслужили. Итак! – Он отступил обратно на дорожку. – Чтобы вернуть колдуна к жизни, нужно доставить его тело к тотемному зверю, либо зверя к телу. Однако, одолев врага в схватке, вы всегда можете скрыть его тело и не допустить воскрешения! Посему выбросьте из головы весь бред, что рассказывали вам о бессмертии, и запомните: любого из вас можно убить легко и просто, как и обычного смертного. И единственная защита – это ваш меч! Почему меч? – Острие уперлось в грудь Битали.

– Битали Кро! Чародея можно поразить только посеребрённым оружием, сэръ Ричард Уоллес, потому что существующие заклинания способны надежно защитить любого от всех видов оружия: пуль, стрел, ножей, осколков, топоров, камней, кольев. Только серебро и древесина осины не подвержены воздействию магии, и только оружием из них можно пробить защитные заклинания. А еще можно сделать осиновые стрелы или серебряные пули!

– К счастью для нас, ученик Битали Кро, деревянные стрелы не пробивают даже обычного камзола, а серебряные пули распространены очень и очень мало. Попасть в цель из огнестре-

лов не так просто, а серебро слишком дорого, чтобы разбрасываться им без счета... Плюс два в аттестат!.. Посеребренные мечи позволят вам сразить любого мага с той же легкостью, – стремительно отбежал на белую полосу учитель и пригладил свои усики пальцами левой руки, – с какой смертные режут друг друга железными ножами. Нужно соблюсти лишь одно маленькое условие: сражаться лучше врага.

– Или не подпускать его к себе... – прозвучал слабый тонкий голосок от самой стены.

– Кто это сказал?! – возмущенно взревел учитель, ринувшись на звук. Школьники шарахнулись в стороны, оставив на месте веснушчатую девочку с коротко остриженными, черными, как битумная смола, волосами в облегающем клетчатом свитере.

– А разве нет? – с какой-то детской наивностью приподняла брови ученица.

– Да, мадемуазель! – Меч из рук преподавателя исчез. – Но, открывая рот, вы должны называть свое имя.

– Аксьон Таше, к вашим услугам... – Девушка присела в реверансе, словно напоказ не назвав учителя ни «сэром», ни по имени.

– Вы знаете, как погибло большинство магов в начале Большой Войны, мадемуазель Таше? – зловеще понизил голос учитель. – Я вам расскажу. Во время шумных торжеств, в толчее торжищ, во время гуляний или внезапных волнений к таким, как вы, чародейкам незаметно приближался обычный жалкий смертный, вдруг выхватывал посеребренный клинок и вгонял его прямо в сердце! – Сэр Уоллес вскинул руку, ткнув пальцем ученице в грудь, и девочка, пискнув, отскочила к стене. – А потом радостно визжащая толпа волокла ваше тело на костер и превращала в угли, которым не способен помочь ни один тотемник.

– А почему они не носили кольчуги? – Учитель опять резко обернулся на голос, и юный граф вскинул подбородок: – Арно Дожар, сэр!

– Тем, кто носил броню, мсье, – оскалился преподаватель, – смертные первым ударом отсекали руку, чтобы те не могли взять волшебную палочку или иной амулет. А потом сжигали живьем. Просто и эффективно, не правда ли?

– Ночные ифриты! – охнули девочки в одном конце зала.

– Проклятье! – отозвались «тролли» в другом.

– Почему же этих тварей не истребили всех к болотным троллям? – сжал кулаки юный граф.

– Забавно услышать такой вопрос от юноши, приехавшего в школу на автобусе, сделанном смертными, по дороге, проложенной смертными, жившего в доме, построенном смертными, и вкушающего еду, добытую смертными, – криво усмехнулся учитель, неспешно возвращаясь на белую дорожку посреди зала. – Не подумали ли вы о том, мсье Дожар, что, не будь смертных, вам самому пришлось бы выращивать хлеб на полях, защищать стада от волков, укладывать камень за камнем в стены замка и выравнивать скалы ради проезда там вашего конного экипажа? Да, мы знаем, что применение магической силы делает для нас все эти занятия куда более простыми, нежели для низших существ, но, уверяю вас, юноша, от этого процесс выгона и загона коров, их ежедневная дойка, приращивание камушка к камушку в стенах дома или перемещение созревшей брюквы с поля в холодный погреб не становится менее нудным. Вы все еще считаете необходимым истребление всех смертных до единого, мсье Дожар?

Юный граф не ответил, глядя куда-то меж стропил.

– Я так и думал, юноша, – кивнул учитель. – Как записано в Хартии: «Мудрый пасечник, забирая мед у глупых пчел своих, не стремится показать им своей власти и всемогущества. Ибо в испуге и слабоумии своем пчелы способны немало причинить боли пасечнику и нанести урон как улью своему, и делу хозяина своего. Посему народ изначальный согласился отныне скрывать присутствие свое на Земле, забирая надобное себе, но не открываясь урожденным смертного племени без крайней на то необходимости». Вам же, мсье Дожар, было бы разумнее

обратить свой гнев не на жалких, слабых полулюдей, а на могучего мага, научившего их столь гнусным поступкам.

– Кто это? Кто это был?! – послышались вопросы сразу с нескольких сторон. У юного графа презрительно дернулась верхняя губа. Видимо, он хорошо представлял, о ком идет речь... И не считал нужным делиться знанием с простыми школьниками.

– Хватит посторонних разговоров! – резко оборвал учеников сэр Ричард. – Нашей темой было искусство выживания, а не древние легенды. Посему я прошу уяснить всех и каждого, что ваша надежда на магию, амулеты и заклинания наивна и глупа. Против каждого «вэка», «морта» или «трунио» есть свои обереги и амулеты, против сторожевых заклятий и талисманов придуманы свои заклинания и ловушки. Наступление слабых чародеев всегда прикрывают сильные маги, а одинокий колдун обязательно постарается подкрасться к вам незаметно. Посему будьте уверены: в половине случаев вы увидите своего врага совсем не далеко на горе, наговаривающего страшные проклятия на дым костра, а рядом, на расстоянии вытянутой руки, уже к вам подкравшегося или шумно прорвавшегося через вашу защиту. И можете быть уверены, прежде чем вы поднимете палочку, любой боец успеет отстраниться от ваших заклинаний. А прежде чем вы свои заклинания договорите – он разрубит вас пополам! – И сэр Ричард Уоллес вдруг раскинул руки, со свистом разрезав воздух невесть откуда взявшимися кликами. – Если хотите выжить, юноши, учитесь рубить первыми.

– А девушки? – опять подала голос веснушчатая Аксьон.

– Наше искусство потому и называется гендерным, что оно у каждого свое. Свое – у мужчин, свое – у леди и свое – у метаморфов. Однако, дабы вы имели общее представление о способностях ваших возможных противников, первые занятия будут общими. Затем каждый пол будет заниматься по отдельности, а к выпускным экзаменам вы снова продолжите учиться вместе, дабы опробовать друг на друге полученные навыки. Учение без практики смысла не имеет. Но вернемся к основам. У кого из присутствующих есть боевые амулеты?

Среди курса поднялось семь рук.

– У тебя есть амулет? – изумленно шепнул приятелю недоморф. – Откуда? Тебе же всего... Пятый курс!

– Мама подарила, – не вдаваясь в подробности, ответил Кро.

– Сдайте их мне! На очередном уроке получите точные копии, но без серебрения. Во избежание травм в нашей школе ученикам разрешено только железное режущее оружие.

– У меня оно уже заменено, сэр Ричард Уоллес! – вскинул руку Арно Дожар.

– Прекрасно. Остальным амулеты сдать! – Учитель собрал у мальчиков их оружие, спрятал за пазуху. – Все прочие получают единые школьные клинки. Теперь хочу открыть вам еще один секрет, до которого вы доросли с сегодняшнего дня. Точнее, это закон, обязательный для исполнения всеми и каждым. Все вы знаете про Четвертое Пророчество, заставившее чародеев прекратить самоубийственную войну и заключить Хартию Единения. Пока вы были маленькими, вам говорили, что Единение позволило сделать всю планету одной страной, в которой невозможны кровопролитные войны. Теперь вы будете знать, как именно смогли добиться этого маги Совета Равных. Хартия запрещает любые союзы числом больше ста одного колдуна! Если этот запрет нарушается, Совет уничтожает нарушителя без всякой жалости, ибо от этого зависит существование всего нашего рода. Между малыми семьями или братствами возможны войны. Но они столь малозначительны, что не угрожают благополучию человечества. Столкновение крупных союзов способно вызвать большие войны, испепеляющие миллионы и миллионы жизней. Об этом запрете надлежит помнить и землячеству, и ордену Грифа, ибо исключения не будет сделано даже для вас. Вы перешагнули пятый курс и отныне обязаны отвечать за свои поступки. Второй закон запрещает вовлекать в споры магов обычных смертных, учить их сражаться с чародеями, убивать нас и вообще сообщать им о нашем существовании. Во время

Большой Войны смертные и так узнали о нас слишком много. Никто не желает повторения этой ошибки. Смертным нельзя знать о нашем существовании. Наказание за отступничество...

Сэр Ричард Уоллес плотоядно улыбнулся. Потом резко свел руки, мечи в которых тут же исчезли, и направился к стене, походя бросив:

– На сегодня все, до свидания.

Однокурсники потянулись к стене, через которую вошли. Битали, оглянувшись, чуть отстал и оказался рядом с хрупкой Анитой.

– Привет, – сказал он. – И как тебе первое занятие гендерики?

– Отлично, гусар! – Сильные руки взяли его за плечи и чуть сместили в сторону. – У тебя, оказывается, есть личный амулет? Интересно, откуда он у полукровки? А главное, зачем?

– Хочешь проверить?! – вспыхнул Кро.

– Что проверять-то, гусар? – снисходительно усмехнулся юный граф и обнял Горамник за плечо. – Ты ведь его сдал!

Девушка мельком глянула на Битали, и во взгляде ее не было ничего, кроме скуки. Воинственный азарт в душе Кро тут же погас, и он позволил прихвостням Дожара себя оттереть.

Но уже через четверть часа мысли о симпатичной отличнице начисто выветрились из его головы. Оказалось, что курс демонологии в школе маркиза де Гуяка вела совсем юная девушка невероятной красоты: лет семнадцати на вид, с длинными золотыми кудрями, большими глазами цвета индиго, широкими бедрами и несколько крупноватой для ее возраста грудью. Черное платье с влажными розами, чуть колыхающимися от неощутимого для прочих ветерка, подчеркивало каждый изгиб ее тела, пухлые алые губки вызвали доселе незнакомое томление в груди, руки сами тянулись к бархатистой коже, желая прикоснуться к ней хотя бы кончиками пальцев. Она говорила что-то про типологию демонов востока и их навязчивость по отношению к изделиям из сандалового дерева – но Кро мог лишь смотреть. Смотреть на шевеление губ, движения рук, любоваться тонкими изящными пальчиками, один из которых был украшен печаткой со змеей, сплетенной в восьмерку поверх слабо светящегося сапфира.

– Профессор Эления Клеотоу, – чуть слышно шепнул ему на ухо недоморф. – Она самая. Все знают, что она преподает в школе уже тридцать лет, но каждый мальчик мечтает быть наказанным и остаться у нее после уроков.

– Оставляет?

– Еще как! – как-то глубоко изнутри издал слабый смешок его сосед. – После этого такой счастливчик вскрикивает от любого шороха и обходит девочек за два арпана¹.

– Почему?

– Не знаю, Битали. Не оставался ни разу. Но ты знаешь, все парни в курсе, чем это кончается – и все равно все хотят остаться...

– И не забывайте, мадемуазель и мсье! – повысила голос профессор Клеотоу. – Ваш долг как честного праведного мага – капсулировать любого встреченного демона в амулет и сообщить об амулете и заклинании управления всему нашему сообществу, дабы каждый при необходимости мог воспользоваться силой демона для благих целей.

– И кто-то так поступал, профессор? – поинтересовались из занятого «троллями» ряда.

– Я таких случаев не помню, – усмехнулась девушка. – Однако это не значит, что я не должна рассказать вам о правилах хорошего тона. Надеюсь, все запомнили мои слова? Проверю на следующем занятии. Все свободны!

Учительница исчезла, по рядам прокатился тоскливый вздох, и только после этого школьники поднялись с мест.

– Эй, гусар, слюни подбери! – громко посоветовал Арно Дожар.

¹ *Арпан* (фр. *arpent*) – старинная французская единица измерения длины, равнявшаяся 180 парижским футам, т. е. примерно 58,52 м.

Все засмеялись. Даже Кро. В первый момент он не сообразил, что слова относятся к нему, а отвечать на подколку спустя полминуты было уже поздно.

Класс стремительно пустел, и когда Битали сложил учебник и тетради, то оказался в полном одиночестве. К счастью, мальчик уже начал немного ориентироваться среди трех корпусов замка и нашел дорогу в башню без особого труда. Памятуя о столпотворении во время вчерашнего обеда, Кро сразу отправился в столовую – однако здесь уже успела набиться толпа. Ему опять пришлось есть стоя, а потому уйти полуголодным.

Во дворе вовсю кипела игра: «орденцы» сражались против «троллей» и сборной команды, в которой Битали увидел Дожара вместе со всей свитой и нескольких незнакомых ребят – видимо, с другого курса. Кро свернул к стене, на скамье для зрителей подсел к рыжему, сильно конопатому пареньку:

– Привет! Я тут новенький. Скажи, а как в игру можно вступить?

– Как обычно, – пожал плечами тот. – Команда набирается, забиваешь себе корзину, берешь мяч и подключаешься. Правда, чем позже начнешь, тем меньше очков набрать успеешь. – Рыжий на секунду повернул голову. – Ты из землячества? Так со своими договаривайся, чего меня спрашиваешь?

– Я ниоткуда. Говорю же, новенький. Второй день всего учусь.

– А живешь где? В братстве или какой команде?

– В башне пока обитаю...

– Кролик, что ли? – Конопатый мальчишка опять стрельнул в него взглядом и отсел подальше. – Ну, так с кроликами и играй! Чего ко мне лезешь?

– Я никакой не «кролик»! – повысил голос Битали. – Просто меня туда директор пока поселил.

– Там, в башне, только кретины, вонючки и уроды живут! – отрезал рыжий и, сдвинувшись еще дальше, демонстративно повел носом, принохиваясь. – Раз тебя туда поселили – значит, и ты такой.

– А в нюх схлопотать не хочешь? – поднялся Битали. – Может, проверим, кто из нас нормальный? А, козел недорезанный?

– Ребята, тут кролик ушами пободаться хочет! – громко сообщил рыжий и тоже встал. К нему тут же подтянулись еще несколько мальчишек. Все они, как и рыжий, носили на вороте треугольник «ордена». Кро понял, что честной драки не будет. Будет избиение толпой его одного.

– Еще увидимся, – пообещал Битали и ушел в ближнюю стену, не обращая внимания на улюлюканье за спиной.

В башне Надодух кормил у распахнутого окна своего ворона.

– Это ты? – поинтересовался он, поглаживая птицу по голове. – Смотри, опять сбежал. Не может он в общей клетке жить. Волю любит.

– Ты не знаешь, отчего ребята свою команду орденом Грифа назвали? – бухнулся на постель Кро. – Потому что падальщики?

– Не знаю, – пожал плечами недоморф. – Орден здесь с незапамятных времен существует, забыли все давно, отчего и почему. Другие братства возникают, распадаются, а эти в школе всегда были. Ну, и «тролли», само собой. Это те, которые из здешнего землячества, из ближних городов или поселков. Они школу своей считают. А хозяева земли, сам знаешь – это тролли. Потому так и прозвали. Прочие же землячества – это просто земляки. Правда, на нашем курсе таких нет, не повезло. Может, и нам бы место нашлось... А тебя чего, в орден не приняли?

– С чего ты взял? Очень надо!

– А чего ты тогда на них взелся?

– Просто любопытно.

– Ну, если просто... – опять пригладил перья на черной голове сосед. – На самом деле в ордене хорошо. И поесть можно спокойно, и в квиддик есть с кем поиграть, и в драке они все друг за друга заступаются, и после школы, говорят, друг друга в войнах не убивают. Уговор у них такой. Не клятва, а по обычаю.

– Что же ты тогда не в ордене?

– Мне, Битали, здесь спокойнее... – Недоморф взял ворона за бока, подкинул в воздух и закрыл окно. – Здесь меня недоделанным никто не называет, мохнатым уродом, полукровкой, шпунской зверюшкой. Никто не говорит, что псиной воняет или блохи скачут. А что кроликом иногда кличут, так это только на уроках. Лучше уж кроликом, чем недочеловеком. Это тебе, мсье Кро, оказаться «кроликом» – по гроб жизни не отмыться. Так что просись в орден, мой тебе совет, пока кличка не прилипла.

– Козлы они все!

– Козлы, может, и козлы, – хмыкнул недоморф, – но хоть не кролики. Ладно, пошли. Обед заканчивается, сейчас метаморфизм будет. Послушаешь, что про меня умные люди рассказывают.

Преподавателем метаморфизма оказался плохо выбритый старикашка в коричневом, выцветшем и плохо чищенном костюме, с вытянутой вперед на тощей шее головой, делавшей его похожим на грифа. Усевшись за стол, он нудным, размеренным тоном принялся диктовать правила внесистемного обращения, совершенно не интересуясь, успевают ученики конспектировать его лекцию или нет. Понять, что означают длинные витиеватые фразы, с первой попытки было невозможно, и Битали с тоской осознал, что все записанное придется перечитывать раза два или три в личное время.

Утешало лишь то, что лекция профессора Уолта Традиша никак не перекликалась с тем, что написано в учебнике – его Битали успел пролистать еще до приезда в школу великого маркиза. Значит, силы потрачены не зря, не на пережевывание того, что и так все знают.

– Захвати мою тетрадку, – попросил Надодух, когда старый метаморф закончил свое бубнение. – Провырнись по парку, пока оборотни не выползли.

Не дожидаясь ответа, он пододвинул к Битали свой конспект и шустро выскочил через стену наружу. Кро подошел к окну, приподнялся на цыпочки.

– Ерунда, второй этаж, – подсказали сзади. – Я тоже первую неделю никак не мог сориентироваться, где нахожусь. То ли на крыше, то ли в подвале. Ни дверей нет, ни надписей, лестницы без окон, половина кабинетов тоже глухие.

Темноволосый курносый мальчик положил тетради на подоконник и протянул ладонь:

– Привет, я Ронни Завьялов. Тоже первый год, как в этой школе.

– Битали Кро, – ответил на рукопожатие Кро и ткнул пальцем в треугольник на вороте нового знакомого. – Меньше месяца учишься – и уже член ордена?

– Ну, что такого? Мы же не «тролли», мы всех желающих принимаем. В смысле, если нормальный парень, конечно. Вот ты, вижу, тоже вроде нормальный. Только зачем-то со шпунской зверюшкой связался, вонючкой недоделанным.

– Меня директор к нему в комнату поселил. И он ничуть не пахнет.

– Это потому что сухой. При тебе ни разу под дождь нее попадал и в душ не ходил. Как намокнет – так вонь от него, как от дохлой псины. Поэтому никто с ним в комнате жить и не хочет, в кроличью башню выгнали. Мне ребята рассказывали. Или ты тоже... ущербный?

– Сам ты... – Битали быстро оглядел класс. Кроме его и Ронни, здесь больше никого не осталось, и заступиться за мальчишку было некому.

– Не обижайся. Раз ты нормальный, так это и хорошо, – дружелюбно улыбнулся Завьялов. – Вступай к нам в орден, сразу от половины проблем избавишься. У нас и команд для квича целых три, и свой этаж в корпусе, и с уроками всегда старшие помогут, и в столовой свои столы. Так что смотри, на кроликах свет клином не сошелся. А еще все наши друг за

друга всегда заступаются. Трусов в тот же день исключают, до полуночи. Надумаешь – могу дать рекомендацию. У нас ограничений по членству нет. Вступишь – хоть завтра своих друзей приглашай.

– А как насчет ста одного члена?

– Так под запрет только те, кто старше четырнадцати, попадает. Только три старших курса. Ушедшие из школы тоже больше не в счет. В общем, можешь не бояться, до запретной сотни орден и близко не дотягивает. Хотя, конечно, смотри сам. Коли трусишь, дело твое. – Мальчик сунул конспекты под мышку и решительно направился в угол. – Ну, пока. Приятно было познакомиться.

– Ронни, подожди! А что нужно, чтобы вступить в орден?

– Говорю же, ничего! – на ходу оглянулся однокурсник. – Просто приходи. Примем.

Сразу после урока Битали уселся за перечитывание конспекта, пока память оставалась еще достаточно свежей – но рекомендации профессора Уолта Традиша никак не лезли в голову. Там постоянно крутилось предложение вступить в орден, получить его защиту, право на удобную парту в классах и место за столом во время обеда, возможность играть вместе со всеми и иметь много друзей.

Предложение казалось очень соблазнительным. Слишком соблазнительным. Чересчур хорошим, чтобы быть правдой. Такие подарки не делают случайным людям на второй день знакомства. Членства в престижном обществе добиваются долгими стараниями. За рекомендацию – расплачиваются подарками или услугами. Получить приглашение в орден сразу по приезду в школу... Это больше походило на ловушку.

– Или, может, я внушаю симпатию с первого взгляда? – Кро захлопнул конспект. – Ладно, раз все равно ничего не понимаю, пойду хоть поем, пока толпа не набежала.

Во дворе замка, разумеется, опять шла игра. Свободным оставалось только одно кольцо – под остальными настороженно приплясывали защитники, пытаясь смотреть сразу во все стороны. Команды проводили атаки по нескольким направлениям одновременно, выискивая слабости в чужой обороне, то объединяясь для общего нападения на третьего противника, то прорываясь к площадке недавнего союзника, стоило тому увлечься борьбой против четвертого соперника. Битали замедлил шаг, следя за игрой, слушая выкрики болельщиков, в которых советы то и дело перемежались проклятиями и угрозами. У противоположной стены он заметил Арно Дожара. Тот вместе с прихвостнями и тремя девочками что-то живо обсуждал, указывая на игроков. Время от времени он подскакивал, вскидывал руки, словно собираясь разразиться аплодисментами. Потом, разочарованно махнув, усаживался обратно, оглядываясь за поддержкой на подружек. Из однокурсниц там была Анита Горамник, и неожиданно для себя Битали ощутил в душе неприятный укол. Он отвернулся и торопливо нырнул в столовую.

Здесь и правда оказалось почти пусто. Кро не спеша очистил и съел апельсин, получив тем самым право на порцию жареной рыбы и пару жирных свиных сарделек, запил все это горячим шоколадом, скормил посуду седому морщинистому столу и отправился к лестнице. Но во двор возвращаться не стал. Поднялся тремя витками выше, протиснулся сквозь стену в довольно широкий коридор – шага четыре, а то и пять.

Гобелены на жилой корпус администрация школы пожалела. Здесь с потолка светила полная луна, причем по ней то и дело пробегали мелкие облака. Рассыпанные звезды образовывали вполне понятный геометрический узор: множество треугольников остриями вниз. Видимо, знаки отмечали места прохода в комнаты. Разумеется, тут имелся и гриф: птица с серебряными крыльями, широкой грудью, неестественно большим хвостом и взъерошенными на шее золотистыми перьями возникала и тут же исчезала то на потолке, то на стене, то вдруг оказывалась в воздухе прямо посреди прохода.

– Чужакам вход запрещен! – звонкими детскими голосами предупредили мальчишки-первокурсники, выскакивая перед незванным гостем. – Здесь земли ордена!

– Где вы видите землю, недомерки? – покачал головой Битали.

– Уходи, или я позову Густава и Митридата со старшего курса! – предупредил один из мальчишек, и второй уверенно подтвердил:

– Да! Позовем!

– А вы тут что, дежурные псы?

– Мы стражи ордена! Уходи, пока мы не подняли тревогу!

– Постарше никого не нашлось?

– Если придут старшие, тебе не поздоровится!

Далеко в коридоре появились еще двое малышей, тянувших куда-то под луну большое и явно тяжелое деревянное ведро. От босых ног оставались мокрые отпечатки.

– У вас, говорят, есть комната для занятий?

– Этот этаж принадлежит ордену! Не твое дело! Чужакам тут искать нечего! – в два тонких ломких голоса продолжали возмущаться первокурсники. – Уходи! Уходи, не то хуже будет!

– Хорошая штука орден... – Битали решил, что увидел достаточно, и вернулся на лестницу.

Сбежал вниз, попытался выскочить во двор – но промахнулся и попал в коровник, встряв аккурат между двумя тушами. Не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом: солома под ногами, набитые сеном ясли, резко пахнущие животные.

– Вы-то здесь откуда?!

Коровы, мерно шевеля челюстями, повернули головы. Кончики рогов сверкнули стальными наконечниками. В голове промелькнула шальная мысль про боевых животных, Кро спешно вскинул палочку... Однако буренки оценили его пустыми бессмысленными взорами и безмятежно вернулись к кормушкам. Почему-то подумалось, что Горамник смотрела на него точно так же.

– И на том спасибо... – Он развернулся, выскочил на ступени лестницы и чуть не сшиб с ног тощую Генриетту Вантенуа, на этот раз облаченную не в платье, а в свитер и махровые шаровары.

– Осторожнее, окаянный! – отступила девушка. – Откуда ты тут взялся?

– Понятия не имею. Из коровника. Это какой этаж?

– Раз с коровами, значит второй. А зачем ты в хозяйство профессора Налоби забирался? За молоком?

– Коровы? На втором этаже? Почему? Их бы еще на крышу забросили!

– Нет, на крыше наши их... – Она вдруг осеклась, чуть подумала и улыбнулась: – Совсем из головы вылетело, ты же новенький. И тоже не метаморф.

– Да, не метаморф. Уж извини. Меня зовут Битали Кро.

– Я знаю. Мы на одном курсе, забыл?

– Так ты, значит...

Сверху послышался знакомый шелест, топот ног по ступеням, сверху показались сразу несколько ребят:

– О, Генриетта! – весело узнали они девушку. – Смотрите, она уже новичка сцапала! Смотри, парень, эта сжует, и как звать не спросит.

– Дураки вы все! – Она резко оттолкнула Битали, все еще загораживавшего ей дорогу, проскочила мимо мальчишек и молниеносно скрылась за витком лестницы.

– Пожалуйста, мсье... – посторонились школяры, театральными жестами предлагая Кро броситься в погоню.

Но он отмахнулся и отправился вниз. Один виток, стена... И он оказался в темной пустой аудитории, подсвеченной лишь глазами одинокого кота, сидящего на небольшом портрете.

– Хоть бы один указатель повесили! – недовольно сплюнул Кро. – Это же издевательство!

– Умный ищет способ, а глупый – повод, – не к месту высказался портрет.

– Не хватает еще, чтобы меня дохлые кошки поучали! – Битали мысленно прикинул, с какой стороны двор, и стал пробираться между столами к нужной стене.

– Как ты смеешь, наглец?! – Портрет так сверкнул глазами, что комната стала светлой, словно полуденный пляж. – Я старше тебя на двести лет!

– А как был котом, так и остался, – парировал Кро и, довольный собой, выскочил сквозь кладку на траву.

Во дворе замка все еще продолжалась отчаянная схватка за мячи, и на появление школьника из необычного места внимания никто не обратил. Битали вдоль стены дошел до знакомого ориентира, попал точно на лестницу и уже без всяких приключений вернулся в башню. Закинув в рот пару конфет, он опять уселся перед конспектом, старательно отгоняя мысли об ордене, коровах, девушках и возможных подвохах в неожиданном соблазнительном предложении. Получалось плохо, и Кро, захлопнув тетрадь, занялся тренировками на концентрацию: писал на листке предмет, о котором требовалось размышлять, после долго о нем рассказывал, а когда проходило десять минут – останавливался и смотрел на запись.

Первые три раза его рассуждения закончились все тем же орденом и его хитростями. Затем два раза он почти удержался в заданном русле. На шестой попытке все опять закончилось орденом, а на седьмой, начав с вечного пера, он остановился на том, что у щуколицей Генриетты вполне даже красивые карие глаза.

Еще два захода принесли потрясающий успех: начав с кувшинки, он закончил по крайней мере рыбьей чешуей, а затем, начав с чешуи, закончил плоской, как прикроватный коврик, камбалой! Однако похвастаться было некому: недоморф, несмотря на сгущающиеся сумерки, все еще не появился, и даже ворон его пока не прилетал. Посему, вознаградив себя парой конфет, Битали переоделся, сходил в душ и уже в полной темноте забрался под одеяло.

Он уже крепко спал, когда по лицу прокатилась волна ледяного холода и тихий голос шепнул в самое ухо:

– Идем со мной, это важно.

– М-м? – еще толком не проснувшись, приоткрыл глаза Кро. – Ты чего?

– Идем со мной! – отпрянул одетый в длинную майку Надодух. – Идем, идем, скорее! Идем, идем, идем! Важно, важно, важно...

– Чего? Сколько времени?

– Идем! Скорее! Это важно! Очень важно!!! Идем, идем! – Сосед нетерпеливо приплясывал у подоконника со стороны двора! Скорее, ты нужен!

Недоморф взмахнул рукой и исчез.

– Ну, смотри, – сев в постели, покачал головой Кро. – Если это дурацкий розыгрыш для новичка...

Он сунул ступни в тапочки, сгреб со стола волшебную палочку, добрел до подоконника, тихонько по нему стукнул и выбрался в сумеречный коридор, изрядно забитый слабо светящимися существами. Разглядеть толком призрачную компанию Кро не успел – слева ему в щеку уперлась огромная рогатая голова с красными светящимися глазами. Холодная, словно только что из погреба.

– Дурацкая шу... – начал было отчитывать недоморфа Битали, как голова вдруг с силой нажала, заваливая его на пол, и большущее копыто устремилось точно в лоб.

Мальчик извернулся – просто чудом в самый последний миг спасшись от удара, – толкнулся от стены ногами, проскальзывая к задним ногам буйвола, нырнул под хвост, вскочил, разворачиваясь:

– Если ты...

Однако обращаться было не к кому. В коридоре перед безмолвным каменным сфинксом стояло не меньше десятка привидений и один буйвол с огромными рогами, но при этом начисто

лишенный шкуры. Коричневые в полумраке мышцы перекатывались могучими шарами: зверь попятился, поднялся на дыбы, разворачиваясь в узком коридоре.

Рука мальчика привычно скользнула на грудь... Но алого боевого амулета на месте не было.

– Проклятье... – сглотнул Битали.

Буйвол наконец-то развернулся. Удар передних копыт о плиты пола заставил содрогнуться весь замок, тяжелая рогатая голова опустилась, сверкнули налитые кровью глаза. Юный чародей выставил перед собой, словно шпагу, короткую вишневую палочку, облизнул разом пересохшие губы – но ни единого подходящего заклинания вспомнить не смог. Зверь утробно рыкнул, начал разгоняться.

– Проклятье... – жалобно выдохнул Кро и кинулся бежать.

Топот надвигался, справа и слева мелькали ковры и гобелены. Стены, стены, стены... Сколько шагов, в какую сторону он промчался, Битали совершенно не представлял – но спина его явственно чувствовала уже совсем рядом мертвецкий холод, всем своим нутром он ощущал близость смертоносных рогов.

– Проклятье! – в третий раз обругал он свою судьбу, нырнул под первый попавшийся гобелен и ткнул палочкой в камень: – Онберик!!!

Правый рог буйвола со скрежетом процарапал непобедимую многовековую кладку – но Битали услышал это уже с другой стороны стены, находясь внутри маленького помещения с широким окном. Стол, шкафы, бархатные шторы, два скрещенных зонтика возле дверей с засовом размером с руку взрослого человека... Похоже, это был чей-то кабинет.

– Запретное место... Запретное место... – один за другим начали просачиваться внутрь призраки, излучая своей эфемерной плотью хоть какой-то свет. – Запретное место... Директор... Наказание...

– Тут даже привидения не от мира сего! – сплюнул Битали. – Трех слов связать не могут. Что это за тварь, можете сказать? Чего ей нужно?

– Запретное место... Ты умрешь... Наказание... Умрешь... Запретное место... – кружась вокруг мальчика, занудливо предрекали белесые тени былой жизни.

Из коридора доносился топот, скрежет, стена то и дело сотрясалась от ударов.

– Проломиться сюда он сможет? – с надеждой поинтересовался Кро.

Однако здешние привидения словно лишились разума: лишь выли, пугали и кружились в плотном хороводе.

Стена содрогнулась, в шкафу что-то звякнуло, покатилося.

– Кажется, может, – понял Битали, присел, дождался следующего удара и резко выдохнул: – Онберик!

В коридоре было почти совершенно темно: зверюга посрывала со стен все украшения и сладострастно утаптывала их, раскачиваясь и боком стучась в стену. Своей жертвы ободранный буйвол не заметил, и мальчик, низко пригибаясь и стараясь ступать как можно осторожнее, двинулся вдоль коридора.

– Умрешь, умрешь... – повыскальзывали следом призраки и зависли над Битали, словно специально стараясь его подсветить.

Чудовище, обсыпанное пылью, облепленное паутиной, сделалось совсем похожим на нормальное живое существо – голое мясо под слоем грязи почти не проглядывало. Оно загукало, застучало копытами по стене, поднимаясь на задние ноги, вот-вот готовое развернуться.

«Раз шкуры нет – значит, оно мертвое, – щелкнуло в голове мальчика. – Обычный оживленный мертвец».

Битали решительно вскинул палочку... Но никаких новых идей в голове больше не возникло. Все заклинания, даже самые простые, выветрились из памяти.

– Подожди минуту, – попятился он, а потом со всех ног кинулся бежать.

Замок вздрогнул: буйвол развернулся и встал на все четыре ноги. Загрохотали копыта. Но на этот раз Кро успел набрать приличную фору. Затормозив перед сфинксом, он даже помахал чудовищу ладошкой, прежде чем стукнуть магическую дверь палочкой.

– А-альбо! – едва попав в комнату, громко вызвал он свет и кинулся к столу.

– Ты чего, с ума сошел, окаянный? – поднял голову с полдушки Надодух. – Ночь на дворе!

– Ты чего, спишь? – не поверил своим глазам Кро. – Ты же сам меня минуту назад...

Однако измятая постель, сонная морда недоморфа, сваленная на стуле одежда ясно показывали: сосед по комнате действительно безмятежно почивал, не ведая о творящихся напастях. Да и длинной майки среди одежды видно не было.

– Гаси свет, Битали! – потребовал Надодух. – Я тебя когда-нибудь будил? Вот и ты...

– Учебник по магии возьми, – махнул на него рукой Кро. – Ищи, как от оживленного мертвеца избавиться.

– Зачем? Тебе кошмар приснился?

Но тут на боевой ярус старинной башни подоспели призраки, ровной чередой подплыли к Битали, взяли его в круг и нестройно завывали:

– Ты умрешь, умрешь, умрешь...

– Ой, мама... – Недоморф натянул одеяло на голову, но тут же откинул, вскочил, перебежал к столу, лихорадочно зашуршал страницами. – Я помню... Отнятие жизни... Помню, Филли рассказывал.

– Есть! – Битали Кро ткнул пальцем в строчки раскрытой книги. – Чтобы лишить упыря жизни, ему нужно напомнить, что он мертв.

– А там упырь? – вернулся к постели Надодух.

– Хотел убить – значит, упырь, – раздвинул призраков Битали. – Прочие безобидны.

– Ты к нему?

Собрав волю в кулак, Кро стукнул палочкой по подоконнику, вывалился между лапами сфинкса и, не поднимаясь, ткнул в горло чудовища кончиком магического оружия:

– Вюлес-с! Вюлес! Вюлес...

С последним словом массивная туша плашмя, с мокрым шлепком ухнулась о каменный пол, а сверху на нее тихо осел распоротый надвое гобелен с разбежавшимися от костра охотниками. Влажно и чуть сладковато пахнуло свежими шампиньонами.

– В-вю... В-вю... – выскочил из-под сфинкса недоморф, и Кро быстро перехватил его за запястье:

– На меня не показывай!

– Где он? Упырь где? – закрутил головой сосед.

– Вот лежит, – кивнул на буйвола Битали. – Теперь это просто мясо.

– Ничего себе махина! Как он сюда попал?

– Я думал, ты знаешь...

Надодух покачал головой:

– Чего теперь делать будем?

– Не знаю... – зачесал палочкой в затылке Кро. – На пожарах я бывал, а вот под копыта не попадал еще ни разу.

– С ума сошел! – оттолкнул сосед палочку от его головы. – А вдруг остаточная сила от заклинания осталась?

– Я вот думаю... Спать, Надодух, пошли. Нам с тобой это чудовище отсюда все едино не утащить. Пусть домовые духи разбираются.

– Ты сможешь заснуть? После того, как на тебя упырь кинулся?

– Не знаю, – честно признал Кро. – Но не здесь же нам до утра маяться?

– Это точно, – согласился сосед. – Может, он тут не один. Давай сваливать.

Ученики переместились в башню. Надодух тут же завернулся в одеяло, уселся на постели, а вот вокруг Битали закружили призраки:

– Ты умрешь, умрешь, умрешь...

– Да что это с ними сегодня? – вскинулся недоморф. – А ну, пошли отсюда!

– Оставь, не трогай! – вскинул руку Битали. – Прогонять призрака – плохая примета.

– Да? – удивился Надодух. – Первый раз слышу.

– Мама говорила, – взбил подушку Кро, – привидения оставлены на земле Создателем для нашего спокойствия. Ведь их существование – это главный знак того, что души наши бессмертны. Что после смерти мы не исчезнем, а всего лишь станем бесплотны. Прогонять призрака – значит прогонять свое бессмертие.

– Чего же ты раньше не предупреждал? – забеспокоился недоморф. – Мы их... А они, значит... Трудно было сказать?

– Наверное, потому, что мы только второй день знакомы. – Битали взмахнул палочкой: – Оскури!

Свет погас. Теперь мрак разгоняли лишь унылые фигуры, продолжающие вещать о скорой кончине.

– Может, они ненастоящие? – предположил Надодух. – Наши так себя не ведут.

– Если ненастоящие, можешь прогнать, – зевнул Битали.

Сосед подумал, наблюдая за блеклым хороводом, но делать что-либо не рискнул и тоже завалился на постель.

Кро так и не понял, успел он заснуть или нет, когда его голова буквально взорвалась от резкого оглушительного свиста. Заткнув уши, он вскочил с постели, заметался по комнате – и вдруг так же неожиданно наступила полная, звенящая тишина.

– Что это было? – пробормотал Битали и вздрогнул, услышав звуки собственного голоса. – Хвала предкам, я не оглох.

– Директор... – простонал рядом недоморф. – Нас вызывают к ненормальному Бронте. Скорей одевайся! Если за десять минут не добежим, он дунет в свой свисток снова.

Кро подскочил к шкафу, выдернул серый костюм для учебы, стал спешно одеваться. Испытать пытку колдовским свистом второй раз ему очень не хотелось.

– Если домовых духов вызывают так же, – пробормотал он себе под нос, – я понимаю, почему они слушаются Филли Налоби. Но не понимаю, почему все еще не убили.

– Готов? – Надодух подбежал к входному подоконнику, вскинул палочку. – Тогда пошли!

Возле сфинкса было темно. Со всех сторон доносились шорохи, тяжелое дыхание – но гобелены на свои места еще не возвратились, да и ноги то и дело ступали на что-то мягкое. Однако разбираться было некогда: стремглав промчавшись через два корпуса, мальчишки остановились в месте поворота коридора, переглянулись и одновременно коснулись палочками змеиной морды, небрежно нарисованной между двумя темно-синими коврами, что излучали мягкий голубоватый свет.

Профессор Бронте был черен. Его розовые в прошлый визит щеки впали, нос наоборот раздулся, став чуть не вдвое больше, глаза сузились до тонких щелочек. Увидев учеников, он встал, оскалил зубы в некоем подобии усмешки и громко хлопнул ладонями по столу:

– Семь драгоценных гобеленов! Пять ковров! Погублены невозвратно. Из них два – заговоренные еще самим маркизом де Гуяком! Шестнадцать полотнищ приведены в негодность и нуждаются в многомесячном ремонте! Это не считая разоренного погреба, трех севильных эликсиров и сильно попорченной стены! Вы! – указал он на учеников пальцами сразу обеих рук. – Вы опознаны! Оба! Вас видел мсье Цивик, найденный раненым недалеко от сфинкса. Он выходил в туалет и оказался затоптан освежеванной во вторник коровой!

– Я ничего не знаю, профессор! – Надодух поднял руку, словно на уроке. – Я спустился, когда все уже закончилось. Хотел помочь мсье Кро, он показался попавшим в беду. Вы можете спросить у призраков, они были у нас в башне почти все. Кроме, разве, баронессы...

– Я спрашиваю вас, мсье! – повысил голос директор.

– Но я ничего не знаю! Я пришел слишком поздно.

– Вас там не было, мсье Сенусерт? Вы ручаетесь за это своей рукой? – грозно зарычал Артур Бронте. – Тогда извольте положить ее в пасть этого зверя...

Профессор указал на выглядывающую из-под столешницы оскаленную морду.

Четыре резные ножки, удерживающие директорский стол, имели внизу когтистую лапу, копыто, птичью ногу и рыбий плавник. Головы сверху тоже были разными. Недоморф опустился на колено перед той, что походила на львиную, вложил левую руку в широко распахнутую пасть, погрузив по самое запястье. Шерсть на его шее, голове, ладонях встала дыбом, уши задвигались.

– Принимали ли вы участие в разгроме, случившемся у входа в башню Кролик этой ночью, мсье Надодух Сенусерт? – спросил профессор, выходя из-за стола.

– Нет, мсье Бронте... – Недоморф зажмурился.

Директор школы взмахнул палочкой, прикасаясь ею к углу стола, и... И ничего не произошло.

Надодух рывком вытащил руку, прижал ее к груди, словно пораненную, опять зашевелил ушами. Шерсть начала опускаться, отчего недоморф худел прямо на глазах.

– Говорил же, что это не я! – с явным облегчением выдохнул он.

– Вы тоже не принимали участие в случившемся разгроме, мсье Кро?

– Не принимал?! – возмутился мальчик. – Меня чуть не убили! Я спасал свою жизнь! Я спустился в коридор, и там на меня накинулся здоровенный буйвол!

– Это была корова, – поправил директор.

– Нет, я помню! – мотнул головой Битали. – Это был огромный буйвол, от стены до стены. Злобный, как болотный тролль. Он кинулся на...

– Это была корова! – рявкнул директор. – Одна из трех, приобретенных для нашей кухни! Какой-то безмозглый шутник не только выкрал ее ночью и оживил, но и позволил этой нежити превратить коридоры сразу двух корпусов в один большой ветошник! И до вашего появления, мсье Кро, ничего подобного на моей памяти ни разу не случилось. Посему я хочу получить немедленный и правдивый ответ: это безобразие устроено вами?

– Это «безобразие» меня чуть не убило! – Попытка профессора перевалить вину на него возмутила мальчика до глубины души. – Я совершенно нормальный, прилежный ученик! Я никому и никогда не причинял вреда! Это в вашей школе по ночам шастают оборотни, из-за места за партой ученики норовят устроить драку, пообедать в столовой невозможно. Нигде нет ни порядка, ни воспитателей, ученики брошены на произвол, в коридорах бегают дохлые звери, вместо... вместо...

Битали очень хотелось сказать что-нибудь еще, обидное и хлесткое, но фантазия его, увы, истошилась.

– И поэтому, мсье Кро, вы решили отомстить? – Директор удовлетворенно вернулся за стол и плюхнулся в кресло. – Вы похитили из погреба корову, произвели обряд насыщения соками, после чего устроили погоню по школьным коридорам.

– Не делал я этого! Говорю же, я вышел из башни, и тут это чудище накинулось на меня и попыталось...

– С какой целью вы покинули свою комнату в два часа ночи?

– Меня разбудил Надодух... То есть не он...

– Я никого не будил! – тут же встрял недоморф.

– Это был не он, это был морок. Я спросонок не понял, но это был не человек. Он ни разу ко мне не прикоснулся, только звал. И был холодным. Морок.

– Это был не я, – кивнул сосед.

– У меня нет к вам никаких вопросов, мсье Сенусерт, – указал на недоморфа палочкой директор. – Вы можете возвращаться к себе.

– Похоже, Битали кто-то пытался убить, профессор. Его разбудили, выманили, а там...

– Ваша правдивость не вызывает сомнений, мсье Сенусерт, – повысил голос Артур Бронте. – К вам больше нет вопросов. Ступайте!

– Да, профессор, – кивнул недоморф. – До встречи, Битали.

Директор школы дождался, пока Надодух исчезнет, после чего широко, но недобро улыбнулся:

– Предлагаю вам, мсье Кро, признаться в своем проступке и понести заслуженное наказание. Это избавит всех нас от лишних сложностей и вернет жизнь школы в привычное русло.

– Я не оживлял никаких коров и никаких буйволов!

– У вас есть последняя возможность признаться.

– Я не сделал ничего плохого!

– Вы ручаетесь за это своей рукой?

– Я... Не понимаю.

– Положите свою руку в пасть моего льва, – ласково предложил профессор.

– И что будет?

– Если вы солжете, мсье Кро, лев сожмет челюсти и откусит вашу руку. Смею уверить, юноша, это будет очень и очень болезненное ощущение. После этого наш мудрый и многоопытный целитель Эшнун Ниназович приживит ее на место и залечит. Это также станет весьма и весьма неприятным воспоминанием вашей юности. После чего вы будете наказаны за ложь и все равно понесете наказание за свой ночной проступок.

– Я ни в чем не виноват!

– Тогда положите руку в пасть, мсье Кро.

Мальчик замолчал. По спине побежали неприятные холодные мурашки, остро засосало в желудке. Уверенность в своей правоте внезапно испарилась, словно ее никогда и не было.

– У вас все еще есть возможность признаться и понести наказание, юноша. Заслуженное наказание. После этого вы сможете спокойно продолжить свои занятия.

Битали посмотрел директору в глаза, опустил на колено, сжал пальцы левой руки и сунул кулак в распахнутую пасть.

– Признаться еще не поздно, мсье Кро. Уверю вас, получить наказание за шалость куда лучше, чем перенести тяготы лечения и кару за ложь помимо основного взыскания.

– Я ни в чем не виноват!

– Тогда я задам вопрос...

Битали с ужасом ощутил, как при последнем слове Артура Бронте клыки деревянной головы сжались, прочно удерживая его руку в ловушке.

– Участвовали ли вы в ночном безобразии, мсье Битали Кро?

– Это нечестно! – безуспешно попытался выдернуть руку мальчик. – Да, я дрался этой ночью с вашей дохлой коровой! Он я не оживлял ее! Я спасал свою жизнь!

– Вы думаете, кто-то станет покушаться на невинного мальчика, да еще в стенах надежно закрытой от чужаков школы?

– Я не думал! Я просто хотел спастись!

– Но вы ведь напятили корову из школьного погреба соками жизни?

– Я никого не оживлял!

– Так ли? – Кончик директорской палочки коснулся угла стола.

Деревянная челюсть дрогнула... И разжалась, отпуская руку жертвы. Кро отскочил, в точности как недоморф, прижимая к груди целую и невредимую руку.

– Это были не вы, мсье Кро, – крепко сжал губы профессор Бронте. – Жаль...

– Жаль?! Вам жаль?! – задохнулся мальчик. – Вы меня чуть не изувечили!

– Ваша невиновность, юноша, предполагает, что истинный преступник смог ускользнуть от нашего внимания... – Директор задумчиво потер лоб. – Это нехорошо.

– А что у вас тут вообще есть хорошего?! – не выдержал Битали.

– Мало, – кивнул профессор Бронте. – Это действительно так. Полагаю, у вас уже появилось желание убежать домой, к мамочке под юбку. Но прежде чем вы это сделаете, мсье Кро, хочу сказать несколько слов. В прежних своих школах вам доводилось изучать историю смертных? Тогда вы должны помнить, что происходило на протяжении столетий в тех землях, где посчастливилось возникнуть нашей школе. Вы знаете, что многие десятки веков в далеком Китае мудрецы предавались созерцанию и размышлениям, что арабы строили корабли и занимались торговлей, африканцы изучали астрологию, а русские возводили свои бесчисленные города. А здесь, в крохотной Европе, смертные убивали друг друга. Резали, жгли, топили, стреляли, отравляли болезнями, придумывали новые и новые способы смертоубийства и мучений. Вы помните, чем это кончилось, мсье Кро? В один прекрасный день здешние убийцы отправились в путь, они уничтожили или завоевали все встреченные народы и всего за пару веков покорили весь мир. И созерцателей, и торговцев, и ученых, и астрономов. Всех. Покорили, разграбили, сделали своими рабами, забрали себе накопленные ими сокровища. Весь мир. Понимаете, что это значит, мсье Битали Кро? Это значит, что сильные личности не вырастают в тепличных условиях. Достойный маг должен уметь принимать решения и отвечать за них. Он должен уметь брать то, что ему необходимо, силой или хитростью, должен уметь вступать в союзы и выходить из них, должен уметь делать выбор, а не прятаться за чужие спины. Школа маркиза де Гуяка никогда не славилась удобствами и богатством. Но здесь у нас каждый ученик вынужден так или иначе добиваться всего, что в иных колледжах достается ему без каких-либо усилий. Сытных обедов, удобных парт, развлечений или покоя. Мы не подвергаем жизни воспитанников риску, но приучаем к постоянной борьбе. Многим не нравится. Но знаете, мсье Кро... Двести лет назад в мире существовало тридцать семь учебных заведений по изучению чародейства. Лишь каждый двадцатый, получивший аттестат, выпускник выходил из наших ворот. Но из магов, перешагнувших свой столетний рубеж, в наших стенах воспитывался уже каждый пятый. Из переживших второй век – наших выпускников больше трети... Ступайте, мсье Кро. У меня к вам нет больше никаких вопросов.

Надо дух, как оказалось, дожидался соседа в коридоре.

– Ну как? – поинтересовался он, а глазами сразу стрельнул по рукам Битали. – Обошлось?

Кро поднял ладони над головой и торжественно сложил из пальцев две аккуратные фиги.

– Проверял? Нет?

– Конечно, проверял, – кивнул мальчик. – Однако нравы у вас в школе. Я раньше думал, настоящая казарма – это колледж Гриника. Но у вас тут куда круче. Откусывать руки за вранье пока еще никто не догадывался.

– Никому еще не откусывало, – небрежно отмахнулся недоморф. – У директора врать еще ни один дурак не пытался. Слушай, так ведь, если ты правду говорил, получается, тебя убить кто-то хочет? То пожары вокруг тебя случаются, то коровы оживают. Ты чего, тайный принц? Тебя хотят уничтожить, чтобы престол достался полукровке?

– Настолько тайный, что и сам о том не знаю, – усмехнулся Битали. – Я, кстати, вчера коров профессора Налоби видел. Может, это он?

– У него коровы живые, – мотнул головой Надо дух. – Молоко для домовиков дают. А на тебя напала дохлая. К тому же у Филла рога посеребрены – специально, чтобы никто не перепутал.

– Да? А я думал, стальные...

– Мне интересно, почему профессор Бронте у призраков не спросил, как все случилось? Они там были, все видели. И у нас потом всю ночь крутились...

– А мне интересно, мы до первого урока поесть успеем, или время завтрака уже прошло?

Без еды они не остались – но мчатся потом в башню, а из нее на лекцию по колдовству пришлось бегом.

В подвале с черными сводчатыми потолками столы были вытесаны из тяжелого базальта, каждый имел десяток выемок для толчения составов, вымачивания, растирания, для воды и огня, над которым полагалось кипеть оловянному котлу с хитрыми зельями. К счастью, на этом уроке мадам Эджени Кардо устроила лекцию о сроках сбора корневищ для нутряных настоек, и Битали, никогда не собиравшийся посвятить себя бабскому чародейству с зельями и порошками, мог позволить себе слушать ее вполуха.

– Слушай, сосед, – наклонившись к недоморфу, поинтересовался он. – Ваши призраки всегда такие, как были этой ночью?

– Нет, конечно! – вскинулся Надодух. – Где ты видел привидение, висящее на месте, как мокрая простыня на веревке, и завывающее о смерти? Им плевать на смерть, они уже мертвые. Обычно они бродят по замку, болеют на соревнованиях, иногда сидят на уроках, а вечерами пытаются давать советы, как правильно себя вести и когда делать уроки. Тощий Ник, говорят, часто является ночами плохим игрокам и пугает их звериным рыком. Или иначе. Ирилий-борода пытается пробраться в женский корпус. Дырка, Араб Мануф и Голиаф после полуночи караулят коридоры и кидаются на всех, кто допоздна не ложится спать. Петрарка любит являться во сне старшекурсникам и читать стихи. В общем, призраки как призраки. Не скучают. Не знаю, что с ними ночью вдруг случилось.

– Но директор Бронте должен был их спросить о разгроме у нас в коридоре!

– Должен был. Но ведь не спросил.

– А если спросил? – понизил тон Битали. – Что, если кто-то навел на них порчу, и они ничего не помнят?

– Разве на призраков можно навести порчу? Они же... Их же... Их, считай, и не существует!

– Вспомни, как они себя вели... И ничего не рассказали.

– Откуда ты знаешь? Может, они как раз нас и выдали. Они ведь нас видели. И меня, и тебя. За нами в башню пошли. А что мог разглядеть в темноте этот затоптанный неудачник? Подожди, а тебя правда разбудил морок? Значит, все это было сделано специально против тебя, да? Скажи честно, Битали, за тобой кто-то охотится?

– Ерунда, совпадение. Во всех школах старшие любят разыгрывать новичков.

– Сделать толкового морока, оживить мертвеца... Да на это ни один старшекурсник не способен!

– Вы что-то спросили, мсье Сенусерт? – расслышала его восклицание мадам Кардо и пригладила васильковые кудри тонкими пальчиками с черными ногтями. Передник, юбку, руки пожилой учительницы тоже покрывали пятна от несчитанных капель сока всевозможных растений и зелий самого непостижимого назначения. Ослепительно белой оставалась лишь кофточка крупной вязки, небрежно накинутая на плечи.

– Да, мадам, – вскочил недоморф. – Вы говорили, их все нужно собирать на утренней росе?

– Совершенно верно, юноша. На утренней росе третьего дня после полнолуния, – жестом разрешила ему сесть мадам.

– У ведьм все на свете по росе происходит, – довольно подмигнул Надодух. – Не знаю, чего тут семь лет учить можно?

– Любые заклятия можно найти в учебниках, – продолжил размышлять вслух Битали. – Кому-то хочется опробовать... Когда что-то сложное получается, шутники начинают эту магию сплошь и рядом применять.

– Но раньше ничего такого не было! До твоего приезда.

– Знаешь, что нужно сделать, сосед? Нужно самим у призраков спросить, что они видели. И все будет ясно.

– У призраков? – порывисто зачесал рукой за ухом недоморф. – Правда. Нужно спросить, кого они видели, кто эту тушу в коридор затащил. Не могли же корову незаметно через стены и лестницы пронести! Тогда все ясно и станет.

– Ну?

– Что ну?

– Где можно найти ваши привидения? Ты тут с первого курса живешь, должен знать.

– Проще всего после полуночи выйти из башни. Все они, кроме баронессы, имеют то ли разрешение, то ли поручение наказывать учеников, вовремя не отошедших ко сну. К первому этажу это, понятно, не относится. Но если прогуляться ночью хоть у нас, хоть в учебном корпусе, кого-нибудь встретим наверняка... Кто это?

В аудитории возник мелодичный звон, и после короткой паузы через стену в класс перетек профессор Омар ибн Аби Рабиа, низко поклонился учительнице:

– Прошу прощения, мадам, но мое сообщение не терпит отлагательства. – Араб повернулся к школьникам: – Прошу вашего общего внимания, курс! В силу сложившихся обстоятельств директор Артур Бронте вынужден напомнить всем учащимся, что в нашей школе существует общий распорядок дня, который обязателен к безусловному исполнению! В силу отдельных событий мы пришли к необходимости жесткого наказания для нарушителей дисциплины начиная с десяти часов сегодняшнего вечера. В десять часов все ученики обязаны находиться в своих комнатах, к полуночи для всех и каждого обязателен отход ко сну. Покидать комнаты до первых лучей света запрещено без каких бы то ни было оговорок! Это всем понятно? Никаких исключений!

Профессор вскинул палец и обвел курс пронзительным взглядом.

– Разумеется, – уже не так грозно добавил он, – данное ограничение не распространяется на осознанных и неосознанных метаморфов. Однако всех перекидчиков прошу обратить внимание на вашу обязанность сообщать администрации школы в лице любого учителя о появлении в школе и на прилегающих территориях посторонних существ, в том числе смертных или иных животных. Особо указываю: вы должны не спугнуть или прогнать постороннее существо, а сообщить о нем первому встреченному преподавателю! Кстати, начиная с этого дня учителя станут по очереди дежурить в коридорах, обходя школу, так что это будет совсем не сложно.

– Бо-олотные духи, – восторженно прошептал Битали сосед. – Кажется, у нас в школе случилось большое «кря». Что-то крякнулось так, что всех учителей словно поджарило. Мадам Кардо, вон, даже лицом побелела.

– Кроме того, хочу напомнить всему курсу о правилах хранения зеркал! – хорошо поставленным голосом продолжил профессор. – Зеркала в шкафах должны видеть свет только в тот момент, когда вы открываете дверцы, чтобы взять одежду или коротко на себя посмотреться. Зеркала настольные должны лежать стеклом вниз, за исключением случаев, когда вам нужно посмотреться в них, либо выполнить самостоятельную работу по дальномирию. Гадание с помощью зеркал с сегодняшнего дня запрещено категорически! Особо обращаю внимание на это девочек: никаких гаданий с помощью зеркал, либо с вызовом духа из мира мертвых! Наказание за нарушение правил будет очень строгим, вплоть до исключения!

– Это уже не «кря», – толкнул локтем соседа Надодух. – Это у них, похоже, большой кирдык случился. Интересно, какой? Неужели все это из-за какой-то там дохлой коровы? Ты веришь, нет?

– Еще раз прошу прощения, мадам, – приложил араб руку к груди и поклонился учительнице. – Приказ директора довести изменения в правилах до всех немедленно. Иначе я бы, конечно, не посмел.

– Пожалуй, на сегодня достаточно, – вскинула подбородок мадам Кардо и дрожащим голосом закончила: – Хорошенько запомните все, что я вам сказала, перечитайте седьмую главу два раза. Носить в поле энциклопедию крайне неудобно, а ошибка при сборе растений всего в один час полностью меняет качество зелья из-за изменений насыщенности корней, стеблей и листьев жизненными соками. Можете идти!

– Ты глаза отводить умеешь? – шепотом недоморф.

– Естественно, – пожал плечами Кро.

– Тогда не торопись. Задержимся в коридоре.

Остальные школьники, напротив, быстро сгребали тетрадки и справочники и торопились за стену. Видимо, после прозвучавшего предупреждения всем захотелось опустить зеркала на своих столах или закрыть, наконец-то, плотно набитый шкаф. Все почувствовали: в школе назревает какая-то беда. И не стоит накликивать ее на себя глупой невнимательностью.

– Привет, Битали! – остановился возле стола курносый Ронни. – Ну как, чего-нибудь надумал?

– Думаю, – отозвался Кро.

– Думай быстрее. Завтра полнолуние. Орден принимает новых членов только в час полного открытия. Не успеешь – придется ждать еще месяц.

– Да-да, потом, – махнул на него рукой Надодух, отсылая прочь, оглянулся и шепнул: – Кажется, пора. Сразу в коридоре наговор читай, пока не заметил никто. И потом даже не дыши. Пошли...

Как и советовал недоморф, Битали, едва пробив стену, тут же провел палочкой по телу, нараспев проговаривая заклинание:

– По-о-е-хту! – с последним звуком стряхивая свою внешность на несколько шагов левее.

В этом и было главное отличие отвода глаз от невидимости: краем глаза человека можно было заметить сразу в двух местах, но зато при прямом пристальном взгляде – ни тут, и ни там.

– Ты здесь? – услышал мальчик рядом голос недоморфа.

– Да.

– Она, кажется, плачет... Говорит, что происходит по матери из рода Сатексов, и Темный Лорд сожжет ее живьем сразу, как только увидит... Хочет уехать... Профессор фыркает и хмыкает, говорит, что у нее мания величия. У Темного Лорда, мол, будет слишком много куда более важных дел, нежели вычищать младшие ветви саксонских родов. Говорит, никакой Темный Лорд в школе не появлялся, это пустые фантазии... Она говорит про новые меры безопасности. Они сами, мол, боятся Темного Лорда, а ее обманывают. Теперь профессор... В общем, новые указы – это всего лишь меры предосторожности, а на самом деле никакого Темного Лорда нет. Она не верит... Вот плакса! Никогда не думал. Говорит, Лорд будет убивать всех, до последнего младенца, до последнего щенка, родившегося в проклятом доме. Лорд всегда купался в крови, это всем известно. Омар советует ей уехать, куда она пожелает, но тогда она может навсегда забыть о защите ордена. Лично Артура Бронте, его самого и всего ордена. Если она больше надеется на обезьян, то пусть потом пеняет на себя... Ага! Опять... Нет...

– Что «нет»? – не понял Битали.

– Она говорит, что Темного Лорда не смог победить никто. Его всего лишь обманули. И теперь он перебьет потомков всех, кто участвовал в обмане. А профессор говорит, что она связана перед школой словом и должна закончить курс, провести все обязательные занятия. Мадам смеется. Она не хочет быть честной, но мертвой. Смеется и плачет разом. Как у нее это получается? Я бы не смог... Ой... Ага, слышу... Ого! Наш Омар сказал, что, если она предпочитает иметь двух опасных врагов вместо одного, то он уже ничем... Бежим, он уходит!

Кро кинулся бежать вдоль по коридору, свернул за угол и поскорее стряхнул с себя наговор – не хватало еще, чтобы на него сослепу кто-нибудь налетел! Двинулся дальше уже спокойным шагом. Вскоре мимо него стремительной походкой промчался профессор Омар ибн Аби Рабиа, с которого слетела вся его аристократическая чопорность, так удивлявшая Битали на уроке дальномирия. Учитель школьника вроде бы вовсе не заметил и ушел в стену перед лестницей.

– Что же это за Лорд, который их так взбаламутил? – стало любопытно Кро.

– А я знаю, – сообщил все еще невидимый Надодух. – Только раньше не верил. Это старый колдун, убийца магов. Должен вернуться и убить всех уцелевших. Потом расскажу, а то на метаморфизм не успеем. Бежим учебники менять.

В кабинет метаморфизма они влетели самыми последними, уже после профессора Традиша. Но вечно сонный старикашка не стал их отчитывать – лишь вяло махнул рукой в сторону свободной парты, – и все тем же занудным, бубнящим тоном произнес:

– Ввиду обстоятельств я должен отвлечься от общего курса и сказать несколько слов на особую тему.

Класс дружно раскрыл тетрадки и снял колпачки с вечных перьев, чтобы конспектировать учителя, но тот вдруг замолчал, обводя школьников подслеповатым взглядом, вздохнул и поморщился:

– Не нужно этого писать, дети. Это нужно запомнить. Вы должны знать. Должны знать, что в нашем мире есть сила, говорящая о добре, но творящая при этом самые страшные из страшнейших злодеяний. Не стану называть его имени, ибо это давно уже не принято в научном сообществе, – тихо, себе под нос пробубнил профессор. – Это был сильный, весьма сильный маг. Он обещал принести на землю покой и мир. С этими сладкими словами он и истребил почти всех чародеев, живших на севере этого континента. Всех, кто не пожелал признавать над собой его власть. Руки его были в крови по локоть, но почему-то многие и многие сотни магов все равно доверились ему, признали его своим господином и служили ему, равно королю. Больше того, дети, многие верны ему по сей день, готовы служить и исполнять его желания. Посему прошу вас всех... Всех... Если кто-то позовет вас служить наивысшим целям, отдать себя на благо всему человечеству... Бегите от него, дети. Бегите со всех ног. Те, что хотят осчастливить сразу всех, отчего-то начинают свои дела с уничтожения каждого в отдельности...

Профессор замолк и надолго задумался. А когда школьники начали подозревать, что он заснул, Уолт Традиш внезапно вскинул голову:

– А если кто-то станет призывать вас служению высшим целям в стенах школы, вы должны немедленно сообщить об этом директору, любому из учителей или хотя бы мне... Да... А теперь откройте свои тетради и начнем урок.

– Ничего себе, – склонив голову, удивился Надодух. – Даже старика Традиша проняло! А я думал, он уже пожизненно в полудреме. Навсегда.

– Думаешь, он это про Темного Лорда?

– А у кого еще руки по локоть в крови? Вон какая у нашей мадам истерика случилась, как про него услышала.

– Перекидка организма сопровождается полной перестройкой и обретением новых качеств, – все так же заунывно и сонно, на одной ноте, забормотал учитель. – Что означает полное избавление от ран в момент перекидки метаморфа. Однако же момент случившейся смерти связь разрывает, и восстановления организма не наблюдается.

Битали отвернулся от товарища и стал быстро писать конспект. Больше получаса сосед его никак не отвлекал, но потом неожиданно опять толкнул в бок:

– Слушай, а чего от тебя этот Ронни хотел?

– Ты о чем, – не отрываясь от конспекта, переспросил Кро.

– На прошлом уроке он к тебе подходил. Ну, этот, из ордена. Говорил, что они принимают новых членов только в полнолуние. А оно завтра.

– Ничего... – Битали продолжил записывать и без того невнятную речь профессора Традиша.

– Ты собрался вступить в орден Грифа? Собрался, скажи!

– Давай потом, а?

– Ну, конечно! – откинулся Надодух на спинку стула. – Башня Кролик – это отстойник для уродов. Из нее нужно бежать при первой возможности. Все остальное по сравнению с этим мелочи.

Битали промолчал.

– Я же говорил, – хмыкнул недоморф, – больше недели в моей башне никто не живет. Ладно, сосед. Будь здоров. Успехов.

Он сдвинулся от Кро на край стола и тоже сосредоточенно заскрипел пером. А когда урок закончился, сгреб справочник под мышку вместе с обеими иллюстрированными тетрадами и первым, громко хмыкнув, вышел из класса.

* * *

Обряд принятия нового члена ордена проводился в храме. Да-да, школьники ордена Грифа создали в одной из комнат свой собственный храм! С помощью каких-то, знакомых Кро, заклинаний они смогли поднять потолок в несколько раз, и там, затмевая распахнутыми крыльями лунный диск, парил могучий черный орел. Внизу же вдоль стен стояла череда меченосцев. В правых руках они держали настоящие факелы, потрескивающие огнем, левыми опирались на широкие двуручные мечи. Все были одеты в длинные, до пят, серые дерюжные балахоны с вышитыми на груди золотыми, слабо лучащимися, кривоклювыми птицами. Алтарь заменяло выложенное из черепов возвышение. Судя по размерам – черепа принадлежали поверженным орденом великанам.

– Доблестные братья мои! – стоявший за алтарем магистр воздел руки к небу. А может, к грифу, покровителю ордена. – В сей час просветления небесных светил собрались мы, дабы принять в наше братство достойного мужа, храброго воина и мудрого человека. С его клятвой союз наш делается прочнее, сильнее и храбрее прежнего. Он станет новым прочным кирпичом в стене нашего ордена, опорой его стен, залогом его силы. Ответьте мне, братья мои, считаете ли вы неопита Битали Кро, урожденного Кро из древнего знатного рода, достойным принятия в ряды нашего ордена?!

– Достоин... – ответил меченосец, что стоял слева от двери.

– Достоин, – отозвался тот, что стоял напротив.

– Достоин, достоин, достоин, – словно эхо, от стены к стене прокатился ответ старших братьев ордена Грифа.

– Слушай меня, неопит Битали Кро, урожденный Кро, – торжественно обратился к мальчику магистр. – Настает важнейший час твоей жизни! Ты вступаешь в ряды сильнейшего из орденов, существующего на Земле. С этого мига и до твоего последнего часа ты станешь одним из нас, и братство наше поможет тебе хранить достоинство и честь свою как в стенах школы досточтимого маркиза де Гуяка, так и в миру, как во время учебы, так и во все будущие годы. Вступая в ряды нашего братства, ты, неопит Битали Кро, обязан отринуть от себя и оставить в прошлом все прежние мысли и желания, свои планы и обещания, свои привычки и одежды. Готов ли ты принять наши условия, Битали Кро?

– Готов, великий магистр, – склонил голову мальчик.

– Тогда исполни их, и ты сможешь ступить через порог нашего святилища!

Битали через голову стянул с себя рубашку и отшвырнул в сторону, снял туфли, носки, скинул брюки и трусы и, оставшись полностью обнаженным, сделал свой первый шаг на пути к балахону с орлом, сложенному рисунком вверх у основания алтаря. За порогом оказалось зябко – куда холоднее, нежели в коридоре. От факелов ощутимо веяло теплом. Значит, огонь был настоящим, не магическим.

– Клянешься ли ты, неофит Битали Кро, всеми помыслами и деяниями своими стремиться к славе ордена, укреплять его могущество и достоинство?

– Клянусь! – ответил Кро и сделал еще шаг к алтарю.

– Клянешься ли ты, неофит Битали Кро, защищать каждого из членов ордена, как себя самого, и в любой опасности приходить на помощь, сколь бы ни велика была сила врага?

– Клянусь! – Он сделал еще один шаг.

– Клянешься ли ты, неофит Битали Кро, ставить братство нашего ордена превыше всех прочих связей, будь то дружба, родство или плотские желания?

– Клянусь! – До алтаря осталось всего чуть-чуть.

– Клянешься ли ты, неофит Битали Кро, беспрекословно выполнять любые приказы и пожелания членов ордена до тех пор, пока братство не сочтет тебя достойным полноценного посвящения?

– Все то время, пока я останусь неофитом? – уточнил мальчик. – Или пока не придут другие?

– Клянешься ли ты, неофит Битали Кро, беспрекословно выполнять любые приказы и пожелания членов ордена до тех пор, пока братство не сочтет тебя достойным полноценного посвящения? – повысив голос, повторил вопрос магистр.

– То есть я, Битали Кро из достойного рода Кро, должен буду исполнять все прихоти любого выскочки, который вступил в орден раньше меня?!

– Ты должен принести клятву, неофит!

– Я не стану давать такого обещания, – мотнул головой Битали. – Не надо мне подобного счастья.

– Дурак, тебя же в орден не примут! – сорвался с торжественного тона на обычную речь магистр.

– Не стану я мальчиком на побегушках, – повторил Кро. – Хотите – так принимайте.

– Если ты не принесешь клятву немедленно, – опять возвысил голос магистр, – ты навеки будешь изгнан из наших рядов, а голова твоя покроется позором!

– Поаккуратней на поворотах! – огрызнулся Битали. – Если я на побегушках не бегаю, мне стыдиться нечего. Это у вас за каждым хвост пресмыкания тянется.

– Братья, позорный полукровка пробрался в наши ряды! – ткнул пальцем в сторону Кро магистр. – Избавим орден от скверны, изгоним рассаду позора! Изгоним! Изгоним!

Меченосцы у стен попытались вскинуть оружие, но с этим подвигом не справился никто: для одной ладони двуручные клинки были слишком тяжелы, а куда девать факелы, никто из орденцев не придумал.

– Не надо нервов, детишки, – вскинул руки Кро, пятясь к двери. – Обойдусь без провожатых.

– Держи его!

Это магистр крикнул зря. Так бы Битали ушел тихо и вежливо – но теперь занервничал и кинулся бежать. За дверьми на его пути попытались встать младшекурсники – старшие члены ордена находились в храме. Кро с разбегу подпрыгнул, извернулся и врезался в ряды подростков спиной, половину опрокинув, половину отпугнув. Выигранной секунды хватило, чтобы сгрести с пола хоть какую одежду и ринуться по коридору к выходу. Там, за изящной аркой, дежурили всего двое невысоких караульных. Однако у входа вполне могла иметься какая-то ловушка, оберег или еще какое средство для защиты владений ордена.

– Держи его, держи! – покатился по коридору призывный клич. – Не уйдешь!!!

– Как же, поймали... – Кро уже успел нащупать волшебную палочку и, неожиданно для всех повернув вправо, ушел сквозь стену в чью-то комнату, тут же скользнул сквозь пол, свалившись на разложенные конспекты перед незнакомым пузатым школяром.

– Ты чего? – откатнулся тот, чуть не упав со стула.

– Прощенья просим... – Битали скатился со стола, метнулся к внутренней стене, промчался десяток шагов по коридору и опять свернул в чужую комнату.

– Стучаться надо! – Здесь трое второкурсников играли в карты.

– Спать давно пора, а вы дурака валяете! – покачал головой Кро, торопливо оделся. – Смотрите, про все Араб Мануфу расскажу!

Не дожидаясь ответа, он вернулся в коридор, огляделся. Если здесь и появлялась погоня ордена, то она уже куда-то умчалась.

– Наверняка лестницы караулят, – решил мальчик, бесшумно ступая по каменному полу. Он миновал один поворот, другой... Но никого из членов ордена не заметил и облегченно перевел дух. – Кажется, я напрасно устраивал панику. За пределами своего этажа ребята буянить не рискнули.

Битали действительно добрался до сфинкса без всяких приключений и после легкого взмаха палочки оказался возле своей постели.

– Это ты, орденец? – сквозь зевок поинтересовался недоморф. – За вещами пришел? Мог бы и не торопиться. Никуда бы они не делись.

– Ты чего, обиделся, что ли, Надодух?

– Очень надо, – выше подтянул тот одеяло. – Я же тебе сам советовал в орден вступать. Кому нравится, что его «кроликом» называют? После школы такая кличка вообще на всю жизнь прилипнуть может. Так что чеши к себе и не парься. Переживу.

– Не переживешь, мсье Сенусерт, не надейся. Я решил тебя не покидать. Что стоило мне двух ботинок, рубашки и хорошей пробежки.

– Тебя чего, не приняли? – Недоморф перевернулся на живот и выполз выше на подушку. – А почему? Не захотели?

– Как раз захотели, – тихо засмеялся Кро. – Так хотели, еле ноги унес.

– Тогда почему?

– Больно клятвы у них мудреные. Мне такие не произнести. Да-а... – Битали встряхнул перед собой мятые брюки, повернулся, чтобы на них упал льющийся из окна лунный свет. – Похоже, по ним успели потоптаться. Вечно эти малявки под ноги не смотрят.

– Какие малявки?

– Первые курсы. Я когда разделся, чтобы клятву произносить, тряпье все это к стене кинул. А они, видно, ногами потоптали, когда внутрь заглядывали. Ладно, утром буду думать.

– Подожди... – Недоморф уже уселся в постели. – Ты разделся, начал обряд принятия... И сбежал?

– Ага, – повесил брюки на стул Битали. – В двух клятвах от алтаря. Зато разбег получился хороший. За дверью всех, кто там был, точно кегли, посбивал.

– Зачем? То есть почему?

– Я, знаешь, о чем подумал, Надодух? Прежде чем ловить призраков, может, нам пару вопросов неудачнику задать? Вдруг он и вправду что-то важное заметил?

– Ты из-за этого сбежал с середины обряда посвящения? Ты хоть понимаешь, Битали, что теперь на тебя весь орден окрысится? Мстить ведь станут, сосед!

– Ты знаешь, дружище, – хмыкнул Кро, – после дохлой коровы пакости ордена меня волнуют не очень сильно.

– Это точно, – согласился недоморф. – Им до такого не додуматься. Дальше линючих волос и чесоточного порошка их фантазия еще не простиралась.

– А если додумаются, второй коровой меня уже не напугать. Знаю теперь, как с мертвецами обращаться.

– Да не они это, Битали, не они. Ученикам качественного говорящего морока не сделать и тушу кухонную не оживить... Слушай, сосед, так почему ты с посвящения сбежал? Скажи честно!

– Передумал, – кратко пояснил Битали, улегся в постель и накрылся одеялом.

Черный маг

Утром мальчика ждал приятный сюрприз: чистые отглаженные брюки, свежая сорочка и оставшиеся накануне во владениях ордена туфли дожидались пробуждения хозяина на письменном столе.

– Батану, – понял Кро. – Спасибо, приятель. Ты здесь? Угощайся конфетами, очень тебя прошу. Потом я тебе нормальное угощение добуду.

– Я твой должник, хозяин... – послышался голос эльфа.

– А я твой. Угощайся.

Пока Надодух уговаривал своего ворона побольше отдыхать на теплом безопасном чердаке, Битали наскоро оделся.

– Куда торопишься, сосед? Спят еще все вокруг.

– Червячка хочу заморить, пока герои ордена в столовую не заявились.

– Это правильно, – признал Надодух. – Ну, беги. Я догоню.

Несмотря на ранний час, в подземной столовой уже сидели добрых полтора десятка школьников. Причем четверо – из «великого» ордена Грифа. К счастью, это оказались всего лишь щуплые второкурсники, и хотя они проводили Кро нехорошим взглядом, но затевать ссору не рискнули.

– В обед будет хуже, – себе под нос пробормотал Битали, взялся за яблоко и, насыщаясь положенной порцией витаминов, стал выбирать себе завтрак. – Творог, пара яиц, рубленое сердце с луком и горчицей, два пирожных. Теперь, пожалуй, до вечера я с голода не умру.

Благодаря раннему часу мальчик даже смог занять совершенно свободный стол, широким полукругом расставив на нем тарелки.

– Привет, новенький! – неожиданно плюхнулась напротив Генриетта, выбравшая себе лишь кружку сметаны и кусочек торта. – Прощальный пир перед смертью? Лихо ты вчера орден обул, уважаю.

– Уже все знают? Ночи ведь еще не прошло!

– А ты думал? Кабы ты просто вступил, никто бы и не заметил. Но послать магистра к болотным троллям прямо перед алтарем, а потом удрать, наставив синяков половине ордена... Долго думал, прежде чем такой цирк устроить?

– Секунд пять.

– Понятно. На похороны пригласишь?

– Обязательно. Только надень, пожалуйста, то симпатичное платье, в котором мы первый раз встретились. Этот форменный балахон тебе не к лицу.

– Это правда! – изумилась девушка. – Тебе понравилось мое платье? Здесь все подружки говорили, что старческое. Подарок родителей на день рождения. Я все сомневалась, носить или нет. Теперь оставлю.

Со своим скромным завтраком она покончила молниеносно, поднялась:

– Ну, успехов тебе, дебошир. Ты какие цветы к себе в гроб предпочитаешь? Нарциссы, гвоздики или розы?

– Папоротник.

– Вот как... – Она почесала в затылке. – Тогда постарайся протянуть хотя бы до весны. Нынче с цветами папоротника туговато.

Не успел Битали покончить с творогом, как возле него остановилась еще кучка однокурсников.

– Доброе утро и приятного аппетита, мсье Кро, – свысока кивнул ему Арно Дожар. – Никак не думал, гусар, что ты склонен к суициду. Оставьте его, ребята, пусть поест спокойно напоследок.

Мальчишки из свиты довольно загоготали, уходя к прилавку, девочки же сочувствующе кивнули. А Горамник ему даже ободряюще улыбнулась. Слева громко зашептала стайка девочек, чуть не показывая на Битали пальцем. Справа, словно невзначай, остановились несколько малолеток.

– Ну ты, парень, даешь, – неожиданно похлопал по плечу и вовсе незнакомый старшекурсник.

Чувствуя себя экзотической зверюшкой в зоопарке, Кро поскорее доел мясо, запил стаканом компота и отправился в башню. Надодуха в комнате не было – похоже, они разминулись. Глянув у соседа на столе на расписание, Битали приготовил «Сонник госпожи Пиф», чистую тетрадь, пособие по прорицанию и завалился на постель.

– У меня тебе подарок, сосед, – вырос возле подоконника довольный собой недоморф. – Я встретил Филла. У него ведь кабинет недалеко от сфинкса. Мы немного поговорили, и он передал свежую булку и молоко для твоего домового. Обещал добавить три балла в аттестат – за успех по предмету. Ты вроде единственный, кому хоть кто-то явился. Еще, слышал, «грифы» обещали, что ты этого дня не переживешь. Кое-кто уже затеял тотализатор. Против тебя ставят двенадцать к одному.

– Надо поставить, – буркнул Битали. – Если проиграю, деньги мне все равно не понадобятся.

– Я уже на тебя поставил, могу взять в долю, – весело предложил Надодух. – Не дрейфь, прорвемся! Я подстрахую. Один день точно выдержим. А там как повезет.

– Кому повезет?

– Всем! Я же за тебя, сосед, ты разве не понял? Рядом буду держаться, вытащу, коли что не так.

– Давай молоко...

Выдернув из тетради чистый лист, Битали поставил на него выданный профессором Налоби стакан, рядом положил мягкий, сладко пахнущий хлеб и позвал:

– Батану! Приходи ко мне, маленький хозяин. Отведай угощения, отдохни сегодня сытым. Не поминай лихом.

– Сосед, скажи правду.

– О чем? – повернулся к недоморфу Кро.

– Какого беса ты сперва согласился стать членом ордена, а потом вдруг сбежал прямо с середины обряда?

– Разве я не говорил? Из-за клятвы. Они потребовали клятвы, что я буду исполнять любые приказы и прихоти всех членов ордена. Я буду неофитом, а они хозяевами. До тех пор, пока меня не соизволят принять в полноправные члены.

– Ну и что? Так всегда происходит. Сперва ты прислуживаешь старшим, потом старшим становишься ты, и прислуживают тебе. Орден этим уже седьмой век живет! И ничего, мир не рухнул.

– Мы на пятом курсе, Надодух, – вздохнул Битали. – И это моя четвертая школа. Если я вступлю в орден, мне придется быть на побегушках, пока не появится очередной новичок. Уже месяц, как идут занятия. Новичков раньше следующей осени ждать не приходится. Скажи, сосед, какой мне смысл выслуживаться целый год перед здешними дураками, если по весне родители могут забрать меня и опять перевести куда-то еще? Первый раз, что ли?

– Логично, – зачесал в затылке недоморф. – А я думал, ты умом тронулся.

– Неправда. На самом деле я ленивый мелочный крохобор. Не хочу вкалывать за просто так.

– Пятый курс, – зачем-то загнул пальцы Надодух. – Остался только шестой и седьмой. А ведь получается, мне тоже орден не интересен, даже если позовут.

– А Ронни, как я понял, на нашем курсе оказался последним. Вот и пытается себе замену подыскать.

– Точно! – вскинул мохнатый палец недоморф. – Он только в прошлом году к нам перевелся. Значит, он... То есть мы... Вот проклятье, мы же на урок опаздываем!

Схватив учебники, оба кинулись к подоконнику, едва не столкнувшись лбами, и один за другим выкатились в темный коридор, который после недавнего разгрома освещался лишь несколькими факелами с синим, холодным колдовским пламенем. Впереди к лестнице топал, понуриив голову, мальчишка с рыжими короткими волосами, слева гладко зачесанными, а справа стоящими дыбом.

– Держи его! – восторженно завопил Надодух, кидаясь в погоню.

Мальчик развернулся на крик, пытался побежать, но в столь неудобном положении сцепился ногами и рухнул на пол.

– Ага, попался! – навалился сверху недоморф. – Знакомься, Битали, это и есть тот самый Цивик, что сдал нас директору со всеми потрохами.

– Я никого не выдавал! – закрутился под его весом круглолицый, веснушчатый, курносый паренек. – Меня пытали! У меня было пять переломов! Я три дня в лечебнице пролежал!

– Кто тебя пытал? – присел рядом Битали. – Что ты врешь? Совсем нас за дураков держишь?

– Мне было больно. У меня было семь переломов! А они спрашивали. А мне было больно.

– Девять переломов, – хмыкнул недоморф. – Хочешь, я их все пересчитаю?

– Потом, сосед, – вставая, хлопнул его по плечу Кро. – Сам говорил, опаздываем. Никуда он от нас не денется. Правда, приятель?

Битали подобрал рассыпавшиеся справочники и тетради, сунул их Цивику под мышку, помог ему встать, и они все трое поспешили на лестницу и наверх, к всевидящей мадам Анне Деборе.

– Я вообще никому и ничего не говорил, – продолжал оправдываться Цивик, подходя к стене, отмеченной коврами с рисунком из разноцветных переплетенных пентаграмм. – Я бредил. Меня затоптали. Я слышал ваши голоса и звал вас на помощь.

– Успокойся, потом расскажешь, – уже в который раз попытался успокоить его Битали. – Мы тоже не виноваты, директор нас отпустил. Просто знать хотим, как все было.

Он вытащил волшебную палочку:

– Онберик!

– Странно, ковры передвинули... – удивился Цивик и тоже взмахнул длинным тонким стержнем из черного дерева: – Онберик!

Он ушел в каменную кладку, Битали же, наоборот, притормозил:

– Это правда?

– Что? – вскинул к плечу яблоневою палочку Надодух.

– Ковры сдвинули...

– Да, есть немного... Раньше они шире висели, было три прохода. Теперь получается только один... Думаешь, орден тебе ловушку подстроил?

– Не знаю. Но лучше подстраховаться.

Битали миновал два ковра, поднял край одного из них, взмахнул палочкой и оказался в светлой аудитории с цветными витражами вместо окон. С его появлением быстро сошли на нет восторженные крики. Рассевшиеся за легкими партами из плетеной ивы ученики удивленно смотрели то на него, то на бесформенную ледяную глыбу, застывшую в десятке шагов левее.

– Я же говорил, – шепнул в ухо Битали недоморф. – Цивик страшно невезучий. Вместо тебя под ведро с «мерзлой водой» попался.

– Он же задохнется! – Кро вскинул палочку, вкладывая в опорное слово всю свою жизненную силу: – Мартилло!

– Мартилло! – последовал его примеру Надодух.

Заклинение подхватили еще несколько учеников, и под совместными ударами ледяная корка пошла трещинами, а затем рассыпалась на белые пузырчатые осколки.

Цивик, громко стуча зубами и мелко дыша, съежился в комочек и осел на пол. Тратить силу на полное удаление воды Битали не стал: спрятал палочку, подбежал к невезучему бедолаге:

– Ну, ты как? Лучше вставай, подвигайся. Быстрее согреешься, ну, давай... – Кро протянул Цивику обе руки, но тот мотнул головой и еще сильнее сжался.

– Что здесь происходит, мсье? – Битали не заметил, когда и откуда появилась большеглазая, желтокожая, дородная преподавательница с крючковатым носом и длинными, черными, волнистыми волосами.

– Вот, подшутил кто-то над моим другом.

Слегка поддернув юбку, учительница присела, за подбородок подняла голову Цивика, оттянув веко, глянула ему в глаз, положила ладонь на лоб... Битали машинально отметил желтую янтарную печатку на ее пальце.

– Та-ак... Могу обещать, что этот шутник будет лишен половины баллов в своем выпускном аттестате. Всем сидеть на местах, читать последний раздел главы об эманационных следах.

Она простерла над мокрым насквозь мальчиком руку, резко растопырила пальцы:

– Леви!

Цивик взмыл в воздух, несколько раз качнулся, приходя в равновесие, замер вниз головой и медленно размяк, вытянувшись во весь рост. Прорицательница легко ушла сквозь стену, пострадавший поплыл за ней.

– Вы, ребята, совсем ума лишились?! – повернулась к рассеявшимся в дальнем ряду членам ордена Генриетта Вантенуа. – Вы же его чуть не убили!

– Это Кро виноват, – поднял голову курчавенький мальчик с родинкой возле носа. – Он свое заклинание сказал, а вместо себя Цивика пустил.

– Цивик просто невезучий! – возразила Генриетта.

– Не умеете ловушки делать, так и не беритесь, – сразу в несколько голосов посоветовали со среднего ряда. «Троллей» казус ордена явно порадовал. – Правда, дураки.

– Не дураки, а крысы, – холодно сообщил Дожар, глядя прямо перед собой. – Не могут прямо и открыто сразиться, только исподтишка куснуть решаются.

– Ты назвал членов ордена крысами?! – вскинулся курчавый. – Хочешь неприятностей, граф?

– Да, назвал, – так же холодно ответил Арно Дожар. – Ты считаешь себя оскорбленным, Лоран?

Тот почему-то промолчал.

– Здешние ребята и вправду заигрываются, Надодух, – тихо согласился Битали, усаживаясь за одну парту с недоморфом. – Скорей бы ваш Уоллес отдал мне боевой амулет. Без него становится тоскливо.

– Драться на оружии в школе все равно запрещено, – пожал плечами недоморф. – Только на дуэли, по правилам.

– Кому-то сегодня сильно повезло, – появившись в аудитории, заметила мадам Деборе. – Ваш одноклассник вернется на занятия уже к следующему уроку. Однако виновники будут наказаны все равно, это я вам обещаю. Теперь закройте учебники и вздохните с облегчением. Способы пролонгации линии судьбы на основании следов клиента мы в этом семестре закрываем и переходим к снам и их толкованию. Для начала всем вам следует понять, что же такое сон. Как все вы знаете, в теле развитого человека, в отличие от человека смертного, присутствуют три тесно взаимосвязанные души. Душа телесная, присущая всему живому и определяющая низшие чувства и способности, душа мыслительная, дарующая нам разум, либо отни-

мающая его – как у того нарушителя, что облил ледяной водой мсье Цивика, – и душа вечная, дарующая нам способности повелевать сущим. Или, в просторечии, наделяющая магическими способностями. Третья наша душа, именуемая иногда астральным телом, духовной составляющей, либо просто Ба, имеет способность покидать наше тело и путешествовать вовне, не нарушая при этом наши жизненные процессы. Именно она, отделяясь от вас и переселяясь в животное-тотемника, позволяет сохранить вашу жизнь в случае гибели плоти и обеспечить ваше воскрешение, если плотское тело удастся восстановить. Именно она, отделяясь от вас и проникая в иные места, наделяет вас предвидением или интуицией. Но самое главное – это то, что во время вашего сна, когда вы не нуждаетесь в ее покровительстве, душа Ба способна вовсе покидать здешнее пространство и заглядывать вперед не только в пространстве, но и во времени... Мсье Картье, если вы считаете, что я говорю о чем-то скучном, можете поискать для себя другого преподавателя и другую школу.

– Простите, мадам, – вскинулся кареглазый, круглолицый «троль». – Я задумался.

– Прекрасное качество, мсье Картье! Ступайте к моему столу, сейчас мы воспользуемся вашими мыслительными способностями. Итак, вы видите на столе мой тайванский бамбуковый кофр. В нем лежит столько красных карандашей, сколько баллов вы получите себе в аттестат в случае правильного ответа. Воспользуйтесь свойством астрального тела проникать в невидимые нам места и по моему хлопку ответьте, сколько именно карандашей там лежит... – Учительница хлопнула в ладоши.

– Тринадцать! – с широкой улыбкой крикнул тот. По классу прокатилась волна смеха.

– Теперь откройте и пересчитайте.

– Да, мадам! – Картье откинул крышку небольшой шкатулки, выгреб карандаши, рассортировал красные в сторону от черных, синих и зеленых, пробежал по ним пальцами. Изумленно облизнул губы, пересчитал еще раз: – Их тринадцать, мадам...

– Разумеется, мой мальчик... – Учительница жестом отпустила школьника на место. – Как же нам удалось определить верный ответ? Очень просто. Мсье Франк Картье, вопреки обещанию, не думал, давая нам ответ. Он назвал первое пришедшее в голову число, какое ему захотелось. А хотелось побольше. В этом, милые мои, и состоит важнейшее мастерство получения предвидения, осознание известного астральному телу числа. Дело в том, что душа Ба не способна писать нам письма, стучать по голове или даже произносить слова. Принесенное ею знание вам надлежит о-щу-щать, – медленно и отдельно сообщила мадам Деборе. – Ощущать, не отвлекаясь на крики сокурсников, солнце за окном, холод в ногах или голод в желудке. Внешние яркие раздражители заглушают тихий внутренний голос, вашу интуицию и истинное знание. Голос своего астрального тела вы и попытаетесь сегодня услышать.

Учительница взмахнула руками, и на всех столах появилось по точно такому же кофру, что минуту назад был открыт Франком Картье.

– Правила вы уже знаете, дорогие мои. Приступайте.

Воодушевленные примером своего сокурсника школьники яро взялись за постижение содержимого шкатулок, но через два часа, к концу занятия, оказалось, что определить истину не удалось никому.

– Вы слишком много думаете, дорогие мои, и слишком мало чувствуете, – с горьким сожалением развела руками мудрая Анне Деборе. – Придется начинать с самого простого. Раскрыли тетради и записали задание для самостоятельной работы. Первое. В момент пробуждения не вскакивать из постели, а полежать с закрытыми глазами не менее минуты, запоминая, какие ощущения оставило ваше сновидение: положительные, радостные эмоции или же крайне неприятные. Для толкования снов и предсказания будущего это есть главнейшая из основ. Даже отрубание головы, если оно сопровождалось радостью, может быть истолковано как хороший знак. Второе: запомните, какие именно образы посетили вас ночью. Третье: совместив образы с эмоциональной оценкой, попытайтесь сделать прогноз своего будущего на

ближайший месяц. Четвертое: в библиотеке замка вам надо просмотреть альбомы репродукций Ганса Гартунга, Жоржа Брака, Сайто Ешишиды, ощутить эмоциональную составляющую, записать ее и сдать мне через десять дней вместе с отчетами по осознанным сновидениям и прогнозам на их основании. После чего мы и продолжим изучение этой темы. Спасибо, что не заставили меня ставить слишком много баллов в свои аттестаты. Все свободны.

– Как записать эмоцию? – испуганно зашептал недоморфу Битали. – Мы этого не проходили! Это какой курс был? Когда? На чем пишете?

– Обычно на бумаге... – заговорческим шепотом ответил Надодух. – Чернилами. Лучше всего получается дубовыми, из листовых орешков.

– В смысле: словами? – облегченно перевел дух Кро. – А я уж подумал...

– Подумай лучше, какая толпа в библиотеке сидеть будет, когда за тремя альбомами половина нашего курса припрется! – хмыкнул сосед. – Ладно, побежали учебники на курс общей магии поменяем – и к профессору Карлу Пепелету. Он, похоже, лет двести хроническим запором мучается. Злой, что упырь после спячки.

– Здорово ты их сделал, Битали! – неожиданно повернул к ним рыжий Пикаччи. – Держи руку! Я восхищен, сожри меня дохлая крыса!

– Молодчина! – по очереди протянули руки еще два «тролля», имен которых Кро еще не знал.

– Камиль Сегюр, – представился третий, высокий, худощавый, с непропорционально большими, грустными глазами и тонкими музыкальными пальцами. – Если что, ссылайся на меня.

– Спасибо, – кивнул Кро.

– Молодец, так держать! – подбодрили его еще несколько ребят.

Девочки тоже задержались, но к герою дня не подходили. А вот «орденцы» выскочили первыми все до единого. И это заметил не только Битали.

– Кажется, друзья готовят тебе новый сюрприз, – почесал за ухом недоморф, когда волна поздравлений схлынула и однокурсники стали уходить. – Так что ты, это... погоди... Я первым высунусь. На случай, коли орденские «грифы» прямо тут пакость какую задумали. Коли хотим ставку выиграть, нужно в оба смотреть. До вечера далеко. В общем, слушай у стены. Если что не так – заору, сколько силы будет. Как бы с перепугу.

– А если тебя... того... – Битали указал пальцами вверх.

– Не, не должны, – отмахнулся недоморф. – Мерзлую воду заранее приготовить нужно. И вообще... Они же за тобой охотятся. Я не Цивик – в чужие капканы попадаться.

Недоморф подмигнул и скрылся в исцарапанной тысячами палочек темной полосе на каменной кладке. Битали прижался ухом к холодному гранитному валуну, выждал.

Нет, ничего. По ту сторону все оставалось тихо.

– А коли так...

Он решительно взмахнул своим магическим инструментом и, выскользнув в коридор, едва не врезался в прижимающую учебники к груди Генриетту.

– Привет! – Битали с трудом удержал равновесие.

– Кро... – Девушка покосилась на недоморфа, сделала шаг вперед и шепнула Битали в самое ухо: – Не ходи в башню. Тебя там побить у сфинкса хотят, я слышала, как мальчики сговаривались.

– Спасибо! – удивился неожиданной подсказке юноша. – Ты чего, тоже на меня в тотализаторе поставила?

– Дур-а-ак ты, Кро! – Крутанувшись столь стремительно, что школьная юбка взметнулась напоподобие балетной пачки, Вантенуа стремительно скрылась в сумраке длинного прохода.

– Чего это она? – не понял Битали. – Я чего-то не то сказал?

– Когда ты мог успеть? – отмахнулся недоморф. – Не обращай внимания, у девчонок всегда какие-то выкрутасы. В головах у них у всех что-то неправильно срослось, вот и чудят. А что до засады...

– Ты слышал?

– Еще бы! Это у меня со зрением беда. А слухом я любому филину фору дам! В общем, ты не спеша иди наверх, на магию, а я быстренько один обернусь. Войду через сфинкса, выберусь через полы и по первому этажу. Если хорошо спрятались, сделаю вид, что вообще не заметил. Пусть ждут! – И недоморф, весело присвистывая, умчался прочь. Было видно, что вся эта история доставляет ему немалое удовольствие.

Впрочем, как раз Надодуху абсолютно ничего не угрожало.

Профессор магического искусства Карл Пепелет и вправду выглядел не самым дружелюбным человеком – в странном балахоне с бобровым воротником, больше всего похожем на судейскую мантию, с длинными, ниже плеч, черными шелковистыми волосами с неприятным сальным блеском. Лицо его казалось бледным, словно воощеная бумага, блеклые глаза смотрели надменно, точно гордились своим положением над большим, с крупной горбинкой, носом, палец украшала рубиновая печатка, неотличимая от печатки директора школы.

– Та-ак, – вроде бы даже с удовлетворением прошелся он по пустому почти на треть классу. – Похоже, многие из юных магов пришли к мнению, что изучать магию им больше ни к чему. Интересное мнение. Пожалуй, сегодняшний день мы начнем с переклички!

Профессор указал на стол палочкой – черной, в цвет мантии, и украшенной двумя золотыми кольцами. Журнал со сплетенной в восьмерку змеей на обложке взлетел в воздух и, полукрившись, хорошо поставленным, глубоким баритоном провозгласил:

– Мсье Артур Тинтаголь!

– Здесь! – поднял свою палочку мальчик.

– Мсье Родриго Батиас!

– Здесь...

В этот момент через стену плотной массой прорвались члены ордена и замерли, оказавшись под прицелом палочки преподавателя.

– Так-так-так... – приблизившись, навис над нарушителями профессор Пепелет. – Вижу, столь любимый уважаемым директором орден считает для себя игру в мяч, или чем вы там развлекались, делом более важным, нежели посещение занятий. Профессору Бронте будет весьма интересно узнать о таком выборе. Пока же лишая всех членов ордена с моего курса четырех баллов из их аттестатов. Дисциплина остается для ученика ничуть не менее важным качеством, чем вызубренное содержание учебников.

Мальчики из ордена вперились в Битали ненавидящим взглядом. Кро ответил широкой, дружелюбной улыбкой.

– Теперь они догадаются, откуда у тебя учебники, – заерзал на стуле недоморф.

– Зато мы выиграем пари, – утешил его Кро.

– Потерянное для занятия время придется компенсировать за счет вашего обеда, – мстительно подвел итог опозданию учитель и взмахнул палочкой, опять нацелив его на классный журнал. Тот зашелестел и резко увеличился в размерах почти в пять раз, а профессор произнес: – Мегализация, равно как и микролизация являются простейшими для изучения приемами изменения предметов. При этом остается неизменной как структура, так и прочностные качества объекта воздействия. Правда, не следует забывать о повышенной ломкости сильно увеличенных предметов и возросшей их массе. Иголка, увеличенная в тысячу раз, уйдет в пол под действием собственного веса, а соломинка просто сломается. Во избежание поломок и травм ограничим силу воздействия пятикратным ростом и последующим уменьшением. Опорное слово: «Трунио». Воздействие производится по плавной нарастающей, начиная со второй

половины слова. Мысленно, эмоционально, всей своей внутренней силой вы как бы надуваете предмет воздействия.

– Трунио!!! – не дожидаясь разрешения, запели сразу несколько голосов.

Кро слишком поздно осознал опасность и не успел уклониться от воздействия. Он вдруг ощутил резкую боль в ребрах, в раздавшуюся грудь со свистом ворвался воздух, в животе тоже что-то забурлило. Он крепко ударился головой о потолок, ощутил боль в шее, в ногах, у локтя, под мышками – везде. Перед глазами заплясали синие искорки, а весь прочий мир заволкло серой пеленой.

Память об этой всеобъемлющей боли осталась в теле даже тогда, когда он понял, что может нормально дышать, ничто не давит ему на голову и не упирается в колени. Поэтому Битали некоторое время опасался открывать глаза. Однако витающие вокруг резкие, кисло-сладкие запахи вынудили мальчика проявить любопытство. Он слегка приподнял одно веко – и тут же распахнул глаза, поняв, что валяется в лесу!

– Куда они меня?! – попытался вскочить Кро, но к нему тут же спорхнули от цветущей сирени несколько бабочек, взмахнули крыльями, и мальчик откинулся обратно на травяную кочку, преисполнившись покоя и умиления.

– Проснулся, лишешюшка наш? – выбрался откуда-то из-под куста одетый в белый халат, пузатенький бородач с седыми лохмами и большими розовыми ладонями.

– Где я? – повернув к нему голову, слабо простонал Битали.

– Знамо где, малыш. В целительной, где ж еще? Тебя, сказывают, ненароком заклинанием задело, на уроке магическом. Голову маненько зашибли, ободрали сильно местами, покололи, но сломать ничего не поломали. Ссадины я уж заговорил, ныне поспишь еще чуток, да токмо крепче после сего станешь.

– Давно я здесь лежу?

– Да уж с четверть часа будет, лишешюшка. Времени у тебя еще много. Пока сей урок закончится, пока обед минует. А там, глядишь, к началу занятия к пострелятам прочим побежишь.

– Почему мы в лесу?

– Дык, природа, лишешюшка, знамо дело, сама собою всякому силу и радость дает. Радует, исцеляет, душу каждую освежает. Все мы из лесных чащоб зародились, все нам тут к удовольствию. И куст цветущий, и трава-мурава, и бабочка красочная, и птичек щебетанье...

– И дождь, и ветер, и тигр за кустом, и змея под корягой, – тихо добавил Битали.

– Ишь, сколь быстро тебя освежило, – обрадовался бородач. – Коли шутишь, так оно к поправке, стало быть, близко. Отдыхай... – Он повел ладонью, сладко пахнущей лавандой, перед лицом мальчика, и у того сами собой сомкнулись веки.

Проснулся Битали и вправду посвежевшим. Вместо бородача одежду ему выдала хрупкая малышка, старательно отводившая взгляд. Небрежным движением руки она стерла сирень, траву, бабочек и щебетание, и сама пропала вместе с лечебным мороком, оставив мальчика одеваться в сумрачном, хотя и теплом подземелье без окон. В помещении угадывалось десятка четыре широких постелей, над тремя из которых колыхались цветастыми мыльными пузырями непонятные снаружи мороки. Еще в целительной имелась дверь – самая настоящая, обитая тонкой рейкой, с двумя петлями и одной ручкой. Кро уже начал забывать, что это такое.

По коридору он добрался до ближайшей лестницы, поднялся на пару витков, остановился, присматриваясь к стене. Так и есть! В этом месте, если приглядеться, удавалось разглядеть царапины неудачливых чародеев, неверно использовавших заклинание прохождения.

– Угадал! – вслух похвалил себя Битали и уже без опаски выпрыгнул на вялую траву замкового двора.

Здесь было пусто и почти тихо: последние из игроков укладывали мячи в корзины, отряхивали спортивные костюмы и разбегались по корпусам. Это означало, что до нового урока

оставалось всего ничего. Кро ускорил шаг, бодрой рысью дотрусил до башни, спешно выбрал из шкафа учебники, конспекты и побежал на математику.

Уже у самого кабинета он нагнал вяло плетущуюся Генриетту.

– Привет, красавица! – подмигнул однокурснице Кро. – Не опаздываешь?

– Мадам Кроус еще во дворе, я ее видела. – Девушка протянула ему сверток. – Вот держи. Знаю я нашего Эшнуна. По его мнению, ножом и вилкой роем мы могилу себе. Всех больных впроголодь держит. Дабы силы на переваривание пищи зря не тратили.

– Ух, спасибо! – В свертке оказались зажатые между ломтями хлеба два куса рыбы. – Ты спасла мне жизнь, принцесса! А кто такой Эшнун?

– Ты чего, его не видел? Борода на двоих, волосы раз в месяц причесывает? Маленький такой, Эшнун Ниназович.

– Лекарь, что ли?

– Идет! – заметила в коридоре учительницу девушка. – Глотай и пошли.

Битали мужественно запихал в рот почти половину толстого бутерброда, попытался прожевать – но получалось плохо.

Генриетта уже почти занесла палочку, но в последний миг заколебалась и спросила:

– Битали, скажи: мама...

– Угх-х-х... – с трудом выдавил Кро плотно набитым ртом.

– Так я и знала, – рассмеялась девушка, крепко обхватила его за пояс и ударила палочкой в стену: – Онберик!!

Заклинание Генриетты Вантенуа оказалось не столь пробивным, как у Битали – при прохождении камня возникло такое ощущение, словно его ободрало миллионом кошачьих когтей. Вывалившись по ту сторону, он судорожно сглотнул, девушка же лишь коротко предупредила класс:

– Идет, – и метнулась к своему месту.

Битали ничего сказать не мог, а потому лишь плюхнулся за парту недоморфа.

– Ты опять с Вантенуа застрял? – хмыкнул Надодух. – Круто. Неделю в школе, а уже с подругой. Она тебе запала, да? Нравится?

Кро хотел бы ответить и про то, что никто ему никуда не западал, и про то, что ни разу он с однокурсницей не «застревал» – но освободить рот пока не удалось. Тут, кстати, в аудиторию ворвалась могучая мадам Кроус: суровая, решительная, больше похожая на борца, нежели на специалиста по точным наукам.

– Добрый день, молодежь! – на стол шлепнулся журнал, зашелестели страницы.

– Доброе утро, мадам Кроус!

– Открываем главу два: пределы функций и точки перегиба. Кто-нибудь полюбопытствовал, чем отличается предел от перегиба?.. Слушаю, мадемуазель Горамник.

Рыжеволосая худосочная девчонка подпрыгнула и стремительно затараторила:

– Предел функций дает сведения о том, что получаемые данные не превышают некую величину, а точка перегиба обозначает лишь то, что получаемые величины заметно меняются в своем изменении.

– И как нам отличить одно от другого?

– Взять интеграл второго порядка!

– Садитесь, Анита. Шесть баллов в аттестат. Зачем нам нужны точки перегиба, объяснит... Объяснит... Мсье Цивик, вам хронически не везет с баллами. Предоставляю шанс поправить положение.

– Ну, это... В общем... – поднялся со своего места усыпанный веснушками мальчик.

– Нельзя ли чуть подробнее? – под общий смех попросила учительница.

– Скажем, вам нужно согреть стакан воды... Э-э-э... – зачесал нос паренек. – При недостатке приложенной силы он окажется холодным, при избытке – часть воды выкипит и пропа-

дет. Интеграл первого порядка нужен, чтобы узнать момент, когда сила становится избыточной, а второго – чтобы знать, возможно ли само воздействие.

– Сила стаканы ломит, – хмыкнул граф Дожар, и его с готовностью поддержала смехом большая часть класса. Кроме учительницы.

– Восемь баллов за понимание практического приложения функций, – улыбнулась она, кончиком палочки приказывая Цивику сесть. – Надеюсь, все остальные понимают мой предмет ничуть не хуже. Повторим то же самое еще раз, но чуть подробнее.

Пользуясь тем, что преподавательница отвернулась к доске, Битали откусил еще кусочек от своего толстого бутерброда.

– Чего там у тебя? – шепотом поинтересовался недоморф.

– Рыба. В целительной совсем не кормили.

– А, так это все знают, – кивнул Надодух. – Наш Эшнун думает, что есть вредно. А на первом курсе еще говорил, что каждому на роду отмерено съесть определенное количество еды. Чем быстрее слопаешь, тем раньше окочужишься.

Это знание, тем не менее, никак не надоумило недоморфа сделать в столовой пару бутербродов для своего соседа.

– Тебе чего, тощая Генриетта нравится? – все продолжал гнуть свое Надодух.

– Почему тощая? Нормальная девчонка! – откусив еще кусочек, встал на защиту девушки Битали. – Вполне даже симпатичная.

– Я и не говорил, что уродина, – миролюбиво кивнул недоморф.

– Симпатичная... – упрямо повторил Кро. В эти минуты он был готов защищать Генриетту Вантенуа от любых посягательств на ее честь.

– Да я бы и от такой не отказался, – опять кивнул Надодух. – Все, что нужно, при ней имеется. Жалко, помрет лет через двести от старости.

– Это еще почему? – не понял Битали.

– Покушать больно любит. Я замечал. Ест за двоих – значит, и помрет вдвое раньше. Если Эшнун не врет, конечно же.

– Хочешь сказать, обычный человек четыреста лет живет?

– Есть такое мнение. Просто большинство не дотягивают до срока, потому как гибнут раньше. А сильные чародеи этот срок еще и оттянуть могут, коли захотят.

– Разве кто-нибудь такого не захочет?

– Люди разные. Иной все души за лишний день жизни отдать готов, а другой сам тотемника душит и со скалы прыгает. У каждого свои пунктики. Возьми вот Эшнуна. Он, говорят, вторую тысячу разменял. Так он в нашем мире ничего не видит и не понимает, и знать давно никого не хочет. Сидит в подвале со своим талантом, ради целительства только и существует. Или Цивику возьми. У него через день какая-нибудь напасть случается. От такой жизни точно удавиться захочется. Вон он, кстати, на тебя то и дело оглядывается. Его сразу после урока лучше ловить, а то смоемся. Бойтся. Ему часто достается, бедолаге.

– Чего там ловить-то? – не понял Битали. – Ты учебники складываешь, я хватаю. Или наоборот, как больше нравится.

– Давай лучше ты, – решил недоморф. – У тебя после лечения вид куда злее.

– Могу и я, – пожал плечами Кро.

Он мужественно высидел два с лишним часа занятий, то и дело поглядывая на жертву, и едва математичка, решительно рубанув задачник воздухом, распустила класс – метнулся к Цивику. Их разделяло всего пять шагов и один проход. Но стоило перед Битали проскочить к доске нескольким «троллям» – как он вдруг понял, что невезучего паренька нет. Исчез – только вечное перо и раскрытая тетрадь остались лежать поверх открытого учебника.

– Что за?.. – Кро огляделся, ожидая заметить прячущегося однокурсника где-нибудь в стороне, но того и след простыл. А пока Битали крутился – вслед за Цивиком исчезли и его учебные принадлежности.

– Спугнул? – шепнул в ухо подкравшийся сзади недоморф и сунул соседу его конспекты. – Держи. Теперь все равно не поймаешь. Цивик, может, и невезучий, но прятаться умеет. С первого дня то ногу кому-то отдавит, то чернилами зальет. Кабы не его ловкость, постоянно бы по шее получал.

– Он умеет становиться невидимым?

– Нет, – отмахнулся Надодух. – Мы этого еще не проходили. Он после второго года исчезать навострился. Как мороки у Филла прошли, так пропадает чуть что не так. Глаза, видать, отводит. Ты его теперь, кроме как на уроке, еще неделю не углядишь. А то и больше. Разве только врасплах случайно застанешь. Он аккурат на втором годе на меня рыбий клей пролил. Мы зелье на снятие порчи варили, а он главы ухитрился перепутать.

– Ну, и как? – еле спрятал усмешку Кро.

– Правильно сварил. – Вспоминая давнишнюю неприятность, недоморф и сам улыбнулся: – Качественно. Мадам Эджени ему за зелье четыре балла подарила. А мне на боку всю шерсть состригать пришлось, да еще на ноге, на груди и ниже шеи. Так я Цивика до конца того года больше ни разу вне уроков не встретил. Он и после лета поначалу лишь изредка вдалеке показывался. Пока не понял, что бить уже не стану. Хотя, конечно, надо бы пару раз по шее врезать.

– Ты бы хоть предупредил!

– Да я надеялся, вдруг у тебя получится? – пожал плечами недоморф.

– Если бы предупредил, тогда бы, может, и получилось... – почесал в затылке Битали. – Я знаю, что делать. Нужно у столовой засаду устроить, на выходе. Есть-то он в любом случае пойдет.

– Бесплезно. Все эти хитрости он уже проходил, не попадетсЯ.

– Может, просто к нему в комнату зайти?

– А может, он и правда ничего не знает? Как с мерзлой водой: сунулся в неудачный момент, куда не звали – и готово. За Цивиком это водится: не к месту появляться. То он этажи перепутает и ночью на первый, к оборотням, заявится, то в колодец вместо лестницы попадет. А уж сколько ему мячом попадало, когда он не вовремя во двор выпрыгивал, – никто и не считает уже. В коридоре его тоже наверняка сразу затоптали, кто такой не спрашивали. Бум копытом по голове – и привет. Если уж узнавать, кто коровью шутку над тобой учинил, то нужно с призраков начинать. Их ведь кто-то послал смерть тебе предрекать? Вот и спроси, раз уж ты их доброй приметой считаешь! После полуночи из спальни выйди, они тебя сами быстро найдут, никаких хлопот.

– Цивик видел, кто вынес его из коридора в целительную. Кто его вынес, тот подлость и сотворил. Наверняка ведь этот проходимец остался посмотреть, как его фокус удался! Иначе какой смысл шутку затевать, если результат не увидишь?

– Тоже правильно, – признал недоморф. – В общем, дело твое, смотри сам. Но в комнате его все равно не застанешь. Цивик, хоть и невезучий, но не дурак.

– Ладно, посмотрим, – решил Кро и, забыв об опасности, первым вышел из аудитории.

Ему повезло. Похоже, члены ордена удовлетворились его дневной экскурсией к лекарю и решили оставить в покое. Хотя бы на некоторое время. Во всяком случае, в сумрачном коридоре его никто не поджидал, у входа в башню – тоже.

– Ты мне конспект по магии не одолжишь? – сунул учебники в шкаф Битали. – А, сосед? Посмотрю, чего я там пропустил на уроке.

– Ничего особенного, – зевнул Надодух. – Два часа в «трунио» тренировались. Вроде получается. На, смотри хоть все, мне не жалко. Я пока погуляю...

Скинув учебную форму и натянув спортивный костюм, недоморф прыгнул к подоконнику и исчез, не успев коснуться ногами пола. Кро раскрыл его тетрадь, пару раз перечитал единственную строку: «Трунио – отпадно!», захлопнул и переключился на учебник. Уяснив инструкцию по применению заклинания и припомнив, как произносил опорное слово профессор Пепелет, он взялся за палочку и принялся увеличивать и уменьшать цветные карандаши. Три из них раскололись, один сгорел, зеленый грифель стал фиолетовым – но после этого чуда карандаши подчинились и послушно стали то увеличиваться, то уменьшаться в размерах. Убедившись, что все делает правильно, Битали дочитал главу до конца и начал тренироваться в детализации: менять размер не всего предмета, а только его части. Превратив карандаши в подобие палиц, он перешел на пол и стал увеличивать в высоту полоску гранита перед подоконником. Вскоре здесь выросла широкая чаша с покатым дном, почти по пояс высотой. Уже окончательно освоившись с заклятием, мальчик разрисовал ее фигурками в стиле египетских иероглифов – учебник утверждал, что заклинание было изобретено именно на берегах Нила и широко использовалось в строительстве. Да и вообще стало основой каменного строительства на несколько веков, позволяя с помощью двух-трех горстей песка и труда десятка магов возводить замки в самых недоступных местах.

Закончив работу, Битали побежал на ужин, обойдя двор, на котором кипела жестокая схватка за мяч, по краю, а в столовой пристроился к шумной компании троллей. «Грифы», толкавшиеся у прилавка со снедью, никакого внимания на него не обратили, и спустя час Кро вернулся в башню, прихватив с собой кружку из-под компота. По дороге он завернул в нижний этаж и набрал в нее воды.

Он как раз заканчивал домашнее задание по математике, когда сзади послышался стук и негромкая ругань:

– Что это тут за лохань, Битали? Ты украл ее из женской ванной? Зачем?

– Сейчас покажу, – отложил вечное перо Кро. Он неторопливо прошел к чаше, поставил на дно кружку с водой и мягко качнул палочкой: – Трунио!

Вода выросла в высокий прозрачный столб, ударилась в потолок и рухнула обратно, заполнив чашу почти до краев.

– Красиво! – причмокнул Надодух. – Только нафига? В душевую не ходить?

– Для ребят из ордена, – подмигнул ему Кро. – Если они захотят неожиданно попасть к нам в комнату и устроить «темную», им придется искупаться.

– А сами мы как заходить станем, умник?!

– Запросто! Вон, смотри, я на краях широкие упоры сделал. С бороздками, чтобы не скользило. Когда под сфинкса ныряешь, нужно ноги расставить, и как раз на них и попадешь. Это если знать. А кто не знает – тот и попадется.

– Ну-ну, давай проверим. Автора – на сцену!

– Запросто! – Битали с легкостью запрыгнул на край чаши, встал на ее края, наклонился, ударил палочкой по подоконнику, выпрямился в коридоре, развернулся, тукнул каменного зверя по носу: – Верхний боевой ярус!

Он резко раздвинул ноги, ныряя под мраморный живот – и оказался аккурат над чашей. Несколько раз взмахнул руками, потерял равновесие и бухнулся назад, с размаху усевшись на подоконник.

– Ну, и как? – поинтересовался Надодух.

– Нормально, – поднялся и спрыгнул на пол Кро. – Видишь – сухой.

– Если я макнусь, – покачал головой недоморф, – сам будешь потом меня расчесывать и колтуны выстригать. Я из-за тебя лохматым ходить не стану.

– Откуда колтуны-то возьмутся? – не понял Битали.

– Одеждой накатываются, если мокрым ходить. Не знаешь, что ли?

Кро промолчал. Как ведет себя длинная собачья шерсть под человеческой одеждой, он и правда не знал. Вместо ответа мальчик взял со стола тетрадь, протянул соседу:

- Спасибо. У тебя очень содержательный конспект.
- Мне хватает... – хмыкнул тот и небрежно метнул тетрадь в приоткрытую дверцу шкафа.
- Скажи, Надодух... А почему ты никогда уроки не делаешь?
- А зачем? – пожал плечами недоморф. – Я ужинать пошел. Ты со мной?
- Нет, я уже...

Послышался характерный треск перемещения – и в чашу с водой с глубоким плеском опустилась Генриетта Вантенуа: в облегающем черном шелковом платье, с длинными наборными серьгами, с зачесанными в пологие волны длинными волосами, скрепленными двумя заколками из мелких живых роз. Глаза с длинными черными ресницами округлились, она судорожно вздохнула, словно грудь перехватило спазмом от холода, опустила взгляд вниз и наконец-то смогла произнести несколько слов:

- Ну, вы и козлы!

Она развернулась и ударила палочкой по подоконнику с такой силой, словно хотела рубить его пополам.

– Генриетта! – Кро кинулся следом, выкатился в коридор из-под сфинкса, побежал за девушкой: – Подожди! Простой, Генриетта, это просто случайность! Я не хотел!

Он нагнал Вантенуа перед лестницей, схватил за плечо, удержал:

– Прости меня, пожалуйста. Это дурацкая случайность, я не хотел. Не хотел тебя обижать. Я вообще не ожидал, что ты придешь! Не сердись, пожалуйста. Ты мне очень нравишься, и я не хотел...

– Ты чего, совсем идиот?! – неожиданно громким визгом ответила девушка и стряхнула его руку. – Совсем спятил?! Я тут что, мокрая должна стоять у всех на виду и твоё бляенье слушать?! Обтекать всей школе на потеху?! Уйди! Уйди прочь, видеть тебя не хочу!

Как назло – а скорее из-за крика – в коридоре появились сразу несколько любопытных глаз. Пара ребят выглянула в конце коридора, три незнакомые старшекурсницы вышли из стены класса Филли Налоби, стайка младшекурсников вынырнула с лестницы. Растолкав их в стороны, Вантенуа кинулась прочь – теперь уже Битали догонять ее не стал. Вернувшись к себе, он уселся у окна и, разгоняя ненужные мысли, занялся тренировкой концентрации для курса дальномирия. В этот раз из пяти попыток ему удалось удержать концентрацию внимания уже три раза. В двух первых концентрациях образ полумокрой Генриетты влезал в мысли в самый неожиданный момент и сбивал мальчика на попытки самооправдания.

– А-а-ап!!! – Возле подоконника возник недоморф, раскинул руки, удерживая равновесие на краях чаши, а потом ловко, кувырком, спрыгнул на пол. – Будет жалко, коли орден к нам не наведается. Все зубришь?

– Занимаюсь, – поправил Битали. – Ты чего так долго?

– Думал твою тощую красотку отыскать, извиниться. Неудобно ведь с этой лужей вышло. Да только в столовой она не появлялась и на этаж из корпуса не вышла.

– На какой этаж? – не понял Кро.

– На третий, естественно! Девушки на третьем этаже восточного корпуса живут. Нас к ним в комнаты гувернантка не пускает, но вызвать можно. Так Вантенуа появиться не изволила. Хочешь, сам сходи. Вдруг на тебя «клюнет»?

– Меня она уже послала, спасибо. Забыл спросить: профессор Пепелет уроки какие-нибудь задавал?

– Вроде да, не помню... – развалился на постели недоморф. – Но ты не бойся, ты всех уже переплюнул. Вырастить с помощью «трунии» супермолочник даже злобный Карл не пытался.

– Почему он такой злой у вас?

– У тебя он тоже злой, – подмигнул сосед. – Ты ведь теперь тоже из школы маркиза де Гуяка, забыл? А злой, потому что недомерком невольно оказался. Он, вообще-то, отличный чародей, умелый и опытный. У него, знаешь ли, больше десятка своих заклинаний создано. Такое не каждому дано, лишь настоящим мастерам магии. Но только профессора Бронте ему все равно не переплюнуть. Директор – это уже маг суперсильный. Он недаром одним из хранителей Хартии стал. И в Совете тоже заседает. Поэтому самые сложные заклинания директор сам преподает. Это уже на седьмом курсе. А Пепелет только с начинающими вроде нас возится, да Артура Бронте подменяет, когда тот в разъездах. Вот и получается, что он как бы на подхвате, вечный подмастерье. Будешь тут злиться! Не знаю, как он это терпит. Я бы уже давно сбежал. Вот Филли – другое дело. Ему без школы каюк. Вечный неудачник, хуже Цивика.

– Как же он в эту школу преподавателем попал, коли неудачник?

– Попал Налоби в школу, а хотел-то попасть в число хранителей!

– Да ты что?! – поразился Кро. – Туда ведь только самые сильные из магов попадают!

– Ну, наш Филли все-таки профессор, – напомнил недоморф. – И совсем не плохой. Вон, как целым выводком домовых управляется! Да еще огород на нем, земли вокруг. Он тему свою знает. Просто никогда в жизни за собой следить не умел. Гонору на короля, а одет, как вокзальный попрошайка. Поэтому никто и никогда Филлу своих рекомендаций и не давал. Да ты сам вспомни, как он вечно выглядит. Словно ему жалованье хронически не доплачивают. А еще, говорят, у него ни одно начинание успехом не заканчивалось. Каждый раз в самом конце какие-то мелочи все портили. Либо другие вместо него дело заканчивали и всю славу получали, либо вовсе рушилось все под конец. В общем, не любит его судьба. А без везения, сам понимаешь, ничего не добьешься, будь ты хоть семи пядей во лбу. Так он у нас в школе и осел. Вроде и сильный маг, а ни на что, кроме как учить, не способен.

– Учить тоже нужно уметь, – подтянул ноги на подоконник Битали и уселся в позу насыщения. Или, как ее обычно называют – позу лотоса. – Кое-кого никакой силой не заставишь. Вот ты, например, почему никогда уроков не делаешь?

– Мне-то они зачем? – хмыкнул Надоух. – Мне ваша суета совершенно побоку.

– Ты не хочешь стать образованным, дипломированным магом?

– Насчет «образованным» – так я учусь помаленьку, сам можешь заметить. И диплом получу, никуда профессор Бронте не денется, выдаст. Просто баллы в аттестате мне не нужны. А коли так – чего зря надрывать?

– Почему не нужны? – не понял Кро.

– А зачем они? Вот ты сам подумай: ученики с наибольшим числом баллов считаются самыми сильными молодыми чародеями. После Четвертого Пророчества, запретившего любые союзы числом больше ста одного мага, сильных чародеев стремятся привлечь многие семьи или ордена. Раз нельзя набрать силу числом, приходится копить ее мастерством. Посему хорошего безродного зубрилку могут принять даже в почтенную древнюю семью. Ну, а кто домой поедет – так этот аттестат потом пригодится, когда жениться время придет. Породниться с Батисом, перевалившим сотню баллов еще в первом месяце, родители невесты согласятся с куда большей охотой, нежели с Лараком, который столько за все шесть лет накопить не смог. Сразу ясно, что дурак. Пользы от него новым родственникам никакой, да еще и дети в него оказаться могут. Теперь на меня посмотри. Никакой женитьбы мне не грозит, это я без пророчеств мадам Деборе знаю. Менять свой род на стаю полукровок я тоже не собираюсь, честью не поступлюсь. И зачем тогда, скажи, мне вся эта мышьяная возня?

– Ну, чтобы семья гордилась, – пожал плечами Кро.

– Мое проклятье на истощение рода, сосед, – напомнил недоморф. – Хвастаться уже почти не перед кем. Разве только перед отражением в зеркале.

– Хотя бы для собственного знания перечитать конспекты стоит, – уже не так уверенно предложил Кро.

– Моего знания дикарей пугать хватит, – зевнул недоморф. – Другого места для жизни не ожидается. Владения мои вот-вот соседи захватят, нашей семье их не удержать. Опустело гнездышко, сражаться некому. После этого... Сам понимаешь...

– А ты нашего графа вспомни! Пригласи тех, кто сильнее, раз в семье место для новичков имеется, клятву верности возьми. Пусть новый дом молодые обороняют.

– Ох, Битали, – мотнул головой недоморф. – Посмотри на меня. Кто из отличников или хорошистов пойдет служить уроду? Они и так не пропадут. А дураки мне самому не нужны. Пользы от них...

Надодух поднялся, макнул руку в чашу, отер свою морду – вдруг резко вскинул голову, повел носом:

– О, началось! Наши пошли. Значит, полночь миновала.

– Кто «ваши»?

– Эти... нормальные... – Недоморф подошел к окну, глянул вниз. – Проклятье! Я их слышу, я их чую... Но не вижу ни одного. Глаза людские – как слепой оказываюсь. Да, кстати, сосед. Тебе как раз самое время по верхним этажам погулять.

– Зачем? – не понял Кро.

– Ты же хотел поговорить с призраками?

– А-а... – кивнул мальчик и спрыгнул с подоконника. – Верно, им было бы хорошо задать парочку вопросов. Ну, тогда пошли, пока не совсем поздно.

– Э-э, нет! – плюхнулся обратно на постель сосед. – Это ты призраков хорошей приметой считаешь, вот ты и иди. А я тут подожду. Лично мне с ними всегда немного не по себе.

– Брось, Надодух. Они ведь бестелесны, вреда причинять не могут.

– Ну, так и иди, – согласно кивнул сосед. – Потом расскажешь. Чего я тебе мешать стану?

– Я же не знаю, где их искать!

– Это просто, – недовольно скривился недоморф и нервно почесал рукой за ухом. – Просто выходишь из-под сфинкса и идешь по коридору через корпуса. По кругу, через весь замок. Как вернешься – так сразу обратно в башню поднимайся.

– А если я их не найду?

– Тогда в другом месте искать станем. Так что, идешь? Или спать ляжем?

– Иду... – Кро пересек комнату, запрыгнул на край чаши и стукнул палочкой по подоконнику.

В тесном проходе между голыми каменными стенами было мрачно. Гобелены на места еще не вернулись, мертвенный синий свет факелов выхватывал из сумрака лишь крохотные пятячки собранного из крупных валунов пола. Тишина звенела в ушах. Невольно затаив дыхание и стараясь ступать как можно тише, мальчик двинулся вперед, держась справа и чуть касаясь ладонью стены. Ход изогнулся, еще. Справа и слева наконец-то появились ковры, излучающие свет, желтый и слабый – но равномерный. Мрак, перемежаемый светлыми пятнами, сменился сумраком, позволяющим видеть весь коридор. Битали пошел быстрее, поглядывая на редкие гобелены: полнолуние над широкой рекой, дети у костра, херувимы с сияющими белизной крыльями, ночная деревня со множеством светлых окон. Дневного сюжета не решилась изобразить на своих работах ни одна ткачиха. Видимо, шерсти не хватало нужной яркости.

Коридор отвернул резко влево – это означало, что Битали повернул в восточный корпус. Мальчик вполне бодро обогнул вазон, стоявший в небольшой зале, прошел по изогнувшемуся по широкой дуге коридору, притормозил перед замершим с двуручным мечом рыцарем. Руки воина, сложенные одна на другую, опирались на оголовье рукояти, даже в полумраке был различим холодный блеск стальных лат. Мальчику показалось, что при его приближении доспехи шевельнулись – так грозно смотрелось средневековое вооружение.

Он прошел мимо рыцаря – и вдруг услышал за спиной протяжный железный скрип. Воображение тут же нарисовало сходящего со своего места воина, вскинувшего оружие для удара.

Битали обернулся – и вдруг с ужасом понял, что древний боец повернул голову и смотрит прямо ему в лицо.

– Не может быть... – пробормотал Кро, пятась от шагнувших вперед доспехов. Скрежетнула сталь, взмыл к потолку глянцевый полированный клинок. – Н-нет!

Он успел выхватить палочку – но подходящего заклинания вспомнить не успел. Меч сверкнул ярким полукругом, как-то совсем не больно, легким холодком чиркнул его по горлу – и тело Битали Кро, чуть всплеснув руками и выронив палочку, медленно осело на пол. Голова, стукнувшись об пол и пару раз подскочив, словно мячик, покатила рыцарю под ноги. Оцепенев от ужаса, мальчик смотрел, как его сгорбленное туловище лежит на полу, неестественно вывернув руки и ноги, как возле плеч растекается черная лужа крови, как воин в доспехах за волосы поднимает его голову, несет к перекрывающей проход решетке и насаживает на металлический прут рядом с головой какого-то патлатого паренька.

«Неужели все? – билось в его мозгу. – Неужели я мертв? Уже мертв, жизнь кончена, больше ничего не будет, совсем ничего и никогда. Останется лишь мой призрак и глупые надежды, которым так и не суждено больше сбыться... Почему, за что?!»

Но несмотря на весь неисправимый трагизм и переполнявшие его душу эмоции, откуда-то из глубин подсознания до рассудка смогла пробиться слабая мысль и заставила обратить на себя внимание.

– Решетка... – тяжело выдохнул Кро. – Когда я подходил, ее тут не было. Не было! Все это неправда. Это мираж. Я жив, жив! Я не призрак, это не мое тело!

Однако большой уверенности в своей правоте у него пока не было. Мальчик заступил дорогу рыцарю, развернул плечи:

– Мое имя Битали Кро, я учусь на пятом курсе. Могу я узнать ваше имя, мсье?

Воин не просто не услышал слова мальчика – он прошел прямо сквозь Битали, ничего не заметив, взял тело за ногу и не спеша поволок, оставляя широкий кровавый след.

– Альба! – высоко вскинул палочку Кро, и на ней засиял яркий белый шарик. В его свете и рыцарь, и мертвое тело стали просвечивать: сквозь них можно было разглядеть стыки камней на полу, рисунки ковров на стенах. Битали счастливо рассмеялся: – Я жив! Жи-ив!!! Призраки не способны владеть магией. У них не хватает для этого низшей души.

– Ты нарушил правила... – Сквозь латы проступили плечи, руки, шлем обратился в молочно-белую голову.

– Нарушил правила... – Тело поднялось с пола и оказалось объемистым призраком с непропорционально большой головой.

– Правила... – На месте решетки с головами покачивался блеклый худосочный призрак.

– Мое имя Битали Кро, я учусь на пятом курсе, – снова, в соответствии с правилами вежливости, представился мальчик. – Как вас зовут?

– Глаза болят, – ответил объемистый призрак. – Очень ярко...

– Как вас зовут, мсье? – в третий раз спросил Битали, стряхнув огонь с палочки.

– Мое имя Дэвид Урган, юный чародей, – представился тот, кто поначалу был рыцарем. Теперь, в сумраке, стали видны его длинные седые волосы, колет, из-под которого выглядывали пышные рукава, высокие сапоги со шпорами. – Ты не должен гулять по школе после полуночи, мсье Кро.

– Я – Ашар Саени. – Толстяк широко улыбнулся, и через приоткрытый рот проглянула стена напротив. Третий призрак промолчал.

– Прошу вас помочь мне, мсье, – чуть склонил голову Битали. – Ответить на один вопрос. Несколько дней назад, когда на меня в этом коридоре напала корова, вы все приходили в мою комнату и предрекали смерть. Скажите, кто вас послал?

Ашар и Дэвид сделали по шагу назад и исчезли в каменной кладке. Кро оглянулся на третье приведение – но коридор был пуст. Чист, гладок и тих. Словно здесь никто и не появлялся.

Потоптавшись на месте, но так и не дождавшись никого из троицы, Битали двинулся дальше и минут через десять, без всяких приключений, добрался до сфинкса.

– Вот тебе и поговорили... Верхний боевой ярус, – тюкнул он каменного стража по носу...

И задохнулся от неожиданного холода, вцепившегося в тело почти до пояса, попытался отскочить, поскользнулся на покатам дне и рухнул в воду целиком, с головой. Перевел дыхание, рывком перекатился наружу, на пол. Поднялся, провел ладонями по одежде, выжимая обильно впитавшуюся в ткань жидкость.

– Ты придумал классную ловушку, сосед! – весело похвалил его с постели недоморф. – Всего один вечер, а двое лазутчиков уже попались.

– Отстань... – Битали принялся стягивать с себя мокрую одежду. Надодух немного выждал, поинтересовался:

– Нашел кого?

– Ургана, Саени, а третий не назвался.

– А-а, – сел на краю постели сосед. – Так это Голиаф и Дырка. У него рот на обе стороны открывается, да?

Битали кивнул.

– Узнал чего-нибудь?

– Не получилось. Спросил, кто их к нам посылал тогда. Они слова не сказали. Сразу бум – и нет. И больше не появлялись.

– Так просто и пропали? А как же «обостренное чувство справедливости», о котором Филли на последнем занятии вещал? Уходить, не ответив и не попросившись – это как бы грубость. Даже хамство. За это на дуэль смело вызывать можно!

– Этих вызовешь, как же, – горько усмехнулся Битали. – В общем, к Цивику идти нужно. Последняя ниточка осталась. Он ведь сейчас в постели, как думаешь?

– Ну-у... – шумно почесал шерсть на шее недоморф. – А где же еще ему быть?

– Пойдешь?

– К Цивику? А чего, можно. Погоди, сейчас оденусь.

Минутой спустя Битали в пижаме и недоморф с обнаженным мохнатым торсом вынырнули в коридор, после чего Надодух скомандовал каменному сфинксу:

– Средний боевой ярус!

– Средний боевой... – повторил Кро, ныряя под зверя вслед за ним, и неожиданно оказался в самой гуще салюта, взрывающегося с мелким треском, но ослепительно яркого. Сполыхи погасли спустя пару мгновений, еще через полминуты глаза Битали привыкли к темноте точно такой же, как у них с недоморфом, круглой комнаты. Два шкафа, две постели, два стола, несколько стульев и очаг в центре.

– Вы чего, совсем с ума сбрендили? – поднял голову с одной из постелей большеносый мальчишка лет двенадцати. – Ночь вокруг, все давно спят. Чего вам тут надо, чего шлаетесь? Я завтра все профессору Пепелету расскажу. И про тебя, и про тебя.

– Заткнись, Дубус, – посоветовал недоморф. – А то еще и про расквашенный нос жаловаться придется. Цивик где?

Вторая постель была смята, но пуста.

– Тебя выгонят из школы, Надодух. Ты таскаешь мясо из столовой, ты бродишь по замку ночью, ты грохочешь у себя в комнате и не умываешься каждую неделю, как того требуют правила поведения. Я про это уже и профессору Налоби говорил, и мадам Деборе, и профессору Традишу...

– Ах ты гаденыш! – Надодух направился к мальчишке.

– Вызову профессора!!! – истошно завизжал тот, прячась под одеяло, но одновременно выставляя наружу вверх черную, как графит, палочку.

– Подожди... – поймал соседа за плечо Битали. – Покарауль лучше выход. Цивик здесь, он прячется. Цивик, отзовись! – повысил он голос. – Цивик, я тебе ничего не сделаю! Просто хочу спросить...

Кро вспомнил последние уроки профессора Налоби и расфокусировал взгляд, направив его вдаль, за стену. И почти сразу заметил краешком глаза круглолицего однокурсника в пижаме, ткнул в него пальцем:

– Подожди, не убегай. Всего один вопрос: кто унес тебя из коридора?

– Не знаю. Домовые, верно... – Образ мальчика раздвоился. Битали потрянул головой, закрыл и открыл глаза и увидел его уже воочию: Цивик перестал отводить взгляд. – Я только и помню, что вышел в туалет, тут на меня налетела большая туша – и все, проснулся я уже в целительной.

– Ага, вышел, заснул, – громко хмыкнул недоморф. – А настучать на меня с соседом успел!

– Я голоса слышал...

– До лечебницы, или уже потом?

– Ну, меня опрокинуло... Темно было... А вы тут из-под сфинкса вышли. Я подумал, вы это устроили...

– И тут же наябедничал директору! – оскалился Надодух.

– Я на койке весь в переломках лежал! Это он ко мне пришел и стал спрашивать! Он и имя твое назвал, я тебя и не знал еще тогда, только на уроках видел! – Цивик резко сунул руку за спину.

Битали, опасаясь подвоха, вскинул руки:

– Забудь! С профессором Бронте мы уже разобрались, он нас ни в чем больше не подозревает. Это я теперь узнать хочу, кто мне такую бяку подложил. Так что давай, вспоминай, очень тебя прошу: ты кого-нибудь видел в коридоре? Кроме нас, естественно. Кто отправил тебя в целительную.

– Честное слово, ребята. – Цивик вынул руку из-за спины, и в ней оказалась палочка. – Честное слово, руку кладу. Не знаю я, кто меня вытащил. Наверное, домовые. Они всегда про все знают. Они хоть и во плоти, а все равно ведь духи, нашим законам не подвластны.

– Домовые духи... – Битали поморщился: – Как я сам не догадался! Домовые... Надодух, бей его быстренько в нос, и пошли.

– Вызову профессора!! – визгнул из-под одеяла Дубус.

Недоморф брезгливо отмахнулся:

– Руки марасть... Еще попадетя.

Он стукнул палочкой по подоконнику и исчез.

– Профессор Налоби может знать, – добавил Цивик. – Домовые его слушают.

– Если бы знал, директору бы рассказал, – покачал головой Кро. – А профессор Бронте гадает, как и мы. Ладно, спокойной ночи...

Вернувшись к себе, Битали достал коробку конфет, открыл, поставил на край стола. Позвал:

– Батану, ты меня слышишь? Батану, приходи, мне нужна твоя помощь.

Недоморф, усевшись на постель, поджал ноги, наблюдая за происходящим.

– Я вижу, господин, – услышал ответ мальчик. – Я высушу одежду.

Брошенный на стул спортивный костюм шелохнулся – и только после этого в воздухе проступил силуэт остроухого мальчика в пончо и коротких сапожках.

– Я звал тебя, чтобы задать вопрос, Батану... и поделиться любимым угощением.

– Твой слуга еще не заслужил награды, – скрутив костюм, поклонился мальчику эльф.

– Ты помнишь день, когда в коридоре у башни Кролик мертвая корова перепортила ковры и гобелены и поранила одного из учеников? Скажи мне, Батану, ты видел, кто пронес в коридор коровью тушу? Ты знаешь, кто отправил в целительную раненого мальчика?

– Прости, господин! – неожиданно упал на колени маленький эльф. – Прости недостойного слугу!

– Ты чего, Батану?! – кинулся к нему Кро, схватил за плечи и поднял на ноги. – Что случилось?

– Я виноват, господин! Я не пришел, я не проверил твою комнату, я не навел порядок, не почистил вещей.

– Это неважно. Забудь, ты прощен! Скажи, кто принес корову? Ты видел?

– Твой слуга виноват, господин, – понурил голову эльф. – Твой слуга заснул.

– Разве домовые спят? – удивился со своей кровати недоморф.

– Твой слуга виноват, слуга заснул. – Батану почему-то стал говорить о себе в третьем лице. – Твой слуга исправится, он заслужит прощение...

– Ты можешь спросить о корове и раненом мальчике у других домовых, Батану?

– Твой слуга не может, господин. Он не домовый дух, духи не разговаривают с твоим слугой.

– Плохо... – вздохнул Кро. – Хватит каяться, я на тебя не сержусь. Возьми себе пару конфет и ступай.

– Твой слуга недостоин награды, господин.

– Ты больше меня не слушаешься, Батану?

Вопрос поставил эльфа в тупик. Маленькое существо искренне считало себя недостойным угощения – но и спорить с тем, кому должно по совести служить, тоже было неправильным поступком. Наконец малыш решил:

– Слушаю, господин... – Он исчез вместе с костюмом, а мгновение спустя из коробки пропали две самые маленькие конфетки.

– Надо же, спал... – почесал в затылке Надодух. – И чего делать теперь?

– Тоже спать, – вздохнул Битали. – Скоро светать начнет, а мы все на ногах. Давай ложиться, завтра домовиков найти попробуем.

* * *

Если Битали с Надодухом не опоздали на первый урок – то только благодаря ворону, потребовавшему поутру законного угощения. Правда, позавтракать они все же не успели и еще почти час отчаянно зевали, пока бледная и дерганая мадам Эджени Кардо подробно разъясняла, почему в амулетах следует использовать гелиотроп, в зелье – базилик или мандрагору, а для состава гри-гри – серу или имбирь, хотя все элементы имеют одинаковое воздействие на энергетику полноценного человека и даже простого смертного. Расположение свечей для обряда снаряжения себева Кро и вовсе проспал.

Впрочем, краткий курс составного архетворения все равно имелся в сборнике комбинаторных таблиц.

Когда урок наконец закончился, Битали поспешил к хмурой, как грозовая туча, Вантенуа – однако не успел произнести ни слова оправданий:

– Если ты приблизишься ко мне еще хоть раз, – под смешки подруг Генриетта ткнула в него тонкий, словно отточенный карандаш, палец, – то клянусь, я соберу твой след и сожгу его в зольнике подвальной печи!

Кро тут же притормозил: как знает любой ребенок, сожжение следа приводит к скорому увяданию и смерти. Колдовство простенькое, но очень действенное.

– Извини, виноват, – остановился он в паре шагов. – Ухожу. Только один вопрос...

- Какой? – Девушка одарила его взглядом прозрачных, цвета индийского топаза, глаз.
- Скажи... Скажи, тебе удалось приручить какого-нибудь домашнего?

Топазы в глазах Генриетты потемнели до цвета консервированных маслин, губы задрожали.

- Идиот, – буркнула она себе под нос, рывком сгребла книги. – Близо не подходи!
- Опять... – развел руками Битали. – За что? Надодух, ты чего-нибудь понял?

– Видать, ожидала услышать что-то другое, – хлопнул его по плечу сосед. – Не бери в голову, нам девчонок все равно не понять. У них в черепушке моль. А у нас муравьи. Эти звери не скреживаются. Эй, Цивик, чего не здороваешься?! А ты как, смог приручить хоть одного домашнего?

– На курсе никому не удалось, – крепко, двумя руками прижал к груди тетрадь и таблицы паренек. – Спросите вы у Филла, чего мучаетесь?

– Станет профессор ученикам все рассказывать, как же, – отмахнулся Битали. – Скажет, что не мое дело, без меня разберутся, и отправит учиться. Или на прикладную работу посадит, раз время лишнее имеется. Знаю я их всех, не впервой.

– Филл не посадит! – крутанулся на месте недоморф. – Он сам вечно ничего не успевает. То у него молоко, то бумага, то библиотека. Работы курсовые половину без оценок возвращает. А посадит – так забудет.

– Он, может, и вообще духов про это происшествие спросить забыл... – Оторвав руку от тетради, Цивик вскинул палец, но закончить мысль не успел: в этот момент проходивший мимо плечистый Лайтен задел локоть другой его руки, и книги, выскользнув, разлетелись в стороны. Причем и на тетрадь, и на таблицы тут же нашлось кому наступить. Мальчик наблюдал за происходящим с выражением обреченности и смирения.

– У вас к преподавателям без приглашения заходить принято? – тихо поинтересовался Кро.

– Вроде никогда не запрещали, – так же шепотом ответил недоморф. – Но это лучше после обеда. А то нам сейчас в казематы, к цепному Гроссеру. За перемену можем не успеть, далеко спускаться.

- Почему «цепному»? – поинтересовался Битали.
- Не повезло бедолаге... Историю преподает.
- Это так страшно? – хмыкнул Кро. – Не думал раньше...

Как оказалось, мсье Арнольду Гроссеру не повезло отнюдь не потому, что он вел в школе курс общей истории. Опустившись на добрых четыре арпана по уже знакомой винтовой лестнице, Кро вслед за недоморфом вошел в протяженный зал, выкопанный в плотной, слежавшейся глине и освещенный мерцающими под потолком звездами. Освещенный достаточно хорошо – читать можно с легкостью. Здесь, в сыром, дурно пахнущем и холодном каземате сидел на цепи, прикованный за шею к решетке под потолком, коротко стриженный, гладко выбритый мужчина лет сорока, в хорошо подогнанном двубортном костюме и лакированных туфлях. За спиной его широким полукругом, ограниченным длиной цепи, стояли три плотно набитых древними фолиантами шкафа и широкий диван, видимо, служащий узнику и кровати. Перед учителем возвышался тяжелый каменный стол, вырезанный из цельного куска яшмы.

«Или сотворенный из маленького камушка с помощью „трунио“», – вспомнил свое вчерашнее развлечение Битали, усаживаясь за заднюю парту.

- За что его на цепи держат, Надодух? – поинтересовался Кро. – Он что, оборотень?

– С какой это стати оборотней нужно сажать на цепь? – возмутился недоморф. – Человек он, самый обычный. Его во время Большой Войны маркиз де Гуяк за предательство тут замуравовал. Цепь, разумеется, заговоренная, а через решетку подвал каждый год во время разлива

затапливается, и Гроссер тонет. Но не умирает, естественно. Он же человек, а не смертный, он еще Расселение после Второго Пророчества своими глазами видел.

– Не могли бы вы говорить погромче, молодой человек! – неожиданно окликнул недоморфа учитель. – Нам всем любопытно, что вы обсуждаете с таким интересом на уроке истории?

– Расселение родов после Второго Пророчества, мсье Гроссер! – бодро отрапортовал Надодух, вскочив со своего места.

– Сколько же этих родов было на второй родине нашего народа в эпоху Расселения?

– Триста шестьдесят, мсье Гроссер!

– Сколько уцелело к скорбному часу Третьего Пророчества?

– Думаю, не больше половины, мсье.

– Неплохо, мсье Сенусерт, неплохо. Пожалуй, я добавлю два балла к вашему аттестату. Один за то, что на уроках вы болтаете по изучаемой теме, а не про девочек и игру в мяч, а второй из уважения к вашему роду, глава которого стоял в том самом священном круге Расселения, о котором мы сегодня собираемся вспомнить.

Преподаватель кашлянул, поправил на себе железный ошейник.

– Итак, юноши и девушки, четыре тысячи восемьсот семнадцать лет назад в едином храме города Неб страны Та-Кем прозвучало Второе Пророчество, предрекавшее неминуемую гибель нашего народа. Всевидящий Анабанис из рода Калима предсказал, что род человеческий обречен на вымирание, ибо благостная жизнь в счастливой земле второй нашей родины повлекла многократный рост населения. Возникшая на берегах священной реки теснота привела к тому, что многие из семей перестали рождать детей и растить их, что божественной силы не хватает на всех, и многие люди утратили волю к ее обретению, тем самым лишая себя одной или сразу двух душ, теряя магическую силу и становясь простыми смертными. Они предпочитали лишь наслаждаться благами, добытыми их прародителями, и бездумно потреблять добро и пищу, получаемую теми людьми из своих родов, кто не отказался от знаний предков. Те годы казались всем самыми счастливыми в истории, это поистине Золотой век, с тоской вспоминаемый по сей день.

Мсье Гроссер тяжело и протяжно вздохнул.

– Увы, Всевидящий Анабанис открыл перед посвященными окно зеркального пламени, предсказав грядущую страшную истину. Теснота и леность станут причиной вымирания всех человеческих родов, благость и безделие отнимут у выживших остатки разума и превратят их поначалу в смертных, а следом и вовсе в бездушных зверей. Да-а... Это был очень, очень тяжелый час. Все вы, я знаю, думаете: «Это так просто! Вокруг много земли. Уходите, расселяйтесь, и тесноты не будет. Все будет хорошо и счастливо!». Но на деле выбрать путь в дикие земли оказалось очень, очень тяжело. Если после Первого Пророчества наши предки покидали отчие дома и города, обжитые земли перед угрозой гибели от холода, отступая перед непобедимыми ледниками, то в годы Второго Пророчества подобной опасности не существовало... Сытость и покой трудно воспринимать как смертельную беду, правда?

Учитель прошелся за столом из стороны в сторону, позвякивая цепью.

– Что же побудило наших предков признать Пророчество? Опыт, юноши и девушки, печальный опыт прошлого. Праотцы наши, как вы все знаете, были сотворены Создателем по образу и подобию своему и опущены на землю сорок тысяч лет тому назад. Пращурам нашим достались для жития сказочные кущи, теплые, влажные, обильные плодами и зверями. Иные из перворожденных стремились мыслью и деяниями походить на Создателя нашего, беречь и приумножать духовную силу свою и воспитывать детей в сей важной потребности. Иные же, питаясь плодами и зверями, что без труда доставались им в руки, лишь грелись на теплых пляжах, плодились и размножались, предоставляя отпрысков своих той же безмятежной жизни. Они не воспитывали души свои – и лишились оных, они не тренировали разум свой – и лиши-

лись его, они не берегли облика своего – и потеряли даже дарованное Создателем обличье. Ныне видим мы сих несчастных в облике обезьян, обитающих в теплых лесах и предающихся все той же безмятежности. Такими стали наши бывшие братья и сестры, отказавшись от труда и знания, обязательно для каждого человека. Скажу вам больше. Изыскания магов, изучающих родословные наших семей, проверяющие чистоту и родство крови в сложных опытах, смогли убедиться, что не только шимпанзе и мартышки оказались нашими родственниками, но и даже свиньи и муравьеды по родству крови признаны дальними родичами нашими. Теми, кто изначально был создан равным из равных, но по лености своей скатился до полного зверского облика. Что это значит, юноша? – Учитель неожиданно ткнул в сторону Кро указкой.

– Это значит, что мы должны меньше слушать, а больше писать, мсье Гроссер! – подпрыгнул мальчик.

– Правильный вывод, – рассмеялся историк. – Ваше имя?

– Битали Кро, мсье.

– Кро... – Преподаватель задумался на несколько секунд, мотнул головой: – Мы отвлеклись. Я бы хотел услышать от вас доказательства того факта, что именно обезьяны произошли от деградировавших людей, а не наоборот.

– На это указывают многие особенности строения их организма, мсье! – с легкостью вспомнил Битали один из основных постулатов, изучаемых во всех школах. – Так, у человека созданного, у нас с вами, нет когтей. Нам нет необходимости в когтях для самозащиты, мы используем для этого магию или оружие. Когти мешали бы нам удерживать орудия труда или письменные принадлежности. В то же время все дикие существа оные когти имеют. В том числе и лазающие по деревьям: белки, ленивцы, коалы, кошки и прочие животные, которым когти помогают цепляться за кору или древесину и удерживаться наверху. Когти важны как оружие во время схваток с врагами и для удержания тела в ненадежной древесной кроне. Полное отсутствие когтей у обезьяньего племени указывает на то, что они имеют происхождение не от звериного когтистого предка, а от предка, когтей не имевшего. Таковыми на планете являемся единственно мы.

– Отличный и подробный ответ. Тянет на все семь баллов. Итак, исходя из услышанного нами от мсье Кро наблюдения, для многих родов непогрешимость пророчества Анабаниса Калима стала очевидной. Становилось понятно, что жизнь людей на святой земле неминуемо ведет к превращению всех нас в простых смертных, а потом и вовсе в обезьян или иных человекообразных животных. Однако же мало кому хотелось принимать меры для исправления грядущего. Ведь это означало очевидное самопожертвование! Родам человеческим, всем семьям надлежало отречься от сытости и достатка ради того, чтобы отдать собственное благополучие отпрыскам своим. Отказаться от тепла и уюта, уйти в дикие места, трудиться от зари и до зари ради своих детей. Пожертвовать покоем и долголетием – и все это ради потомков, которых они еще не родили, которых не знали и не ведали и которых по уже устоявшимся на второй родине обычаям не собирались рожать! Ведь каждый ребенок – это кусок хлеба, который придется положить в его рот вместо своего. Это одежда, которую придется купить ему, а не себе, это место в доме, которое придется отобрать у себя и уступить ему. Но, не рожая детей, человечество угасало, ибо свой смертный час уготован каждому, даже нам с вами. И каждый, уходя в мир духов, обрывал собой очередную веточку рода...

Мсье Гроссер опять вздохнул, печально понутив голову.

– Это был очень трудный выбор, юноши и девушки. Это был выбор каждого между собой и будущим, которое он заведомо не увидит. Вы должны гордиться тем, что триста шестьдесят родов сделали выбор в пользу будущего, в вашу пользу. Я опущу многие, не самые приятные события, случившиеся в годы выбора, жестокие и кровавые драмы. Без этого, увы, прийти к единому решению нам не удавалось. Если коротко, то после исхода из объятий второй родины оставшимся у священной реки родам отошло бы все богатство, накопленное человечеством.

Они зажили бы в благополучии, избавились от тесноты, завладели древними святынями, дарующими особую силу. И все это – за счет тех самоотверженных магов, что ушли трудом своим строить будущее. Больше того, оставшись на всем готовом, эти бесчестные рода, сохранившие власть над прародиной, в будущем могли бы повелевать другими людьми, опираясь на древние святыни, их силу, создавая легенды о своей исключительности, якобы благодаря которой они сохранили власть над древней землей.

Учитель кивнул:

– И пролилась кровь. И все уцелевшие рода пришли к единому решению. Дабы не случилось несправедливости, в землях Та-Кема не останется никого из потомков Создателя, сохранивших три изначальные души. Четыре тысячи восемьсот девять лет назад главы трехсот шестидесяти родов плечом к плечу встали в круг на главной площади города Неб. В час полудня все они двинулись туда, куда был направлен их взгляд, уводя свои рода в новые земли. Это был час Расселения. С тех пор и вплоть до Третьего Пророчества каждому из родов принадлежали все просторы в той стороне, куда посчастливилось смотреть главе рода. Триста шестьдесят частей, на которые была разделена вся изведанная и неведомая земля мира. В память о том событии до сего дня любой круг принято делить именно на триста шестьдесят частей. Безлюдной осталась лишь страна Та-Кем. В ее границы запрещено входить любому магу под страхом смерти. О прежнем ее величии можно догадаться, лишь увидев разбросанные среди пустынь руины пирамид, храмов и развалины древних дворцов. Простые смертные, потерявшие право называться одним из родов, не смогли сохранить от былого богатства практически ничего.

Учитель печально покачал головой.

– Однако вернемся к вопросу, с которого начался наш урок. Сколько родов уцелело к скорбному часу Третьего Пророчества? Увы, точного ответа сегодня не знает никто. Кто-то из покинувших вторую родину сгинул в неведомых гиблых местах, оборвав ветвь семейного древа. Некоторые нашли райские уголки и поддались соблазну безмятежной жизни, превратив род человеческий в простых смертных, если не хуже того. Многие рода оказались отрезаны океаном и явились на наши земли лишь во время Большой Войны. По общему мнению, из трехсот шестидесяти родов изначальных Третье Пророчество узнали всего две с половиной сотни. Однако общее число живущих на земле магов увеличилось к тому времени с нескольких тысяч до миллиона людей. Это тоже примерные оценки. А потому мы можем говорить, что Расселение стало спасением человеческого рода, а не его трагедией, как вы можете услышать от некоторых историков. Для закрепления материала читайте главы семнадцатую и восемнадцатую курса общей истории. Вопросы контрольной будут задаваться по ним.

– Фу, наконец-то! – подпрыгнул недоморф. – Пошли скорее отсюда, а то я продрог, как русский мамонт. Ну че, к Филлу заглянем, пока обед, или сам домовых ловить станешь?

– Почему он на цепи, сосед? – поднимаясь, никак не мог оторвать взгляд от решетки Битали. – Неужели из-за маркиза не выпускаете?

– Конечно, из-за маркиза, – признал недоморф. – Заклятие на цепи накладывал Клод де Гюак самолично шестьсот лет назад. Его уже несколько раз снять пытались, но толку нет.

– Можно пригласить кого-нибудь из сильных магов. Наверное, даже магов Совета Земель. А то учитель на цепи – это... – Кро развел руками.

– Смеешься? Сам профессор Бронте несколько раз пытался снять или хотя бы разрушить цепь, и то ничего не вышло! Чего уж тут говорить?

– На директоре свет клином не сошелся. Есть же и другие волшебники.

– Волшебники сильнее профессора Артура Бронте?! – изумился Надодух. – Это ты про Темного Лорда, что ли, вспомнил? Нет, я согласен, может, есть и другие маги, такие же, как наш директор, но сильнее... Вранье. Профессор Бронте, между прочим, победил в поединке самого маркиза де Гюака! А еще он – хранитель Хартии, понял?

– Артур Бронте убил маркиза, чтобы стать директором вместо него? – Битали аж передернуло. – Это правда? Ну, и нравы у вас, однако!

– Да не так все это было! – мотнул головой Надодух. – Это не ради школы был поединок! То есть как раз ради школы, но наоборот... Ну, типа экзамена. Маркиз признал поражение и сам назвал профессора Бронте новым директором. А сам ушел.

– Куда?

– Ну, куда все, – пожал плечами недоморф. – Ты ведь знаешь, как это бывает с древними магами. Они вроде как и непобедимы, но иногда заявляют, что устали. И уходят. Больше их никто не видит. Наверное, умирают все же в стороне от глаз. На Земле никто не вечен. Но могилы маркиза никто никогда не видел. И не слышал даже. Просто говорят, что ушел.

– Мсье Сенусерт! Мсье Кро! Подойдите сюда... – поманил их от стола учитель. – Я слышал, вы упоминали только что Темного Лорда и директора Бронте. Не поделитесь секретом, о чем столь рьяно спорите?

– Простите, мсье Гроссер, мы не хотели шуметь, – повинулся Битали.

– Ничего-ничего, я не в обиде, – отошел к дивану учитель и уселся, сдвинув цепь к плечу. – Мне тут, честно говоря, бывает скучно. Не откажусь от нового интересного повода к размышлениям.

– Можно, я попробую снять с вас цепь? – поднял палочку Кро.

– Нет, ни в коем случае, – предупреждая покачал пальцем учитель. – Однажды такой же добрый мальчик раскалил мой ошейник добела, пытаясь расплавить. Это было, скажем так, не очень приятное ощущение. С тех пор я не доверяю свои оковы никому, кроме Артура, коли ему в голову приходит очередная идея.

– Он же директором уже двести пятьдесят лет! Неужели за столько времени нельзя было избавиться вас от этой железяки?

– Мой юный друг! – улыбнулся Гроссер. – Оглянись вокруг. Видишь этот зал, эти шкафы, парты, книги? Думаешь, выстроить все это вокруг моего узилища было так просто? Профессор Бронте делал эти годы для меня все, что мог. Несколько веков назад, знаете ли, у меня с Клод возникли некоторые разногласия. Он хотел сделать по-своему, я кое-что совершил из своих убеждений... В итоге именно он смог замуровать меня в толще этой проклятой горы. Увы, не могу поклясться, что я в то время поступил бы с Клодом иначе, окажись победа в моих руках.

– Но ведь столько лет прошло! Былая вражда давно забылась, равно как и причина вражды. Неужели нельзя избавиться от этих...

– Ты прав, юный кудесник Битали Кро, чистый душою и помыслами, но слабый колдовской силой. Какие красивые у тебя глаза... Странно, что мне не знакома твоя фамилия. Так вот, о юный добродетельный Кро. Когда-то, много десятилетий назад некий школьник Артур Бронте обнаружил мой склеп в толще под старым замком. В те годы он обещал не меньше тебя. В итоге возможности его ограничились лишь тем, что малая моя нора за два века была расширена до нынешних размеров, мне стали доступны многие книги и архивы, вековое безделье сменилось достойной работой по воспитанию новых поколений, не знающих наших старых ссор. А цепь... Когда Клод замыкал ее на моей шее, он полагал, что наша вражда вечна и непримирима. И применил все свое знание, дабы сделать оковы нерушимыми. Знал бы он, что уже через полвека маги забудут и смысл нашей вражды, и тайну его неодолимого заклинания! Увы, тайны будущего доступны лишь избранным. Да и кто бы поверил провидцу в те страшные годы непримиримой вражды?

– В прежней школе меня учили, что вечных заклинаний не существует, – сказал Битали Кро.

– Надеюсь, мой мальчик, – кивнул учитель. – Пока же мой старый друг Клод уже успел избрать покой и усталость, я же остаюсь рабом цепи, каждый год лишаящей меня жизни, потом воскрешающей и заставляющей ждать нового половодья.

– А если... – начал было Битали, но мсье Гроссер всего лишь вскинул свой палец, и Кро замолк, поняв, что от него ждут молчания.

– Все это было, дорогой мой мсье Кро. Не знаю, что ты задумал, но за прошлые века ученики испробовали практически все. В пещере обваливались своды, я лечился от ожогов, вода стояла под потолком по нескольку лет, но в конечном итоге все оставалось на своих местах. Не меняй ничего, мой мальчик. Оставь, как есть. Еще никому не удавалось облегчить моей нынешней участи. Чаще случалось наоборот. Поэтому прими мою благодарность и забудь про все, кроме заданных мною глав. Смирение и преподавание уже давно стали смыслом моей жизни. Стань лучшим учеником, и это будет самой большой радостью, которую ты сможешь мне доставить. Теперь бегите. Для ваших юных тел сытный обед является куда более важной потребностью, нежели пища для ума.

– Неужели ничего нельзя сделать, мсье Гроссер? – никак не мог поверить Битали.

– Когда я проиграл поединок, юный Кро, то был заточен в полость всего в половину человеческого роста диаметром и спрятан в толще горы возле подземного ручья. Закован и забыт. Должен сказать, мое нынешнее положение позволяет жить – по сравнению с первым столетием – с невероятным комфортом. Не беспокойся за меня. На этом диване, с книгами и учениками я могу дожидаться часа, когда истечет сила заклинания, сколь угодно долго и безо всяких страданий. Теперь бегите. Я знаю, идти вам далеко, время уходит. Идите, идите. Увидимся через неделю.

– Ишь, как ты Гроссеру понравился! – громко удивился недоморф, когда они выбрались из казематной аудитории на лестницу. – «Какие глазки», «какая фамилия», «лучший подарок – хорошая учеба», «обед важен для твоего тела»! Сплошные сюси-пусси.

– Он не про меня говорил, а про нас обоих, – парировал Битали. – И позвал, кстати, не меня, а тебя. Ты начал кричать про директора и какого-то Темного Лорда.

– Ничего я не кричал! Просто в пещере такая акустика. Кстати, Гроссер ни слова про Темного Лорда так и не сказал. Хотя подозвал нас как раз из-за него. Он только сюси-пусси вокруг тебя разводил.

– А что это, наконец, за Темный Лорд такой? – поднимаясь по ступеням вслед за соседом, спросил Кро.

– Ты разве не слышал? – обернулся на него недоморф. – Говорят, что после Четвертого было еще одно Пророчество, Пятое. Про него стараются не говорить, потому что оно предсказывает гибель всего живого. Ну, типа умрем мы все. Без вариантов. Детям про него вообще никогда не рассказывают, чтобы зря не пугать. Ну, и взрослые тоже помалкивают. Помирать ведь никому неохота.

– Понятно, – кивнул Битали, – из Хаоса вышли, в Хаос и вернемся. Только при чем тут Темный Лорд?

– Как при чем? Это он всех и поубивает... – Надодух двинулся дальше вверх по лестнице. – Говорят, это черный колдун, служитель зла. Самый преданный и неумолимый жрец злобы. Он жил тысячу лет назад и убивал всех подряд безо всякого повода, не считанно. Всех, кого только встречал на пути. После его похода через Англию там ни одного чародея не осталось. Разве только спрятался кто. Он же, вроде, научил смертных, как можно нас, людей, убивать. Тогда, тысячу лет назад, он решил, что его магической силы для уничтожения всех не хватит, и решил посетить царство мертвых, мир духов, дабы изучить все их секреты и заклинания и, вернувшись спустя тысячу лет, закончить дело Зла. Ну, а справиться с ним будет некому, потому что тайны мертвых не будет знать никто, кроме него.

– Угу... – Услышанное заставило Кро всерьез задуматься.

– Тысяча лет как раз прошла, – напомнил Надодух. – Или вот-вот закончится.

– Угу... – опять кивнул Битали.

Примерно минуту они поднимались молча, потом недоморф не выдержал:

– Чего молчишь-то?

– А чего говорить?

– Ну, обычно все начинают отмахиваться и утверждать, что все это пустые слухи и страшилки для детей.

«Те, что отмахиваются, – подумал Кро, – просто не знают, что под замком есть зал Ордена Пяти Пророчеств».

Вслух же он просто спросил:

– Откуда ты знаешь про это Пророчество?

– Три года назад Алистер Мелоун рассказал. Зубрилкой он был и занудой хуже Дубуса, за то его в нашу башню и выжили. Но знал он все, о чем ни спроси. Со мной в комнате целый год прожил.

– А потом?

– Потом диплом получил! Он на четыре курса старше меня был, как Ларак и Комби с разных курсов. Но эти-то оба дураки.

Тяжело дыша, юные чародеи наконец-то добрались до своего этажа и подошли к сфинксу. Здесь, оказывается, уже появился свет: между факелами домовые духи деловито развешивали по стенам реставрированные гобелены.

– К Филлу-то пойдём? – остановился недоморф перед стремянкой, по которой бородастые малыши затягивали наверх очередную длинную скатку. – Или сам станешь спрашивать? Вот они, здесь. Пользуйся моментом.

Битали почесал в затылке, лихорадочно вспоминая уроки профессора Налоби, подобрал нужные слова, с пришепетыванием заговорил:

– Маленький хозяин, прими мое почтение, дай благоволение, услышь мое слово, дай ответ верный... Скажи мне, дух, ты видел, кто принес сюда корову несколько дней назад?

Бородач со стремянки покосился на него исподлобья и исчез. Судя по тому, что свернутый ковер не упал – просто отвел взгляд.

– Маленький хозяин, прими мое почтение, дай благоволение... – подступился Кро к другому домовому.

Тот сгинул еще до того, как мальчик успел договорить фразу до конца.

– Ладно, – оставил свои опыты Битали. – Раз они слушаются только Налоби, давай сходим к нему. Все равно кабинет профессор тут рядом.

– Тогда нужно сперва к нему, – поднырнул под стремянку недоморф. – Он ведь тоже в столовую уйти может. Если Филла сейчас нет, завернем после обеда.

Не дожидаясь ответа, он миновал сфинкса, постучал палочкой по стене между коврами, выщелкивая языком общеизвестное «детское» заклинание:

– Кланк, кланк, кланк... – Палочка отозвалась очень похожим звуком, посылая его в глубину стены. Надодух прислушался, кивнул: – Он здесь, – и решительно вошел в кладку. Кро немного погодя последовал его примеру.

– Вы тоже, мсье Кро? – Профессор бросил свою курточку поверх толстого иллюстрированного зоологического справочника, венчавшего грудку книг и тетрадей, сложенных на письменном столе.

Только чудом или магическим искусством Филла Налоби можно было объяснить то, что эта баррикада до сих пор не развалилась. Под окном комнаты лежала не менее высокая груда глиняных и деревянных мисок, верхние из которых оставались еще влажными. На подоконнике возвышалась стеклянная бутылка с широким горлом.

– Очень удачно, что вы зашли, Битали. – Учитель одернул мятую сорочку с двумя яркими сиреневыми пятнами, на животе и у ворота. – Очень удачно. Я давно хотел с вами поговорить. По поводу вашего... Этого... Ах, да! Я слышал, вам удалось полностью приручить домо-

вого эльфа? Это так? Быть может, домовым духам замка больше нет необходимости следить за порядком в вашей комнате?

– Не знаю, – неуверенно пожал плечами Кро. – Батану следит за моими... Но...

– Он называет вас, мсье, господином, но вы еще не уверены, что можете отдавать ему приказы? – утвердительно склонил голову профессор.

Битали кивнул.

– Крайне, крайне приятное известие! – Филли Налоби вскинул руку к голове и зачем-то поелозил бесформенной феской по и без того спутанным волосам. – Именно так и происходит при каждом приручении! Это есть заключительный этап взаимодоверия и установления длительного полноценного контакта. Хотя в ближайшие месяцы использование свистков и колокольчиков нежелательно. Они слишком явно подчеркнут возникшее рабство. Замечательно, мсье Кро! Вы стали всего лишь четвертым учеником за минувшие пятнадцать лет! Ах, да... Учеником, приручившим домового.

Профессор протянул было мальчику руку – но в последний момент спохватился, вскинул указательный палец, покачал им у Битали перед лицом:

– Не нужно, не нужно пока отдавать приказ на служение иным лицам. Крайне, крайне неверное решение! Повремените с применением своей власти, юноша. Спешить тут совершенно ни к чему. Налаживая контакт, не страшно и пожертвовать парой месяцев ради десятилетий.

– Так я... и не собирался... – несколько растерялся от такого напора Кро.

– И не нужно! – согласно кивнул профессор Налоби. – Ты правильно решил посоветоваться со мной в этом деле. Я сомневался, прямо признаю – сомневался! В чем? В том, что ты удержишь возникший на моем уроке контакт. Ты честно, ты полностью заслужил все пятнадцать баллов, заложенные программой на полное изучение курса домоводства.

– Спасибо, профессор, – несмотря на сумбурность речи, самое главное в словах учителя Битали понял.

– Ну, молодые люди, коли у вас все, прошу прощения. Время обеденное.

– Нет, не все! – встрял в разговор недоморф. – Сосед хотел спросить: вы не знаете, кто унес из коридора Цивика? Ну, нашего, из башни. Может, домовые видели, кто это сделал? И про призраков: вы не знаете, кто приказал им прийти в нашу комнату и пугать Битали смертью?

– А что сказал тебе твой слуга-эльф?

– В это время он спал, профессор.

– Как интересно! – хмыкнул Филли Налоби. – Он спал! Забавно. На самом деле в ту ночь на нашу школу напал очень сильный черный маг. Черные маги любят ночь. Время, когда все спят, устали от дневных хлопот, стали невнимательны. Черный маг напал на школу, оглушил призраков и напугал домовых духов так, что они попрятались в самые укромные уголки и не высывались до самого утра. Призраки же, увидев его черную фигуру, лишились воли и, став жертвой заклятий, стали следовать желаниям сильнейшего.

– Черный маг напал на нашу школу только ради того, чтобы оживить корову и заслать призраков в башню с известием о смерти?

– Ты прав, мсье... Простите, вы правы, мсье Битали Кро. Крайне, крайне странный поступок. Оживить корову, влезть в комнату учеников. Глупый, бессмысленный поступок. Хулиганство. Видимо, кто-то из бывших учеников решил пошутить столь глупым образом над всеми нами. Сквитаться за тяготы школьной жизни. Однако наш уважаемый профессор Артур Бронте уже принял все меры, дабы не допустить ничего подобного впредь. Уверяю, ученикам совершенно нечего бояться!

– Если домовые прятались до утра, кто отнес Цивика к врачам?

– Как кто? Ну, вот... Это-о... – Учитель опять поелозил феской по волосам, показал на стену, себе под ноги, опять на стену. – Ну, как? Ах да! Я и отнес. Это ведь как раз здесь все

и творилось. Аккурат у кабинета. Был шум. Я позвал домовых духов. Свистком. Узнать, что там происходит посереде ночи. Никто не явился. Я ждал, свистел, ждал. Решил посмотреть сам. Работы я здесь проверял, контрольную второго курса. Вышел, увидел Цивика в беспмятстве, понес вниз, в целительную, вызвал мсье Эшнуна и директора. На рассвете мальчику стало легче, он смог назвать ваши имена... Это ведь не вы принесли сюда корову из школьного погреба?

Профессор Налоби попытался взглянуть на учеников сурово и вопрошающе. Но получилось плохо – его лицо стало всего лишь сморщенным, словно завяленный на солнце абрикос.

– Спасибо, профессор, вы спасли Цивику жизнь, – кивнул Битали. – Простите, мы еще не обедали. Мы пойдем, хорошо?

– И никуда не торопись! Ближайшие два месяца старайся делать для эльфа все, не обременяя его работой! Его чувство справедливости само заставит домового ответить преданностью и честностью. Не спеши!

– Спасибо, профессор. Именно так я и поступлю.

Поединок

Обедать пришлось стоя – почему-то именно в последние минуты перед третьим уроком в столовую вдруг ринулась половина школы. И ведьмам, и троллям, и половине членов ордена мест за столами не хватало, несмотря на жесткую оборону от чужаков. В лучшем случае удавалось поставить на краешек чашку или тарелку. Всем остальным приходилось держать обед на весу, толкаясь локтями и постоянно рискуя облиться.

Уже закончив скромную трапезу и направляясь к выходу, огибая столы по широкой дуге, Кро едва не столкнулся с упавшей сверху Горамник. Девушка негромко выругалась, и Битали заботливо поддержал ее, взяв под локоть:

– Извини! Тут сегодня тесновато.

– Тут каждый день тесно, – освободила локоть однокурсница. – Неужели не заметил?

– Заметил, Анита, – кивнул Кро. – Потому и стараюсь плотно поужинать. Спокойно, без давки. Потом можно прогуляться перед сном для настроения. Ты как относишься к ужину и прогулке?

– Ты что, меня клеишь, парень? – прямолинейно поинтересовалась отличница. – Тогда хочу сказать, приятель, что, желая познакомиться с девушкой, парень должен как минимум выбраться из башни Кролик. В любое другое землячество или братство. Общаться с «отстоем» из «кроликов» для любой девушки так же позорно, как крутить любовь со смертными или орангутанами. Потом не отмоешься. Ты, конечно, лихой парень, орден Грифа не побоялся раздражить. Но совсем это не значит, что ради тебя кто-то станет «крольчихой». И еще, парень. Если все же выберешься из башни, ищи себе подружку попроще. Твое счастье, что нас сейчас Арно не видит. А то бы он тебе моментально шею свернул. Все, пока-пока. Приятного ужина.

И, насмерть убив юноше настроение, Анита весело поскакала к прилавку. Кро же медленно и уныло побрел вверх, на просторный чердак северного корпуса...

– Вы всегда бодаете своих учителей, милый мальчик, или сегодня у вас прорезались рожки? – остановила его положенная на лоб холодная рука.

– Ой, простите мадам Деборе! – отступил и поклонился школьной прорицательнице Битали. – Я... Я...

– Я понимаю, мой дорогой, вы слишком увлеклись созерцанием своих туфель. – Учительница взяла его за подбородок, подняла лицо, взгляделась в глаза... – О-о-о, я вижу, милому мальчику не до смеха. Наверное, самое время предсказать ему его судьбу. Слушай меня, малыш, и запоминай. Не пройдет и месяца, как все твои проблемы переменятся ровно в обратную сторону и заботы твои станут противоположными нынешним.

– Откуда вы знаете, мадам? – отвернул голову Кро. – Вы даже не взглянули на мою руку или мою чашку.

– Зачем мне это, дорогой мальчик? – погладила его по макушке учительница. – Я не знаю тебя, но зато отлично изучила капризы судьбы. Всего месяц. Попробуй прийти через месяц и сказать мне в глаза, что я ошиблась. Мы вместе посмеемся над этой шуткой. Теперь беги на урок и не забывай смотреть вперед. Иначе у тебя вырастут если не рога, то большие твердые шишки.

– Спасибо, мадам, – сам не зная за что, поблагодарил женщину Битали и пошел дальше. Но на душе его все же стало уже не так муторно, как прежде.

* * *

– Приветствую вас на своем уроке, пятикурсники! – Легкой пружинящей походкой учитель пересек по диагонали зал, провел рукой по толстой балке меж стропил. – Мсье Дистини Шаркови!

– Да, сэра Ричард Уоллес! – вскинул руку чернявый паренек из рядов ордена.

– Подойдите сюда! Примите свой боевой амулет. Он красного цвета. Учебный амулет розовый, в пределах школы вы обязаны носить только и исключительно его! Вам ясно?

– Да, сэра Ричард Уоллес!

– Идите на место. – Учитель развернулся. – Повторяю для всех! Вас защищает от житейских несчастий общепринятое и вполне надежное заклинание «вига». Оно спасает от мелких травм, ушибов, порезов. Правда, его силы не хватит, чтобы защитить от упавшего на голову трехпудового валуна, удара чугунной дубиной или посеребренного клинка. От серебра вас не защитит никакая магия. Однако учебные клинки серебрения не имеют. Прикрытому «вигом» человеку обычное холодное железо не способно нанести глубоких и тяжелых ран. Только поверхностные порезы при жестком и сильном ударе. Поэтому, во избежание травм среди учеников школы, здесь категорически запрещается использовать посеребренное оружие, либо оружие дробящего действия. Вы имеете право носить и использовать исключительно стальные учебные клинки. Вопросы есть? Очень хорошо! Франк Картье!

– Я, сэра Ричард Уоллес! – быстрым шагом направился к учителю долговязый «троль».

– Вот ваш боевой амулет, вот учебный. Не перепутайте! Не носите в пределах школы красного амулета! Далее... мсье Битали Кро!

– Да, сэра Ричард Уоллес! – побежал через зал мальчик.

– Красный амулет – боевой, розовый – учебный. Следующий... Мсье Донтан Гривилен!

Вернувшись к недоморфу, Кро внимательно рассмотрел старый отцовский амулет, повесил его на шею, затем покрутил перед глазами новый, бледно-розовый. По виду и форме он никак не отличался от настоящего. Если бы не цвет – можно и перепутать.

– Все остальные ученики получают во временное пользование обычные учебные амулеты с общепринятыми клинками, – сообщил учитель. – Подходите по одному.

Спустя пару минут Надодух тоже обзавелся каменным амулетом, размером чуть меньше большого пальца, с дырочкой для шнура и бледно-розовым кончиком, означающим его безопасность.

– Как же его открыть? – попытался разобраться недоморф.

– Сильно сжимаешь и выдергиваешь.

– Как?

– Никаких действий без моего разрешения! – повысил голос сэра Ричард и подпрыгивающей походкой прошелся по залу. – Теперь второй, очень важный вопрос. Безопасность. Хотя мы используем исключительно учебное оружие и соблюдаем все меры безопасности, однако уроки гендерного мастерства связаны с высоким риском. Каждый ученик во избежание ненужных трагедий должен иметь защиту заклятием «вига» и надлежащим образом заговоренного тотемника, хранящего душу Ба. Кто из вас не прошел обряд заговора защитным заклинанием? Все прошли? Встаньте в ряд и вытяните вперед левую руку.

Преподаватель вскинул руки над головой, резко развел в стороны – между ними сверкнул длинный тонкий клинок.

– Проверим... – Он пошел вдоль учеников, ведя остро отточенным оружием по выставленным ладоням. Однако никаких следов ни у кого на руках не оставалось. Защитное заклинание легко обороняло от столь слабого воздействия...

– О-ой! – Цивик отпрыгнул назад, крепко сжал кулак. На пол закапала кровь.

– Что это значит, мсье? – вскинул брови сэра Ричард Уоллес.

– Я проходил обряд! Честное слово, я его проходил!

– Видимо, при наложении заклятия была допущена ошибка. Настоятельно рекомендую сегодня же подойти к профессору Карлу Пепелету для получения защиты. Ученики, не имеющие магической защиты от холодного железа, к занятиям гендерным мастерством не допускаются. Прошу вас покинуть класс, мсье. Цивик, зажимая порез, потрусил к двери.

– Мсье Сенусерт!

– Я здесь, сэра Ричард Уоллес! – поднял руку недоморф.

– Сегодня утром я был на восточном корпусе и обнаружил, что вашего тотемника нет в клетке.

– Черныш был у меня, в башне. Все знают, что он постоянно убегает. Ему не нравится в общем птичнике! Мадам Фре знает, она подтвердит. Вот, сосед мой утром его видел. Скажи, Битали!

– Да, он был утром у нас в башне, – подал голос Кро. – Мясо выпрашивал.

– Допустим, – кивнул учитель. – Мсье Битали Кро я тоже запомнил. Вашего тотемника мне тоже не удалось найти.

– У меня нет тотемника.

– Как нет? – искренне изумился сэра Ричард Уоллес.

– В прежних школах у меня умерло три разных тотемника, и я перестал их брать.

Класс зашумел, преподаватель покачал головой:

– Ученики, не имеющие надлежащим образом подготовленного тотемника, к занятиям гендерным мастерством не допускаются. Прошу вас покинуть класс, мсье. Советую вам немедленно сходить к мадам Фре и выбрать себе свободного зверя.

– Хорошо... сэра Ричард Уоллес, – как положено, ответил Битали и вышел с чердака, не удержавшись и громко хлопнув дверью.

В восточный корпус он не пошел. Смерть одного за другим сразу трех зверьков отбили у него желание заводить нового хранителя души. Не собиравшись он отказываться от давнего решения и сейчас. Вместо этого он спустился в тихий пустой двор, взял из-под щита мяч и стал бросать его в корзину: с места, с разбегу, снизу и издалека, подходя к цели с разных сторон.

После двух десятков попаданий игра без соперников наскучила. Он вернулся в замок, намереваясь найти выход наружу, за пределы двора – и внезапно перед мальчиком выросла стремительная, как сокол, и юная, как рассвет, Эления Клеотоу.

– Почему не на занятии, ученик? – указала она на мальчика указательным пальцем с длинным острым ноготком. Ноготь почти коснулся горла, и Кро сразу померещилось, что красный он отнюдь не от лака.

– Сэра Уоллес удалил с урока... Из-за отсутствия тотемника... – Близость ногтя к горлу вызывала очень неприятные ощущения.

– Почему не в стропильной? – На губах девушки играла милая улыбка, но в голосе прорывались угрожающие змеиные, шипящие нотки.

– Уже... – тем не менее соврал Кро. Не убьют же его за нежелание иметь живой тотем?

– Тогда идите к себе в комнату... – Профессор отвела руку и прошла по кругу, явно пригнувшись. – У вас две минуты, мсье Битали Кро. Проверю.

Девушка исчезла так же стремительно, как появилась, а мальчик, решив не искушать судьбу, направился к себе в башню, побродил от стены к стене, выложил на стол амулеты: алый и бледно-розовый. Повесил на шею боевой, схватился за него руками, рывком развел в стороны. В крепко сжатых кулаках оказались широкие, но короткие – с локоть – стальные полумесяцы со сверкающими серебром кромками и тонкими шипами на остриях. Он скрестил руки, закрывая стальным щитом голову и грудь, сделал выпад вперед, рубанув воздух сразу двумя огромными ножами, снова закрылся, сложил руки, плавно выдыхая и вызывая в душе чув-

ство умиротворения. Послушные команде клинки сжались, спрятавшись в алый рубин. Битали убрал его в кофр, взялся за амулет розового цвета. Сжал в кулак, развел руки...

Клинка явились, послушные приказу – но вместо сверкающей кромки по краю полумесяцев шла черная полоса воронения. В остальном оружие никак не отличалось от боевого: та же форма, тот же вес, точно такая же балансировка. Мальчик сделал несколько выпадов и закрытий, покрутил клинки мельницей. Спрятал, пожав плечами:

– Что же, совсем неплохо. Корову на куски порубят, коли снова понадобится.

– Ты здесь?! – Надодух взмахнул руками, удерживая равновесие над водяной ловушкой, и прыгнул вперед. – Ты понимаешь, что это значит?

– Ты о чем?

– Забыл, сосед? О твоих тотемниках! Ты сам всего час назад признал, что у тебя за несколько лет погибли три тотемника! А что нам говорил сэр Уоллес? Если хочешь убить врага, сперва нужно убить его животное-хранителя. Тогда у мага не останется энергетической подпитки для душ в случае телесной смерти, они оторвутся и уйдут в мир духов! Убил тотемника, убил мага – и он мертв, окончательно и безвозвратно. Иначе тело всегда можно восстановить и оживить. Теперь смотри... – Недоморф начал загибать пальцы: – Ты сам говоришь, что несколько раз горел – а это способ убийства мага. У тебя трижды умирали тотемники – а это тоже путь к убийству чародея. И наконец, именно тебя пыталась забодать дохлая корова! Получается, на тебя объявлена охота, Кро! До твоего появления в школе здесь все было тихо, и только теперь в замок вдруг пробился черный маг, который опять устроил нападение именно на тебя!

– Случайность. Налоби ведь сказал: хулиганство бывшего ученика.

– Какая случайность?! – схватился за голову недоморф. – Ты чего, не понимаешь? На тебя охотятся! Охотятся совершенно точно! Наверное, этот колдун, напугавший домовых, и есть Темный Лорд! Кто еще, кроме Темного Лорда, станет убивать детей?

– Расслабься, сосед, – усмехнулся Битали. – Думаю, у легендарного Темного Лорда, буде он явится в мир, найдутся куда более важные жертвы, нежели ученик пятого курса одной из школ.

– Но ведь он охотится на тебя, именно на тебя! – продолжал горячиться Надодух. – Тотемники, пожары, корова... Значит, есть повод! Возможно, ты принц, и он хочет убить тебя, пока ты не сел на трон?

– Комиксов насмотрелся, сосед? – покачал головой Кро. – Тебе с первого дня принцы и заговоры вокруг мерещатся. Должен тебя разочаровать. Если бы я был принцем, то кое-кто об этом совершенно точно знал. Я сам!

– А может, это тайна? Может, тебя берегут от Темного Лорда, скрывают!

– А заодно и от самого себя, – скривился Битали. – Надодух, ты просто не понимаешь, о чем говоришь. Ты наследник древнего рода, поместий, замков и легенд – вот тебе принцы за каждым углом и мерещатся. Мы же, соседушка, рождены среди бродяг. Ни земли, ни семьи, ни родословной. Чтобы заработать денег нам на жизнь и получить право собирать силу, мой отец нанимается в малочисленные семьи, ведущие войну с соседями. Вся наша жизнь – это переезды с войны на войну, из страны в страну. Да еще бегство от мстителей. Отец, знаешь ли, очень хороший воин, лишил жизни немало известных противников, и многие семьи имеют на него ядовитый зуб. Понятно? Ни в одной школе вокруг меня пожары не случались, только дома. Так что, если на кого и охотятся, то только не на меня. А тотемники, что ни говори, это просто животные. Они частодохнут и без посторонних стараний. С коровой же мне просто не повезло. К ней под копыта еще и Цивик попал. Его ты ведь за принца не считаешь?

– Ну, сравнил, – упавшим голосом ответил недоморф. – Цивик, он... В общем, это Цивик.

– Лучше быть просто Цивиком, чем любимой жертвой непобедимого Темного Лорда. И принцем... посмертно. Чем вы там у сэра Уоллеса занимались, когда я ушел?

– А, ничем, – отмахнулся сосед. – Учились вынимать мечи и обратно прятать.

Надодух сунул руку за пазуху, отпрыгнул и выдернул длинный, в два локтя, клинок, из-за воронения по обеим сторонам напоминающий шило. Широко рубанул им воздух, потом взялся за оголовье рукояти и самое острое пальцами, свел ладони вместе и вернул амулет на место.

– Вот так... Хорошо, Цивика не было. Все так лихо мечами размахивали, что ему бы наверняка чего-нибудь отрубил. С его-то везением. Чего ты такой грустный?

– Отца вспомнил, – вздохнул Битали и отошел к окну. – Когда расставались, сказал, что без меня они опять переедут, чтобы я их не искал. Если все будет хорошо, перед шуликовыми² праздниками сами приедут и заберут. Пишет, что все в порядке. Похоже, он опять куда-то нанялся.

– Пишет? – встрепенулся недоморф. – Так ты по почтовому штампу посмотри, откуда письмо!

– Какие штампы? – покачал головой Кро. – Мы через почтовую тетрадь переписываемся. Я пишу, чего хочется, закрываю тетрадь – и письмо проступает в его тетради. Он пишет или мама – их письма у меня проступают.

– А-а-а... – сник недоморф. – А я так, через почту мертвых, когда нужно, пишу.

– Смотри, какая погода стоит в этом году. – Мальчик попытался открыть окно. – Октябрь на дворе – а тепло и солнечно, как летом.

– Мы во Франции, Битали! Это в Шотландии полгода слякоть и морозы. У нас же круглый год тепло. Снег раз в десять лет выпадает. Ну, и профессор Бронте погоду подправляет слегка. Чтобы уличные занятия удобно было прова дить. С колдовством там, гендерным искусством, другими разными метаморфизмами. В общем, все нормально. Может, перекусим пойдём? А то чего-то в животе подвело. Потом по лесу прошвырнемся, хочешь? Ты ведь, вроде, ни разу за стены не выходил? Свежим воздухом подышишь, на вечернем солнышке брюшко погреешь... Ой, чего-то опять в нем заурчало.

– Коли заурчало, тогда пошли, – согласился Кро и приложился лбом к прохладному стеклу.

Погоду Надодух сглазил. Пока мальчики, найдя в толкучке свободный уголок, отъедались в подземелье двора – небо затянуло, заморосил противный дождик. Поэтому Битали никуда не пошел, да и сам недоморф остался дома и весь вечер прыгал по комнате, то вытаскивая, то пряча меч и ожесточенно рубясь с воображаемыми врагами. За окном же становилось все темнее, крупные капли громко стучали по крыше замка и окнам башни, иногда даже доносились грозное грохотание, хотя никаких вспышек над окружающим школу лесом видно не было. В этот день, видимо, магическое мастерство директора спасовало перед силами природы. Окрестности не просто залило – в комнатах стало настолько холодно, что недоморф даже развел в камине огонь, для запаха спалив в очаге свои старые конспекты и учебники первого курса.

Тем не менее в башне все равно было зябко, а потому, погревшись перед огнем с накинутыми на плечи одеялами, мальчики забрались в постели еще задолго до полуночи и, после предыдущей бессонной ночи, мгновенно провалились в сладкую дремоту.

– Битали! Битали, ты чувствуешь?

Кро тряхнул головой, приподнялся на локтях над подушкой. В комнате царил непроядная тьма, за окнами продолжал шуметь дождь, камин успел погаснуть и уже не грел, а скорее высасывал из воздуха остатки тепла.

– Битали, чувствуешь?

– Чего, сосед? – протяжно зевнул Кро. – Спи, Надодух.

² Шулики – демоны, связанные со стихией воды и огня, появляются в Сочельник из трубы и уходят назад под воду на Крещение. Поэтому этот период власти нечистой силы считается «шуликовым» – аналогично «русалочьей неделе», она же – «троицкая», или празднику ведьм, он же – Вальпургиева ночь.

– Болотом пахнет! Принюхайся. Чуешь, гнильцой несет?

– Каким болотом? – натянул одеяло на голову Кро. – Дождь весь вечер, вот все вокруг и промокло. Отстань!

– Не тот запах. Не мокрый, не дождевой. Болотный... Во, слышал?! – повысил голос недоморф. – В чашке твоей кто-то плещется.

– Если бы туда кто-то попал, он бы уже орал во всю глотку! – Битали раздраженно сдернул одеяло, вытащил из-под подушки палочку, встряхнул: – Альба!

Вспыхнувший на кончике свет после полной темноты показался ослепительно ярким. В первый момент Кро даже зажмурился, а что-то темное нырнуло с края чаши в глубину.

– Альба! – добавил огня недоморф. – Ты видел?

Над краем чаши поднялось нечто странное – живое, но донельзя уродливое. Два больших глаза, короткие лапки, широкая жабья пасть на волосатой безносой голове, являвшейся одновременно и туловищем. Длинные, черные, глянцево блестящие волосы...

– Гару-уфер!!! – истошно завопил Надодух, вскакивая на кровати. Он первым успел сообщить, кто именно появился к ним в гости. – Гаруфер!!! Убей его! Убей, убей!

– Гаруфер... – Живот у Битали скрутило от предсмертного ужаса. Он знал про этих тварей только по учебникам и картинкам в иллюстрированном справочнике. Водяные твари, обитающие в болотах, прудах и озерах и жрущие живую силу своих жертв. Они выращивают на себе и разбрасывают черные нити, прозванные смертными «конскими волосами». Эти нити, не делая разницы между магами и смертными, нападают на каждого, кто не заметит их в воде, влезает под кожу и ползает по телу, высасывая и отдавая жизнь жертвы гаруферу-отцу. Человек начинает чахнуть, болеть и умирает в ближайшие год-два. Поймать волос в теле и извлечь никому и ни разу еще не удавалось, если же убить самого гаруфера – его волос все равно доведет свое злобное дело до конца.

– Убей его!!! – продолжал вопить недоморф.

– Как?! – крикнул в ответ Битали. – Его только сухость убивает. Жара и сушь!

– А-а-а! – Надодух сгреб со стола тетради, до которых дотянулся, кинул в камин, «стрельнул» палочкой: – Вьюр!

В очаге взметнулось пламя – гаруфер опять испуганно просел за край чаши.

– Давай его зарубим? – предложил Кро.

– Нельзя-я!!! – продолжал выкрикивать недоморф. – Ближе нельзя подходить! Волосы напустит!

– Он же нам ничего сделать не может! – внезапно сообразил Битали. – Пол в комнате сухой. А он по суше ходить не способен. И волосы у него тоже только плавают!

Гаруфер начал метаться по чаше, словно в панике – вода заплескалась через край, поструилась в стороны широкими потоками. Мальчики увидели в них множество тонких извивающихся «конских волос». Теперь для них любая попытка ступить на пол стала равносильна смертному приговору. Впрочем, бежать все равно было некуда: чаша с хищником стояла как раз у выхода, намертво запирая учеников в их комнате. Злобная тварь продолжала буяннить – метаться, прыгать, брызгаться, заливая все вокруг. В падающих где попало каплях совершенно запросто могла оказаться смертоносная нить.

– Они лезут, лезут! – взвыл недоморф, крутанулся: – Онберик! – И исчез за наружной стеной, предпочитая разбиться насмерть, но не стать жертвой неумолимого сосальщика жизни.

Правда, у него имелся крепкий здоровый тотемник. Битали же своего так и не завел.

Гаруфер навис над краем чаши, явно намереваясь выбраться наружу. Мелководье, которым сейчас являлся усеянный извивающимися волосами пол, его уже не пугало.

– Трунио! – воспользовался первым пришедшим в голову заклятием Кро, разом увеличив чашу почти до самого потолка. Тварь не удержалась и с громким плеском ухнулась обратно в воду. Похоже, Битали сгоряча увеличил не только высоту стены, но и количество жидкости

внутри емкости. В голове мелькнула шальная мысль, обдумывать которую подробно времени уже не оставалось – «конские волосы» оплетали ножки кровати, надеясь добраться по влажной поверхности до своей жертвы. Он на миг закрыл глаза, собирая волю в кулак и сосредотачиваясь, а потом вскинул палочку: – Трунио!!!

Количество камня у основания стены стало в десять раз меньше, в образовавшееся отверстие вдоль стены хлынул поток, смывая стулья, чемодан, сложенную одежду и вынося наружу гаруфера и его нити. Мальчик, толкнувшись со всех сил, прыгнул в камин, прямо в огонь:

– Трунио! – В этот раз заклинание резко уменьшило саму чашу, превратив всего лишь в ступеньку перед подоконником. Битали прыгнул на нее, стукнул палочкой и по инерции выкатился в коридор, приплясывая на обожженных ногах и хлопая по дымящимся штанинам: – Ой, мамочки, больно-то как!!! Батану-у-у! Батану!

Домовой эльф не откликнулся.

– Вечно он спит, когда нужен! – продолжая приплясывать от боли, мальчик побежал по коридору, на ходу соображая, как лучше всего поднять тревогу. Когда впереди показалась светящаяся голубым светом змеиная морда, Кро догадался. И уже через минуту кабинет директора задрожал от недовольного голоса профессора:

– Кто посмел без разрешения среди ночи врваться в мой кабинет?! – Вид облаченного в пижаму малорослого директора забавно не соответствовал его грозному тону.

Как точно угадал Битали, кабинет был защищен сторожевыми заклятиями и моментально сообщил Артуру Бронте, если в него проникали без разрешения владельца.

– У нас в комнате живой гаруфер, Надодух Сенусерт лежит мертвый под башней, а меня нужно лечить от ожогов, – кратко и емко ответил Битали.

– Как это... – еще больше повысил голос директор, но тут же осекся: – Стоп. Это потом. Жди здесь, тебя отнесут...

Снова в кабинете Битали оказался после полудня, отбив свои лечебные часы под порхающими бабочками, но без завтрака и обеда. Нахохлившийся директор, похожий в свободной меховой накидке на замерзшего голубя, долго и внимательно смотрел на мальчика, потом поджал губы:

– Наверное, мне следовало бы спросить: не ты ли поймал и принес в школу гаруфера из карасинового пруда возле озера Де-Леври? Но вряд ли ученик пятого курса выжил бы после такой шалости. Возможно, мне следовало бы наказать тебя за сооружение в комнате ванны с водой. Но в правилах школы не существует запрета на подобные поступки. Остается задать только один вопрос: есть ли у тебя подозрения, отчего с твоим появлением в нашей школе здесь стали случаться столь странные и опасные чудеса?

Кро в ответ только пожал плечами.

– Хорошо... – кивнул профессор Бронте. – Если, конечно, это слово уместно в подобной ситуации. Возможно, ответ на сию загадку мы узнаем позднее. Пока же я лично посетил башню, поставил самые сильные защитные заклинания и разместил в потайных местах несколько амулетов, которые впредь защитят вас от подобных неприятных... приключений. Кроме того, будут усилены меры безопасности во всей школе. Надеюсь впредь не слышать о вас ничего, кроме как о ваших успехах в учебе, мсье Кро. Идите. До начала урока вы еще успеете пообедать.

– Простите, профессор, а как себя чувствует Надодух? Мне Эшнун Ниназович ничего говорить не хотел. Чтобы не волновать.

– С вашим другом все хорошо, мсье Кро. Тотемник ему не понадобился. Мсье Сенусерт отделался сломанными ногами, несколькими поврежденными ребрами и десятком ушибов. Думаю, уже завтра он сам сможет поделиться впечатлениями. Я вас больше не задерживаю, мсье Кро.

Пообедать Битали не успел – времени до урока хватило только на обязательный апельсин и небольшой кусок рыбы. И все равно на математику пришлось бежать бегом. Однако среди опаздывающих он оказался не один: уже перед самой аудиторией мальчик заметил знакомую тощую фигуру.

– Генриетта! Постой!

– Я же предупреждала! – резко обернулась девушка. – Ближе ко мне не подходи!

– Кому ты рассказала про чашу с водой у нас в комнате?!

– Ты совсем дурной, Кро? – покрутила она пальцем у виска. – Вся школа знает, как ты меня искупал. Я просто предупредить хотела, чтобы ты ордена больше не опасался! Они решили, что отомстили достаточно. А ты меня...

Генриетта вскинула подбородок и отвернулась.

– Извини. Я случайно. Если бы знал, то чаши бы не ставил. А-а... – махнул он рукой, наставил палочку на стену.

– Подожди! А ты что, подумал, что это я тебя?! Ах ты... Как тебе не стыдно! – Девушка размахнулась и опустила толстый учебник старших курсов ему на голову. От неожиданности Битали даже присел.

– Ой, извини. Я случайно...

Их разговор прервало появление учительницы, но после урока Генриетта подошла к нему уже сама:

– Битали, извини. Я не дразнилась. Я правда случайно. Сгоряча. Как ты мог подумать, что я тебя кому-то выдала?!

– Надеюсь, теперь мы квиты, и ты больше не обижаешься? – потер макушку Кро.

– А тебе это важно? – Голос девушки как-то неуловимо изменился.

– Я... – Битали оглянулся. Половина курса еще только собирала конспекты, и кое-кто с любопытством поглядывал в их сторону. – Понимаешь... Тогда, после этой дурацкой ванны... Кажется, тогда я сказал тебе правду.

Кро ощутил, как кровь прилила к его лицу и ушам, и быстро покинул аудиторию, не дожидаясь ответа.

Недоморф лечился еще сутки, после чего явился тощим и посвежевшим прямо на урок прорицания. Захватить учебники он не успел, да и думал совсем не о приметах и вещих снах:

– Ну, что теперь скажешь? – даже не поздоровавшись, зашептал он, заняв место рядом с Битали. – Опять случайность? Гаруфер в нашей комнате – случайность? С этой тварью во всей школе только Артур Бронте да, может, профессор Клеотоу способны справиться. Это Темный Лорд. Руку готов заложить, за тобой охотится сам Темный Лорд. За тобой наверняка тянется какая-то тайна. Я тебе клянусь, тут все непросто! Помнишь пророчество? Темный Лорд вернулся и начал убивать чародеев. Ты почему-то оказался первым. Вот скажи, откуда тянется твой род, когда появился, кем основан? Откуда взялся твой боевой амулет? Может, в нем спрятано оружие против черного колдуна!

Битали почесал нос, вздохнул и поднял палочку.

– Вы что-то хотели сказать, мсье Кро? – остановила лекцию мадам Деборе.

– Я хотел спросить, мадам Анне. Это правда, что существует Пятое Пророчество?

– Пятое Пророчество, мой дорогой? – удивленно вскинула брови учительница. – Но у нас сегодня совсем другая тема. Откуда такой интерес?

– Я слышал, существование этого Пророчества великие маги стараются сохранить в тайне от простых людей.

– Да-да, конечно, – очень широко, с приторной доброжелательностью улыбнулась мадам Деборе. – Мой милый мальчик! Ты знаешь, любая истина превращается в тайну для тех, кто предпочитает чтению книг изучение комиксов. Что до Пятого Пророчества, то оно изложено во всех подробных справочниках по истории, прорицанию и авторитетных энциклопедиях.

Оно предупреждает, что смертные могут обрести силу, равную человеческой. Странно, что оно вызвало такой интерес во время изучения главы по разделению снов-воспоминаний и снов вещей.

– А как же Темный Лорд? – не утерпел недоморф.

– Печально, дорогие мои, – разочарованно покачала головой мадам Деборе. – Половина моих уроков, очевидно, пропущена вами мимо ушей. Попробую донести основы курса до вашего внимания еще раз. Что такое пророчество? Это предупреждение. Если вы знаете, что под вами обвалится мост, вы на него уже никогда не зайдете. То есть главным свойством настоящих пророчеств является то, что они почти никогда не сбываются. Первое Пророчество предрекало гибель от холода – но наш народ ушел на юг и спасся. Второе предрекало гибель от перенаселенности, но мы ответили расселением. Предупреждение об усилении смертных услышано, Совет Равных, хранители Хартии и многие ордена принимают меры для борьбы с этой бедой. А раз так, то Пятое Пророчество не сбудется, и Шестое Пророчество, о возвращении Мага Двух Драконов, тоже теряет смысл. Вы довольны, милые мои? Вы запомнили, что пророчество не есть обреченность, а есть лишь указание пути к спасению? Думаю, мне следует провести еще одну контрольную работу по основам прорицания. Садитесь оба. Теперь давайте вернемся к нашим снам.

Посрамленный Надодух не сел, а просто упал на скамью и вперился взглядом в пол.

– Я думаю, это не меня, а тебя хотят убить. Ты ведь единственный наследник древнего рода, помнишь? – прошептал Битали, чтобы приободрить соседа. – Коли уж на принцев начали охотиться, то на настоящих, не на меня. Вспомни, вдруг наследник по боковой линии имеется? А ну, не терпится ему твое место занять?

– Наверно, наверно, – согласно кивнул недоморф. – И судя по тому, что раньше, до твоего появления, со мной никаких бед не случалось, то убить меня пытаешься именно ты.

Он задумчиво почесал рукой за ухом, поцокал языком, качая головой, скосил глаза на Битали:

– Ну, что примолк, соседка? Ладно, расслабься. Пошутил я, пошутил.

– Сколько можно болтать на задней парте? – повысила голос мадам Деборе. – Мистер Кро, на кого назначается гадание по гуще?

– На того, кто переворачивал чашку, мадам! – вскочил Битали. – Именно его силовые потоки будут обтекать гущу, формируя картину грядущего!

– Просто по учебнику, мистер Кро, – удивленно качнула головой учительница. – Что же, милый мальчик, раз вас интересуют не только забытые предсказания, но и сам предмет, я добавляю вам три балла в аттестат.

– Вот это тебе подфартило! – цокнул языком недоморф. – Три балла считай ни за что, вопрос для первокурсника. Что-то мадам сегодня добрая. Может, и мне попытаться на что-то ответить?

– Еще один звук с задней парты, и оба получите три балла уже в минус, – словно в ответ предупредила его мадам Деборе. – А теперь, милые мои, все сдаем дневники с записями снов и своими выводами.

– Простите, мадам! – поднял руку недоморф. – Я только что из целительной, мои дневники остались в комнате.

– Принесешь потом, – милостиво кивнула Анне Деборе, и Надодух радостно ткнул соседа локтем:

– Как я ловко выкрутился? А ты что придумаешь?

– А я еще на перемене свою заполнил, за всю неделю, – взвесил на руке тетрадку Кро, прошел к столу и положил ее поверх общей пачки работ.

После уроков чуть не половина школы высыпала во двор: после минувшей бури погода установилась тихая и ясная. Все еще свежий прохладный воздух бодрил, жаркое солнце не

давало замерзнуть. Самое лучшее время, чтобы погонять мяч или немного загореть. Поэтому даже в просторном замковом дворе вечером оказалось неожиданно тесно, а на поле для игры команды заняли все пять колец. Сразу пять мячей летали из стороны в сторону, поминутно оказываясь то в одной, то в другой корзине.

– Похоже, больному человеку тут и косточки переломанные уронить негде, – печально оценил обстановку Надодух. – На всех сидушках бездельники расселись, на всех травинках лентяи лежат. Прямо хоть иди и уроки делай!

– Ты? Уроки? – усмехнулся Битали. – Кажется, выпав из башни, ты изрядно ударился головой! Может, ты теперь и о баллах в аттестат беспокоиться начал?

– Нет, сосед. Я, знамо, ушибся изрядно... Но не до такой степени. Просто толпы не люблю.

Из стены восточного корпуса выбралась веселая компания: Арно Дожар, его прихвостни, еще какой-то парень с другого курса и пять девочек, среди которых оказалась Анита Горамник. Юный граф что-то рассказывал, компания то и дело взрывалась хохотом.

Битали попытался напомнить себе, что Горамник – зазнайка и грубиянка, а Генриетта Вантенуа наоборот – девушка внимательная и симпатичная, а потому и нравится ему больше Аниты... Но вид счастливой отличницы, опирающейся на руку другого, все равно необратимо портил ему настроение.

– Слушай, сосед, – поднялся Кро. – Ты ведь давеча обещал меня в лес за замком сводить, помнишь? Показать здешние красоты.

– Было дело, – признал недоморф. – Вот только недавно срощенные кости намекают на более спокойные виды отдыха.

– Что, болят?

– Ноют... Но твоя идея мне нравится. Ну-ка, пошли...

Надодух решительно развернулся к стене, вошел на лестницу, весьма бодрой для больного походкой поднялся на самый верх, в венчающую каменную спираль глухую башенку, взмахнул палочкой:

– Онберик! – и исчез в кладке.

Битали шагнул следом, закрыл глаза от ослепительного света, поскользнулся – но сосед успел поймать его за шиворот:

– Держись крепче! Тут высоко, замучишься руки-ноги чинить.

Битали приоткрыл глаза сперва щелочкой, потом полностью и вдохнул полной грудью:

– Красота-то какая!

Впереди под ногами изумрудно сверкали молодой листвой деревья, драгоценными волнистыми россыпями уходя на несколько миль, чтобы там пожухнуть, пожелтеть и слиться с горизонтом. Небо сверкало чистой сетронутый лазурью, в которой словно опасались появиться птицы или самолеты.

– Ты поменьше любуйся, а больше черепицу береги! – предупредил его недоморф. – Давай, аккуратненько ступай. И наверх, к коньку, а то как бы не соскользнуть.

Они были на крыше восточного корпуса, где-то над «стропильной» с тотемниками, как раз посередине между своей широкой и приземистой жилой башней и тощей высокой башней директора.

– Сюда, за мной. – Недоморф, встав на четвереньки, поднялся к гребню крыши. – Только на ту сторону не перелезай, со двора увидеть могут. Прогулки по черепице у нас не приветствуются.

Придерживаясь пальцами за край, он быстро прошел до поворота стены и, поджав ноги, уселся на каменном уступе, разделяющем северный и восточный корпуса. Битали, стараясь не смотреть вниз, последовал за ним, опустился рядом:

– Ты прав, сосед. Здесь куда свободнее. Никто локтями в бок не толкает, никто в затылок не дышит...

– ... И всегда есть где присесть, – закончил за него недоморф и сделал несколько глубоких вдохов, закрыв глаза и повернув ладони к небу. – Хороший сегодня день. Чистый. Бури, они всегда уносят грязь, пыль и мусор, после них хорошо.

– А еще они уносят крыши, животных и смертных.

– Если крышу унесло, никуда негодная, стало быть, крыша, – рассудительно изрек Надодух. – Мусор. И животные, раз их бросили без пригляда, тоже никчемные твари. Хорошую собаку хозяин в такую погоду из дома не выпустит.

– Наш этаж – это тот, у которого окна вровень с черепицей? – любопытствовал Кро.

– Разумеется, – кивнул недоморф. – Над нами окна Цивика и Дубуса, а выше, под шатром, не знаю, что творится. Ходов туда нет, «онбериком» вверх в потолок влезать замучишься, других путей нет. Но Цивик пару раз обмолвился, что иногда оттуда доносится шум.

– Может, ветер?

– Может, и ветер, – не стал спорить недоморф и указал на север. – Вот смотри туда. Видишь, где кончается зелень и начинается желтизна? Там дорога. Там заклинания профессора Бронте на погоду и заканчиваются. Владения школы еще на несколько миль дальше идут, но там все происходит, как у окружающих. Осень, зима, лето. На полях что-то сажают. Траву для коров, морковь, капусту. В общем, что на кухне требуется. Имей в виду, лес между дорогой и замком метаморфы со старших курсов охраняют. Могут и порвать, коли попадешься. Особенно ночью. Ночью мы все дуреем.

– Ну, один раз я от них отбил, – пожал плечами Кро, – отобьюсь и снова.

– Не обольщайся, – посоветовал Надодух. – Они ведь замок от чужаков охраняют. А ты, коли магию применил, не чужак. Потому всерьез с тобой никто не дрался. Ночью же перекидчики часто перестают себя контролировать. Могут взяться за человека всерьез. Влево теперь смотри. Там чащоба, самая настоящая, почти от стен начинается. Несколько полян, избушек, прудик наполовину заболоченный, овраги и даже скалы есть. Там интересно, даже звери дикие водятся, сам видел. Как с метаморфами уживаются, не знаю. Видать, хитрее оказались. Где-то там занятия по «гендерной» у старших курсов проходят. В остальное время спокойно. За чащей – сад. На случай, если смертные с той стороны появятся. Ну, и груши с яблоками тоже оттуда. Справа синее пятно видишь? Озеро Де Леври. Оно за дорогой в Нант. С этой стороны перед ним Зверинец. Сперва болото. Наш гаруфер наверняка из него. Смертные раза три-четыре его осушить пытались, но ничего не вышло. Там, в болоте, кое-какие твари живут – наглядные пособия для нашей школы. Так что ничего из осушения у бедняжек никогда не получится, как бы ни пыхтели... Потом луговина, большой песчаный пляж. Соваться не советую, съедят. Там тоже «пособия» обитают, еще увидишь. Вокруг запретного места заросли шиповника, чтобы кто не влез по дурости. Ну, и прочие кусты для естественности. От кустов до самой школы обычный парк с дорожками, газонами и клумбами. Когда с Генриеттой гулять будешь, туда зови. И за ручку ходить красиво, и кусты близко, коли наедине захочется посидеть.

– С чего ты взял, что я с нею гулять стану?

– Так вы уже глазки друг другу строите!

– Ничего я не строю!

– А вот куда тебе ее звать точно не надо, так это в Тихий лагерь. Он с юга, потом покажу. Там, говорят, во время Большой Войны осадный лагерь стоял. Осада не один год тянулась, все друг в друга стреляли и заклинания метали, а потому колдуны-альбигойцы довольно глубоко в землю зарылись, чтобы уцелеть. Громили их тоже основательно. В общем, там с тех самых пор завалы из камней и костей лежат, под ними лабиринты подземные. Некоторые из боевых заклинаний еще не потеряли силу и убивают не в меру любопытных. Еще там, по слухам, могут по сей день томиться под завалами колдуны вроде Гроссера и успели завестись неведомые

магические твари то ли из убитых чародеев, то ли из их тотемников. Там то и дело что-то рушится, что-то выпирает, откуда-то вдруг выстреливают облака холода, случаются взрывы «вовнутрь» – когда все вокруг под землю затягивает. В общем, там с подружкой прятаться не стоит. Туда даже учителя редко заглядывают.

– Но все же заглядывают?

– Ищут, наверное, – пожал плечами недоморф. – Говорят, каждый маг, чтобы стать великим, должен найти недоступную прочим тайну. В Тихом лагере на неведомое наткнуться легко. Вот только уцелеть после встречи трудно. За лагерем в паре миль река. Чтобы смертные с того берега в опасное место не забрели. Вот, пожалуй, и все. Как тебе моя экскурсия?

– Познавательное. Но ногами было бы интереснее.

– Можно и ногами. Но в другой раз, когда перестану при каждом шаге вспоминать о числе костей в моем скелете. – Недоморф поднял лицо к небу, сделал пару глубоких вздохов и добавил: – Зато отсюда ты увидел сразу все, что нужно. Ведь вы с Вантенуа не станете прогуливаться под моим присмотром?

– Слушай, отстань ты от меня со своей Генриеттой! Не собираюсь я с ней гулять!

– Тише, тише, услышат! Я тебя что, заставляю? Не захочешь, так не будешь. За каменной розой, кстати, под плакучей ивой скамейка уютная. Под ветками – как под шатром серебряным.

– Все-таки головой ты стукнулся, Надодух! – Кро решительно поднялся и направился к башне. Под ногами пару раз что-то хрустнуло, но он не обернулся, вошел в стену – и едва не расшиб лоб, упав с высоты в половину роста. – Вот, проклятье!

– Стол пододвигать надо, коли выйти хочется, – посетовал недоморф, приземляясь рядом. – Но тогда к сфинксу не попасть. Да и не так уж часто хочется наверху погулять. В ветер черепица так и норовит из-под ноги выпрыгнуть.

– Отстань, я хочу позаниматься. – Битали уселся за стол, подтянул к себе с края какой-то конспект, открыл. – Какой завтра первый урок?

– Ты чего, обиделся?

– Мне больше делать нечего! Какой завтра первый урок?

– Брось, сосед! Может, я тебе просто завидую. Мне-то никаких свиданий никогда в жизни не светит.

– Ни на что я не обиделся! – закрыл конспект Кро. – Вообще. И если захочу, то буду встречаться с кем угодно. Даже с Генриеттой!

– Вот я тебе и советую скамеечку под ивой якобы случайно найти. Если заранее не знать, ничего не получится.

Битали немного помолчал, пытаясь понять, что же его так сильно раздражало последние минуты? Обидного недоморф и вправду, кажется, ничего не говорил. Оскорбить не пытался. Вот только его намеки на Генриетту почему-то здорово задевали за живое. Причем Кро сам пока что не понимал – почему? Даже за девушку обидно быть не могло – про нее тоже не прозвучало неприятного слова. Но на душе все равно было как-то странно и неловко. Как-то непривычно...

– Ну, ладно, сосед, не сердись. – Недоморф, похоже, начал беспокоиться всерьез. – Извини, коли что не так сказал. Не со зла получилось. Думал, наоборот, подсобить.

– Я не обижаюсь, Надодух, – откинув непонятные ощущения, решительно ответил Битали. – Я на самом деле хочу быть готовым к завтрашнему дню. Лично мне баллы в аттестат лишними не станут.

Первым уроком нового дня стала демонология. Профессор Эления Клеотоу, внешне мало отличимая от учениц курса, с началом урока решительно прошла к столу Кро и Надодуха и присела на его край:

– Тема сегодняшнего дня немного отойдет от нашего плана, мадемуазель и мсье, и будет посвящена демонам воды, о которых мы знаем довольно много, но всегда вспоминаем не

вовремя. Так, мсье Сенусерт? Для ученика старшего курса прыгать в окно при появлении даже такого опасного существа, как гаруфера, по меньшей мере странно.

– А он как гаруфера увидел, так мозги от страха разом отшибло! – громко сообщил Арно Дожар, и по классу пробежал смешок.

– Ты бы лучше заткнулся! – вскинулся Надодух.

– Что такое, недочеловек? Ты чувствуешь себя оскорбленным?

Надодух скрипнул зубами, но промолчал.

– Тишина у меня на уроке! – вместо него повысила голос профессор Клеотоу. – Итак, мсье Сенусерт, ученик старшего курса должен иметь об обитателях воды некоторое представление. Не поделитесь своими знаниями?

– Ну-у... – неуверенно протянул недоморф. – Обитатели вод делятся на живых, полуживых, неживых и демонов. Живые – это рыбы, раки, насекомые.

– Я слушаю, слушаю, – кивнула профессор.

– Полуживые – это пиявки, гаруферы, черви, костегрызы... – продолжил бубнить Надодух. – Неживые, они же низшие духи, – это русалки, навьи, водяные, болотники. Демоны, они же высшие духи, – это хозяйки рек и озер, омутники и более сильные демоны, которые единичны, и способы их порабощения необходимо вырабатывать индивидуально. К тому же, многие из них пребывают в мире духов и попадают к нам либо по вызову, либо на краткий срок и могут быть совершенно неизвестны по своей силе и уязвимым местам.

– Вполне терпимое знание материала, – подбодрила его Эления Клеотоу. – И как с ними бороться?

– Чтобы поработить низшего демона, достаточно завладеть любой его вещью. Большинство русалок имеют гребни и украшения, навьи нередко сохраняют остатки одежды, водяные имеют пояса и шапки. Кроме того, если неожиданно напасть на любого из низших демонов и одолеть его в обычной борьбе, то он становится послушным слугой победителя исходя из присущего магическим существам чувства справедливости.

– Дальше.

– Высших духов нужно сковывать специальными заклятиями.

– Дальше.

– Полуживых нужно убивать... – Недоморф немного помолчал. – А живых и вовсе можно есть.

По аудитории опять прокатился смешок.

– Все? И как с подобным знанием вы станете бороться с неизвестным водяным существом?

– Все водяные твари теряют силу, оказавшись вне воды! – не выдержав, вмешался Битали. – Погибают не сразу, но магических способностей лишаются почти все.

– Почему же вы не лишили гаруфера доступа к воде, вместо того чтобы сразу улепетывать? – Учительница поставила локоть на стол и оперлась подбородком на руку.

– Мы зажгли очаг! – вспомнил Надодух.

– А свечечку вы ему не подержали? – опять хихикнул Дожар.

– Заткнись, чучело! – на этот раз огрызнулся Битали. – Ты бы от вида гаруфера штаны две недели отстирать не мог!

– Что ты сказал, безродный бродяжка?! – вскочил молодой граф.

– Ты еще и соображаешь с трудом? – вскинул брови Кро. – Я назвал тебя скудоумным трусом. Теперь понятно?

– Ты меня оскорбил! – ткнул пальцем в Битали Арно Дожар.

– А ну, тишина в классе! – полуобернулась учительница, и Битали на миг показалось, что лицо ее изменилось до неузнаваемости: кожа почернела, все черты заострились, глаза стали круглыми и бесцветными, из-за верхней и нижней губ навстречу друг другу высунулись корич-

невые клыки длиной с мизинец. Наваждение появилось и пропало – но вот голос «девушки» грохотнул так, что на шкафу упали два подсвечника, взметнулись в воздух пергаменты на полках, слетели на пол несколько конспектов. Всего секунда, не более, и свою просьбу профессор Клеотоу закончила самым елейным голоском: – На перемене свои споры продолжите.

– Убью, гусар, – одними губами пообещал Дожар и опустил на место.

– Так зачем же вы зажгли очаг, мсье? – продолжила свой допрос учительница.

– Водные твари боятся сухости, – вместо соседа опять ответил Битали. – Мы хотели прогреть и подсушить воздух. Ну, и припугнуть гаруфера огнем.

– Допустим, – после некоторого колебания кивнула Эления Клеотоу. – Но почему вы не лишили его воды?

– Вода была в чаше, из-за стенок направить на нее палочку было невозможно. А подходить к гаруферу близко... – Кро покачал головой.

– Итак, у вас было сухо, гаруфер находился на безопасном расстоянии... Отчего же тогда вы выпрыгнули наружу, мсье Сенусерт? – удивилась профессор.

– Он начал расплескивать воду и пускать по ней волосы, – опустил тот голову. – Они почти добрались до нас, и я решил выбрать меньшее зло.

– А вы отчего не выпрыгнули, мсье Кро?

– Я спасся от них в очаге, – пожал плечами Битали. – Они ведь боятся сухости, а возле огня было сухо и жарко. Сделал отверстие в чаше, а когда потоком тварь выбросило в другой конец комнаты, ушел через вход.

– Старший курс! – поднявшись, зашагала к своему столу девушка-профессор. – Да-да, ваш пятый – это уже старший! Через два года вы будете выпускниками. И вдруг старшекурсник позорно бежит от обычной болотной нежити! Вас учили магии почти пять лет! И что же? Где понимание предмета? Где ваши заклинания и знание? Вопрос ко всем: что было нужно делать в сложившейся ситуации?

– Мечом нужно было сразу рубить! – хмыкнул Арно Дожар. – А не в постельке прятаться.

– Неверно. Приближаться к гаруферу действительно опасно, – покачала головой учительница.

– Заковать его в мерзлую воду! – вскинул руку курчавый Лоран.

– Уже лучше, – кивнула Клеотоу. – Это действительно отличный способ поймать гаруфера. Но на ее приготовление не было времени.

– Зелье жужелиц! – подпрыгнула на месте незнакомая Кро носатая девчонка.

– Действительно отпугнет, – опять согласилась преподаватель. – Но оно должно быть под рукой. Снадобья, Лириан, в постели обычно не хранят.

– Ударить огнем, «вьюром»! – предложили «тролли».

– Неверно, мсье Тинтаголь. Гаруфер мокрый, к тому же находится в воде, он не загорится.

– Заклинание сна! Поставить морок! Зелье Великой Глиции! – стали сыпаться советы со всех сторон, но в каждом из них учительница находила какой-то изъян.

– Слушай, сосед... – наклонился к уху недоморфа Битали. – А наша профессор Клеотоу, она вообще – человек? Мне уже пару раз с нее непонятное всякое мерещилось.

– Никакой она не человек, – так же тихо ответил Надодух. – И думать забудь. Пахнет иначе, не по-людски.

– Тогда кто?

– Понятия не имею. Она себя за человека выдает, ее не спросишь. А справочников-определителей по запахам никто пока не написал.

Тем временем курс выдохся, и поток ответов стал иссякать.

– Странно, что сегодня ни одного предположения не попыталась высказать мадемуазель Горамник, – сложила руки на груди Эления Клеотоу. – Слушаю вас, Анита. Как вы бы поступили на месте мсье Сенусерта?

– Простите, профессор, – поднялась со своего места хрупкая с виду отличница. – Ничего, кроме заклинания «асугарси» для сушки промокшей одежды, я придумать не смогла.

– Заклинание, высушивающее предметы, на которые оно обращено! – вскинула палец профессор. – Например, пол, на который гаруфер стал выплескивать воду. Благодаря этому, мсье Сенусерт, вы могли находиться в безопасности сколь угодно долго и спокойно найти лучший способ расправиться с тварью, нежели выскакать из окна. Как видите, мадемуазель и мсье, вы обладаете достаточным знанием для разрешения любой, самой опасной ситуации. Ваша беда в том, что вы используете мудрость многих поколений могучих магов лишь для того, чтобы сдавать зачеты, и тут же забываете о них в реальной жизни. Думаю, вместо контрольных работ мне стоит устроить вам зачеты, подобные тем, что три дня назад сдали мсье Сенусерт и мсье Кро. Так что советую полистать старые конспекты, они могут вам пригодиться в самый неожиданный момент. Анита, вы единственная нашли верный ответ. Десять баллов в аттестат. Битали Кро – тоже десять баллов в аттестат.

– Ему-то за что?! – возмутился Дожар.

– Он смог удачно воспользоваться известными ему заклинаниями, чтобы уцелеть в весьма опасной ситуации и поднять тревогу.

– Простите, профессор, – вскинул голову Битали. – Но мы уцелели лишь благодаря мсье Сенусерту! Если бы Надодух не разбудил меня, не осветил комнату... Если бы он заметил опасность всего на полминуты позднее, мы оба были бы мертвы. Это он учуял, что в комнате посторонний! Иначе гаруфер убил бы нас во сне.

– Ученик, сбежавший от опасности, не получит от меня ни единого балла! – ледяным тоном отрезала профессор Клеотоу.

– Но ведь Кро тоже сбежал от гаруфера, профессор! – громко напомнил молодой граф.

– Мсье Арно Дожар, – растянула губы в мертвенной улыбке Эления. – Похоже, вы нуждаетесь в дополнительном изучении правил поведения в школе. Для этого вы явитесь ко мне в кабинет сегодня вечером, после последнего урока.

– У-у-у... – завистливо потянула мужская половина курса.

– С прикладной темой мы на сегодня закончим, – невозмутимо подвела итог преподавательница. – Перейдем к теоретической части. Демоны песков, демоны пустыни, ифриты и влияние сандала на их возможности. Запишите тему, я подожду.

– Зря ты Дожара дразнил, – шепнул недоморф. – Этого аристократа с детства фехтовать учили. У графьев во дворце и места, и оружия, и времени хватало. И мастера рукопашного боя у них на службе дорогие и натасканные, свое дело знают. Он еще два года назад в поединке выпускника на ленточки изрезал, даже штаны при всех упали. Раз пять дрался, всегда побеждал. Плюнь ты, извинись. Потом позора не оберешься. Только хуже будет.

– Он же над нами насмеялся, сосед! – не понял Битали. – За такие выходки ему хоть раз, но заехать в нюх надо. Чтобы не наглел.

– Ты чего, не понял? Он же тебя забьет при всех, да еще и опозорит!

– Сперва он получит в нюх, сосед, – пообещал Кро. – А там посмотрим.

Однако никакой драки молодой граф Арно Дожар не допустил. Едва только профессор Клеотоу объявила об окончании урока, он встал и громко обратился:

– Мсье Битали Кро! Понимаете ли вы, что сегодня на уроке оскорбили меня и честь моего рода?

– Ого, какие мы официальные, – хмыкнул мальчик. – Я сейчас подбегу. Только носки накрахмалю.

– Я требую, мсье Битали Кро, чтобы вы немедленно принесли свои извинения и дали клятву, что впредь не допустите подобных выходок, – невозмутимо продолжил Дожар.

– У кошки своей требуй. А мне на твои требования плевать.

– В таком случае, мсье Кро, вам придется смывать это оскорбление кровью! – Похоже, ответам Битали граф оказался только рад. – Призываю в свидетели всех, что я принял все меры к мирному разрешению спора. Именем маркиза Клода де Гуяка, основателя этой школы, я вызываю тебя, Битали Кро, на дуэль за нанесенное мне оскорбление!

В аудитории послышался гулкий металлический удар, похожий на удар гонга.

– Вот и все, гусар, – подмигнул ему Дожар. – Вызов услышан. Не явишься – получишь печать труса. Вон туда, на лоб. Знак того, что ты не отвечаешь на вызовы и не способен защищать свою честь. В обед узнаем, у кого наберутся полные штаны.

– Ну вот, я же говорил, – повернувшись спиной к графу, пробормотал Надодух. – «Школа великого маркиза выпускает людей чести, а человек чести должен уметь отвечать за свои слова».

Судя по тону, он кого-то передразнивал.

– Чего же в этом неправильного? – не понял Кро. – Если подонков не учить, они начинают чувствовать себя хозяевами. С удовольствием пушу кровь этому наглецу. Сразу научится хорошим манерам.

– Ты не понимаешь... – мотнул головой недоморф и опять процитировал: – «Сильному – слава, слабым – смирение». Если ты проиграл дуэль, то обязан выполнить любое требование победителя. Ибо слабым надлежит проявлять смирение. Не хочешь – не дерись. Проиграл – смирись и выполняй. Или вылетишь из школы с позорным клеймом лжеца, отказавшегося от своих обещаний. Кабы не это, у нас бы тут дуэли каждый день происходили. А так даже драки редко в поединки вытекают. Проиграть страшно.

– Я только не понял, куда он меня вызвал? Где будет поединок, нужны ли секунданты, какие правила?

– На чердаке сэра Уоллеса, естественно! – даже удивился Надодух. – Где еще все всегда готово к фехтованию?

Чтобы не показаться трусом, Битали поднялся в класс гендерных искусств сразу после второго урока, сбегав лишь на пару минут в башню – положить учебник по зельям и снадобьям в стол и переодеться в легкий спортивный костюм. Однако Арно Дожар, в свободных шароварах и бархатной жилетке, подтянутый, перепоясанный широким ремнем, уже нетерпеливо прогуливался вдоль стеллажа с оружием под многообещающим плакатом: «Сильному – слава, слабым – смирение». Кроме юного графа, сюда успело прибыть изрядное количество зрителей: весь пятый курс, множество юношей и девушек – видимо, с выпускного курса, – немало подростков с орденскими треугольниками на груди, несколько преподавателей: Эления Клеоту, мадам Деборе, профессора Налоби и Уолт Традиш. Кроме того, под крышей северного корпуса на поперечных балках расселись не меньше десятка воронов и ворон, несколько белок, куница и два больших зеленых попугая. Вели себя птицы и звери спокойно: не шумели, друг на друга внимания не обращали. Разве только головами крутили по сторонам. Но едва расступившаяся толпа впустила Битали, как вся живность вперила в него взгляды.

– Цирк какой-то, – пробормотал Кро, заходя на неширокую, в два шага, белую дорожку из положенных под коньком крыши от стены к стене осиновых досок.

– Стойте там, мсье Битали Кро! – Сэр Ричард Уоллес в черном развевающимся плаще с удивительной стремительностью переместился от стены на середину дорожки. – Внимание всем! Сегодня школа маркиза Клода де Гуяка услышала официальный вызов на поединок. Я спрашиваю вас, мсье Арно Дожар, действительно ли вы послали вызов на бой мсье Битали Кро?

– Да, посылал! – звонким голосом выкрикнул Дожар.

– Вы не отказались от своего желания, мсье Дожар?

– Нет, не отказался.

– Что послужило причиной вызова?

– Мсье Кро оскорбил меня словом, без причин и при свидетелях.

– Чего вы желаете добиться?

– Я требую, чтобы мсье Битали Кро встал передо мной на колени, поцеловал мою туфлю и попросил у меня прощения за сказанные слова, признав их лживость.

– Вы слышали требование мсье Дожара, мсье Кро? – повернул лицо к Битали сэр Уоллес.

– Да, я слышал.

– Готовы ли выполнить его, мсье Кро?

– Нет, сэр Ричард Уоллес, я не стану выполнять этой прихоти. Я считаю мсье Дожара хамом, а потому требую, чтобы он принес извинения за сказанные про меня и мсье Сенусерта на первом сегодняшнем уроке слова и признал, что он и есть трус и скудоумное существо.

– Вы торопитесь с высказыванием пожеланий, мсье Кро! – оборвал его учитель. – Мсье Дожар намерен силой заставить вас выполнить его требование. Готовы ли вы сразиться, или исполните его без пролития крови?

– Я буду драться!

– Вы желаете сразиться до первой крови, до первой раны или до смерти? – повернулся к Дожару сэр Уоллес.

– До смерти!

– Вы, мсье Кро?

– До смерти, – согласно кивнул Битали.

– Поскольку примирение сторон не состоялось, именем маркиза Клода де Гуяка я разрешаю начать поединок! – Учитель сделал резкий шаг назад и запахнул плащ.

– Вот и все, гусар! – оскалился юный граф, вскинул в кулаке над головой розовый талисман и правой рукой выхватил из него длинный и тонкий обоюдоострый меч. С его кончика сорвалась молния, по залу прокатился резкий треск, и запахло озоном.

– Эффектно, – кивнул Битали, сжимая обеими руками висящий на груди боевой амулет. Точнее – его розовую учебную копию.

– Сейчас тебе будет весело! – Дожар приближался, весьма ловко крутя клинком «мельницу», закрывая тело сразу с обоих боков.

Битали двинулся навстречу, концентрируя все свое внимание на опасном оружии и корпусе противника. Смещение веса тела – первый признак начинающейся атаки. Граф чуть присел, качнулся вправо – Кро резко рванул руки в стороны, обнажая стальные полумесяцы, выставил их навстречу скользящему на уровне пояса клинку. Металл звякнул о металл, высекая темно-красные искры. Битали повернулся, делая шаг вперед, левым клинком придерживая оружие врага, а правым широкой дугой рубанул Дожара по горлу. Мальчик успел отшатнуться лишь в самый последний миг – в его глазах появилось изумление, сильно перемешанное со страхом. Теряя равновесие, он был вынужден отбежать сразу на несколько шагов, рубанул из-за головы – Битали встретил меч сомкнутыми полумесяцами, подступил вплотную к противнику, приподнял брови:

– Что-то не так, Арно?

Тот зарычал, отпрыгнул, рубанул сбоку, но снова наткнулся на выставленные клинки и, отступив перед напирющим Кро, сделал прямой выпад. Битали, неумолимо наступая, отвел удар левым клинком, скользнул вдоль вражеского лезвия, рубанул слева направо – Дожар отшатнулся, но на этот раз ударился затылком о стену зала, и остро отточенная сталь рассекла ему горло.

– Первая кровь! – громко объявил сэр Уоллес, вскидывая руку в черной замшевой перчатке. – Мсье Кро, вернитесь на свое место. Мсье Дожар, у вас одна минута.

К юному графу подскочили его прислужники: Уловер попытался вытереть кровь платком, Лайтен неопределенно помахивал палочкой. Однако Арно Дожар решительно отмахнулся от помощников, вскинул меч:

- Я готов, сэс Ричард Уоллес!
- Мсье Кро... Мсье Дожар... Сходитесь!

В этот раз юный граф уже не устремился на противника, а скорее, стал подкрадываться. Страх из его глаз исчез, но настороженность осталась. И если в первом своем выпаде он явно хотел рассечь Битали пояс его «треников», то теперь перешел к уколам издали, пытаясь, используя длину клинка, ранить врага с безопасного расстояния. Желание спустить с противника штаны и забить его сильными широкими ударами у Арно Дожара улетучилось. Однако длинные выпады требовали лишнего времени на выполнение, и Кро без труда парировал их, выжидая удачного момента и потихоньку подступая к врагу. Поначалу граф пятился, но вскоре сообразил, что скоро опять упрется спиной в стену, и ринулся в решительную атаку: длинный выпад – парирование – перенос клинка и скользящий удар поперек живота противника. Такой, что должен распороть всю брюшину от одного бока до другого. Но он подошел слишком близко – а в ближнем бою короткие лезвия куда удобнее длинных. Поджав руки, Кро позволил мечу высечь на своих полумесяцах искры, потом повернулся вдоль вытянутой руки врага и, едва не уткнувшись носом в его щеку, сразу двумя клинками снизу подрезал горло.

– Вторая кровь! – вскинул руку учитель. – Мсье Кро, вернитесь на свое место. Мсье Дожар, у вас одна минута.

– Уйдите вы! – злобно отмахнулся на своих прихвостней Дожар. Даже не пытаясь вытереть струящуюся кровь, он отошел в конец полосы, остановился лицом к стене, опустил голову. В классе гендерных искусств воцарилась тишина.

– Вы готовы, мсье Дожар? – после бесконечной паузы спросил, наконец, сэс Ричард Уоллес.

- Да! – развернулся граф.
- Мсье Кро... Мсье Дожар... Сходитесь!

В этот раз Арно Дожар двинулся вперед спокойно и уверенно, легко помахивая мечом, словно проверяя его на прочность. Битали скрестил свои широкие полумесяцы, закрывающие почти всю грудь и половину лица, глядя противнику прямо в глаза.

Выпад! Кончик меча скребнул по вороненой стали полумесяца, юный граф чуть присел, поворачиваясь плечом влево – Кро подпрыгнул, пропуская посланный по ногам клинок, сделал два стремительных шага и обрушил свое оружие на голову врага. Дожару пришлось не просто отшатнуться – он упал на спину, повернулся на полу, отбежал на четвереньках, и только на безопасном расстоянии поднялся на ноги. Повернулся, вскинул к лицу клинок.

- Что-то не так, Арно? – с улыбкой поинтересовался Битали.
- Да!!

Дожар ринулся на него бешеным буйволом, несколько раз рубанул с такой яростью, словно хотел разбить в куски сами стальные полумесяцы. Теперь уже Кро пришлось пятиться шаг за шагом в ожидании того, когда противник выдохнется.

Наконец череда ударов прервалась – юный граф перевел дух и вдруг стремительно толкнул кончик меча точно в глаз. Кро поддернул клинки, закрылся – и в тот же миг ощутил резкую боль под сердцем.

- Первая кровь! Мсье Дожар, вернитесь на свое место!
- Что-то не так, Битали? – со злорадством шепнул в самое ухо граф.
- Мсье Дожар, вернитесь на свое место! – повысил голос учитель.
- Да, сэс! – отвернулся граф.
- Мсье Кро, у вас одна минута!
- Вот проклятье! – побрел на свой конец дорожки Битали.
- Ты как? Тебе больно? Ты цел? – кинулись к нему недоморф и Генриетта Вантенуа.
- Проклятье! Он сделал нижний перенос, да? – спросил Надодуха Кро. – Я сам себе сдуру закрыл глаза, и он сделал нижний перенос!

– Он в тебя попал, я видел! – согласился недоморф, а девушка решительно задрала дуэлянту окровавленную рубашку:

– Не шевелись! У меня египетская пыль с собой, рану сразу закроет... – Она присела на колени, насыпала что-то из мешочка на ладонь, дунула – и под сердцем тут же зашипало.

– Оставь! – поморщился Битали. – Там просто порез! Это же учебное оружие, не боевое.

– Потеря крови может убить, даже если дырки будут от карандаша. – Генриетта прижала к ране свой платок, опустила рубашку, сама заправила в штаны: – Кровь смыть не успела, извини...

Коротко ткнулась губами в его рот и отбежала в толпу зрителей.

Зачем она это сделала, Кро понять не успел – голос учителя заставил его развернуться и выбросить из головы все посторонние мысли.

– Мсье Кро... Мсье Дожар... Сходитесь!

Битали сделал глубокий вдох, выдох, несколько раз чиркнул лезвием о лезвие, выправляя и оттачивая кромку, и двинулся к самодовольно играющему мечом графу. Тот повел плечами, вскинул меч, поцеловал клинок, размашисто рубанул Кро по ногам, вынудив отскочить, тут же обратным движением наметился кончиком в висок, сделал выпад в грудь, а когда Битали, парировав удар, попытался приблизиться – снова рубанул по ногам.

Два коротких полумесяца давали Кро огромное преимущество на расстоянии вытянутой руки, когда длинный меч становился бесполезным – но на это расстояние еще нужно было прорваться сквозь плотную защиту юного графа. Получив два смертельных удара, Арно Дожар очень хорошо выучил, чего нельзя допускать и как этого добиться. Широкие, но короткие клинки-полумесяцы едва доставали до колен. Нижние удары Кро парировать не мог и был вынужден отскакивать. А ничего другого и не требовалось – протянуть время, и рано или поздно длинный меч издалека должен был его достать.

Удар слева – отбой соединенными полумесяцами. Попытка сделать шаг – тут же навстречу скользящее движение по ногам. Прыжок назад – длинный выпад, парирование, снова по ногам, удар сверху... Юный граф методично прошупывал противника, выискивая слабое место. На какие удары враг реагирует не так быстро, докуда не дотягивается, от каких уколов медленнее закрывается. Дожар успокоился, повеселел и даже стал позволять себе шалости: перебросы клинка, покачивания с опущенным оружием. Он даже начал пританцовывать, прежде чем пускался в новую атаку. В один из таких моментов Битали, закрыв полумесяцами грудь, и ринулся напролом. Из нижнего положения, без замаха, рубить ноги было невозможно – граф вскинул клинок и кольнул его в переносицу. Точнее, попытался – Кро резко вскинул полумесяцы вверх, защемляя меч между ними, сам упал вниз и вперед, на колени, выгибаясь чуть ли не на мостик, развел лезвия и тут же, из-за головы, рубанул ими вперед, рассекая жилетку врага от плеч и до пояса.

– Третья кровь! – громогласно объявил сэр Ричард Уоллес еще до того, как из длинных ран часто-часто застучали о дорожку тягучие капли. – Оружие в амулеты, мсье! Поединок закончен!

Чердак северного корпуса взвыл. Битали поначалу не понял: возмущенно или радостно. Но кто-то захопал в ладоши, овацию поддержали, и стало ясно: школа рада его трудной победе.

– Почему закончен? – пытаюсь отдышаться, спросил он. – Ведь договаривались до смерти?

– Вы получили сразу три возможности убить противника, мсье Кро. Если вы не смогли ими воспользоваться – это ваша вина, а не вина школы. А теперь уберите оружие в амулет. Я не потерплю нарушений дуэльного кодекса!

– Да, сэр. – Битали свел клинки на груди, попытался расслабиться. Несколько мгновений спустя на его шее покачивался лишь небольшой розовый камень.

– Мсье Дожар! – Ричард Уоллес повернулся к молодому графу. – Вы не смогли доказать превосходство своей силы, своего мужества и воли. Посему вам, как слабому, надлежит проявить смирение. Вы знаете пожелание мсье Кро. Он ждет.

Арно Дожар отпихнул своих слуг, пытающихся остановить ему кровь, выпрямился, сделал два шага в направлении недавнего противника. На щеках его заиграли желваки. Тем не менее он склонил голову:

– Я прошу у вас прощения, мсье Битали Кро, за свою дерзость, проявленную на уроке демонологии к вам и вашему другу. Я... – Арно громко скрипнул зубами. – Я трус и скудоумное существо.

В толпе зрителей заулюлюкали, кто-то засвистел, кто-то захлопал. Дожар поднял голову. Смирения в его взгляде не читалось. Скорее – наоборот. И Битали вдруг понял, что нажил себе смертельного, до конца жизни, врага.

– Это была всего лишь ссора, Арно, – тихо сказал он.

– Лучше бы ты меня убил... – Желваки у Дожара ходили ходуном, зрачки почернели. Не зная, на что обратить свою злобу, он сорвал с себя разрезанную и окровавленную жилетку, отшвырнул в сторону. Тут же из длинных порезов снова потекла кровь, и Арно поскорее вернулся к своим прихлебателям.

– Это было великолепно! – подскочил недоморф и чуть не повис у Битали на шее. – Граф Арно Дожар признал, что он трус и скудоумное существо! Ему теперь от этого признания до конца дней не отмыться! Ты просто!.. Просто!.. Даже не знаю!

– Ты молодец! Ты жив! Ты... – Генриетта решительно заключила его в свои объятия, крепко поцеловала в губы, потянула рубаху наверх: – Покажи, как рана? Не кровоточит? Великая Геката, я так боялась! Сердце до сих пор колотится... Вот, потрогай... Ее нужно хорошенько обмыть, иначе не видно.

– Ты просто монстр, поздравляю! – хлопнул Битали по плечу Дубус и утер рукавом нос: – Знай наших! Теперь будут знать.

– Поздравляю! Восхищен, завидую! – протолкался с другой стороны Цивик. – Я за тебя все время кулаки держал. Крепко ты ему надавал! Теперь Дожару только и остается, что в болоте утопиться!

– Не толкайтесь, мешаете! – цыкнула на всех Вантенуа. – Все, Битали, идем со мной! Рану нужно промыть и осмотреть.

Куда там! Собравшаяся вокруг победителя компания плотно облепила его и не отступала все время, пока в душевой первого этажа Генриетта отмывала дуэлянту грудь и живот, пока сыпала на рану какие-то снадобья и присушки, пока он переодевался у себя в комнате. Шумной толпой они все вместе свалились в столовую – и тут же оказалось, что для них нашелся свободный стол между зоной «троллей» и орденцами. Кто из них предпочел потесниться – Кро так и не понял. Пока он ужинал, то и дело подходили знакомые и незнакомые старшекурсники, поздравляли Битали с отличным и красивым поединком, младшекурсники указывали на него пальцами, девушки перешептывались и бросали многозначительные взгляды. Центром внимания он остался и вечером, поднявшись после ужина во двор замка. Там даже на несколько минут остановилась игра. Кто-то подходил и хлопал по плечу, кто-то издали кричал:

– Молодчина!

Первой бремя славы не выдержала Вантенуа. Зайдя со спины, она шепнула ему в ухо:

– Все равно сегодня поговорить не дадут, – дотянулась до губ и крепко поцеловала: – До завтра.

– Платочек она все-таки унесла, – проводив девушку взглядом, тихо сообщил недоморф.

– Какой платочек?

– Свой. Но с твоей кровью. Еще рубаху хотела в душевой кинуть, но я подобрал. А платок унесла. Нехорошо, когда у ведьмы есть твоя кровь. Пусть даже у самой дружелюбной ведьмы.

– Не отнимать же его, сосед? Лечила, старалась... Нехорошо после этого что-то подозревать.

– Сварит с твоей кровью зелье – вот тогда точно хорошо станет, – пообещал ему недоморф и указал пальцем на амулет: – А что у тебя за оружие такое странное?

– Это бемгиши, кистевые секиры, или египетские ножи, – погладил грудь Битали. – Отец говорил, незнакомое оружие пугает врага. А испуг – половина победы. Поэтому лучше владеть не самым удобным, но редким оружием, чем самым хорошим, но тем, что есть у каждого.

– У тебя же отец воин! – хлопнул себя по лбу Надодух. – Как я не подумал! Конечно, он тебя лучше научит, чем графские наемники. Одно дело свой сын, а другое – наглый барчук. Тебя отец драться научил, да?

– Он каждый день, когда дома бывал, тренировался. А я, конечно, стремился подражать. Думаю, сражаться я начал учиться тогда же, когда и ходить. Первые боевые ножи получил в подарок лет в пять. Эти бемгиши – перед поступлением в первую школу на первый курс.

– Тогда понятно, почему Дожар об тебя зубы обломал, – вздохнул недоморф. – И отчего я никому из охраны в детстве не подражал? Теперь, наверное, поздно.

– Ты, мсье Сенусерт, хотя бы по гендерным искусствам домашние задания выполняй, – хлопнул его по плечу Битали. – Авось, к выпуску и заматереешь. Слушай, пошли в башню. А то на мне скоро дыры проглядят. Ну вот, еще кто-то идет!

– Битали, ты можешь нас тоже научить драться? Так же, как ты? – протиснулся сзади Цивик.

– Я же говорю! Первые навыки можно и у сэра Уоллеса получить, коли не лениться. Потом – пожалуйста.

– Это же сколько ждать придется, пока его обучение закончится?!

– Если ждать, то вечно, – пожал плечами Битали. – А если заниматься и тренироваться, то месяца через два.

– Битали Кро, урожденный Кро! – Пятеро старшекурсников с серебряными и золотыми треугольниками ордена остановились перед обитателями башни Кролик. Говорил лишь один из них, тот, у которого на груди сверкал золотой знак: – Я, магистр ордена Грифа, и малый круг достойных сегодня вечером провели совет. Орден признал твои заслуги и храбрость. Мы оценили твою победу над гаруфером, мы все видели твою храбрость в поединке с графом Арно Дожаром. Малый круг достойных ныне признает справедливым твое несогласие стать неофи- том наравне с прочими учениками. Кандидат с твоими достоинствами имеет право стать мече- носцем ордена сразу, без дополнительных проверок и испытаний. Свою честь и достоинство ты доказал в полной мере. Согласен ли ты на такую награду, Битали Кро, урожденный Кро?

– Знаете, ребята, – поднявшись, покачал головой Кро. – Когда я хотел стать вашим собра- том, вы мне...

– Он согласен! – громко заявил недоморф, тоже вскочив и крепко обняв соседа за плечо.

– Ты чего, Надодух? – не понял Битали. – Я как раз...

– Он согласен, согласен! – заглушая Кро, повторил Сенусерт. – Я вам точно говорю! – И шепнул Битали: – Кивни же ты хотя бы...

– Не собираюсь!

– Не соглашайся! – Дубус легонько пихнул Битали локтем. – Им нужен поединщик. Раньше Дожар побеждал всех, орден только зубами скрипел. Грифы ведь всегда стараются заполучить самого сильного дуэлянта. Чтобы было кого выставить, если возникнет спор с дру- гим братством.

– Я и сам понимаю... – отодвинулся Кро.

– В общем, он согласен, – опять кивнул недоморф.

– Пусть сам скажет, – переглянулся магистр ордена Грифа с членами малого круга достойных.

– Он не может. – Пальцы Надодуха больно сжали плечо Битали. – День у него сегодня был трудным и долгим. Он завтра скажет, хорошо?

Магистр с золотым треугольником глянул направо, налево. Его товарищи по очереди кивнули.

– Хорошо, мы даем ему время для размышления. До утра. Мир тебе, Битали Кро, урожденный Кро... – Старшекурсники кивнули и с достоинством удалились.

– Не соглашайся! – рубанул кулаком воздух Цивик. – Все они зажавшиеся жлобы.

– Не соглашайся, тебя используют, – поддакнул Дубус.

– В общем, тебе нужно отдохнуть и подумать, – подвел итог недоморф.

– Чего ты за меня-то отвечаешь?! – наконец-то получил возможность возмутиться Битали. – У меня что, своей головы нет?

– Давай в башне поговорим? – предложил Надодух и тут же повернулся к остальным сокурсникам. – Извините, ребята, нам пора. Время позднее, ложимся мы рано.

Он ухватил соседа за руку и потащил за собой.

До того, как они нырнули под сфинкса, Кро молчал, но в комнате повторил вопрос:

– Какого беса ты отвечаешь вместо меня, Надодух? Не хочу я в этот орден вступать! Пока обычным парнем был, так им только туфли лизать годился, а как бойцом оказался, так сразу и «меченосец», и «посвящение»! Дубус прав. Они моими руками хотят позорить тех, кто не нравится. Я должен буду вызывать этих учеников на дуэль, а потом заставлять говорить всякие мерзости.

– Естественно, Битали! – пожал плечами недоморф. – Это и Ирри Лараку понятно. Вопрос, чего хочешь ты?

– Я хочу оставаться свободным!

– Так я и знал! – с размаху бухнулся спиной на постель сосед. – Ты честный и прямой парень, Битали. Это здорово! Рубишь правду-матку и делаешь то, чего душа просит. За то кое-кому и нравишься. А очень многим – наоборот. А я, мистер Кро, потомок древнего, древнего рода, выжить которому было очень и очень непросто.

– Ты это о чем? – не понял Битали, переодеваясь у шкафа.

– О том, что тебе нужно. Не хочется, а нужно на самом деле. Тебе нужна безопасность. Или ты успел забыть про мертвых тотемников, пожары, бешеных коров и гаруферов? В ордене с безопасностью порядок, ты сам видел. У них свой этаж и посторонних туда не пускают. Это уже хорошо, второй дохлой коровы тебе не принесут. Да и гаруфера подкинуть будет трудновато. Опять же, толпа. Случится шум – сразу изрядное число свидетелей набегит. Темному Лорду мешаться под ногами станут. Если повезет, еще и помогут. Это раз. Второе – тебе нужен хороший аттестат. Это мне плевать, а тебе баллы пригодятся. В ордене, как ни крути, с учебой порядок. И помогут, и напомнят, и прикроют, коли не готов окажешься. Круговая порука. Директор ордену покровительствует, он почетный магистр. Многие учителя тоже. Эления Клеотоу, например, профессор Омар, мадам Деборе. Это тоже плюс, они к ученикам из ордена снисходительнее. Ну, и еще всякие мелкие плюсики. Связи на будущее. Друзья из ордена со временем вырастут в глав семей, нунциев орденов – нормальных, не школьных, в хозяев боевых отрядов. Эти знакомства тебе еще очень, очень пригодятся. А еще мелкие неопиты тебе будут носить сок и бутербродики, стелить постель и вылизывать ботинки. Тоже приятно.

– Знаешь, сосед, – переодевшись, сел к столу Битали. – Вроде бы ты все говоришь разумно и правильно. Но в орден мне все равно больше не хочется.

– Теперь я тебе скажу, чего ты не хочешь, – закинув руки за голову, продолжил недоморф. – Тебе не хочется выглядеть продажным. Не хочется, чтобы все думали, будто ты продал свой меч за треугольник на грудь и хорошие отметки. Ты не хочешь бросать меня, поскольку, я так надеюсь, считаешь меня своим другом. Не хочешь терять отношения с Цивиком и Дубусом, внезапно оказавшимися полностью на твоей стороне. Ты человек чести, Битали, храб-

рый и прямолинейный. Завидую. Меня учили выкручиваться, хитрить, выгадывать пользу для семьи даже из поражений. Род ослабел, и нам трудно удерживать в своих руках наследные земли одним лишь мечом и силой. Нам не до жиру. А ты, Битали, так боишься запятнать свою совесть, что преувеличиваешь опасности для нее сверх всякого здравого смысла. Неужели ты, сосед, станешь называть меня недочеловеком или откажешься посидеть со мной на крыше возле башни только потому, что пройдешь посвящение? Глупости, мы все равно останемся друзьями. Тем более, что тебе действительно нужно думать о безопасности, а моя комната разом станет вдвое свободнее. – Недоморф довольно хмыкнул. – Цивик и Дубус знают тебя так «хорошо», что вообще не заметят перемены. Что до «продажности», то она лишь в твоём воображении. В прошлый раз ты сказал, что вступишь в орден только как полноправный меченосец, и доказал, что имеешь право на такое звание. Твое требование исполнили. Все. Это орден, кстати, унизился, прогибаясь под твоё «хочу», а не ты под них. Почему бы теперь и не вступить?

– А если мне придется из-за ордена вызвать кого-то на поединок?

– Ты сделаешь это с честью. Ведь ты будешь меченосцем, и защищать честь ордена станет твоим долгом.

– Как складно ты излагаешь, – захлопнул дневник сновидений Битали. – Прямо Цицерон.

– Это называется «политика», сосед, – зевнул Надодух. – Победы бессмысленны, если не приносят пользы. Ты получишь безопасность, лишние баллы и удобства, ничего при этом не потеряв. Не делай глупостей, соглашайся войти в орден. Кстати, стать меченосцем без кандидатского стажа – это тоже многого стоит. Останешься в истории школы навсегда, в книгу гордости впишут – для примера новым учащимся. В общем, в твоём положении отказаться от посвящения будет очень большой глупостью. Ты грифовцев, вспомни, оскорбил не слабо. Но они через обиду переступили. Отпихнуть протянутую руку легко – вернуть трудно. Ты успокойся, подумай. Взвесь. Утром сам поймешь, что я совершенно прав.

Отличник

– Клянешься ли ты, славный воин Битали Кро из рода Кро, всеми помыслами и деяниями своими стремиться к славе ордена, укреплять его могущество и достоинство?

– Клянусь! – ответил Кро, делая очередной шаг к алтарю.

– Клянешься ли ты, воин Битали Кро, защищать каждого из членов ордена как себя самого и в любой опасности приходить на помощь, сколь бы ни велика была сила врага?

– Клянусь! – Битали сделал еще шаг.

– Клянешься ли ты, воин Битали Кро, ставить братство нашего ордена превыше всех прочих связей, будь то дружба, родство или плотские желания?

– Клянусь! – Теперь до алтаря осталось всего два шага.

– Клянешься ли ты, воин Битали Кро, отдавать всего себя, свою силу, свое мастерство и свое знание на пользу ордена, на приумножение его могущества, его славы и его чести?

– Клянусь!

Битали сделал предпоследний шаг к алтарю, на котором лежал широкий, покрытый мелкой вязью, серебряный меч. На полированном металле метались кровавые отблески потрескивающих факелов.

– Я, милостью маркиза Клода де Гуяка, основателя нашей школы и нашего ордена, спрашиваю вас, избранные, лучшие из лучших и достойнейшие из достойнейших: даете ли вы право воину Битали Кро из рода Кро принять на хранение древний меч рыцаря ордена и члена совета достойных, дабы в любой миг он мог применить его к нашей общей славе! Отвечайте мне искренне и ясно, руководствуясь лишь заботой о благе ордена, исторгнув из душ своих личную приязнь или ненависть, жалость или доброту, корысть и благодарность. Рыцарь Антуан Фабьез!

Меченосец, стоявший слева у двери, вскинул свой клинок, перевернул его, поцеловал и ударил по треугольнику на груди, отозвавшемуся негромким позвякиванием. Звучно ответил:

– Достоин!

– Рыцарь Табриаз Женеталь!

Опять шелест меча, легкое позвякивание и громкий ответ:

– Достоин!

– Рыцарь Маркос дон Кастуэра!

Битали внезапно поймал себя на том, что он волнуется. Мальчик отлично знал, чем закончится опрос – ведь не он просился, это его позвали в орден. Все predetermined, решено заранее. Но вот сейчас он стоял обнаженный в святилище ордена, осененном крыльями могучего грифа, в последнем шаге от алтаря – и ждал. И каждый раз всем нутром напрягался: а вдруг очередной рыцарь скажет «Нет!»? Вдруг его сочтут недостойным, припомнят какой-то проступок, ошибку – и придется разворачиваться, бежать, подхватив одежду и втягивая голову из-за переливчатого улюлюканья, несущегося вслед?

– Достоин!

– Рыцарь Александр Труе!

– Достоин!

Круг отвечающих завершился ответом меченосца, что охранял правую сторону двери.

– Достоин! – ответил рыжеволосый Карлос Норада, и Кро с трудом сдержал вздох облегчения.

– Последний вопрос я должен задать себе, магистру великого ордена Грифа! – Глава братства поднял над головой вырезанную из кристалла соли статуэтку птицы. – Спросить у своей совести, своей чести, своего разума и своих душ! Мой ответ будет кратким, но бесконечным, как бесконечен путь служения ордену. Я хочу сказать...

почему сразу не запретил, зачем конца церемонии дожидался? Тоже странно. Если ты так опасен – почему вовсе отдельно не поселить? Нешто комнат в школе не хватает? Молчишь? Ну, ладно, отдыхай.

* * *

Генриетта увидела его за завтраком, села за стол рядом:

– Я все знаю. Ты не переживай так, Битали, не стоит. К тому же ты ведь ни в чем не виноват. Это все директор Бронте напортил. И чего ему вдруг в голову пришло?

– Это не я переживаю, это Надодух... – Кро стукнул по краю тарелку из-под салата, дождался, пока стол слизнет ее, и придвинул бекон с яйцом. – Он так хотел остаться один в большой комнате! Не повезло...

– Ты же хотел стать меченосцем ордена?

– Понимаешь... – Битали запнулся. Он вовремя сообразил, что повторять доводы Надодуха было бы слишком долго. Да и скучно. А потому Кро просто пожал плечами и небрежно махнул рукой: – А-а-а...

– Может, оно и к лучшему, – продолжала утешать его девушка. – Никто не знает, как бы попытались использовать тебя эти советы да магистры. Дрался бы постоянно, хочешь или нет. А это ведь дело такое: один раз проиграл – и позор на оставшуюся жизнь. Как с Дожаром. Ты ведь его еще пожалел, сильно унижаться не заставил.

– Представляешь, – прожевав кусочек мяса, пожаловался Кро. – Тотемник Надодуха, старый ворон, каждое утро нас ни свет ни заря будит. С первым лучом солнца. Хуже петуха, право слово.

– Ничего хорошего в этом ордене нет, – по инерции продолжила Генриетта. – Они здесь друг друга прикрывают, привыкают к спокойной жизни, а потом гибнут в большом мире, как цыплята!

– Меня ворон поднимает, – упрямо не захотел возвращаться к прежней теме Битали. – А ты-то чего вскакиваешь?

– Я? – Вантенуа поворошила вилкой салат из брынзы с орехами, пожала плечами: – Просыпаюсь.

– Сама?

– Наверное...

– Это как? – удивился Битали. – Просыпаются все или сами, или их будят. Как ты можешь этого не знать?

– Обычно я просыпаюсь, стоя возле постели. Или у окна. Иногда за столом. Еще не одетая, но уже вставшая. Это как?

– Не знаю, – почесал в затылке Кро. – Со мной такого не случалось.

– Я после этого уже не ложусь. Да и спать не хочется. Завтракаю, пока тут пусто и покойно, потом в парке гуляю. Утром там красиво, тихо, воздух сочный. Перед занятиями голову проветриваю... – Она набрала на вилку изрядную горку салата и отправила в рот.

– Молодец. Меня сосед тоже пару раз порывался наружу вывести, за замок. Да все не складывалось. Сам я пока не знаю, через какое место выбираться. Трудно, на самом деле, без дверей и указателей со входами и выходами разобраться.

– Так давай я тебе покажу! – встрепенулась Генриетта. – До первого урока почти два часа. Можно нагуляться в свое удовольствие!

– Не знаю... – засомневался Кро. – Тебя это не затруднит?

– Чего тут трудного? Я все равно после завтрака туда собиралась. Давай, доедай быстрее...

За стенами замка было свежо, но безветренно. Здесь пели птицы, стрекотали кузнечики, здесь пестрели цветы, пахло медом и свежими огурцами. Битали уже успел подзабыть, как это – оказаться на лоне природы.

– Как здорово, что профессор Бронте придумал удерживать вокруг школы лето круглый год! – похвалил он директора.

– Да, здорово, – согласилась девушка. – Жалко только, много птиц из-за этого гибнет.

– Гибнет? Почему? – удивился Кро.

– Здешние перелетные запаздывают отправиться на юг, а северные, что у нас зимуют, слишком рано возвращаются к себе, в снега и холод. Поэтому птиц тут мало. Только местные. Те, что круглый год на месте. Воробьи, синицы, зяблики, удоны.

– Голуби, – добавил Битали.

– Нет, голубей в школе нет, – качнула головой Генриетта. – Метаморфы на них охотятся. Едят, когда перекинутся. Особенно первокурсники. Синиц, зябликов не трогают – слишком мелкие. Они там, у южного корпуса, в свободное время собираются. В смысле, метаморфы. Первому и второму курсу играть вместе со всеми запрещено. Они, когда сильно нервничают или чувствуют опасность, могут самопроизвольно «перекинуться», – Вантенуа взяла молодого человека за руку. – А как зверем станут, порвать могут. Или поранить. Представляешь: играешь с таким в шашки. Он начал проигрывать, и тут же – р-раз в какого-нибудь волка, и кусь тебя за ногу...

Битали не ответил. От ее прикосновения у него возникло незнакомое ощущение чего-то странного, приятного – но запретного.

Их тела соединились.

Разумеется, Генриетта касалась его и раньше. Когда исцеляла рану, когда продирала через стену. Но это было другое. Там прикосновения случались по необходимости, имели вполне понятный и прагматичный смысл. Сейчас же они взялись за руки просто так, чтобы быть рядом.

Нет, Битали не стремился к этому и не рискнул бы дать клятву, что Генриетта Вантенуа ему интересна, что девушка ему нравится и вызывает иные чувства, кроме дружеских. Но ему все равно нравилось чувствовать ее прикосновение.

Вместе они шли по широким аллеям парка, усыпанным молотым кирпичом, спускались по ступеням к далекому болоту, огороженному от любопытных непроходимым кустарником, обходили расцвеченные радугами фонтаны, нюхали цветущие чайные розы, любовались вознесенными на мраморные пьедесталы изваяниями.

– Смотри! – Вантенуа указала свободной рукой на полуобнаженную женщину, которая с ужасом прикрывала лицо ладонью от чего-то наверху и одновременно удерживала кулаком сползающую с бедер простыню. – Говорят, это одна из фрейлин нашей баронессы. Она была безнадежно влюблена в барона и мгновенно окаменела, когда увидела, что он падает с твоей башни.

– Да ты что?! – притворно изумился Битали. – По-моему, я видел эту скульптуру в каком-то музее смертных. И там говорилось, что она изображает гибель Помпеи.

– Врешь ты все!

Генриетта отпихнула его, вырвала руку, сбежала вниз с очередного пролета ступеней и свернула за огромный шар цветущей сирени. Когда Кро добежал туда следом – под бело-сиреневыми бутонами оказалось пусто. Битали прошел дальше, осматриваясь, увидел россыпь кустов, среди которых выделялся серебряный шатер большой плакучей ивы. В голове всплыло: «Когда с Генриеттой гулять будешь, туда зови...».

«Откуда он знал, что я окажусь здесь с Вантенуа? – удивился Кро. – У мадам Деборе, что ли, на меня гадал?»

Он решительно свернул к кустарнику, обогнул букет каменных роз, застывших в вазе высотой в два человеческих роста, раздвинул свисающие до земли ветки.

– Так быстро? – Генриетта, закинув голову и зажмурившись, слегка покачивалась на скамеечке, сплетенной из тонких ветвей и подвешенной на обычных толстых, крученых шнурах. – Я думала, ты меня вообще не найдешь. Здесь такое уютное место... Снаружи ни за что не разглядеть.

Битали, не отвечая, обогнул скамеечку, наклонился, крепко и решительно поцеловал девушку в губы.

И опять сладкая волна прокатилась по телу, вызывая незнакомые, но очень приятные ощущения. Настолько приятные, что юноша не мог остановиться и целовал Генриетту снова и снова, словно страждущий путник, нашедший среди знойной пустыни родник с чистой холодной водой.

– Только не исчезай, – прошептала ему Вантенуа, вырвав короткий миг между поцелуями. – Очень тебя прошу, не исчезай.

– Я? – слотнул Кро и опять нашел ее губы. – Куда?

– Никуда... – Она обняла Битали за плечи, прижала к себе, тут же отпустила: – Пора. Побежали, не то на дальномиире не успеем. Десять минут всего осталось.

На занятие они таки успели, ворвавшись класс практически одновременно с профессором Омаром ибн Аби Раба и пробирались на места, когда он уже приветственно кивал ученикам.

– Где ты был? – шепнул соседу недоморф. – У тебя такой вид, словно ты наелся забродивших арбузов. Недосытый, недопьяный, но все равно довольный до дури.

– Свежим воздухом на рассвете подышал, – так же шепотом ответил Битали. – Нашел выход за стены. Мне понравилось.

– Я же говорил, – ничуть не смутился сосед. – Было бы желание.

– Да, – кивнул Кро.

– Да, – с ухмылкой согласился недоморф. – Имени желания не откроешь?

– Мсье Кро? – повернул к ним голову учитель. – Что же, дадим дорогу героям. Пусть будет стол.

Битали поднялся, оглядываясь в поисках подсказки, но быстро сообразил сам, что именно от него требуют: домашнее задание.

– Стол! Столы бывают письменные, обеденные, журнальные, декоративные и рабочие, они же верстаки. Столы чаще всего изготавливают из дерева, но можно встретить железные, пластиковые и даже стеклянные разновидности. Столы имеют три или четыре ножки и всегда покрываются столешницей...

Битали говорил и говорил, оценивая столы, их строение, возможности и перспективы с разных сторон, пока в висящих перед профессором часах не упала последняя песчинка.

– Благодарю вас, мсье Кро, прекрасный пример концентрации, – позволил ему сесть учитель. – Десять баллов в аттестат. Кто-нибудь еще желает доказать свои способности? Прекрасно, – оценил профессор количество взметнувшихся рук. – Мсье Родриго Батиас, пожалуйста. Ваша тема: вот этот осколок камня.

– Камень светло-серый, с прожилками, холодный и тяжелый, одна сторона старая, с режущей кромкой, другая широкая, со следами выветривания... – торопливо затараторил «тролль», словно боялся не успеть произнести все, что придумал. Но песок сыпался неумолимо, и через пять минут время истекло.

– Прекрасно, мсье Батиас, – признал учитель. – Три балла в аттестат.

– Почему три? – возмутился школьник. – Кро ведь дали сразу десять!

– Быть первым всегда труднее, – невозмутимо пояснил араб. – Каждому свое. Концентрация... Те из вас, кто не потерял понапрасну подаренное вам время и посвятил его тренировкам

кам, подобно ученикам Кро и Батиасу, теперь могут двигаться дальше. Качественные зеркала, равномерной толщины, с гладкой подложкой, не имеющие отклонений в приповерхностном слое, всегда с легкостью откликаются на эмоциональное воздействие. Точнее, не откликаются, а позволяют узреть сквозь себя именно то, что требуется чародею. Зеркала, что находятся на ваших столах, отвечают самым высоким требованиям... Мсье Цивик, ваше желание заглянуть в душевую девочек неосуществимо...

– Я никуда не хотел заглядывать, профессор! – под общий смех вскочил со своего места мальчик.

– Неужели? Для человека ваших лет отсутствие столь естественных желаний является тревожным симптомом, – под очередной взрыв смеха ехидно усмехнулся араб. – Советую в свободное время посетить Эшнуна Ниназовича и поделиться с ним этой проблемой... Однако вернемся к теме урока. Так почему вам не удастся подсмотреть за девочками, даже если вы удачно исцелитесь от своего недуга?

– Потому что сквозь зеркало можно смотреть только через другое зеркало, – недовольно буркнул Цивик. – У всех зеркал внепространственный слой общий. Там, где нет слоя – увидеть ничего невозможно.

– Отлично, мсье, два балла в аттестат. Возможно, отсутствие естественных желаний связано не с вашей болезнью, а с хорошими знаниями. И это мы сейчас проверим. За моей спиной находится комната. Сейчас вы войдете в нее, запомните обстановку, ощутите имеющиеся в комнате силы и прочие возможные опорные точки. Затем вы вернетесь к нам, еще раз взглянете на эту комнату через свое зеркало и сообщите нам о произошедших изменениях. Как обычно, первому полагается сразу пять баллов. В случае успеха, разумеется. Прошу...

Цивик вышел из-за парты. Решительно, словно шпагу, выдернул палочку, с легкостью скользнул в стену... И почти сразу вернулся с виноватым выражением лица. Омар ибн Аби Рабаи, мельком глянув на ученика, тут же выскочил за стену, вернулся. Крылья его носа шевелились, едва не перекрывая доступ воздуха, кожа из смуглой стала почти черной. Однако речь осталась спокойной и учтивой:

– Мсье Цивик, прошу вас, передайте мне на стол зеркало с вашего стола, соберите учебники и покиньте аудиторию. И постарайтесь не попадаться мне на глаза ближайшие две недели.

Мальчик послушно выполнил приказ и только у стола жалобно пискнул:

– Простите, профессор...

– Это была венецианская работа, – опустил веки Омар ибн Аби Рабаи. – Четыреста восемьдесят лет, изделие самого Джованни Великого! Я вас очень прошу, мсье Цивик... Две недели... Ради вашего же спокойствия.

– Да, профессор, – кивнул мальчик и нырнул в стену без окон.

Преподаватель развернулся, исчез, вернулся обратно:

– Прошу всех опустить зеркала стеклами вниз. Теперь с левого ряда по одному. Задание вы знаете. Прошу.

Слева первыми сидели девочки – они по одной и скрывались за стеной, после чего возвращались на свои места и напряженно замирали. Следом за ними прошли «тролли», потом орденцы и юный граф с прихвостнями, и уж последними в таинственный закуток попали Битали и недоморф.

Комнатушка размером от силы четыре шага на десять была усыпана мелкими стеклянными осколками. Можно было подумать, что Цивик не просто кокнул стекло, но еще и тщательно его пережевал. Впереди висела красочная картина в половину стены: великолепная дама в роскошном, усыпанном кружевами, подвесками и самоцветами наряде с обнаженной грудью, перед ней – припадающий с колена к изящной руке кавалер в столь же ярком облачении. Свет на полотно падал из небольшого стрельчатого окошка, забранного свинцовой рамой, стены слапались из серого со сланцевыми прожилками гранита, на потолке, в месте стыка свода, откуда

то взялась кирпичная прожилка. Изъятое у Цивика зеркало стояло напротив картины, на массивном столе с толстыми ножками в виде слоновьих ног и столешницей из цельной мраморной плиты.

– Итак, теперь вы можете поднять зеркала. В вашем распоряжении десять минут.

Песочные часы перед учителем перевернулись.

Битали поднял свое зеркало, увидел знакомые с детства янтарные глаза, слегка растопыренные уши и чуть приплюснутый нос, пригладил разлохматившиеся волосы. Напрягся, пытаясь заглянуть через зеркало за стену. Но личность в стекле ничуть не изменилась, даже не дрогнула.

– А ну, брысь! – цыкнул Кро.

Отражение угрозу даже не заметило.

Битали снова напрягся, сосредотачиваясь – но собственная личина за стеклом никуда не собиралась исчезать и старательно отвлекала, передразнивая его сосредоточенность.

– Концентрация, концентрация, – повторил себе Битали. Но какая может быть концентрация на соседней комнате, если глаза видят совсем другое?

Юноша решительно опустил зеркало, тряхнул головой – словно это могло избавить его от ненужных мыслей. Профессор Омар ибн Аби Раба тихо кашлянул. Песочные часы перед ним перевернулись, отмеряя вторую пятиминутку. Кро закрыл глаза:

– Концентрация, концентрация... – Он попытался как можно яснее, во всех подробностях представить себе комнату, которую нужно разглядеть. Косой свет из окна, свинцовая рама, гранитные стены, массивный стол на слоновьих ногах. Красная кирпичная полоска на потолке.

С минуту он удерживал в воображении эту картинку, стараясь припомнить все подробности, каждую мелочь, восстановить комнату с той ясностью, с которой видел совсем недавно. Потом поднял зеркало и, сохраняя видение в памяти, открыл глаза.

Да!!! В зеркале была та самая комната: косое падение лучей, стены с прожилками, каменная столешница у самого зеркала. Вот только... На картине вместо чувственной парочки красовалось огромное мохнатое чудище на двух ногах с длинными, похожими на костяные ножи, клыками.

– Время! – хлопнул в ладони профессор Омар ибн Аби Раба. – Попрошу всех опустить зеркала, вырвать из блокнотов страницу, поставить свое имя и приписать пару слов, которые докажут, что вы смогли заглянуть за стену. Прошу поторопиться, лишние мгновения неудачников не спасут.

«Волосатый упырь» – чиркнул на своем листке Битали, отнес на стол учителю. Тот подравнял стопку, начал ее сортировать:

– Так, так, так... Мсье Дожар, три балла в аттестат. Так, так, так... Мсье Завьялов – три, мадемуазель Горамник – три, мсье Уловер – три, мсье Кро – три балла. Мсье Кро! Будьте любезны, поясните, почему вам удалось то, с чем не справилось большинство класса?

– Возможно, они выбрали неправильные опорные точки? – поднялся Битали. – Я концентрировался на тех моментах, которые невозможно изменить: стены, потолок, окно. Если принять за опорную точку картину или стол, то при их замене... ничего не получится.

– Что мы сейчас и наблюдали, – кивнул учитель. – Отличный ответ, ни убавить, ни прибавить. Четверка. Всем желающим заработать хотя бы по баллу даю еще десять минут. Время.

В этот раз воспользоваться зеркалом удалось с первой попытки и без особого труда – теперь юноша был уверен в своих способностях. За стеной изменение оказалось простым: прежняя картина вернулась на свое место. Число понявших это оказалось совсем невелико: всего десять учеников.

– За новую попытку никто не получит уже ничего, – подвел черту профессор. – Но если вы хотите добиться успеха, желающие могут еще раз посетить учебную комнату. С левого ряда по одному.

– Ну, тебе и везет! – наклонился к Битали недоморф. – Столько баллов за урок! Теперь по закону равновесия тебе неделю никаких отметок не выдать!

Надодух Сенусерт ошибался. Еще пять баллов Битали Кро подарила на втором уроке мадам Деборе за образцовое ведение дневника. А после обеда он получил одну за другой две троечки у Карла Пепелета за совсем простенькие вопросы об использовании «трунио» для изменения формы предметов.

Вечером Битали – как, наверное, еще многие его сокурсники – открыл дверцу шкафа с подвешенным изнутри зеркалом и, тщательно припомнив родной дом, попытался увидеть его через магическое стекло. Правда, для Кро это был не совсем родной дом, а всего лишь последняя из съемных квартир.

Все получилось почти на «отлично»: несмотря на отсутствие в комнате больших зеркал, внепространственная пленка нашлась на каком-то небольшом предмете на полке, и через него, как через замочную скважину, юноша смог увидеть стену, фотографию на ней, половинку окна и двух людей, сидящих за столом. Но это были не его родители. Всего лишь кто-то из смертных.

Рано утром он примчался в столовую чуть не с первыми лучами – но Генриетты не застал. Сердце неприятно кольнуло: они, конечно, не договаривались, но все равно...

Битали подкрепился, поднялся из подzemелья в коридор первого этажа, свернул налево, дошел до заложённой кирпичом арки, за которой, если верить Генриетте, скрывался бездонный колодец, снабжающий школу водой, а заодно всегда готовый погубить незнакомого с замком лазутчика, – «протек» сквозь стену слева от него, миновал темную каморку, заваленную граблями, ведрами и лопатами, и оказался снаружи. Впереди, примерно в полумиле, за ровными огородными грядками, возвышался Тихий лагерь, похожий на взбитую из земли пузырчатую пену. Но юноша повернул влево, прошел вдоль стены и оказался в просыпающемся парке, только-только разворачивающемся бутоны на клумбах, подающем первые птички трели и только-только поднимающемся фонтанные струи. По пустым дорожкам Битали спустился почти к самому болоту, повернул к лабиринту из кустарника и раздвинул ветви плакучей ивы.

– Ты представляешь, – сладко потянулась Генриетта. – Сегодня я проснулась здесь. Не знала, к чему такое может быть? И тут пришел ты...

Ее поцелуи были по-прежнему сладкими и желанными, пылкими, приятными. Но того непонятного колдовского наваждения, какое Битали испытал вчера, он больше не ощущал. Ему было хорошо, ему было радостно. Но первый поцелуй в жизни человека, судя по всему, случается всего лишь раз – и от этого понимания Кро стало немножко грустно. Первое прикосновение, первый поцелуй – больше он не ощутит этого ни с кем и никогда.

– У тебя что-то случилось? – забеспокоилась Вантенуа. – Ты какой-то не такой.

– Посторонние мысли... – Юноша пригладил ее волосы. – Ты всегда спишь в спортивном костюме?

– Нет, – хихикнула девушка. – Просто у меня возле замка есть тайник. Всегда боялась проснуться снаружи и потом пробираться в школу не пойми в чем. Вот и пригодился. А тебе так хочется увидеть, в чем я сплю?

– Я очень любознательный...

– Право на такие тайны еще нужно заслужить, – засмеялась Генриетта, пока Битали целовал ее шею.

– Я стараюсь...

– Не там стараешься. Твои три десятка баллов за один день смогли сразить разве что рыжую. Да и та, наверное, скоро возьмет реванш.

– Кого? – не понял Кро.

– Аниту, ту, что Горамник. Наша зубрилка, лучше всех учится... Училась. Ее вчера чуть удар не хватил! Она ради каждого балла днями напролет пыхтит, а ты три десятка разом сорвал. Бедная деточка, как она возмущалась... – Сочувствия в голосе девушки не ощуща-

лось. – Все стены слюной забрызгала. Как она для тебя проклятия не сотворила, просто удивляюсь! Потому я за ней весь вечер и приглядывала. Боялась, придется выручать. А ты что делал?

– Ты не поверишь, – оторвался от полубоженных плеч Битали, – уроки учил. Ты меня осуждаешь?

– Смешной ты, – запустила Генриетта пальцы юноше в волосы, запрокинула его голову, и губы их снова слились. И снова, и снова... А потом они помчались со всех ног на урок, уже в самые последние минуты.

Правда, Битали, как оказалось, торопился зря. Сэр Ричард Уоллес, войдя в зал гендерных искусств пружинящей походкой, первым делом нашел его среди учеников и вскинул меч:

– Мсье Кро! Я только что проверил владения мадам Фре и убедился, что у вас по-прежнему нет тотемника. Если вы думаете, мсье, что недавние успехи на дуэли или в схватках с болотными тварями освобождают вас от соблюдения школьных правил, вы глубоко заблуждаетесь. Ученикам, не имеющим тотемника, посещать занятия по гендерным искусствам запрещено. Вы можете в свое удовольствие умирать на поединках или в собственной постели, но у себя на уроках я подобного не допущу. Выход в конце зала, мсье Кро. Рад был вас увидеть!

Пристыженный Битали выскочил из-под кровли северного корпуса, ушел в башню Кролик и упал на постель. Здесь он и наверстал недостающие часы сна, столь беззастенчиво ворующие у него вороном недоморфа. Если бы не забежавший за учебниками Надодух – юноша проспал бы и математику, а заодно и обед.

Третий урок принес Битали очередную неприятность. Это было естествознание – предмет не самый любимый для урожденных магов, но зато не особо сложный. Однако на сей раз вечно расхристанный профессор Налоби явился в новеньком бархатном костюме, в ярко начищенных, серебристых туфлях и в бархатном берете с длинным петушиным пером.

– Мои вам всем поздравления, мой дорогой пятый курс! – прошелся он между партами походкой сэра Ричарда Уоллеса. – Вот и настала для вас для всех пора взрослости. Счастливый год четырнадцатилетия, что разделяет безответственных детей и взрослых личностей. С этого года вы станете отвечать за свои поступки равно взрослым магам, с этого года вы впервые узнаете тайны, доступные лишь совершеннолетним людям. С сегодняшнего дня вы заканчиваете начальный курс обучения и приступаете к постижению высших знаний!

Филли Налоби пробежался по классу, словно волновался больше учеников, театрально всплеснул руками:

– Магическая сила! Магическая сила позволяет вам подчинять себе живой и неживой мир, менять его, перемешивать по своему произволу. Магической силой насыщены ваши волшебные палочки, боевые и защитные амулеты, магическая сила оберегает ваши тела от смертельных ран. Откуда берется она? Для получения и накопления оной в амулетах существуют два основных метода. Наиболее практичный состоит в высасывании силы из окружающего мира, из мелких живых существ: растений, насекомых, животных. В каждом из них сила хоть и слабая, но есть и может быть при необходимости использована. Способ трудный, нудный, не всем доступный... – Учитель сочувствующе покачал головой. – Но только он дает чародею возможность ощущать присутствие силы, понимать ее, управлять ее движением и поглощать, концентрируя в пористых предметах. То есть в амулетах. В миру называемых амулетами. В просторечии... В просторечье... О чем это я? – окончательно запутался профессор.

– О втором способе получения силы! – подсказал Арно Дожар.

– Что? Ах, да! Второй способ – это впитывание силы из окружающего мира.

– Про это уже говорили!!! – отозвалось сразу несколько возмущенных голосов.

– Тогда о чем не говорили? – удивился Филли Налоби и тут же спохватился: – Ах да, второй способ... Второй, – высокопарным тоном продолжил он, – это естественное нарабатывание силы организмом. Вы этого не замечаете, как не замечаете работу сердца или печени, но выработку силы происходит постоянно. Именно эту силу вы используете во время уро-

ков и при самостоятельной работе, она позволяет вам понимать суть заклинаний и творить мелкие чудеса. Мелкие – благо выработать много силы самостоятельно никто не в состоянии. И это хорошо! Ибо, не позаботясь природа о таком предохранении, неудачно произведенное магическое действие могло бы разнести по камешку весь замок! А так подобные оплошности разве выбивают пару окон или ломают стол. Но ныне! – возвысил голос профессор. – В час своего совершеннолетия вы получаете право на накопление силы среднеступным способом и возможность осуществлять настоящую магию! – И будничным бесцветным голосом учитель закончил: – Отнесите учебники и тетради в комнаты. Через пятнадцать минут жду всех в спортивных костюмах, в пальто и с одеялами возле замка со стороны парка. – Профессор Налоби еще несколько мгновений мучительно размышлял и наконец закончил: – Да.

Спустя четверть часа преподаватель, переодевшийся обратно в потертые кожаные штаны и покрытую пятнами куртку, продолжил урок в тени замка, на обширной поляне, поросшей густой газонной травой:

– Сила есть всегда и везде, – объявил профессор Налоби, и перо на его голове согласно качнулось. Снять бархатный берет учитель, похоже, забыл. – Она льется с небес, – вскинул он ладони к невидимому солнцу. – Она растет из-под земли, – пнул пяткой газон. – Она вокруг. Все что вам нужно – это впустить силу в себя и направить в нужное место. Этот обряд посвящения называется «корсовинг» и проводится исключительно парами. Разбейтесь по двое!

Филли Налоби в ожидании того, как школьники выполняют его команду, дошел до кирпичной дорожки, вернул обратно.

– Слушайте меня внимательно, юноши! Обряд корсовинга крайне, крайне опасен! Вам предстоит впустить в себя такое количество силы, коим ваше тело не обладало никогда с момента своего рождения. Многих во время этого процесса пробивают судороги, иные, способные к перемещениям, скрываются в иные миры или убегают в тело тотемника, к душе Ба. Кого-то от избытка силы начинает жечь жаром, из кого-то потоки силы, наоборот, уносят тепло. Почти все маги при прохождении корсовинга откатываются в своей жизни назад, в утробу матери, переживают роды повторно, чтобы получить перерождение и новую жизнь, в ходе которой они смогут жить уже в мире магических сил, а не просто среди земли, воды и воздуха. Для чего я вам это рассказываю? Я вас не пугаю, а спасаю от страха. Каждый из вас должен знать: если он вдруг увидит себя в теле зверя, или в неведомом мире, или в темной тесной утробе, из которой он выйдет, чтобы снова впервые увидеть лицо своей матери, – это нормальный и естественный эффект обряда корсовинга. Рядом с вами с первой и до последней минуты будет находиться проводник, который укутает ваше тело, если оно начнет мерзнуть, и раскроет его, если его раскалит от жара. Он удержит конечности, если вы вдруг попытаетесь себя искалечить, и перехватит вас, если попытаетесь убежать. Он отнесет вас в целительную, если вы не выдержите потока сил и умрете. Вы в безопасности, молодые люди. И на будущее запомните: категорически запрещается проводить обряд корсовинга в одиночку, сколь бы сложными ни оказались ваши обстоятельства. Это смертельно опасно! О чем это я? Ах, да! Для поддержания способностей ощущения силы корсовинг желательно проводить раз в один-два года. Семь-десять обрядов через день в зависимости от результата.

Филли Налоби наморщился и зачесал в носу, напряженно глядя в траву. Развел руками:

– Только парами... Один ложится на расстеленное одеяло, второй садится рядом и внимательно следит за товарищем, обеспечивая его безопасность. Ложимся, ложимся. Ах да!!! – внезапно он с силой ударил себя в лоб. – Вспомнил! Мсье Кро, в обед я посетил мадам Фре и узнал, что у вас нет животного тотемника. А без этого доступ к опасным обрядам для учеников школы запрещен! Поменяйтесь местами с мсье Сенусертом. Обряд будет проходить он, вы же останетесь проводником. Все готовы?

Профессор прошел по газону, оглядывая лежащих учеников.

– Очень хорошо! Тогда начнем. Сейчас все лежащие начинают глубоко дышать. Глубоко, наполняя все легкие, и чуть чаще, нежели вы дышите в обычном состоянии. Спустя минуту вы ощутите легкое головокружение. Это значит, что проходящая через вас вместе с воздухом сила дошла до обычного для вас предела. Продолжайте глубоко дышать. Наполнение силой превысит возможности вашего организма, и в нем начнется обычное для взрослеющего мага перерождение из личинки в человека. Вниманию проводников! Следите, чтобы ваш подопечный не прекращал глубокого дыхания. Прерывание обряда корсовинга еще опаснее, нежели смерть во время него!

– И как долго это продлится? – вскинул руку Битали.

– Когда перерождение организма закончится, вы это увидите, мсье Кро, – пообещал Филли Налоби. – Дышим, дышим! Все дышим! Поздравляю вас с истинным совершенством, дорогие юноши и девушки. Вдохи спокойные, но глубокие, до самого возможного предела. Не разговаривать никому вплоть до окончания обряда!

Первые примерно четверть часа Надодух лежал спокойно, словно собрался спать, и непрерывно зевал. Потом его руки и ноги вдруг заскребли воздух, он заскулил, закинул назад голову, изогнувшись едва ли не мостиком, захрипел. Битали, перехватив друга за пояс, положил его на бок, поправил голову, и дыхание у того восстановилось. Вот только вскоре недоморф скрючился, прижал голову к груди и мелко задрожал. Кро развернул одеяло, накрыл его – Надодух ненадолго затих, но вскоре опять заскулил, на лице проступили капли пота. Битали убрал одеяло – парень затрясся. Накрыл – пробило потом.

Кро решил было спросить совета у профессора Налоби, но тот, как оказалось, бегал на четвереньках вокруг изломанного, словно после маслобойни, тела Ронни Завьялова и торопливо уговаривал:

– Дыши, дыши. По-собачьи, мелко... – Учитель высунул язык и часто-часто задышал. – Сможешь? Давай, дыши!

– Профессор! – подбежала бледная Горамник.

– Не отпускай! – рявкнул, опрокинувшись на спину и ткнув в нее пальцем, Филли Налоби. – Провалится в иномирье – потеряет контроль сил! Держи, уговаривай, не отпускай!

Отличница убежала, учитель опять сунулся к самому лицу тяжело перерождающегося мальчика, зачастил собачьим дыханием. А от дорожки бежал перепуганный Лайтен:

– Он бьется, профессор!

– Ерунда, доинкарнация, скоро родится, – отмахнулся Налоби.

Битали понял, что преподавателю не до него, вернулся к соседу. Надодух по сравнению с однокурсниками вел себя, оказывается, вполне мирно: всего лишь скрючился и пытался на локтях и коленях уползти к замку. Кро, подхватив одеяло, догнал беглеца, опрокинул на подстилку. Недоморф, словно не заметив, продолжил свои движения, потом вдруг резко задргал конечностями и широко их раскинул. Дыхание его стало ровным и спокойным. Битали подумал, почесал в затылке, сел рядом и посоветовал:

– Дыши.

– Что? – открыл глаза Надодух.

– Ты как, спрашиваю? – поправился юноша.

– Отлично, сосед! Просто великолепно! – Он рывком сел, ухватил Битали за затылок, наклонился, упершись лбом в его лоб: – Спасибо тебе, дружище. Спасибо. Ты мне теперь как брат будешь. Тысяча ифритов, как же это хорошо!!!

– Так ты в порядке?

– Ты даже не представляешь, в каком!

Теперь, успокоившись, Кро заметил, что недоморф такой не один. На разных сторонах газона уже многие однокурсники счастливо обнимались или просто лежали, раскинув руки и

отдыхая. Обряд превращения учеников в полноценных магов завершался, отняв у ребят примерно два с половиной или три часа.

Этот вечер оказался долгим. Сперва весь курс дождался, пока последний из учеников выйдет из измененного состояния, затем Филли Налоби долго поздравлял пятикурсников с новым рождением, одновременно предупреждая об опасности самостоятельного проведения обряда и о том, что способность ощущать течение сил и управлять ими возникает только после третьего-четвертого корсовинга.

Отпустил их учитель уже затемно, когда времени оставалось только поужинать, принять душ и лечь в постель.

* * *

Первый поцелуй не вернешь.

Разумом эту истину понять легко, душой – невозможно. В ней постоянно теплилась надежда, что через это снова получится пройти: горячие губы, волна наслаждения, хмельное ощущение шального счастья. Надежда на повторение того самого, первого чувства на рассвете снова погнала Битали в парк, к заселенному нежитью болоту, под длинные ветви серебристой плакучей ивы.

Девушка ждала его здесь и с готовностью отвечала на его поцелуи и ласки... Но сколь ни приятными они были – все равно оставались обычными. Просто ласка, просто нежность...

– Ты должен завести себе тотемника, – неожиданно сказала Генриетта, когда в прикосновениях возникла небольшая заминка. – Тебе уже и Уоллес про это говорил, и Налоби. Почему ты упрямисься? Разве можно спокойно жить так, без твердой опоры. Понимая, что в любой миг, из-за пустяка, случайности ты можешь умереть безвозвратно, навсегда?

– Ты знаешь, каково оно, терять тотемника? Ты веселишься, играешь в догонялки – и вдруг сердце останавливается, внутри возникает слякотный холод, все выворачивается, тебя тянет непонятно куда, душит... Потом приходишь в себя и понимаешь: ты опять один. Мне трех смертей хватит, больше не хочу.

– А если ты поскользнешься на лестнице и ударишься головой? Если ты не рассчитаешь стены и застрянешь во время «онберика»? Если случится несчастье на занятии – что тогда? Твои души окажутся без опоры, уйдут в мир мертвых, тело умрет навсегда. Вспомни про мертвых. У них нет тотемников, и половина из них не доживает даже до полувека!

– Они всего лишь смертные, – пожал плечами Кро.

– Если тебе наплевать на себя, подумай о других! Что станет с твоими родителями, если они узнают о твоей смерти? Каково им придется? Как станут переживать друзья. А я, каково придется мне? Вспомни, ты ведь обещал мне, что никуда не исчезнешь! – Она крепко обняла его, прильнула к губам. Это было очень приятно – но Битали все равно никак не мог вспомнить, чтобы давал ей хоть какие-то обещания!

– Ты ведь не обманешь меня, правда? – Генриетта легла на скамейку на спину, положила голову ему на колени, провела ладонью по щеке. – Скажи, не обманешь?

– Я никогда не нарушал своих обещаний... – вздохнул юноша.

– Значит, ты заведешь себе тотемника, правда? – обрадовалась Вантенуа. Пока опешивший от столь странного вывода Битали пытался найти связь между своими словами и последовавшим выводом, довольная девушка обхватила его за шею, приподнялась и впилась в губы долгим страстным поцелуем. – Ты просто сокровище, хороший мой. Как здорово, что мы встретились! Правда?

– Да, – лаконично согласился Битали, и счастливая Генриетта снова утопила его в объятиях. – Мы еще не опаздываем?

На урок колдовства мадам Эджени Кардо ждала учеников, как всегда, в закопченном подвале со сводчатым потолком:

– Рассаживайтесь, рассаживайтесь быстрее, молодые люди! Урок сегодня будет долгим, а потому побережем каждую минуту.

Вопреки обычному, в этот раз на столах возле котелков лежало по горстке странных предметов: персики, миндаль, кисточки сушеных трав, комочки серы, беличьи хвосты, уголь, бутылочки с желтым маслом.

– Сегодня, девушки и юноши, вам предстоит изготовить молоко саламандры, – ломая себе руки и закатывая глаза, сообщила учительница, так и не рискнувшая сбежать из школы. – Это крайне важное зелье для каждого мага, ибо позволяет приручить тварей, живущих в огне, либо огню неподвластных. Ежели напоить саламандру молоком – за такое удовольствие она согласится исполнить любое ваше желание. Иначе, как из ваших рук, ей этого лакомства не получить. Кроме того, изменением всего одного составного элемента, не меняющего вкуса, молоко можно превратить в смертоносный яд, связывающий жизненную силу и благодаря этому надежно убивающий все живое и неживое, известное в природе. Поскольку ошибки ученика при работе с ядом могут оказаться опасными, сегодня на рассвете я заглянула к мадам Фре...

– Все ясно, – поднялся Битали и начал складывать учебники.

– Мсье Кро, я полагаю? – осведомилась учительница.

– Да.

– Вы правильно поняли мою мысль. Стропильная мадам Фре, к вашему сведению, находится под кровлей восточного корпуса.

Зажав учебники под мышкой, Битали шел к себе в башню... но то ли отвлекся, то ли смирился – ноги сами вынесли его на самый верх лестницы. Кро махнул рукой и пробил палочкой стену.

В нос тут же ударило запахом прелых опилок, жареных семечек, на уши обрушилось разноголосое чириканье, писк, визг. В клетках, расставленных многометровыми стенами в несколько рядов, метались белки и соболи, перекрикивались крупные попугаи, рычали солидные собаки и мелкие песики, висели на прутьях обезьяны и лемуры. Кое-где на удивление сохранялась тишина: орлы и черные вороны сидели важно и достойно, упитанные сурки и хомячки безмятежно спали, кошки играли между собой почти бесшумно, несмотря на прыжки и беззлобные схватки.

Юноша пошел вдоль гомонящей стены, ведя пальцами по прутьям и любуясь разномастным зверьем, как вдруг понял, что обезьяны и попугаи смотрят не на него, а чуть назад. Битали полуобернулся, заметил краем глаза блеск стали, рванул из амулета бемгиши и круто развернулся, чтобы встретить на сомкнутые клинки удар меча.

– Ты кто такой?! – грозно рыкнула на него старушка-одуванчик: ростом по пояс, с круглым лицом и пышными, совершенно седыми кудрями. Правда, телом была она отнюдь не стелбелек, а даже вполне упитанная, с заметным животиком, толстыми ногами и руками, мышцы на которых явно не уступали крепким мускулам сэра Ричарда Уоллеса. В коротком сарафане на длинных лямяках и в рубашке с высоко засученными рукавами, в низких кожаных сапожках, облепленных опилками и просом, она могла быть только...

– Мадам Фре? – отступил юноша, спрятал оружие и коротко кивнул: – Битали Кро к вашим услугам...

– Ишь ты, какой, – погрозила ему мечом хозяйка зверинца. – Ходит тут во время урока, ходит, тотемников трогает. Ты знаешь, что случиться может, коли тотемника убить? Смотри у меня!

– Простите, мадам, я не хотел вас напугать.

– Напугать меня? – хмыкнула старушка. – Да я сама кого хошь напугаю! Кабы не в школе, так и имени бы не спросила! Как, сказываешь, тебя кличут? Мне все ваши Темные Лорды нипочем. Меня убить ему никогда не получится.

– Битали Кро, – повторил юноша.

– А-а, тот самый, что без тотемника учится? Про тебя уж раз пять учителя спрашали.

– Знаю, мадам, – вздохнул Битали. – Они оказались упрямее. Похоже, без тотемника мне больше не обойтись.

– Без него человеку вовсе никак, полная погибель, – немедля согласилась мадам Фре, и меч из ее ладоней наконец-то исчез. – Коли тотемника нет, так ты, почитай, уже мертв наполовину. Ты к кому больше душами лежишь? К зверям али птицам? А то тебе гады мерзкие любы? Так и змеи с ящерами у меня тож обитают. Живые твари, они все расплодиться стремятся. Оттого у меня завсегда детеныши всякие подрастают. И соболя есть, и кошачьи, и варанов песчаных два поганца жиреют.

– Варана хочу, – моментально отреагировал Битали. – Пусть спит спокойно и по окнам не лазит. А то нам Надодохова ворона одного на двоих хватает.

– Вот ты каков, стало быть, нутром своим, Битали Кро. Ну, коли так, то пойдем, покажу тебе твою половинку...

Следом за хозяйкой зверинца юноша несколько минут петлял по узким проходам чердака. По дороге мадам Фре в одном месте прихватила заветренный кусочек мяса, в другом – палку с длинным шилом на конце, в третьем углу подняла за нижнюю ступеньку стремянку.

– Давайте помогу! – предложил Битали.

– Цыц! – рывкнула на него старушка. – Вам, шалопаем, токмо дай. Обязательно все переломаете.

Наконец она водрузила стремянку в одном из проходов, шустро забралась наверх, ласково забормотала:

– Заскучал, малой, без маменьки? Никто брюшка не почешет, никто зубки не почистит, никто сладеньким не угостит. На, мой хорошенький, закуси... – Мадам Фре насадила мясо на шило, просунула палку между прутьями, громко пошуровала и, выдернув свое оружие, кивнула: – Кушай, миленький, не торопись. Тебе мальчик скоро еще принесет. Эй, шалопай! Кузнечиков он, знамо, любит, тараканчиков. Ну, и от опарышей али червей, само собой, никогда не откажется. Э-э-э... Ну, ты залазь, обживайся.

К счастью, для двоих площадка лестницы оказалась слишком мала, и чтобы юноша смог познакомиться с тотемником, старушке пришлось спрыгнуть вниз. Кро забрался на ее место, уселся перед клеткой. Серо-коричневый, в мелкую клеточку, пустынный варан с полоской шипов на спине имел длину чуть больше руки и внушительную пасть, которой сейчас перемалывал шматок мяса.

– Привет, – сказал ему Битали.

Ящер не дрогнул даже кончиком хвоста.

– Дабы с тотемником связь установить, – попыталась помочь снизу мадам Фре, – в глаза ему смотреть надобно. Пока чувства и желания, как свои, не ощутишь. Как потребности его осознаешь, так, стало быть, оно и есть. Подселился.

Варан медленно повернул голову и вперился своими полукруглыми глазищами в Битали, словно хотел переместить в юношу свою душу.

– Давай-давай, тарасься, – полупшепотом посоветовал ему Кро. – Повезло сегодня тебе, сам не понимаешь как. Вот не пригодился бы ты в тотемники – и пустили бы тебя на корм соседям за ненадобностью. Как думаешь, кого ты сейчас жрешь?

Варан шумно сглотнул и замер. Жевать ему больше было нечего.

– Давай-давай, соображай быстрее, – посоветовал ему Битали. – Или ты тотемник, или похлебка.

Варан опустился на брюхо, поднял голову. Поверх его глаз выползла белесая пленка.
– Ты туп, как Дубус, – сообщил ему Кро. – Счастья своего не понимаешь.

Юноша быстро спустился вниз, спрыгнув с последних ступеней.

– Получилось? – с подозрением спросила его мадам Фре.

– Влет! – гордо ответил Битали. – Первый раз, что ли?

– И чего он там сейчас делает?

– Спит.

Хозяйка зверинца глянула наверх и вдруг решительно сложила стремянку:

– Он всегда спит. Сдохнет и не заметит. Как баронесса. Ну, чего застыл? Беги! Теперича тебе на любой урок дорога открыта.

Увы, особого преимущества совершенный подлог юноше не дал. На занятия по колдовству он все равно не успел, для математики наличие тотемника не требовалось, а Филли Налоби оставил Кро в проводниках, сославшись на неосведомленность. Появился у Битали тотемник или нет – он проверить не успел. Мадам Деборе на следующий день наградила Битали двумя баллами, не спрашивая про его зверя, демонология принесла юноше еще пару, и упрямство профессора Налоби, потребовавшего сохранить пары в прежнем виде, Битали особо уже не огорчило: он и так уверенно выбирался в ряды лучших учеников курса. А уж занятия сэра Ричарда его и вовсе разочаровали. Основные стойки, переносы веса и выхватывание оружие уже давно сидели в теле Кро на уровне условных рефлексов.

Из-за ежедневных вечеров с корсовингом ужин однокурсников происходил очень поздно и однообразно: все наскоро перекусывали и расходились по комнатам. За ранним завтраком Битали если с кем и встречался, то только с Генриеттой. Зато обеды в столовой оставались прежними: тесными, неудобными, шумными. Правда, после успешной дуэли вдруг выяснилось, что свободный стол для мсье Кро всегда найдется. Стоило Битали поставить свои тарелки на край – как прочие обедающие начинали тесниться, торопиться, на их места усаживались недоморф, Цивик, Дубус, а то и Генриетта Вантенуа. И никто – даже охрана из сектора ордена или участка «троллей» – ни разу не рискнул прогнать компанию с выбранного места, даже если Битали вторгался на их территорию.

В один из дней к соседям решили присоединиться и обитатели второго этажа, Ирри Ларак и третьекурсник Комби, причем Ирри торжественно провозгласил:

– Дозвольте присоединиться к великому братству Башни!

– Братство? – отозвался от прилавка Арно Дожар. – Скорее, выгребная яма! Какое удивительное зрелище: все уроды и недоумки школы в одном месте!

– Ты что, совсем рассудка лишился, Дожар? – поперхнулся от неожиданности супом Битали. – Тебе мордашку давно не били, жлоб деревенский?

– А ты что, считаешь себя оскорбленным, полукровка? – презрительно скривился юный граф. – Если да, то почему лаешься, словно базарная баба, а не отвечаешь достойно мужчине? – Дожар повернулся к прихлебателям: – Так я и знал. Наш гусар оказался банальным трусишкой без чести и совести. Впрочем, полукровкам о чести заботиться ни к чему.

Столовая притихла, следя за перебранкой.

– Ты меня оскорбил, Арно Дожар, – поднялся Битали. – Немедленно извинись, или будешь наказан.

– Я никогда не стану извиняться перед полукровкой без роду и племени! – громко и размеренно ответил юный граф.

– В таком случае, мсье Дожар, вам придется смыть это оскорбление кровью! – постарался дословно воспроизвести ритуальную форму вызова Битали. – Призываю в свидетели всех, что я принял все меры к мирному разрешению спора. Именем маркиза Клода де Гуяка, основателя этой школы, я вызываю тебя, Арно Дожар, на дуэль за нанесенное мне и моим друзьям оскорбление!

Металлический гонг возвестил, что вызов услышан – и столовая зашумела снова.

– Завтра узнаем, кто из нас окажется смиренным, – пообещал Дожар. – Жалко, обед почти кончился, придется ждать целые сутки.

– Узнаем, – согласился Кро, возвращаясь к обеду.

– Ты его побьешь, правда? – радостно зашептал Ларак. – Побьешь снова, чтобы знал свое место. Этот Дожар постоянно напрашивается! Теперь получит!

Однако больше никто за столом восторгов Ирри Ларака не поддержал.

На сей раз в чердачный зал гендерных искусств набилось еще больше зрителей, нежели во время прошлой дуэли. Те, кто не поместился – зачем-то толкались на лестнице, обсуждая необходимость больших зеркал в аудитории сэра Уоллеса. Битали и недоморф с трудом протолкались наверх и, разумеется, опять оказались не первыми. Юный граф Дожар ожидал противника возле стоек с учебным оружием, всем своим видом выражая нетерпение.

– Наконец-то! – увидев Битали, всплеснул он руками. – Мсье Кро изволит разбрасываться вызовами, а затем сам заставляет себя ждать!

– Я здесь, – лаконично ответил юноша, решив не вступать в перебранку.

– Оставайтесь на месте, мсье Битали Кро! – Сэр Ричард Уоллес, снова в черном запахнутом плаще, вышел на середину дорожки. – Внимание всем! Сегодня школа маркиза Клода де Гуяка услышала официальный вызов на поединок. Я спрашиваю вас, мсье Битали Кро, действительно ли вы послали вызов на бой мсье Арно Дожару?

– Да, посылал!

– Вы не отказались от своего вызова, мсье Кро?

– Нет, не отказался.

– Что послужило причиной вызова?

– Мсье Дожар оскорбил меня и моих друзей, не имея на то никаких причин.

– Чего вы желаете добиться?

– Я требую, чтобы мсье Арно Дожар принес мне свои извинения и признал, что все мужчины рода Дожар, его рода, являются бесчестными, самодовольными и лживыми людьми.

Зрители единодушно ахнули.

– Вы слышали требование мсье Кро? – невозмутимо повернулся к юному графу сэру Уоллес.

– Да, я слышал. – Арно Дожар заметно побледнел.

– Готовы ли выполнить требование без пролития крови, мсье?

– Нет! – Дожар обнажил меч и рубанул им воздух.

– Вы желаете сражаться до первой крови, до первой раны или до смерти? – повернулся к Битали учитель.

– Он еще не сказал, чего хочет, сэр Ричард Уоллес.

– Согласно дуэльному кодексу, мсье Кро, свое требование обязан высказать тот, кто затеял поединок. Тот, кто послал вызов. Если он не сможет добиться своего силой, ему придется смиренно выполнять любую волю победителя. Тот, кого вызвали, имеет полное право не высказывать пожеланий вовсе или придумать их потом. Ведь не он начинал ссору, он лишь жертва вашего недовольства, – охотно пояснил учитель. – Так как вы намерены драться?

– До смерти!

– Вы, мсье Дожар?

– До смерти, разумеется.

– Поскольку примирения сторон не состоялось, именем маркиза Клода де Гуяка я разрешаю начать поединок! – Сэр Уоллес сделал резкий шаг назад и взмахнул рукой.

С первых же мгновений схватки Битали понял, с чего это вдруг юный граф рискнул затеять новую ссору. Минувшие две недели для Дожара явно не прошли даром: он успел где-то получить уроки по борьбе с обоерукими бойцами, зазубрил новые приемы и где-то хорошо

потренировался. Движения его были куда более уверенны, движения меча легки и точны. Он умело удерживал безопасную дистанцию стремительными выпадами, уколами в лицо или по ногам – но не увлекался и не выбрасывал меч слишком далеко, лишая противника шанса скользнуть вдоль него.

Выпад в грудь, в живот, перенос понизу, у самых ног, снова выпад, еще... Движения графа оказались до неприятного быстры, клинок танцевал, словно подхваченная легким ветром бабочка. Живот, грудь, опять живот, лицо. Битали отпрянул головой, поймав меч в сомкнутые бемгиши, но Дожар толкнул его сильнее...

– Первая кровь! – вскинул руку сэр Уоллес. – Мсье Дожар, вернитесь на место, мсье Кро, у вас одна минута.

– Это всего лишь царапина! – провел пальцем по щеке Битали. – Комар страшнее кусает.

– Но кровь была, – невозмутимо констатировал учитель. – Если вы готовы, мсье Кро, я разрешаю продолжить поединок.

– Я готов.

– Мсье Кро, мсье Дожар! Сходитесь.

Юный граф тут же начал новую атаку, сплетая множество легких, молниеносных выпадов в длинное сверкающее кружево, кончик его клинка устремлялся к телу врага по три-четыре раза за мгновение. Раз-раз-раз... Р-раз! Битали чуть отпрянул, спровоцировав Дожара на длинный выпад, отвел его клинок в сторону, перешел в атаку...

– Вторая кровь! Мсье Дожар, вернитесь на место, мсье Кро, у вас одна минута.

Оказывается, граф успел подвернуть оружие и подтянуть к себе, легко чиркнув врага по боку.

– Проклятье! – На этот раз Битали отошел к концу дорожки и уперся лбом в холодную стену.

– Больно? Помочь? Хочешь, Генриетту позову? – подскочил Надодух.

Девушке, по всей видимости, не позволила выбраться вперед собравшаяся толпа. И это было хорошо.

– Оставь, – попросил Кро. – Дай подумать...

Тактика графинчика была понятна: не разить, а царапать. Для того чтобы царапнуть, сила не нужна, лишь бы дотянуться. Коли силу не вкладывать – то и клинком работать проще. Но по местному кодексу это приравнивалось к победе: царапина тоже кровь. Отец подобным театральным выходкам никогда Битали не учил. Учил только убивать, быстро и надежно. Причем – не обращая внимания на царапины.

– Проклятье! – ударил клинком о клинок Битали и повернулся: – Я готов!

– Мсье Кро, мсье Дожар! Сходитесь! – разрешил сэр Ричард Уоллес.

– Ты готов к третьей дырке, гусар? – легко выбежал навстречу Арно Дожар.

Битали, собрав волю и внимание в кулак, промолчал. Через мгновение на него обрушилась новая серия легких и быстрых ударов. Безопасных, но способных привести к поражению. Живот, голова, грудь, плечо, живот, грудь... Когда клинок графа попытался коснуться его левого плеча, Битали принял его в щель между сомкнутыми бемгишами, толкнул еще дальше влево, одновременно прокручиваясь вокруг своей оси, оставил на месте правый нож, а левым, уже чувствуя, как вражеский клинок опускается вниз, с широкого замаха рубанул врага по плечу. Почти одновременно Дожар подтянул к себе меч, опущенным клинком вспарывая его рубашку...

– Первая кровь!

– Есть!

– Мсье Кро, вернитесь на место, мсье Дожар, у вас одна минута.

– Почему минута?! – возмутился юный граф, не обращая внимания на разрезанную на плече и обвисшую вниз одежду. – Я ведь ранил его, ранил! У него третья кровь, он проиграл!

– Мсье Дожар, – невозмутимо ответил сэра Ричард Уоллес, – согласно дуэльному кодексу, после команды секунданта: «Кровь!» поединок прекращается и продолжается только после того, как раненый поединщик откажется признать поражение, либо не сможет продолжить схватку спустя минуту после ранения.

– Но я не признавал поражения! Я ранил его! У него третья кровь!

Зал зашумел, громко и недовольно гудя – но кого из дуэлянтов поддерживают зрители, в этой разногласии было не понять.

– Мсье Дожар, согласно дуэльному кодексу, после команды секунданта: «Кровь!» поединок прекращается. В этом месте правил стоит точка, – невозмутимо поведал сэра Ричард Уоллес. – Рана мсье Кро, полученная после прекращения схватки, не засчитывается, как нанесенная человеку, прекратившему сопротивление. Если подобное повторится, вы будете наказаны. Теперь вы можете сообщить, признаете вы поражение, либо намерены продолжить дуэль?

– Продолжаю! – зло выкрикнул Дожар, дважды рубанул воздух и направился к Битали.

– Мсье Кро, мсье Дожар! Сходитесь! – запоздало произнес учитель.

– Получи!

Юный граф слишком разозлился и был немедленно наказан. Его прямой выпад Кро поймал на сомкнутые клинки, вскинул их вверх, делая два шага вперед, и из-за головы рубанул обоими бемгишами вперед, распоров Дожару куртку и рубаху от плеч до пояса и рассекя под одеждой кожу.

– Мсье Кро, вернитесь на место! – подскочил к дорожке учитель. – Мсье Дожар...

– Что?! – зло выкрикнул юный граф, одежда которого окончательно превратилась в лохмотья.

– Это был страшный удар, мсье... – чуть успокоившись, признал сэра Ричард Уоллес. – Две раны, и каждая безусловно смертельна. Я склонен засчитать их за вторую и третью.

– Не нужно, сэра! – отозвался со своего места Битали. – В подачках не нуждаюсь. Пусть третья кровь укажет истинного победителя.

– Как знаете, мсье Кро. Мсье Дожар, у вас одна минута, – сделал вывод учитель.

– Сейчас... – Граф расстегнул и отбросил пояс, содрал через голову и отшвырнул лохмотья, оставшись обнаженным по пояс. – Давайте заканчивать!

– Сходитесь.

Полученный удар отрезвил Дожара, и поединок он продолжил опять взвешенно и аккуратно: фехтование на дальней дистанции, никаких глубоких выпадов. Легкие касания острием – и ничего более. Битали потихоньку отступал, внимательно следя за комбинациями врага. Переносы понизу тот делал достаточно часто. Даже тогда, когда в этом не было особой необходимости.

Привык...

Кро вдруг сделал шаг вперед – юный граф предсказуемо рубанул по ногам понизу, и юноша внезапно нырнул вперед, в прыжке резанув вытянутую руку по запястью и распластавшись возле дорожки.

– А-а! – вскинул меч острием вниз Дожар.

– Третья кровь!

– Н-на! – Граф с силой опустил оружие, и меч глубоко впился в пол возле самой щеки Битали.

– Если бы это был настоящий поединок, – наклонившись, шепнул Арно Дожар, – сейчас бы я тебя убил.

– Если бы это был настоящий поединок, – выдохнул Кро, ощущая кожей холод совсем близкой стали, – ты уже давно был бы мертв.

– Мсье Арно Дожар! – втрое громче обычного загредел голос сэра Ричарда Уоллеса. – Третья кровь показала, что сила, доблесть и право повелевать остаются в руках мсье Битали

Кро! На вашу долю осталось смирение и повиновение. Битали Кро желает получить от вас извинения за нанесенное оскорбление, а также признание того, что ваш род отнюдь не так хорош, как все мы в том уверены. Вы готовы в соответствии с правилами кодекса исполнить его требование, или желаете принять знак бесчестия и покинуть школу маркиза де Гуяка?

– Я приношу свои извинения мсье Битали Кро и его друзьям, – кивнул побежденный дуэлянт. – Я не хотел оскорбить их своими словами...

В зале повисла пауза.

– Мы ждем, мсье Дожар, – поторопил юного графа учитель.

– Мое поведение бросило пятно на род Дожаров, – через силу выдавил из себя Арно. – Оно было позорным и бесчестным.

– Вы ошиблись, мсье, – холодно остановил его сэр Ричард Уоллес. – Вы обязаны признать, что все мужчины вашего рода являются бесчестными, самодовольными и лживыми людьми.

– Меня удовлетворили его извинения, – пожалел однокурсника Битали.

– Правило победителя проявить жалость, – согласился учитель. – Поблагодарите мсье Кро за его милость, мсье Дожар.

– Я признаю, что мужчины нашего рода бесчестны, самодовольны и лживы! – торопливо выплюнул Арно, сбегал с дорожки, растолкал зрителей и выскочил сквозь стену между стойкой и древней каминной трубой. Похоже, опозорить семью ему оказалось легче, нежели склонить голову перед победителем и произнести слова благодарности.

– Красивая схватка, мсье Кро, – повернулся к Битали сэр Уоллес. – Встретимся через три дня. Надеюсь, мой урок вам понравится. Теперь советую поторопиться. Если я не ошибаюсь, профессор Налоби намерен закончить для вас курс накопления магической силы. Не самый лучший урок для школьников с полным желудком.

Увы, для Битали поздний обед ничем не грозил. На лужайке у замка он оставался всего лишь проводником. На его долю выпало только наблюдать, как товарищи уходят в корсовинг и спустя два-три часа выплывают из него, счастливые и посвежевшие. Утешало разве то, что Филли Налоби уже трижды награждал его четырьмя баллами за отличную работу.

– Полный курс корсовинга, – напомнил соседу Кро, когда они уже у себя в комнате укладывались спать. – Ну и как, что ты чувствуешь? Как твоя магическая сила?

– Да никак, – отмахнулся недоморф. – Поток силы на третьем обряде я и правда вроде видел. Где-то к десятому смог их направлять. Только пользы от этого никакой. Одни слухи. Кстати, ты знаешь, что нашего директора уже третий раз вызвали на сбор хранителей Хартии? Филли после корсовинга Традишу про это сказал. В прошлом году они всего раз в год собирались, а ныне уже трижды за месяц. Что-то неладное среди их сообщества. Говорят, союзы «темных магов» уже несколько раз разоблачались, даже война из-за этого в Австралии случилась. Профессора Бронте на консультацию приглашали.

– Все подслушиваешь?

– Делать мне больше нечего, – сладко зевнул Надодух. – Просто орут все так, будто кроме них в замке больше нет никого. Мне что, с заткнутыми ушами ходить?

* * *

Первым утренним уроком в расписании был метаморфизм. Усталый профессор Уолт Традиш, как обычно забывший побриться, уныло и однообразно бормотал:

– Метаморфизм тела, также именуемый пластификацией, отмечен среди людей еще в изначальные времена, до Первого Пророчества. Причины его, однако, равно как и сам процесс, малопонятны до сего дня. Переход метаморфа из состояния человека в состояние животного происходит настолько быстро, что этот момент часто называют «перекидыванием». При этом в большинстве случаев наблюдается изменение формы тела, его массы, а также созна-

ния метаморфа. Ученые полагают, что в минуты опасности, возникшей стихийно, а также ассоциируемой с темным временем суток, либо глубокого отдыха, организм метаморфа излучает внепространственную пленку, позволяющую ему наладить прямой контакт с иными своими реинкарнациями прошлого или будущего и получить дополнительные способности путем прямой временной подмены тела. Впрочем, данная гипотеза уверенного подтверждения пока не нашла. Для метаморфа крайне важно научиться сознательной перекидке в своего внепространственного двойника, поскольку только осознаваемый и ожидаемый переход позволяет удержать в новом теле не только телесную душу, но и душу мыслительную, иначе именуемую разумом. Опытом сознательного перекидывания мы сейчас и займемся. Попрошу выйти вперед первого ученика с первого ряда. Он пойдет сюда, в эту полупрозрачную загородку. Его задачей будет представить свой переход в звериное состояние на четырех лапах, проявить сильное желание превратиться в быстрое ловкое существо, сконцентрироваться на этом желании и совершить прыжок, который завершится фазовым переходом. Я со своей стороны помогу созданием у ученика иллюзии падения в пропасть. Кажется, я просил выйти сюда слушателя с первой парты. Мы начнем проводить опыт по одному под моим контролем, дабы при самостоятельной работе не пострадало качество...

Курс, убаюканный однообразной, без тени эмоций и без знаков препинания, речью профессора Традиша, продолжал строчить в тетрадах, конспектируя лекцию.

Учитель вздохнул, поднял палочку. На ее кончике быстро вырос радужный мыльный пузырь. Профессор позволил пузырю оторваться, а потом быстро пробил его палочкой. От оглушительного хлопка школьники подпрыгнули на месте.

– Я просил выйти сюда ученика с первой парты, – все тем же сонным тоном напомнил преподаватель.

– Но я не метаморф, – пожал плечами Ронни Завьялов.

– Это не важно. Многие из вас являются скрытыми метаморфами. Это удастся выявить только в ходе двух-трех вышеизложенных опытов. Идите за загородку.

Ронни поднялся, обогнул стол и встал за плохо сваренным, пузырчатым стеклом, что позволял разглядеть лишь силуэт школьника.

– Вспомните мои предписания, юноша, – мерно бормотал профессор, – сконцентрируйтесь, приготовьтесь к прыжку. Раз, два, три...

Из-за стекла послышался истошный вопль, сменившийся облегченным пыхтением.

– Возвращайтесь на место, нынешняя неудача еще не означает, что у вас нет способностей, порою они открываются лишь с четвертой попытки при хорошей, качественной концентрации и большом желании. Следующего прошу в загородку...

За все время опыта Уолт Традиш ни разу не повысил и не понизил голоса, не повернул головы к стеклу и не поднял взгляда на класс.

– Раз, два, три...

Снова за стеклом раздался крик, снова наружу выскочил тяжело дышащий школьник, так и не поменявший облика.

– Следующий...

Ученики уходили за укрытие один за другим: двое орденцев, двое «троллей», две девочки. Снова орденцы, «тролли», девочки. Последней в ряду оказалась Генриетта. Так же, как все предыдущие однокурсники, она скрылась за стеклом, так же подпрыгнула на счет «раз, два, три», как вдруг... Вместо девушки в загородке заметалась стремительная рыжая куница!

– Мадемуазель Вантенуа, – сделал пометку в журнале профессор. – Скрытая пластификация. Очень хорошо.

Куница за стеклом пропала столь же неожиданно, сколь появилась. Стало видно быстро одевающуюся девушку.

– Что случилось? – под общие аплодисменты появилась она за спиной преподавателя. – Я заснула?

– Вы не смогли удержать сознание, мадам Вантенуа. Рекомендую продолжить тренировки. Следующий!..

На третьем ряду скрытым метаморфом опять оказалась девушка, в минуту опасности перекинувшись в крупного филина. На четвертом – два «тролля» превратились в крупных волков. Но оба вели себя вполне спокойно: им удалось сохранить разум и в новом обличи.

– Практикуйте сознательное перекидывание, приучайтесь сохранять разум, – дал рекомендацию профессор. – В полнолуние же старайтесь сохранить человеческое обличье. Естественный метаморфизм вам следует брать под осознанный контроль. Тренируйтесь! Следующий.

Очередной сюрприз преподнес дожаровский прихвостень Карл Уловер: вместо черноволосого мальчишки в загородке заплясал могучий гризли, сотрясая даже не пузырьчатые стекла, а самый класс.

– Скрытая пластификация, – невозмутимо отметил в журнале профессор Традиш. – Сознание не удерживает.

Загородка, явно усиленная защитными заклинаниями, метания медведя выдержала, и вскоре из нее выскочил жалкий и перепуганный школьник:

– Что случилось? Я упал? Я разбился?

– Вы целы, но вам требуются частые тренировки. Следующий!

Больше ни одного оборотня в классе не нашлось. Даже Надодух, побывав за стеклом, не приобрел ни единого нового волоска. Равно как ни одного и не потерял.

– На сегодня все, – подвел итог профессор Традиш. – Выявленным метаморфам рекомендую самостоятельные занятия по указанной схеме, остальным...

– Подождите, а я?! – вскочил Битали. – Меня забыли проверить!

– Мсье Кро? – подслеповато прищурился учитель. – Ставлю вам десять баллов в аттестат.

– За что? – опешил юноша.

– За что? Почему? Как? – послышалось сразу несколько возмущенных голосов. Подаренные сокурснику десять баллов пришлось не по душе Дожару, его свите, рыжей Горамник, Завьялову и еще нескольким ученикам.

– За стремление к учебе, – невозмутимо ответил Уолт Традиш и продолжил, не обращая внимания на выкрики: – Всем остальным подготовить самостоятельную работу по признакам скрытой пластификации и ее выявлению.

– Десять баллов! Ничего себе! За что? Любимчик! Битали пролез в любимчики! – еще долго после ухода преподавателя звучали недовольные голоса. Даже среди «троллей» и орденцев, которые после двух дуэлей Кро почти все стали друзьями Битали, постоянно здоровались и интересовались его делами – даже среди них нашлись возмущившиеся. А уж про высказывания дожаровской своры лучше и не поминать. К счастью, курсу пришлось разойтись, чтобы подготовиться к уроку дальномирия. После перемены недовольство в классе забылось.

– Надеюсь, минувшие дни не прошли для вас даром, юноши и девушки, – начал урок араб, – и вы самостоятельно упражнялись в использовании зеркал для удаленного осмотра знакомых мест. Посему прошу сдать домашние работы по путям использования внепространственных свойств, и мы перейдем к новой теме.

Профессор Омар ибн Аби Рабиа дождался, пока на столе вырастет стопка тетрадей, и продолжил:

– Полагаю, после прошлого урока многие из вас убрали из своих комнат открытые зеркала. И поняли, отчего ваши родители и родственники предпочитают вешать их в закрываемых местах. Однако осмотр комнат издалека дает магам не очень много преимуществ. Ведь мало

кого интересует чужое жилье. Нас интересуют сами люди! Можно ли проследить за человеком, не зная, где он находится? Как считаете, мсье Тинтаголь?

– Наверное, да... – пожал плечами «троль». – Если в качестве опорных предметов использовать образ человека, а не вещи.

– Сами догадались, или в учебнике подсмотрели? Можете не отвечать. Два балла за обладание нужным знанием в нужный момент. А теперь – практическая работа. В настоящий момент хорошо известная вам мадам Деборе, любезно согласившаяся мне помочь, прогуливается... Э-э-э... Прогуливается... Постарайтесь узнать, где и в каком костюме она находится, и запишите это на листе блокнота. Я же пока проверю ваши домашние работы. Поднимите зеркала и приступайте.

Битали, помня свой прошлый опыт, торопиться не стал. Опустив веки и изгнав из сознания все посторонние мысли, он вызвал в памяти образ преподавательницы по прорицанию, ее лицо, глаза, волосы, ее руки и походку, стараясь составить как можно более подробный портрет, но при этом не задерживаться на изменяемых моментах: одежде, прическе, обуви. Когда же мадам Деборе предстала пред мысленным взором, как живая – он поднял зеркало и открыл глаза.

Она была там, за стеклом. Гуляла по хорошо знакомым Битали дорожкам из дробленого кирпича, одетая в свободное кремовое платье с длинными рукавами и пышной юбкой. В руке покачивалась сумочка, голову украшала шляпка с широкими полями и короткой вуалью по краям. Битали не мог понять одного: откуда в замковом парке зеркала? Хотя, наверное, профессор Омар ибн Аби Раба принес их специально ради урока. Вполне мог – чтобы не упрощать задачу школьникам. Про такое догадаться невозможно. Только увидеть.

Кро облегченно откинулся на спинку стула, следя в зеркале за неторопливой прогулкой учительницы.

– Ну как? – наклонившись к его плечу, заглянул в зеркало соседа недоморф и недовольно крякнул: видимо, для него отражение оказалось совсем другим, нежели для Битали.

– Замковый парк, платье, шляпка, – тихо подсказал Кро.

– Угу... – повеселевший Надодух вернулся к своему зеркалу и даже что-то замурлыкал под нос.

– Все готовы? – словно услышав его, поднял голову профессор. – Прекрасно, я тоже. Да и время подошло. Опустили зеркала! Все, все. Надписываем и кладем на край стола листки с описанием увиденного. Несколько слов вполне достаточно, я все пойму. Заодно получите назад домашнюю работу.

Омар ибн Аби Раба пошел по проходу, раскладывая проверенные тетради:

– Мсье Лоран, вы меня разочаровали. Мсье Завьялов, два. Мсье Гадочи, два. Мсье Дожар, пять. Мсье Лайтен пять, мсье Уловер пять, мсье Цивик – семь. Приятно было прочитать. Мсье Ларак – увы, мсье Надодух – единичку я вам натянул, мсье Кро – семь. Та-ак... – Он вернулся к своему столу и двинулся по второму проходу: – Мсье Тинтаголь – шесть, мсье Батиас – пять, мадемуазель Вантенуа – три, мадемуазель Горамник – семь... – Араб двигался по проходу, раскладывая работы налево и направо, забирая взамен листки с ответами. – Четыре, шесть, три, два, семь, шесть, пять, пять, два...

«Семерок» учитель роздал на класс всего несколько, и получившие шесть или семь поглядывали в сторону Битали с явным сомнением. Однако дальше всех зашла Анита Горамник: едва Омар ибн Аби Раба объявил об окончании урока, она подскочила к столу Кро и сграбастала его тетрадь.

– Ну-ка, дай посмотреть! – Девушка пробежала глазами несколько строчек, возмущенно взвыла и кинулась из класса.

– Эй, ты чего?! – Битали дернулся следом, чуть притормозил, ткнул пальцем в свои учебники: – Надодух, забери, ладно?

Он потерял всего несколько мгновений – но этого хватило, чтобы отстать от сокурсницы на полсотни шагов. Когда Кро выскочил в красный от гобеленовых костров коридор, она уже разговаривала с арабом, тыкая пальцем в тетрадку юноши. А когда догнал – услышал лишь окончание учительского ответа:

– ...школьница, а не директор. Если вы еще хоть раз позволите себе давать учителям советы, как нужно вести уроки и какие отметки ставить, то останетесь не только без баллов, но и без аттестата! – Омар ибн Аби Рабиа стрельнул в Битали косым взглядом, перекинул палочку в левую руку и ушел в стену, сверкнув на прощанье изумрудной печаткой со сплетенной в виде восьмерки змеей.

– На, подавись, – сунула ему в руки тетрадь Анита и, всхлипывая, побежала обратно к аудитории.

– Спасибо... – забрал тетрадку Битали, раскрыл, перелистал страницы, но ничего особенного не заметил. – Что за бред тут творится?

За обедом к столу обитателей башни подседа Генриетта, с ходу поинтересовалась:

– Чего там с Анитой случилось? Она вся в слезах вернулась, даже есть не пошла. Ни с кем не разговаривает.

– Профессор Омар пообещал ее из школы исключить, если будет к нему с советами приходить, – пересказал Битали.

– Так ей и надо! – кивнула девушка. – Зазнайка и зубрилка. Пять лет самой умной себя считала, а теперь на втором месте оказалась. Вот и психует.

– А на первом кто?

– Да ты чего, совсем про жизнь простую забыл? – фыркнула Генриетта. – Да ты первый и есть! Вот уже почти месяц всех по числу баллов оставляешь! А Горамник так и надо! Пусть узнает, каково в хвосте плестись. Во будет смешно, если она еще и закончит не самой лучшей!

– Да, будет смешно, – согласился Кро, пытаясь переварить услышанное.

То, что последнее время у него было много хороших отметок, он помнил. Но того, что он окажется лучшим, Битали не ожидал.

– А ведь сегодня последний корсовинг, – вдруг вспомнил Ларак. – Неужели вечером мы станем настоящими магами?

– Ты чего, со второй группы? – поинтересовался недоморф. – Тогда понятно.

– Не знаю, кому что понятно, а я ничего не почувствовал, – признался Цивик. – Может, не повезло?

– Тут везти нечему, – ответила ему Генриетта. – Чтобы силами управлять и их собирать, они должны быть. А у нас вокруг замка таких собирателей больше, чем во всей Нормандии. Вот каждому всего по капле и достается. Только чтобы почувствовать, не больше.

– Цивик... – вспомнил Битали, – ты ведь тоже семерку по дальномирию получил!

– Да, – кивнул невезучий.

– Здорово... У нас до урока времени еще немного есть, я к тебе сейчас загляну, хорошо?

– Давай, – согласился мальчик. – Я защиту от посторонних сниму.

В комнату выше этажом Кро поднялся с проверенным Омаром ибн Аби Рабиа заданием, протянул его товарищу:

– Сделай доброе дело, посмотри. Интересно, чего тут такого рыжая девка углядела, что за профессором погналась?

Цивик раскрыл тетрадь, пролистал страницы, брови его поползли вверх:

– Тебе за это поставили семь баллов?

– Да, а что?

– Ничего, – захлопнул работу мальчик и протянул обратно. – Я бы... Я бы написал все это... несколько иначе.

– И что бы ты написал иначе?

– Многое, – так же обтекаемо ответил Цивик. – Хочешь, дам свою контрольную переписать?

– Зачем мне переписывать? Ты скажи, что здесь не так.

– Не знаю... Раз Омар поставил семь, значит все правильно.

– Ты же врешь, сосед! Я по глазам вижу, ты там чего-то нашел. И с Горамник чуть истерика не случилась.

– Не знаю, – пожал плечами мальчик. – Может, Омар чего-то не заметил. Может, забыл и не проверил. В общем, он учитель, ему виднее.

– Слушай, Цивик, – попросил Битали. – Перестань морочить мне голову. Что там за ошибки? Просто пальцем покажи, и все.

– Не буду, – с неожиданным упрямством замотал мальчик головой. – Ерунда все это, не обращай внимания.

– Почему?

– Нет более быстрого способа сделать друга врагом, чем тыкать его носом в ошибки, – наконец признался Цивик. – Не стану.

– Ничего не случится, сосед! – попытался настоять на своем Кро. – Мне просто любопытно, из-за чего сыр-бор.

– Нет, не буду, – мотнул головой Цивик. – Еще никто не обижался на меня за то, что я хвалил его за явную глупость, и уже не раз меня пытались побить, когда я замечал недостатки. Хватит, я в этот самострел больше не полезу.

– Ничего не будет! Я тебе клянусь! – подsunул ему тетрадку Битали. – Просто покажи, и все. Ну, что ты меня, за дурака принимаешь? Не стану же я злиться на тебя из-за своих ошибок!

– Ладно, – сдался Цивик и раскрыл тетрадь. – Во-первых, не непространственная пленка, а внепространственная.

– Ну, это пустяк, – отмахнулся Кро.

– Ну вот, теперь ты понял?! – выкрикнул Цивик, захлопывая тетрадь. – Это пустяк, на это внимания не обращай, про это забудь. А за серьезную ошибку в драку начинают лезть. Не буду! Надо списать – дам, мне не жалко. Подсказать – подскажу, если рядом сядешь. А ошибки проверять не стану! Пусть учитель проверяет. Или сами смотрите. А то в ваших ляпах всегда я виноватым становлюсь! Не хочу! И вообще, нам на урок бежать пора.

– Подожди... Не стану я... – попытался остановить его Битали.

– Все вы так сначала говорите. А первая же ошибка – и ты уже недоволен. Говорю: не стану проверять, и все! – Цивик подскочил к подоконнику, стукнул по нему палочкой и исчез.

Последний, десятый, корсовинг для второй половины класса проходил спокойно. К концу курса организмы учеников успели приспособиться к увеличенным потокам силы, а потому ни у кого не случилось ни истерик, ни судорог, ни провалов в иные пространства. Однако, как и всегда во время этого обряда, настроение у всех было доброжелательное и благостное. Потому, ближе к концу урока, Битали рискнул подойти к Аните Горамник, на этот раз одетой под мальчика – но ее все равно выдавали собранные на затылке в хвостик рыжие волосы и широкие бедра, обтянутые штанами спортивного костюма.

– Привет, Анита. – Кро сел рядом с отличницей на траву, покрутил в руках тетрадь, так и оставшуюся с ним после разговора с Цивиком, протянул девушке: – Ты, говорят, в классе самая умная. Может, скажешь, что тебя в моей работе так возмутило? Честное слово, я тебя никому не выдам, можешь не бояться.

– А чего мне бояться? – фыркнула Горамник. – Я ведь не жульничаю!

– Я, что ли, жульничаю? С чего ты взяла?

– Да вот же! – не вытерпела отличница и выхватила его работу. – Вот, смотри. Здесь: не непространственная пленка, а внепространственная. Здесь: не серебро, а амальгама. Здесь: не стекло, а зазеркалье...

Найденные ею «блохи» были, разумеется, мелочью. Но на этот раз у Битали хватило выдержки промолчать и даже согласно покачать головой:

– Ну, надо же!

– Чего надо? – не поняла девушка. – Это все мелочи, хотя за ошибки в терминологии учеников всегда наказывают. Вот здесь ты что навалял: «...при желании заглядывать в мир мертвых и разговаривать с душами». Это же бред собачий! Весь мир духов – это внепространственное состояние и есть. Ты не можешь в него заглядывать, это они могут! Зеркало – это как окно, поставленное среди леса. Зверье к нему подойти и посмотреть на тебя может, а вот ты увидишь только одно место, да и то, чаще всего, пустое. Поэтому обряды вызывания мертвых и существуют, что через зеркало их найти непросто. Дальше... Здесь у тебя «любая отражающая поверхность». На самом деле не любая, дальномирие с частичным отражением не работает. Типа поверхности воды, темного стекла, полированной стали...

– Сталь же отражает! – возмутился Битали.

– Полировка – не амальгама, качество не вытягивает! Ты еще вспомни, что через воду можно в будущее заглянуть!

– А разве нельзя?

– Можно! – захлопнула тетрадь Горамник. – Только это не зеркальное дальномирие, а прорицание через свободную душу Ба! Ты ничего не смыслишь, Кро, и твоя работа тянет от силы на пару. Если забыть про мелочи, то самое большое – на четыре. А тебе поставили семь! Семь!!!

– Привет! – плюхнулась рядом на траву Генриетта. – Болтаете? Как считаете, обряд скоро закончится?

– Иди к своим просветляемым, – сунула мальчику тетрадь отличница, – и не мешай. Я сегодня проводник. Тебе за это уже восемь баллов добавили, а мне ни одного, понятно?

– Спасибо, Анита, – забрал работу и поднялся Битали.

Вантенуа пошла следом:

– О чем вы с ней говорили, Битали? Опять про отметки? Не обращай ты на нее внимания. Завидует она. Перестала быть лучшей, вот на желчь и исходит.

– Это моя четвертая школа, Генриетта, – остановился Кро. – Понимаешь, четвертая. И хотя двоечником я никогда не был, но и в отличники не выбивался. А тут вдруг обогнал всех.

– Так ведь это здорово!

– Здорово, – признался Кро. – Но странно. Горамник у меня в работе с десятков ошибок нашла. А профессор Омар все равно семерку вlepил. Почему?

– Может, просто проглядел? Отвлекся? Ты ведь по всем предметам отличник, вот он не глядя семерку и поставил. Думал, все в порядке. Подумаешь, бывает. Повезло.

– Разве повезло... – снова перелистал тетрадку Кро. – Но все равно странно.

Как и каждому школьнику, ему не раз приходилось сталкиваться с несправедливыми оценками. Но обычно учителя отметки занижали, а не наоборот. Да еще так лихо!

Вечером перед сном Битали достал из ящика стола те полтора десятка контрольных, что были написаны в школе маркиза де Гуяка, перелистал. Пометок учителей, указывающих на ошибки, в них практически не было. И оценки стояли соответствующие: шесть, семь. Получая свои работы, до сего дня он только радовался хорошим отметкам, особо не задумываясь, отчего в учебе случился столь сильный прорыв. Но теперь это показалось странным...

– Нет, не может быть! – наконец тряхнул он головой и решительно задвинул ящик. – Прорицание, дальномирие, математика, метаморфизм, колдовство, магия. Не могли же они все вместе позабывать о проверке моих контрольных или устроить заговор ради превращения меня в отличника? Бред.

– Ты чего там, Битали? – наострил уши Надодух.

– Это все из-за тебя, – отмахнулся Кро. – Темный Лорд, тайные принцы, убийцы в темных коридорах, семерки вместо нулей. Обычная паранойя. Спи.

Новый день и урок зельеварения принес Битали еще четыре балла за пустячный ответ о времени сбора ромашковых корней, заставив юношу снова занервничать, но два с лишним часа истории привели обратно в чувство: «цепной» Гроссер пообещал вычесть ему сразу пять баллов, если он не выучит основные, уцелевшие ко Второму Пророчеству, исконные рода. Коих, кстати, насчитывалось больше двухсот, включая скудеющую семью Надодуха Сенусерта.

После обеда Кро вместе с остальными сокурсниками явился под кровлю северного корпуса, на занятие – раз за Битали числился тотемник, прогуливать уроки сэра Уоллеса ему больше не позволялось. Хотя узнать что-либо интересное мальчик не ожидал.

– Смотри, мадам Деборе, – первым заметил упитанную крючконосую учительницу по прорицанию недоморф. – У меня провалы в памяти? Разве она была не первым уроком?

– Добрый день, юноши и девушки! – Учитель гендерных искусств прошелся по столь знакомой Битали белой фехтовальной дорожке посреди зала. – Как я мог заметить, мои уроки стали казаться вам скучными. Посему с сегодняшнего дня я внесу в них некоторое оживление. Но для начала прошу милых дам покинуть наши ряды и проследовать за глубокоуважаемой мадам Анне Деборе. В этом году они продолжают учебу по своей программе, дабы снова навещать общие занятия на шестом курсе.

Девочки, переглядываясь, собрались в тесную стайку и вслед за гордо вскинувшей подбородок учительницей исчезли в стене возле ветхой кирпичной трубы.

– Теперь вернемся в суровый мир реальности, мсье. Вы все получили начальные навыки гендерного мастерства. Потренировались извлекать оружие, запомнили основные боевые стойки и правила нанесения ударов. Однако учеба без практики смысла не имеет. Сегодня вы впервые попробуете свое знание на деле. Итак, юноши, в суровом мире взрослых, каковыми вы станете всего через два года, вступать в одиночные схватки вам придется в двух основных ситуациях. Когда вы по незнанию или сознательно проникли на чужую территорию в поисках силы, и хозяин желает вас прогнать или уничтожить. Либо когда чужак проник к вам, и его нужно... – Сэр Уоллес красноречиво прищелкнул языком, отошел к стеллажу с оружием, нанизал на руку охапку ленточек с небольшими терракотовыми гирьками. – Это учебные амулеты. Каждый из них связан с определенным местом в лесу на запад от замка. По моему приказу они перенесут вас туда, в конце занятия перебросят обратно. В случае получения вами любой раны – «первой крови» – вы так же окажетесь здесь.

Учитель пошел вдоль ряда, накидывая ленты на шеи учеников.

– Цель занятия, я думаю, вам понятна без дополнительных пояснений. Поразить как можно больше однокурсников и постараться уцелеть самому. Начнем! – Он хлопнул в ладони...

...Битали ощутил знакомое тянущее чувство в желудке, по глазам резануло ярким светом, а нос защекотало от густого пряного запаха, шею больно царапнуло, под ребра ударил острый камень.

– Проклятье... – Он перекатился с боку на бок, выбираясь из-под низких ветвей боярышника, встал на ноги, отряхнулся от влажной полугнилой листвы, налипшей на штаны и куртку. Огляделся.

Он оказался на залитой солнцем, изумрудной поляне с короткой и густой, шелковистой травкой. С одной стороны полянку огораживали часто стоящие невысокие клены вперемешку с ольхой, подпертые снизу непролазной бузиной. С другой – возвышались черные ели и сосны. Посередине лежал большой мшистый камень, сохранивший следы латинских букв. Кро подошел ближе, ладонью прикрыл надпись от солнца:

– Здесь покоится... – Больше разобрать ничего не получилось. Только две цифры: «L» и «X». Хотя они тоже могли оказаться частью слова. Битали вздохнул: – Кладбище.

Он сделал кружок вокруг камня и остановился. Кладбище или нет – но продираться сквозь окружающую чащу ему не хотелось. Ничего, кроме царапин, мусора за воротом и вывихнутых ног его там явно не ждало. Куда идти, зачем, если через два часа амулет все равно вернет его на чердак? Возвращаться же в замок раньше времени в правила занятий, судя по всему, тоже не входило. Да и не видно было школы из-за близко подступающих деревьев.

Битали снова вернулся к камню, протер его, силясь разобрать пропавшую часть надписи. Порылся в памяти, выискивая подходящее для подобных целей заклинание – но ничего не подобрал.

– Учиться надо было старательнее, – усмехнулся он.

Со стороны лиственного леса послышался треск, кроны закачались, и на поляну, тяжело дыша, выбрался Арно Дожар. Довольно усмехнулся:

– Привет, гусар! – Следом появились оба его прихвостня, сжимающие в руках внушительные орясины. – Как мы тут славно столкнулись!

– Да, – согласился Битали и обнажил бемгиши. Выражение гнусной радости на лице графа обещало ему одно-единственное продолжение. Палочку Кро даже не доставал. Он отлично знал, что накопленной в ней силы все равно не хватит для мало-мальски заметного воздействия. Граф тоже не попытался прибегнуть к магии. Ограничился мелкой показухой.

Дожар вскинул руки, грохнул гром: театральные эффекты при обнажении клинка были им настолько отработаны, что Арно, видимо, их уже не замечал. Сверкнул меч, Кро поймал его на сомкнутые клинки, отвел, скользнул вперед и... полетел наземь от страшного удара поперек спины. Такого, что на миг перехватило дыхание, а перед глазами заплясали мелкие цветные искорки. Кро перекатился на спину, закрыв грудь клинками. Попытался сказать, что думает, но с губ сорвался лишь слабый стон.

– Что-то не так, гусар? – теперь уже с глумливой усмешкой склонился над ним Дожар.

– Подонки... – смог выдохнуть Битали.

– Нет, мой милый мсье Кро, – покачал головой юный граф. – Я никогда не запятнаю честь своего рода подлостью. Просто здесь, на уроках сэра Ричарда, правила дуэльного кодекса никогда не действовали. И не действуют сейчас. Здесь все по справедливости: дворянин встретил полукровку. И лупит его палкой, ибо другого серв недостойн. Все понятно?

– Да... – немного придя в себя, выдохнул Кро и широким взмахом рук сразу в обе стороны заставил прихвостней Дожара отскочить.

Он подтянул ноги и встал на колено, нырнул под дубинку Уловера, попытался ударить его снизу вверх в живот, однако заставил лишь отскочить еще дальше, развернулся и напал на Лайтена, отмахнувшись от сверкнувшего справа меча. Дубинка оказалась не самым удобным оружием против стремительных легких бемгишей – Лайтен, промазав концом дубинки мимо его головы, бросился бежать. Битали решил дотянуться до него в длинном выпаде и... и упустил укол сзади...

– Мсье Кро! – На пустынном чердаке северного корпуса сэр Уоллес поигрывал длинным двуручным мечом. – Я уже заждался. Что же, защищайтесь.

– Вы... – У Битали болела разбитая дубиной спина, саднил бок, кровоточил порез в месте укола, однако преподаватель гендерных искусств и не думал проявить заботу. Он обрушил на голову ученика тяжелый клинок – и тому пришлось прикрываться, отводя удар в сторону, отступать. – Да вы что...

Им овладела холодная ярость. Он снова принял на бемгиш удар сверху, позволив мечу соскользнуть вбок, рванулся вперед, к полностью раскрытому сэру Ричарду, рубанул снизу, как вдруг... Боль в скуле – и он опрокинулся на спину.

– Какой сюрприз, мсье Кро, не правда ли? – оскалился учитель. – Оказывается, мечи пригодны даже для ближнего боя.

– Проклятье... – Битали поднялся, отер кровоточащую губу.

– Первая кровь, мсье Кро? Увы, у нас не дуэль, а потому никаких счетов. Продолжим...

Сэр Ричард снова обрушил свой меч сверху. Кро парировал его, скользнул вперед, нацелясь стальным полумесяцем в горло – как вдруг встречный удар опять опрокинул его на спину. Правда, на этот раз Битали его заметил: преподаватель поразил его оголовьем рукояти меча, снизу вверх. Юноша отскочил, взмахнул бемгишами, снова ринулся вперед: удар сверху – парирование со скольжением вперед, поперечный выброс клинков и... Поднырнул под встречный выпад тяжелой рукоятью. Клинки рубанули воздух: сэр Ричард тоже успел отступить. Рассмеялся:

– Вы молодец, мсье Кро, быстро учитесь. Оказывается, даже двуручный меч пригоден для ближнего боя, не правда ли? Ваш противник этого пока не знает, но вы уже должны это запомнить. В реальном мире у вас не будет второй и третьей крови. Только одна, решающая. Продолжим...

На Битали снова обрушился клинок – юноша отвел его привычным движением, поднырнул, идя на сближение, прикрылся от удара оголовьем в челюсть, рубанул поперечным... Но учителя там не оказалось. Кро успел только услышать свист рассекаемого воздуха, повернулся на звук и заметил противника лишь в тот миг, как клинок ударил его по шее...

– Голова прыг-прыг – и покатилась, – наклонился к нему сэр Ричард Уоллес. – Если есть опасность того, что вас встретят ударом рукояти, мсье Кро, это еще не значит, что такой удар последует. К нему нужно быть готовым, и не более того. На сегодня закончим. Зайдите к Эшнуну Ниназовичу, вам явно требуется обезболивающее и примочка на спину. Должен признать, мсье Кро, вы неплохой боец даже для взрослого мага. До завтра.

В целительную Битали не пошел. Сам понимал, что поступает так из пустого упрямства – но все равно не пошел. С полчаса лежал на постели, ощущая, как постепенно слабеет боль в отбитой спине и мысленно проклиная графа за подлость. Откуда только взялась его компания на тихой поляне? Учитель гендерных искусств столь же неприятных эмоций не вызывал. Несколько болезненных ударов от него Кро, конечно, получил, но зато узнал про слабые места в своей обороне и тактике нападения. Такая подсказка в будущем не раз спасет жизнь.

Следом мысли юноши перескочили на удивительно высокие отметки по прочим предметам. Сэр Уоллес, кстати, хоть и похвалил его за умение, но ни одного балла не подарил.

Битали поднялся, помахал руками, разминая тело, выдвинул ящик с контрольными, достал тонкую стопку тетрадок. Наугад открыл одну из середины, полистал. На его взгляд, в работе все было верно.

А на самом деле?

– Ты уже здесь? – выпрыгнул со стороны подоконника недоморф. – Когда успел? Тебя в зале вроде бы и не было.

– Получил поблажку, – не стал вдаваться в подробности Битали. – Сосед, ты можешь показать, где женские комнаты? А то я к их спальням еще ни разу не ходил.

– Да ты что? – засмеялся Надодух. – Уже третий месяц в школе – и ни разу к девочкам не бегал? Это и вправду беда, нужно немедленно исправить. Мне тут, кажется, что-то было нужно... – Он почесал в затылке, оглядываясь. – Не помню... Ладно, пошли.

С самоуверенностью, странной для уродца, не сомневающегося в своей будущей вечной девственности, недоморф вывел соседа в коридор, за кабинетом профессора Налоби проник на лестницу, поднялся на полтора витка и вышел в другой коридор, подсвеченный невинно-вышшенными гобеленами с вытканными на них крылатыми феями, волшебными ослепительными лебедями, что громко хлопали крыльями, крутили головами и даже пытались ущипнуть прохожих, – с летними пейзажами и хороводами вокруг цветущих роз. Поворот, несколько шагов вдоль выходящих во двор окон – и они оказались в небольшой уютной зале, заставленной креслами, диванами и высокими вычурными вазами с цветами. Какая-то из ваз мерно жур-

чала. Возможно, там струился декоративный фонтанчик, а может – бил питьевой родничок. У Битали от этого звука моментально пересохло в горле – но где именно течет вода, было неясно.

– Дальше нас, похотливых, не пускают, – развел руками Надодух. – Я сейчас твою Генриетту сюда вызову.

– Нет, не ее! – схватил друга за плечо Битали. – Я с Горамник хотел поговорить.

– Ты уже на рыженькую переключился? – изумился недоморф. – Чего ты в ней нашел?

– Ничего я в ней не искал! – Кро почувствовал, что краснеет. – Просто поговорить!

– Ага, – утер мохнатую морду Надодух. – Поговорить, поискать... чего-нибудь. В парке под ивой.

– У тебя только одно на уме! – отмахнулся Битали. – А я с практическим вопросом. Сам услышишь... Ну, давай! Как звать-то?

– Все очень просто. – Надодух крутанулся, изобразил малопонятное танцевальное па, бочком подбежал к огромному портрету некоей статс-дамы с высокой прической, из которой выглядывали украшенные вуалью жемчужные рожки, с пышным воротником-жабо и в зеленом платье с широкой воздушной юбкой, вскинул руку и запнулся: – Вот проклятье! Шляпа нужна. Или хоть шапка какая-то... Забыл совсем. Я же говорил, взять что-то нужно!

– Шляпа? – Кро почесал нос, прошелся между вазами, сорвал синий цветок полевого василька, ткнул в него палочкой: – Трунио!

Цветок тут же вырос до размеров широкополой мушкетерской шляпы.

– Только ради тебя. Но если кому расскажешь... – Надодух погрозил Кро кулаком, насадил гигантский цветок себе на макушку и тут же сдернул, махнув резными лепестками по самому полу и склонившись в глубоком поклоне: – Не будет ли так любезна глубокоуважаемая сеньора снизойти к мольбе преданного своего слуги?

– Поднимитесь, идадьго, – дрогнули руки на поясе женщины. – Чего вы желаете от моей милости?

– Умоляю вас, сеньора, призовите сюда сеньориту Аниту, урожденную Горамник.

– Я узнаю, здесь ли она, идадьго. Извольте подождать.

Руки женщины вернулись на прежнее место, и она замерла.

– И что теперь? – не понял Битали.

– Сейчас подойдет... – Недоморф посмотрел на него, на даму, сообразил: – А-а, ты думал, она уйдет? Так это не портрет, она не двигается. Эту испанку когда-то давно сделали в качестве пособия – для обучения хорошим манерам. Потом манеры изменились. Вот ее в качестве привратницы и повесили. Рыжая тебя слышала, не беспокойся. Эта сеньора как директорский свисток – вызов передает мгновенно.

– Не меня, тебя, – поправил Кро.

– Ее... – указал через плечо большим пальцем на портрет недоморф и тут же получил веером по голове:

– Что вы себе позволяете, дон Хуан?!

– Р-работает, – пригнувшись, отскочил Надодух. – Интересно, с кого такую вредную рисовали?

– Что ты сказал? – Откуда взялась рыжая Анита, все еще одетая в спортивный костюм, Кро не заметил.

– Я про нее, – указал пальцем на сеньору с веером недоморф и быстрым движением откинул за вазы цветочную шляпу.

– Сеньорита Долорес Ксиргу, – без малейшей запинки сообщила Горамник. – Говорят, она была воспитательницей профессора Бронте. Смертной. После ее кончины директор заключил ее душу в этом портрете.

– Это была кара или выражение благодарности? – не понял Кро.

В этот раз девушка заколебалась, но быстро взяла себя в руки и вздернула бледный подбородок:

– Зачем вы меня звали?

– Вот... – показал пачку контрольных Битали. – Ты не посмотришь их хотя бы бегло? Они все на шесть и семь баллов. Хочу знать, это правда или... Или их тоже забыли посмотреть, как на дальномиири? Внимательно проверять не обязательно, просто посмотри. Поверхностно. Ты ведь сразу поймешь, если там нестыковки. Всего десяток работ. Глянешь?

Анита колебалась опять всего несколько мгновений, потом решительно выхватила тетрадки и бухнулась на ближний диван:

– Ладно, давай. Узнаем, что у нас за отличники плодятся. – Она требовательно вскинула руку: – Перо дайте!

– Перо? – переглянулись Кро и недоморф.

– Даже об этом не подумали... – Она отмахнулась, извлекла палочку: – Циус! Это что? Метаморфизм... Хм... Нет среди них змей и ящериц, только теплокровные!.. Сам ты кровосос – молоком их выкармливают... – Горамник быстро и уверенно тыкала в страницы кончиком палочки, оставившей на бумаге коричневые подпалины. – При чем тут лунный свет? Астрономическое полнолуние! Это же не зелье на красоту! Ничего себе ляпнул! Откуда ты это взял?! – Она захлопнула тетрадь, взялась за другую. – Ну вот, на первой же строке! Матрицы считают по диагоналям, а не уравнениями!

– Привет! – вырвалась из-за портрета запыхавшаяся и порядком взлохмаченная Генриетта. – Ты приходил?

– Да он и щас здесь! – любезно сообщил недоморф. – Уроков ему мало, решил допзантия поискать.

– А что случилось?

– Я попросил Аниту проверить мои старые контрольные, – объяснил девушке Кро. – Странными они мне кажутся.

– Трояк максимум, – откинула математику Горамник и взялась за следующую тетрадь.

– Она придирается! – понизив тон, сказала Вантенуа.

– Если начну придираюсь, вообще минус получится, – не поднимая головы, парировала отличница. – Кто тебе сказал, умник, что у русалок есть хвосты? Сказок Андерсена начитался?

– Разве нет? – удивился Битали.

– Хвосты имеют лишь морские деви, «ундины», они же на латыни «филяроны», а на арамейском «мемозины». Русалок же отличить от женщин при поверхностном взгляде сложно, чем они и опасны! Два балла, только чтобы не обвинили в предвзятости. А эта контрольная по зельеварению? Ой, мамочки, Генриетта! Ты знаешь, где он берет миндальное молоко?

– Подумаешь, мелочи! – пожала плечами Вантенуа.

– Ага, мелочь... Коровье молоко вместо мытного настоя! То есть слабительное вместо средства для снижения веса. Хотя, конечно, некоторое сходство в эффекте проявится.

– Это все равно не его тема! Ты ведь из рода магов, Битали? Правда?

– Это неважно, – тыкая палочкой уже в шестую работу, ответила Горамник. – Самые великие чародеи вырастают на чужом искусстве. Имея врожденные способности в одной области, они усиливают природный дар знанием теории и тренировкой в одной, двух, а то и трех чужих специальностях. А потом придумывают заклинания, включающие силу сразу нескольких искусств. Прирожденные маги специализируются в прорицании, сильные колдуньи – в магии, прорицатели – в метаморфизме. Наша школа всегда была сильна кругозором выпускников, а не их специализацией. Каждый наследник маркиза де Гуяка способен сразиться с кем угодно на чужом поле. Хотя некоторые не знают даже, чем сила отличается от соли.

– Это просто описка! – все-таки не выдержал Кро. – Суть контрольных не в орфографии!

– А я ее вообще оставила, – ухмыльнулась отличница. – «Солнечный свет дает растениям первичную соль». Звучит неплохо, правда? За соль даже накину лишний балл. Пусть будет три. Что тут следующее? Прорицание. «Эманации кофейных зерен подавляются»... Битали, ты никогда не слыхал, что перед употреблением кофе обжаривают? Какие у жареного молотого кофе могут быть собственные жизненные эманации?

– Вот проклятье!

– Именно! – захлопнула контрольную Горамник. – Не шесть и семь твои работы стоят, а не больше двух баллов. Строго математически говоря, Битали Кро, ты полудурок! И никакие твои фокусы с учителями этого изменить не в силах!

– Какие «фокусы»? – Юноша начал собирать с дивана тетрадки. – Я просто не обращал...

– Врать не надо, Битали, не поможет! – Анита специально отпихнула от него несколько тетрадей. – Все всё видят! Тебе ставят баллы ни за что! За вопросы для первого курса, за удачно поднятую руку, за непроверенные контрольные. Ты хочешь сделать себе поддельный аттестат. Покупаешь у учителей баллы. Но только пользы от этого тебе не получится. Когда тебя за хороший аттестат возьмут в сильный орден или известную семью, все равно все поймут, что ты – пустое место. И кроме позора ты не получишь ни-че-го!

– Что за бред ты несешь? Какие покупки? Я ничего ни у кого...

– Тогда это что?! – вырвала у него уже собранные работы разгорячившаяся Горамник. – Почему тебе ставят семь за контрольные недоумка?!

– Я ведь сам принес их тебе, Анита! Ты не заметила? – отобрал тетради обратно Битали.

– Не будет тебе от этого пользы, не надейся! – гнула свое отличница. – Дутые оценки знания не добавляют! Ты как был дураком, так и останешься! Хоть весь аттестат баллами оклей!

– Стойте! – вскинул руки недоморф. – Я все понял! Это Темный Лорд!

– Чего? – повернули лица к нему все трое.

– Это делает Темный Лорд, – ударил ладонью о ладонь Надодух. – Он не смог тебя убить и решил, по крайней мере, не дать тебе стать сильным магом. Ты получаешь семерки ни за что, учиться тебе не нужно, и ты остаешься со способностями... На уровне простого деревенского шамана. Потом он тебя убьет уже без особого труда.

– Ну да! А все учителя школы стали верными слугами Лорда, – отмахнулся Битали от очередной фантазии своего соседа. – Весь мир ополчился дружными рядами против меня одного. Это уже паранойя, Надодух.

– А нападение мертвой коровы или гаруфер в комнате – не паранойя? – с готовностью парировал недоморф. – Слушай меня и думай сам. Первое: тебя селят в башню к изгоям. Не дают завести дружбу с другими школьниками. Второе: тебя выгоняют с занятий с опасными зельями. Теперь ты не знаешь, как сварить ядовитый состав для огненных тварей. Третье: тебя отстраняют от обряда корсовинга. Четвертое: тебя не проверяют на метаморфизм. Пятое: из-за хороших отметок ты перестал открывать учебники – думаешь, что и так все знаешь. Ну, что скажешь теперь?

Надодух вскинул руку с плотно сжатыми пальцами.

– Ты остался без знаний про яды, про собственный полиморфизм, ты не научился управлять природной силой, наконец! Какой из тебя маг, если ты не способен использовать силу? И при этом у тебя отличные отметки! Горамник права, Темный Лорд незаметно делает из тебя дурака. Избавляется от врага не копытом, так измором.

– При чем тут Темный Лорд?

– А кто еще может такое устроить?

– Если так, то тебе нужно заниматься самостоятельно, – решительно вмешалась Вантенуа. – Самому учить то, что не хотят преподавать наши профессора. Тебе нужно провести обряд корсовинга, и как можно скорее. Ты должен научиться управлять силой до того, как произойдет что-нибудь плохое.

– На это нужно часа два-три, – напомнил недоморф. – Где мы возьмем столько времени?
– Вечером, когда еще? – развела руками Генриетта. – Закончим, понятно, поздно. Но днем нам и двух часов не выкроить. Прямо сейчас нужно и начинать.

– Все правильно, сосед, – кивнул Надодух. – Все логично и совпадает. Тебя пытаются загравить. Хочешь выжить – бери все в свои руки. Я, кстати, знаю за парком отличное уединенное место. Кроме меня, там никто следов не оставлял. Могу показать. Идешь?

Битали наконец-то собрал тетрадки в стопку, подравнял по краям:

– Логика тут никакой, одна конспирология. Но я и вправду единственный, кто корсовинга не прошел. Ладно, согласен. Другой возможности все равно не появится. Филли Налоби эту тему уже закрыл.

– Пошли... – Все трое двинулись к лестнице, Битали на ходу оглянулся: – Спасибо, Анита! Я твой должник.

– Подождите! – быстрым шагом нагнала их отличница. – Это, конечно, не мое дело, мсье Кро, но во время обряда корсовинга подопечный всегда влюбляется в своего проводника, если они разного пола. Вы про это знали, ребята? Нет? – Она громко хмыкнула: – Тогда вы и правда недоучки! Всегда влюбляются, мальчики! Поэтому семейные пары и проводят его вдвоем. Для укрепления чувств. Поэтому профессор Налоби пары однополые для обряда подбирал. Любовь – это чувство, направленное на продолжение рода. Между людьми одного пола оно возникнуть не способно, только дружба завязывается. А вот мальчик с девочкой...

– Ничего я делать не собиралась! – зло ответила Генриетта. – Просто рядом побыть. А проводником может быть и Сенусерт.

– Да пожалуйста! Это все равно не мое дело, – пожала плечами рыжая. – Только я, пожалуй, пойду с вами. Вы все такие образованные, что волосы дыбом становятся. Как бы там беды с вами не случилось.

– Тебе-то что? – отстранилась Вантенуа и оглянулась за поддержкой на Битали.

– Совесть будет мучить. Началось ведь все из-за меня. Надодух, идем. Показывай свое убежище. – Анита невозмутимо проследовала мимо сокурсницы, изобразив, когда той не стало видно ее лица, презрительную ухмылку.

Теперь уже вчетвером пятикурсники спустились на первый этаж, обогнули двор, мимо колодца вышли наружу и повернули к парку. Через минуту недоморф вывел их к стене кустарника, за глинистой проплешиной раздвинул ветви, предупредил:

– Здесь акация, осторожнее. Вот этот ствол толкаем, зелень поднимается, и снизу... – Он первым нырнул вперед.

Последние шаги, и ребята оказались на обширной поляне в окружении высоких цветущих роз, излучающих сладковатый аромат.

– Так вот чем ты тут вечерами развлекаешься! – двинулся вдоль разноцветной стены Битали. – Какие бутоны! Настоящие, или «трунио» использовал?

– Ты так больше не говори, могу обидеться, – предупредил Надодух. – Кстати, мне мелкие цветочки больше нравятся. Вон, со стороны болота Русалочьи розы россыпями распустились.

– Красота какая! – ахнула Анита, проводя ладонью по лепесткам. – Вот уж от кого не ожидала. Разве ты не из рода магов?

– Из магов. Но на старшем курсе пойду в шаманизм по специализации. К Филлу на естествознание.

– Почему Русалочьи розы? – оглянулась на него отличница.

– Русалочьи – потому что со стороны болота. Розы – потому что ошибку на бирке сделал, когда сажал. А исправлять лениво. Да это ерунда, мелочи. Я розы только ради шипов выращиваю, через них даже крыса, не ободравшись, не пролезет. Вот ивы – это моя главная гордость! Иди сюда, смотри.

Недоморф разбежался, прыгнул в самую гущу одного из кустов в центре поляны – ветки под его весом согнулись, и он закачался на живом ложе, прикрытом сверху, словно зонтом, остальной кроной. Надодух развернулся, откинулся на такую же мягкую, из веток, спинку и предложил:

– Слева от тебя – куст с коричневыми листьями, садись с моей стороны. Попробуй.

Горамник, пригладив волосы, подступила к иве, сперва потрогала ветки ладонью, потом резко толкнулась вперед и бочком опрокинулась в зелень. Ветки качнулись, отступая, и она оказалась на узком овальном ложе.

– Как здорово! – искренне охнула она. – Да ты, оказывается... А я думала...

– Как сказала недавно одна моя знакомая, – довольно ответил недоморф, – главное не баллы в аттестате, а знания в голове... Генриетта, не туда! Я из этой ивы постель хочу сделать. С живым балдахинном и стенами. Только там еще ничего не готово. А сесть можно на это деревце, справа от меня. Да, с моей стороны.

– Ты просто Фавн на троне, – шутивно поклонился Битали. – В вашем доме, повелитель растений, сидеть дозволено только дамам, или мне тоже?

– Твое место во-он там, – указал на взгорок, больше похожий на могильный холмик, недоморф. – Тебе ведь обряд проводить нужно. Ложись-ложись, не бойся. Это тоже вариант постели. Я еще на прошлом курсе придумал. После того, как два дня у Эшнуна Ниназовича провалился. Ложись, ложись...

В голосе Надодуха, при всей его доброжелательности, появились какие-то посторонние вкрадчивые нотки, а потому Кро сначала попробовал холмик ногами. Тот мягко спружинил. Битали зашел сбоку, попробовал в другом месте, оглянулся. Сенусерт, улыбаясь, затаил дыхание.

– Ну, сосед... – Кро выдохнул, опустился, опираясь ладонью и... – А-а-а!!!

Никакой опоры под рукой не оказалось – юноша ухнул вниз в какую-то яму на глубину почти в человеческий рост, но тут его падение замедлилось, и тело с сухим шелестом закачалось в глубине. Он попытался извернуться в узкой длинной могиле, оказался в горизонтальном положении. Понял, что слегка приподнялся, повернулся на спину. Перед самым лицом колыхались коричневые кисточки, за которыми просвечивало сереющее небо. Те же кисточки плотно прикрывали и все остальное тело.

– Ты цел?!

– Ты как?

– Жив?

Одно за другим появились над ним испуганные лица однокурсников. Битали понял, что, улегшись на холм, в реальности оказался немного ниже уровня земли.

– Ну, и гад же ты, сосед! – душевно сообщил Кро. – Предупредить не мог?

– Под тобой яма с водой, а из нее камыши растут, – на лице недоморфа расцвела счастливая улыбка. – Они тебя и держат.

– Это не камыш, это тростник, – не преминула уточнить Горамник.

– Да хоть черешня, – безмятежно отмахнулся Надодух и продолжил свою мысль: – Кисточки укрывают – вместо одеяла. Они теплые, я проверял. Тут, вообще, голым нужно лежать. Если в такой постели раненый или больной под себя сходит, то все вниз проваливается и растениями усваивается. И всем хорошо. А Ниназович, дурак, от таких отказался. Мозги у старика отсыхать стали.

– Мне не нужно ходить под себя, Надодух. Мне нужно провести обряд.

– Так и пожалуйста! Мягко и тепло. Других постелей здесь все равно пока нет.

– Во время корсовинга ему может стать жарко, что тогда? – напомнила Анита.

– Это же камыш! Кисточки можно в любую сторону повернуть. Или в гущу собрать. Хочешь – как под периной, жарко будет. А хочешь – холодно, как на улице.

– Тебе удобно там, Битали? – присела рядом Генриетта, опустила руку и нащупала его ладонь.

– Странно немного, – пошевелился Кро. – Словно в воздухе висишь. Зато ничего не отлежу.

– Солнце уже над деревьями. Может, на завтра отложить? До ночи не успеем.

– Нет. Раз уж решился, нужно начинать. Второй раз может уже не сложиться.

– Если сегодня начнешь, значит, десять раз подряд с промежутком не меньше суток и не больше двух, – напомнила Горамник. – Готов?

– Поздно спрашивать, Анита. В последний миг не отступают.

– Тогда давай, дыши. Глубоко, полной грудью. Не торопись, делай примерно в полтора раза больше вдохов, чем обычно, и на весь объем. Ничего не бойся, мы здесь. Случится что не так – вытащим, не пропадешь.

– Ты чего тут пристроилась? – вдруг взъерилась Вантенуа. – Отойди от него! У него Надодух проводником быть должен.

– Ты тоже давай отходи! – потребовала Горамник. – Все, Битали, успеха. Забудь про все, слушай только себя, свои...

Договорить ей не удалось. Кто-то резко дернул Аниту в сторону, и обе девушки скрылись за краем ямы.

– Дыши, я здесь, – уселся у бедер Битали недоморф. – Я через все это уже прошел. Поначалу страшно, потом привыкаешь. Дыши. – Надодух вдруг поднял голову, спросил в сторону: – А Филли говорит, дышать как нормально.

– Твоему Филлу только леших дрессировать! – звонко отозвалась Горамник. – Все справочники советуют полтора вдоха против обычного и частое собачье в случае спазмов и судорог.

– Сиди здесь, не подходи туда! – не менее громко добавила Генриетта.

– Очень надо! Мне твой полудурок, как блоха собаке, нужен, – перешла на шепот Анита.

– Ага, как же! Думаешь, я не слышала, что ты после его дуэли говорила? Раньше никому был не нужен, а теперь только на него и гадают.

– Это Деборе задание давала!

– А вы все и рады стараться... – Шепот перешел в тихое шипение. – Контрольные давно сдали, а ты опять на него через воду смотрела.

– Он одни семерки получал. Вот я и смотрела, откуда...

Голоса наконец-то перестали различаться, слившись с шелестом камыша, стрекотом кузнечиков и бормотанием ветра. Вдох за вдохом свежий ароматный воздух наполнял грудь Битали до краев, как ливень – забытые на улице чашки и тарелки. Минута, другая, третья... Кро ощутил легкий шум в голове. Не боль – слабое головокружение. Еще десяток вдохов – головокружение усилилось, начало разливаться по телу. Все мышцы медленно пробирало странной, непривычной щекоткой, и вскоре они начали подергиваться помимо его воли. Он хотел сказать об этом соседу – но лицо недоморфа странно задергалось, меняя цвет и очертания. Сохранялся только голос, поддерживающий правильное дыхание:

– Глубоко, глубоко. Вдох... Выдох... Вдох... Выдох... Не останавливайся! Дыши, дыши...

Щекотка, что наполняла тело, неожиданно оказалась и снаружи, обтекая юношу со всех сторон. Самое странное – Битали чувствовал эту самую «щекотку», хотя она гуляла, закручиваясь вихрями, на высоте в два-три человеческих роста над ним. Больше того – он ее видел! Видел, как что-то, похожее на водяной поток, рушится на грудь, пробивает ее, выхлестывает наружу, закручивается, вырывая части тела, вздыбливает его волосы, раздергивает руки и ноги и скручивает конечности по линиям вихря, зажимающего тело. Колени его уперлись в живот, локти вжало в тело, кисти безвольно повисли перед грудью. Вихрь продолжал давить сильнее и сильнее, так зло и нестерпимо, что в глазах потемнело, кости заболели все до послед-

него суставчика, дыхание исчезло совсем. Битали понял, что это – все. Что нужно выбираться, иначе, иначе...

Что будет иначе – он не знал. Понимал лишь – нужно вырваться!

Кро задвигал скрюченными руками и ногами, потянулся вверх, вперед. Туда, куда была направлена голова. Иной ориентации он сейчас не ощущал. Локтями, коленями, плечами крутился он, толкался, рвался к свободе. Еще, еще чуть-чуть, еще, еще...

– А-а-а-а!!! – Лицо залило светом, руки и ноги легко раскинулись в стороны, не стесненные больше уже ничем, легкие наполнил сладкий свежий воздух. Странное, непривычное ощущение. Свобода, свет, воздух.

– Ну, вот ты и с нами... – склонилось к нему женское лицо.

Зеленые глаза, ослепительно белая кожа, прямой острый нос, золотистые волосы. Сердце уколола радость узнавания, он прошептал:

– Мама... – и видение исчезло.

Битали, раскинувшись, лежал на траве, полный счастья и наслаждения – именно полный, а не испытывающий блаженство. Полный, как мохнатый козий бурдюк – шипящим молодым вином.

– Как же это?.. Как...

Пальцы нащупали руку недоморфа – Кро крепко сжал ее, притянул друга к себе, обнял, уткнувшись носом в плечо:

– Ты не понимаешь, Надодух...

– Это здорово, сосед, – не стал отстраняться Сенусерт. – Это отлично! Я так рад за тебя. Очень рад.

– Как же хорошо! – Кро выпрямился во весь рост, раскинул руки, глядя в сумеречное небо. У него было такое состояние, что хотелось обнять не только соседа, но и весь мир, всю вселенную. Принять в себя – и отдаться ей без остатка. Он был чист, обряд корсовинга смыл, стряхнул, содрал с него все наносное и чужое, оставив одни лишь обнаженные души. И Битали впервые понял, что истинное имя всем трем его душам – это любовь, любовь и любовь! Та самая искра, что досталась людям от их Создателя и сохранилась в каждом дожившем, сохранившем облик праотца, не превратившегося в животное.

Любовь!

Любовь к воздуху и траве, любовь к воде и небу, любовь к ветру, к людям, к тараканам и птицам, любовь к каждой мелочи, из которой состоит великая вселенная.

– Как же это хорошо!

Слов, чтобы объяснить это состояние, у Битали не было, и он смог выразить чувства лишь импульсом, выпустив его из груди:

– У-у-а-а-а-а!!! – Он уронил руки и уселся обратно на траву, снова крепко сжал руку недоморфа. – Спасибо тебе, Надодух Сенусерт. Спасибо!

– Всегда рад помочь, – буднично ответил сосед. – Ну что, уходим? Полночь скоро.

– Ему нельзя ходить. – Анита и Вантенуа наконец покинули свои живые кресла, приблизились. – Сперва организм должен восстановиться после перерождения. Четверть часа самое меньшее. Пусть отдыхает.

– Девочки, – встал навстречу Кро, взял их за руки. – Спасибо. Это... Это.

Генриетта кинула злой взгляд в сторону Горамник, не убравшей из ладони Битали свои пальцы, на щеках заиграли желваки. Анита невозмутимо ответила юноше:

– Это у каждого происходит по-своему. Но для каждого это самый счастливый день в жизни.

– Да... – Битали обнял сразу обеих девушек, прижал к себе, отпустил, повернулся к недоморфу: – Надодух, ты представляешь, я только что видел свою мать!

– Все правильно, – кивнула Горамник. – Во время обряда корсовинга души пробивают время и возвращаются обратно в миг рождения, чтобы преобразовать тело для принятия внешних сил. При этом восстанавливаются самые первые воспоминания момента рождения.

– У мамы зеленые глаза, золотые волосы, у нее совсем другое лицо.

– Мама всегда самые красивые, – улыбнулась Анита. – Правда?

– У мамы, что провожала меня в школу, глаза синие, волосы каштановые и кожа более смуглая.

– Она так изменилась?

Счастливый, сомлевший тон Битали, сообщавшего эту новость, поначалу скрыл от Сенусерта истинный смысл услышанного. Но уже через минуту он понял и схватился за голову:

– Так значит, я прав?! Я угадал!

– Что угадал? Что прав? – одинаково удивились обе девушки.

– Он не тот, за кого себя выдает! – ткнул пальцем в Битали недоморф. – Он сам не знает, кто он такой! У него поддельная мать, поддельный отец, и его прячут от убийц! Значит, я прав, прав! Темный Лорд хочет тебя убить, потому что ты его тайный враг! Возможно, будущий его победитель! И он пытается избавиться от тебя, пока ты маленький!

– Можно сказать то же самое еще раз, но медленно и поподробней? – попросила Горамник, пригладив волосы и слегка дернув себя за хвостик на затылке.

– Его постоянно хотят убить! – уже двумя пальцами ткнул в грудь Кро недоморф. – Он несколько раз горел, у него умерло три тотемника, уже в нашей школе на него нападали мертвая корова и гаруфер. Директор держит его в стороне от остальных, чтобы не пострадали, если что. Учителя ему отметки завышают. В общем, тут какая-то тайна. Я сразу понял: тут что-то не так! Раз Темный Лорд хотел его убить, значит, он не тот, кто мы думаем. Он тайный принц или что-то такое. И теперь все так и оказалось! У него другая мать! Не та, кого он за маму все время принимал! Понятно?!

– Не очень, – покачала головой Анита. – Почему его хочет убить именно Темный Лорд?

– Так это же Пророчество! Ты разве не знаешь про Пророчество, по которому Темный Лорд вернется из мира духов и уничтожит всех магов?

– То есть вы решили, что за Битали охотится Темный Лорд, только потому, что никогда не слыхали про других злодеев? – вопросительно изогнула брови Горамник. – Нужно было Гофмана на ночь читать. Тогда убийцей оказался бы крошка Цахес. Или русские сказки. Там есть такой зверь – Змей Горыныч. Он тоже в убийцы годится.

– Я серьезно! – обиделся недоморф. – Между прочим, его призраки видели. Говорили, на них напал какой-то черный колдун и послал против Битали.

– А росту он какого? Такого? – Она показала себе на уровень пояса. – Значит, точно крошка Цахес.

– Сама ты... крошка... – недовольно буркнул Надодух.

– Ребята, мальчики, – улыбнулась Анита. – Давайте, я открою вам одну страшную тайну. Невероятный секрет! Вы представляете, у нас в школе есть библиотека! А в ней – много энциклопедий и справочников. А в них – статьи про все Пророчества и про Темного Лорда. И про то, ожидается у него какой-то секретный враг или нет. Слушайте, а ведь вам мадам Деборе про библиотеку уже говорила! Вы туда ходили? – Рыжая девица чуть выждала и хихикнула: – Понятно, не ходили. Какие же вы все-таки... Плохо образованные субъекты. Таким вечно мерещатся всемирные тайны в каждой мышиной норке.

– Сама ты... – повторил недоморф. – Спать на землю положу, будешь знать.

– Нет уж, спасибо. Я лучше у себя в постели отдохну.

– Не получится. Вон, как звезды светят. Значит, полночь миновала. Возле замка метаморфы давно гуляют. Из них половина в зверином облике себя не помнит. Особенно первые курсы. Старших профессор Традиш в ум все-таки приводит, они не кинутся. Но младшие

порвут запросто, они от парной крови дуреют, и как раз ее всю ночь ищут. Так что лучше нам до рассвета остаться здесь.

– Нет! Ни в коем случае! – хором отказались девушки, и рыжая добавила: – Все девочки обязаны ночевать в своих комнатах. Это школьное правило, иначе скандал будет, родителям сообщат и все такое. Даже исключить могут.

– Бросьте вы! – отмахнулся Надодух. – Я сколько раз в лесу ночевал, никто и не заметил. Скажи, Битали!

– У мальчиков свои правила, у девочек свои, – отрезала Анита. – Школа за нас отвечает. Поэтому и требует.

– Кое-кто, помнится, в парке просыпался. И ничего, – припомнил Кро.

– Где и кто просыпается, на это плевать, – покачала головой Генриетта. – Но засыпать должны у себя в комнатах.

– Вы меня не слышите, что ли? – повысил голос недоморф. – Никто ничего не заметит – проверено. Я вам тут постели организую, сами потом проситься станете. А утром вернемся, никто...

– Сеньорита Долорес заметит, – вздохнула Вантенуа. – Анита права, нам нужно возвращаться. Лучше опоздать, чем не прийти совсем.

– От вас до школы только косточки доберутся! – пообещал Надодух. – Не дурите, потом выкрутитесь.

– Ты чего, совсем не понимаешь? – покрутила пальцем у виска Горамник. – Мальчики и девочки, вообще-то, разное строение организма имеют. И что для вас пустяк, для нас большие последствия может иметь. Школе неприятности не нужны. Не придем ночевать – такой скандал случится, что не до аттестатов будет. Так что, если трусишь, можешь остаться. А мы пошли.

– Вы просто сумасшедшие! – возмутился недоморф. – А раньше вы подумать не могли?

– Кто же знал, что Битали больше трех часов перерождаться будет? У меня все за два закончилось! – признала Горамник. – Да еще ты тут поляной полдня хвастался, вместо того, чтобы сразу обряд начинать.

– Ага, я во всем виноват! А уйти вы не могли, когда поняли, что до ночи не успеете?

– Я хотела, да Вантенуа отказалась, – кивнула на подругу Анита.

– Так и шла бы сама! – презрительно бросила та.

– Ну да. А вы бы тут наверняка чего-нибудь испортили, – многозначительно предположила Горамник.

– Ребята, что же вы делаете? – развел руками все еще не отошедший после корсовинга Кро. – Мы же все друзья, мы же все любим друг друга! Зачем же вы ссоритесь? Обнимитесь, поцелуйтесь, и все будет хорошо.

– Этот точно не дойдет, – причмокнул недоморф. – Те, что любят оборотней, долго не живут. А он любит всех. Я это состояние помню.

– Я тоже... – Рыжая подошла к Битали, провела пальцами по его щеке, почти коснулась губами губ: – Хороший мой, если меня обидят, ты меня спасешь?

– Убью любого!!! – При мысли о том, что крохотную, очаровательную, рыжую доверчивую Аниту кто-то станет мучить, по телу Кро прокатилась волна гнева, в руках сами собой оказались бемгиши.

– Вот видишь? – хмыкнула Горамник.

– Отойди от него, зараза! – чуть запоздало рявкнула Генриетта.

– Это что, твоя собственность? – вскинула брови Анита и помахала перед собой расческой.

– Но и не твоя!

– Ведьмы вы обе, – махнул на сокурсниц рукой Надодух. – Правда, к нам в школу других и не берут. Ладно. Коли уж так приспичило, давайте выбираться. Через парк идти нельзя, у

них там любимое место – на просторе побегать. Сразу сворачиваем влево, за кустами пробираемся ближе к Тихому лагерю, вдоль него за грядки, а потом по прямой к замку прорываемся. Палочку можешь спрятать, это только взрослые маги оборотней парализовать или оглушить могут, у школьников на это силы не хватит, мы так много еще не накопили. У зверей силы больше, да еще они защитными заклинаниями прикрыты. Такими же, как наши.

– Ты когда-нибудь причесывался, Сенусерт? – воткнула расческу в волосы Анита. – Не знаешь, чем палочка от гребня отличается?

– Постой! – спохватился Битали. – На нас ведь защитная магия. Ее только серебром можно пробить. Метаморфы серебряных клыков не имеют, значит, и защиты не пробьют.

– Дуэль вспомни, – кратко ответил Надодух. – Смертельной раны нанести нельзя, а вот всю кожу изрезать – запросто. Клыками по личику... Понравится? К тому же у каждого заклинания есть предел. Против пары зверей оно, наверное, спасет. Против стаи – не знаю.

– Может, останемся? – вдруг передумала Вантенуа, проведя ладонью по щеке.

– Как хочешь, – пожал плечами Анита. – А мне аттестат нужен. Я иду.

– Ложись в могилку, – предложил Генриетте недоморф, указывая на холмик, в котором проходил обряд Битали. – Тепло, мягко и спокойно. Не пожалеешь. Утром спокойно к завтраку вернешься, и все будет нормально. Скажешь: «перекинулась» и ничего не помню. Никто не придерется.

– А вы?

– Я уйду, – решительно отрезала Горамник. – Вы как хотите.

– Я тебя провожу. – Битали все еще держал наготове оружие.

– Нет, я как все! – тут же переменила мнение Генриетта. – Одна я тут не останусь.

– До бесконечности думать будете... – Анита пересекла поляну и полезла в узкий ход через кусты. – А время уходит.

– Подожди! – метнулся за ней Кро.

Следом поспешили остальные.

– Меня вперед пустите! – потребовал недоморф, когда они выбрались за акацию. – Дороги ведь все равно не знаете! Налево сразу, налево. Не то из парка заметят.

Он обогнал Аниту, пригнулся и быстрым шагом устремился через густой ивняк, вроде бы оберегающий случайных прохожих от болотных тварей, что содержались в неистребимых топях для учебных целей. Однако Надодух тут поворачивал, там подныривал, здесь отгибал ветки и двигался с легкостью, словно по улице.

– Стоп! – неожиданно вскинул он руку. – Оборотнем завоняло.

– Это как? – старательно стали принюхиваться остальные. – Где? Откуда?

– Разве не чувствуете? – понизив голос, удивился Надодух. – Шерсть, пот, зубной порошок. Половина запахов звериные, половина человеческие. Значит, метаморф...

– Я ничего не ощущаю, – мотнула головой Анита.

– У него нюх острее... – пояснил Битали и чикнул клинком о клинок.

– Тихо! – предупредил Надодух, снова двинулся вперед. – Где-то тут, таится.

– Ой, лисичка! – обрадовалась идущая последней Генриетта. – Совсем ручная, не убегает. Серая облезлая морда, едва различимая за ветвями, оскалилась.

– Это он, – облегченно перевел дух недоморф. – Ну, этому мы не по зубам. Пусть мышей ловит.

Он стремительно заскользил дальше. Мелкий облезлый оборотень, приволакивая облепленный листьями хвост, затрусил следом, то рыча, то клацая зубами, а потом, подняв голову, жалобно завыл.

– Вот, гаденыш! – оглянувшись, выругался Надодух и пошел быстрее. – Он же нас остальным выдает! На объедки надеется, поганец.

– Пошел вон! – оглянулась на лиса Вантенуа.

Тот вильнул грязным хвостом – и снова завыл.

– Сейчас вся школа сбежится! – У недоморфа в руке возник длинный вороненый учебный меч. – Не отставайте!

Еще несколько минут однокурсники, сопровождаемые подвываниями лисы, бежали молча. Потом вдруг сразу с трех сторон раздался громкий треск: спереди, справа и слева из кустарников кинулись на ребят, оскалив морды и грозно воя, волки, медведи, рыси, кабаны.

– А-а-а! – Страх моментально вышиб из Битали его безграничную, всеобъемлющую любовь. Он без колебаний рубанул по лапам и горлу прыгнувшую на Горамник рысь, развернулся, чтобы вогнать бемгиши в грудь медведя, краем глаза увидел когтистую лапу у своей ноги, крутанулся, подрубая ее, – тут сверху обрушилась неподъемная тяжесть громадного гризли и...

...И оглушительный, разрывающий барабанные перепонки, выворачивающий внутренности вой, больше похожий на скрежет гвоздями по стеклу, заставил его зажать уши, скрючиться и кататься по земле в бессмысленной надежде найти спасение от этого звука.

Тишина обрушилась неожиданно, словно удар молотка по пальцам. Все еще не веря случившемуся чуду, Кро отпустил уши, прекратил кататься. Огляделся.

Недоморф трепыхался в гуще ветвей ближнего кустарника, несколько зверей, поднимаясь на лапы, улепетывали в лес. Место битвы из непролазной чащи превратилось в довольно широкую, хорошо утопанную поляну, посреди которой хрупкая рыжеволосая Анита невозмутимо оттирала свой резной костяной гребень.

– Что это было? – простонал Битали.

– Я же ведьма, ученица пятого курса и круглая отличница, – напомнила Горамник и указала на стоящего на четвереньках Сенусерта с совершенно круглыми, очумевшими глазами. – Вот он знает. У вас, магов, свои способы драться. Мечи там, амулеты. У нас, девочек, свои. Мы поэтому и учимся гендерным искусствам отдельно. Теперь бежим, мальчики. Метаморфы скоро успокоятся и вернуться. Нам повезло, что у них слух тоньше. Поэтому и досталось им сильнее.

– У-у-у... – Надодух встал на колени, схватился руками за голову, замотал ею из стороны в сторону.

Битали поднял бемгиши, отер о ветви окровавленную кромку:

– Да, порезал я их неплохо. Только крупное зверье царапинами не остановить. Сожрут.

– Ой, вот беда! – только теперь заметила оплошность Горамник. – Надодуха тоже оглушило! Ты сможешь его донести?

– Он вроде и так в себя приходит. А где Вантенуа?

Анита оглянулась, подняла с земли спортивный костюм, скатала и сунула за пазуху:

– Похоже, перекинулась. Испугалась, наверное, когда оборотни набросились.

– Надо же! – съехидничал Битали. – Такого милого пустячка!

– Так ты сможешь его нести? – опять указала на недоморфа девушка.

– Подожди чуть-чуть...

Кро поднял с земли ивовую ветку в локоть длиной, проверил на прочность, бросил обратно, извлек палочку:

– Трунио! Трунио... Трунио! – Под действием заклинания один конец ветки увеличился в диаметре примерно до дюйма, другой – где-то до пяти, длина прута тоже выросла вдвое. – Вот так...

Кро подхватил получившуюся дубинку, в зубы взял меч, перекинул себе через плечо руку уже вставшего на ноги недоморфа и потащил его вперед. Анита, удерживая гребень у губ и постоянно оглядываясь, кралась следом.

– Не туда... – прохрипел Надодух и потянулся к мечу: – Отдай...

Кро с радостью избавился от неудобной железки и повернул, куда показывал сосед. Пару минут они продирались через ветки вместе, потом недоморф отпустил плечо и пошел уже сам, повел носом:

– Сзади догоняют. Но пока далеко.

Еще через несколько минут Сенусерт вскинул меч, демонстративно принялся:

– Близко...

Битали пропустил девушку вперед, перехватил дубинку двумя руками. Еще десяток шагов – и позади затрещали ветки, сразу несколько волков и рысь ринулись на добычу.

– А если так? – Кро широко взмахнул чуть переделанной ивовой веточкой. От удара по голове сбоку волчару не просто откинуло, но и закрутило волчком. Обратный взмах пришелся другому зверю по ребрам, опрокинув на землю. Совсем близко прорвавшегося серого Битали коротко ткнул рукоятью в нос, мысленно помянув добрым словом сэра Ричарда, отступил и из-за головы с размаху огрел по макушке. Пара отставших зверей попятнулись, дав юноше время шархнуть рвущуюся к Аните рысь по хребту.

– Кро!

Битали прыгнул вперед, через пригнувшуюся девчонку, зацепился ногами, упал – но дубинка в вытянутых руках достала-таки до загривка подмявшего недоморфа гризли. Юноша тут же опрокинулся на спину, наугад махнул оружием – волки попятнулись.

– Надеюсь, это был Уловер, – спихнул оглушенного медведя Надодух. – Я ему всю морду изрезал. Давайте за мной, тут рядом...

Он снова побежал через кустарник. Анита немного отстала, постоянно оглядываясь на Битали. Юноша как мог быстро пятился, время от времени взмахивая дубиной. Волки, числом всего в четыре морды, щелкали клыками в трех шагах. Рысь и еще один верволк остались валяться на месте последней схватки.

– Сюда!

Кустарник наконец-то закончился, и впереди показались огородные грядки, слева граничащие с Тихим лагерем, по которому ползали разноцветные огоньки, а справа – с темной махиной замка. Трое школьников побежали меж капустных кочанов, постепенно замедляя шаг.

– Смотрите, отстали! – удивилась Анита.

– Наверное, школьный огород от метаморфов заговорен, – решил Надодух. – Они же, перекинувшись, тупеют. Затоптали бы все во время прогулок.

– Не такие они и тупые, – указал на замок Битали. – Караулят.

Изрядная стая разнопородного зверья, поблескивая голодными глазами, шла вдоль края огорода, отрезая беглецов от стен родной школы.

– Ерунда, прорвемся. Там всего сотня шагов от грядок останется.

Вход в замок находился рядом с колодцем, это Битали уже знал. Заложённая кирпичом арка вела в ловушку: проникнув здесь сквозь стену, чужак неминуемо провалился бы в бездну. Настоящий же проход скрывался слева.

– Надо было тебе дубинку сделать... – с тоской признал промах Кро. – От мечей толку мало.

– Не знаю. Хочу посмотреть утром на морды дожаровских слуг. Вдруг кого узнаю?

– Не узнаешь, – не удержалась от огорчительной правды Горамник. – Метаморф при перекидывании телесно меняется полностью. Если след и останется, то только у его животного двойника.

– Надеюсь, я никого в кустах не убил? – Кро наконец вспомнил, что нападавшие на них хищники в реальности являлись такими же школьниками замка, как и он сам.

– Вряд ли, – опять блеснула знаниями девушка. – После смерти они тоже перекидываются. А человеческих тел за нами не осталось.

– Сейчас останутся... – грозно предупредил Надодух, повернув к школе и помахивая мечом. – Рубить головы стану без предупреждения!

Расстояние между людьми и оборотнями быстро сокращалось. Зверье сгрудилось стаей за побегами сельдерея – как раз перед аркой. Три медведя, полтора десятка матерых волков, шесть кабанов, три крупные кошки: пума, тигр и леопард, еще какая-то мелочь, достойная разве пинка – но все равно желающая получить свою часть добычи. Битали показалось, что среди мелюзги он заметил знакомую грациозную куницу. А еще у него возникло нехорошее ощущение, что одной дубины и одного меча против всей этой толпы будет весьма маловато.

– Ты не мог бы хорошенько стукнуть своего друга по голове? – шепотом, в самое ухо поинтересовалась Анита.

Недоморф с подозрением оглянулся. Видно, расслышал, но не все. Или ушам своим не поверил. Поинтересовался:

– Готовы?

– Угу, – взвесил в руках дубину Битали. Неуверенно повернулся к девочке.

– Да, да! – одними губами подтвердила она свою просьбу.

– Зачем? – бесшумно шевельнул губами Кро и покрутил пальцем у виска.

– Делай! – округлив глаза, резко кивнула Анита.

– Чего? – опять оглянулся Надодух.

– Ничего! Сейчас прорываться будем, – улынулись ему Битали и девушка.

– По моей команде! – предупредил недоморф.

– Не можешь – давай я! – не выдержав, вслух предложила Анита.

– Чего? – снова обернулся недоморф.

– Оглушить!

– Кого? – Он окинул взглядом нетерпеливо поскуливающую стаю.

– Ладно, – наконец согласился Кро и коротким быстрым замахом ткнул соседа по макушке.

И почти сразу нестерпимый скрежещущий вой бросил его на землю и вынудил зажать уши. Оборотни, не в силах терпеть подобное истязание – кто катался в траве, колотясь мордой о землю, кто тряс головой и уносился прочь, кто выл и бессмысленно кидался из стороны в сторону. Когда же Анита перестала дуть в гребень – врассыпную бросились все.

– Минут пять у нас есть, – воткнула свое оружие в волосы девочка. – В прошлый раз они успокаивались дольше. Помогай...

– Давай его уменьшим с помощью «трунио»! – предложил Кро.

– На нем же защита, неуч! – фыркнула рыжая. – Ученика заклинанием не изменить.

– Меня же изменили! – напомнил Битали.

– Это когда орден на тебя охотился? Так их там полтора десятка мальчишек было, вот общим усилием защиту и пробили. А вдвоем нам Надодуха не заколдовать. Да помогай же, пока оборотни не вернулись!

Она подхватила бесчувственного недоморфа с одного бока. Битали, тряхнув головой, забрал меч друга и взял его под мышку с другого. Вместе Горамник и Кро быстро дотащили Надодуха до замка, где юноша забросил соседа себе на спину и пробрался сквозь стену.

– Теперь извини, но я бегу, – сорвалась с места рыжая отличница.

Битали крикнул, опять перехватил меч в зубы и побрел к башне. Надодух сопел ему в ухо и иногда постанывал. Создавалось впечатление, что он уже давно отошел от удара и безмятежно спит – но проверить это все равно было невозможно. Если бы Битали опустил друга на пол и попытался разбудить – поднять в одиночку его обратно на спину он бы уже не смог.

– Добрый вечер, мсье Кро и... э-э-э... Поверните, пожалуйста, своего товарища. Да, так я и думал. Мсье Сенусерт.

«Ну, вот и все...» Тоскливая мысль отняла остатки сил, и Битали Кро присел, опуская товарища возле стены.

– Добрый вечер, профессор Налоби.

– Видимо, мне предрешено судьбою давать вам индивидуальные занятия, юноша, – качая головой, поцокал Филли Налоби. – Смотрите...

Он отступил на три шага, вскинул палочку, скомандовал:

– Леви!

Надодух приподнялся над полом примерно на локоть, расслабленно вытянулся во весь рост. Кончик палочки опустился, а с ним медленно спланировал на пол и мальчик.

– Заклинание «леви» произносится однотонно, с направлением внутренней силы из области живота через палочку на предмет, который требуется поднять. После того, как тот поднимается, ощущение истекаемой силы необходимо поддерживать до конца упражнения. Высота полета... – Учитель запнулся, хлопнул себя ладонью по лбу: – Ах да, мсье Сенусерт! Ведь я по просьбе директора Бронте обхожу коридоры во избежание несчастий и хулиганств! А вы тут что делаете в третьем часу ночи?

– Меня зовут Битали Кро. А мсье Сенусерт – это он, – указал на спящего соседа юноша.

– Не пытайтесь меня отвлечь, молодой человек, – покачал перед собой пальцем профессор. – Я спросил, что вы тут делаете в такое время вопреки распорядку?!

– Я проводил обряд корсовинга, профессор, и нам не хватило времени.

– Крайне, крайне рискованное решение проводить столь сложный опыт самому, – укоризненно покачал головой Филли Налоби и присел возле недоморфа. – Видите, к чему приводит подобная самонадеянность?

Он медленно провел рукой над Надодухом, стряхнул кисть в сторону, выпрямился, стащил с головы феску и утер ею лицо:

– Он просто устал. Да еще имеется ушиб головы. Видимо, упал, верно? Какой из обрядов цикла?

– Первый.

– Крайне, крайне самонадеянное решение! Намерены проводить все десять, или теперь передумаете?

– Раз уж начали, нужно доводить до конца.

– И это верно, юноша. Ну, коли так, придется вам помочь. Да? – И сам же кивнул: – Да. Корсовинг – это уважительная причина. Без него стать магом просто невозможно. Но вы должны внимательнее относиться к соблюдению распорядка дня.

– Я буду стараться, профессор Налоби! – искренне поклялся Кро, не ожидавший отделаться столь дешево.

– Леви! – взмахнул палочкой учитель и самолично доставил бедолагу недоморфа к самому сфинксу.

От порога к постели слегка отдохнувший Битали донес его уже сам.

Братство

Утро к друзьям пришло с первыми лучами солнца в сопровождении злобного, оглушающего свистка, ревающего прямо в ухо.

– К директору, – свалился с постели недоморф, влез в туфли и широко зевнул. – Все-таки мы попались. Бежим скорей, пока совсем не разозлился!

Знакомым путем юноши промчались через коридоры просыпающегося замка, остановились возле змеиной морды между двумя темно-синими коврами и коснулись ее палочками. Мгновение спустя они уже стояли перед нахохлившимся директором, щеки которого раздулись куда сильнее обычного и имели мертвенно-серый цвет.

– Опять вы... – наклонил вперед голову Артур Бронте, и взгляд его получился тяжелым и усталым. – Опять... Видно, мсье Кро и мсье Сенусерт совсем утомились жить в стенах школы маркиза де Гуяка и изо всех сил добиваются исключения.

– Это не так, профессор Бронте! – громко и уверенно заверил недоморф. – Я вовсе не понимаю, что за правила я мог нарушить в последние дни.

– Я тоже не ощущаю за собой грехов, профессор, – добавил Кро, вспомнив утверждение Аниты Горамник о том, что трупов в кустарнике у болота не осталось.

– Очень интересно... – Уголок рта у директора несколько раз нервно дернулся вверх. – И тем не менее сеньорита Долорес Ксиргу сообщила, что мадемуазель Горамник вернулась ночевать глубоко после полуночи, а мадемуазель Вантенуа не пришла вовсе. Перед ужином обе дамы покинули замок в вашем обществе. Вернулись, как я уже знаю, тоже вместе с вами. Вас, мсье, видели сразу несколько домовых и два призрака. Добавлю, что в силу ряда причин сеньорита Долорес ныне совершенно не способна лгать. Посему прошу вас быстро и кратко сообщить мне, чем вы занимались с упомянутыми дамами наедине и на протяжении столь долгого времени? Почему в нарушение правил вы все не вернулись в замок вовремя? И что?.. – Директор хлопнул ладонью по столу. – Что отвлекло вас столь сильно от обычного распорядка дня?

– Если в случившемся и есть чья-то вина, профессор Бронте, то только моя. – Не услышав в списке обвинений ничего о сломанных ребрах и разбитых черепах, Битали Кро повеселел. – Вчера в соответствии с обычаем, как маг, переступивший возраст совершеннолетия, я провел свой первый обряд корсовинга. Возможно, вы не знаете, но профессор Налоби не стал проводить этот обряд со мной во время своих уроков, поскольку тогда у меня еще не было тотемника. Помня предупреждения профессора о том, что обряд крайне опасен и его нельзя проводить самостоятельно, я обратился за помощью к своему соседу Надодуху Сенусерту как к проводнику, к мадемуазель Аните Горамник как к лучшей ученице курса и к мадемуазель Генриетте Вантенуа, дабы та составила девушке компанию, во избежание позорных намеков на поведение Аниты Горамник. Мне кажется, я все сделал верно, в полном соответствии с обычаем, правилами безопасности и высказанными профессором Филлом Налоби советами. То есть именно так, как он учил. Вот...

Битали перевел дух после долгой речи.

– Значит, ты прошел обряд корсовинга? – откинулся в кресле директор.

– Да, и он продлился дольше обычного, – спохватился Кро. – Почти четыре часа. Поэтому мы вернулись в школу уже после полуночи, а мадемуазель Вантенуа перекинулась в куницу еще по пути. Она, оказывается, скрытый метаморф. Профессор Традиш может это подтвердить, на его уроке она тоже перекидывалась. Она это каждую ночь делает, только не помнит...

– Четыре часа... – задумчиво повторил Артур Бронте. – Вы свободны, мсье. И передайте дамам, исцарапавшим внизу палочками весь змеиный нос, что ваши объяснения меня полностью удовлетворили.

Молодые люди ухнули вниз, и через миг недоморф схватил Генриетту и Аниту за руки:

– Идем отсюда скорее, что я вам скажу!

– Нас директор вызывает... – попыталась воспротивиться Горамник, но Битали отодвинул ее от входа:

– Больше не вызывает. Разрешил уходить всем...

– Что я скажу... – продолжая обещать, отвел всех за поворот недоморф, и только тут торжествующе выдохнул: – Я все понял! Темный Лорд – это директор Бронте!

Трое его сокурсников одновременно фыркнули. Надодух замахал руками:

– Вы сами подумайте! Факты, только факты! Кто поселил Кро в башне? Директор! Как раз в башне на него удобнее всего нападать. В общем корпусе, среди толпы, это уже не так просто сделать. Это раз. После того, как покушения не удались, профессор Бронте решил оставить Кро дураком. Очень просто: он приказал ставить ему только отличные отметки! Кто посмеет ослушаться директора школы? Вы понимаете, все сразу встало на свои места! Артур Бронте – это Темный Лорд, это же понятно. Сегодня, едва он услышал, что Битали прошел обряд корсовинга, как погнал нас прочь без всяких вопросов! А почему? Да потому, что Кро теперь знает о своем происхождении! А Темный Лорд этого не хотел. И наверняка запретил профессору Налоби проводить Битали через обряд. А мы сами его прошли! Точнее – Битали прошел. И у Лорда теперь паника. Он не знает, что делать. Ведь Битали про все догадался! Понятно?

– Мне понятно одно, – кивнула Анита. – Вчера я вашими стараниями осталась без ужина. А теперь рискую пропустить завтрак. Так что извините, я пошла.

– И я, – неожиданно поддержала подругу Генриетта.

– Странно, что директор не знал о корсовинге, – пожал плечами Битали. – Ведь вчера я рассказал обо всем профессору Налоби. Он даже помог донести тебя до сфинкса.

– Просто наш Филли – раззява! – махнул рукой недоморф. – Запросто мог и забыть. Или расскажет про это где-нибудь после обеда. Или завтра. Вот если бы ты на Элению Клеотоу налетел или на профессора Омара – вот тогда держись! Вылетел бы с вещами еще до рассвета. Директор бы и проснуться не успел.

– Так вы идете? – оглянулась Вантенуа.

– Идем! – поспешили за ней юноши.

После завтрака они рассыпались по комнатам, чтобы встретиться на демонологии, оттуда перешли на магическое искусство. Поговорить удалось только во время обеда, когда вслед за Генриеттой к столу, объединившему обитателей башни, подседа и Анита Горамник.

– Надеюсь, не помешаю? – поставила она на край стола три тарелки, скормила поднос столу и с помощью «трунии» прямо из пола быстро и ловко вырастила себе простенький табурет. – Приятного аппетита. Битали, Надодух, у вас нет планов на вторую половину перерыва? Я хочу открыть неведомую для вас, невероятную тайну. Давайте перекусим и пойдем.

На столь таинственное предложение откликнулись все: и Ларак, и Цивик, и Дубус, и Комби. Но все четверо скромно отстали, едва стало понятно, что рыжая девчонка привела однокурсников в скромную замковую библиотеку.

Интеллектуальная сокровищница школы маркиза де Гуяка выглядела совсем жалко: комната десять на тридцать шагов с четырьмя столами перед мраморной библиотечной стойкой, отполированной до зеркального блеска, и всего два стеллажа, тянущихся к дальней стене. На стойке спала, свернувшись калачиком, ослепительно белая мохнатая кошка с острой мордочкой.

– Добрый день, мадам Бла, – с поклоном поздоровалась Анита, едва переступив порог. – Надеюсь, я вас не разбудила?

Кошка поднялась, вздыбилась горбом, сладко зевнула и выпустила когти. После чего усеелась, обернув лапы хвостом.

– Она тут со дня основания школы спит? – Генриетта подтолкнула локтем Битали. – Это сколько нужно дрыхнуть, чтобы камень так гладко натереть!

– Мы бы хотели посмотреть общий магический словарь на букву «Т», справочник темных существ, общую энциклопедию на «Т» и справочник «Биографии Великих Чародеев».

Кошка величественно кивнула, спрыгнула со стойки и направилась вдоль стеллажей. Через несколько мгновений Кро заметил, что с каждым шагом мохнатый библиотекарь становится все меньше и меньше ростом – при этом совершенно не удаляясь.

– Мадам Бла каждую ночь перекидывается человеком, – тихо предупредила Анита. – Так что повежливее с ней. Может и пожаловаться, она обидчивая. И за стойку не суйтесь! Оттуда учеников иногда месяцами достать не могут. Магическое пространство – еще маркизово волшебство. В наше время такого никто сотворить не способен.

– И часто пропадают? – поинтересовался Кро.

– При мне двое. Профессора Бронте пришлось вызывать. Но все равно долго вытягивали.

На столе возле двери, в центре столешницы, одна за другой появились две книги. Минутой позже еще одна, потом еще. Почти сразу на стойку запрыгнула кошка и обернула лапы хвостом.

– Каждому по одной, – раздала справочники рыжая отличница. – Смотрите, что это за Темный Лорд и есть ли у него обличенные враги.

Однокурсники погрузились в чтение. Битали досталась общая энциклопедия. Он довольно быстро нашел статьи рубрики «Тем», начал листать медленнее, пока не обнаружил короткую отметку:

«Темный Лорд. – см. Маг Двух Драконов».

– «Маг Двух Драконов», – оторвалась от магического словаря Анита.

– И у меня тоже.

– Сейчас, попрошу поменять на другую букву... – Горамник положила книгу в центр стола. Битали водрузил свою сверху.

– Вот, нашла! – подняла палец Генриетта. – «Темный Лорд: черный колдун, живший на Саксонских островах и севере Европы приблизительно с седьмого по двенадцатый век. Остался в памяти благодаря своей исключительной, беспричинной жестокости. Известно, что он истребил практически всех магов и колдуний на островах, многих низших духов, а также научил смертных убивать людей. Многие тысячи смертных в свою очередь стали жертвой его кровожадности. Страх перед Темным Лордом оказался столь велик, что после его гибели возникла легенда о том, что Темный Лорд возродится через девять веков и установит на Земле свою власть». Все. Извини, Надодух, это не я.

Книги со стола исчезли. Вскоре вместо них возникли другие.

– Пока есть время, давайте проверим другие справочники и энциклопедию, – предложила Горамник и подтянула к себе верхний томик.

– У меня ничего, – захлопнул сборник биографий недоморф.

Битали старательно листал страницы, пока не нашел нужную строку:

«Маг Двух Драконов. – см. Кровавый Лорд».

– Попроси у мадам Бла букву «К», – предложила Анита, водя пальцем по строкам. – Ага, вот: маг Двух Драконов, также известный как Темный Лорд, – начала читать вслух Горамник. – Место рождения неизвестно, предположительно Саксонские острова. Прославился невероятной бессмысленной жестокостью. Свое первое имя получил после того, как, найдя двух драконов, натравил их друг на друга и заставил друг друга убить. Уже тогда проявилась такая черта характера молодого мага, как склонность к садизму и кровопролитию: найденные им драконы находились в летаргическом сне и опасности ни для кого не представляли. Желая утвердить свою власть и добиться безусловного подчинения, истребил практически всех магов и колдуний на севере Европы и островах северных морей. Известно, что он насаждал среди смерт-

ных аморальность и предательство. Так, он придавал королю бриттов облик подданных, дабы тот мог прелюбодействовать с их женами, объявлял детей знатных родов незаконнорожденными. Он призывал смертных не подчиняться законным властям и обучил их убивать магов. Насаждая страх, маг Двух Драконов неоднократно оживлял трупы животных и натравливал их на людей. Он был склонен к овладению черной магией, магией мертвых и, согласно ряду источников, ушел в мир мертвых, иначе называемый миром духов, чтобы изучить все мертвые наговоры, либо созданные мертвыми заклинания и вернуться, обладая неведомой для всех остальных, неодолимой силой. Таким образом маг Двух Драконов намеревается уничтожить всех соперников в магическом мастерстве, истребить их физически и стать единоличным правителем мира – Лордом. Отсюда идет второе имя злого колдуна. Согласно ряду предсказаний и пророчеств, подобное возвращение относилось к периоду после исполнения Четвертого Пророчества. Однако вероятность подобного воскрешения ныне оценивается как низкая.

– Ага, я говорил! – обрадовался недоморф. – Он вернулся! И это – профессор Артур Бронте!

– Что такое «черная магия»? – заинтересовалась Вантенуа.

– Не знаю, – пожалала плечами отличница. – Наверное, это что-то плохое, и ее нам не преподают.

– Сейчас, сейчас, – листал свою книгу Битали. – Ага, вот и он: – «Кровавый Лорд. См. Темный Лорд». – Юноша захлопнул энциклопедию. – Пустышка! Жулики они все...

– Спасибо, мадам Бла, – закрыла справочник Анита. – Хотелось бы поискать более подробные материалы. Но, к сожалению, сейчас нам пора на урок.

Третьим, завершающим уроком для пятого курса почти на две недели вперед значились гендерные искусства: сэр Ричард Уоллес с охапкой учебных амулетов и чаща для свободной охоты друг на друга.

В этот раз лотерея сэра Уоллеса выкинула Кро в редкие камышовые заросли совсем рядом с замком – юноша даже видел школьные башни, выглядывающие над кленовыми кронами. Правда, это открытие не сулило ему никакого преимущества. До конца урока возвращаться все равно было нельзя.

Ломая сухие стебли, Битали выбрался с влажной, чавкающей под ногами лужицы на пологий песчаный берег – и тут ему навстречу, из-под обезумевшей от безвременья и цветущей не в сезон сирени вышли юный граф Арно Дожар собственной персоной и оба его прихвостня с внушительными дубинами.

– Привет, гусар! – ухмыльнулся граф. – Какая неожиданная встреча. Обожаю уроки гендерного искусства!

Лайтен и Уловер уже заходили с двух сторон, покачивая орясинами, и Кро, выхватив оружие, попытался использовать единственный свой шанс уцелеть: перебить врагов по одному. Он метнулся на Лайтена, откачнулся от его тяжелой и медлительной дубины, выбросил вперед бемгиш, пытаясь уколоть в живот. Паренек успел отскочить, а второй выпад звякнул по железу: Дожар успел прикрыть слугу мечом. В тот же миг страшный удар меж лопаток швырнул Битали на спину: к месту схватки подоспел Карл Уловер.

– Ну, наконец-то ты усвоил правильное поведение, гусар, – рассмеялся граф, поставил ногу ему на голову и надавил всем весом. – Безродный серв обязан валяться в ногах господина.

– Ах ты... – Битали наугад попытался попасть клинком ему по ноге.

Но Дожар вовремя отскочил, а едва приподнявшегося юношу отбросил новый удар орясины. Потом еще один, после которого он оказался уже на полу зала гендерных искусств.

– Какая встреча, мсье Кро! – весело поздоровался сэр Ричард. – Однако вы успеете быстро закончить свои учебные дела.

Битали встал, потрогал шею. Похоже, последний удар палки поцарапал ему кожу. А царапина по здешним правилам – это тоже кровь.

– Какая неожиданность, мсье Кро, не правда ли? – продолжал веселиться учитель. – Оказывается, умение фехтовать лучше всех в школе не дает особого преимущества в реальном бою!

– Они нашли меня два раза подряд, сэра Ричард Уоллес, – хмуро ответил юноша. – Они каждый раз были вдвоем и знали, где я нахожусь. Похоже, кто-то подсказывал Арно Дожару, где именно нужно меня искать.

– Это делал я, мсье Кро, – ничуть не смутившись, ответил сэра Ричард. – И намерен продолжать это впредь.

– Но почему?! – задохнулся от возмущения Битали.

– Я ваш преподаватель, мсье Кро, и в своем праве поступать так, как считаю нужным. Защищайтесь!

В руках учителя оказался меч. Битали обнажил клинки и решительно ринулся в атаку, горя ненавистью и жадой мести. Выпад, перенос, выпад – он скользнул вдоль клинка, вскинул правый бемгиш, прикрывая голову, левым рубанул сэра Ричарда поперек живота... Но почему-то промахнулся и тут же поднырнул, уходя со своего места. В воздухе свистнул меч, и учитель довольно засмеялся:

– Отлично, мсье Кро! Вы потеряли меня из виду, но все равно исхитрились увернуться. Попробуем еще раз...

Длинный выпад – Битали тут же скользнул вдоль него, взмахнул клинками, намереваясь вспороть учителю живот. Но тот подозрительно безмятежно уронил острие клинка, и Кро, закрывая плечо, поспешил наклониться. Вовремя – оголовье меча разминулось с его виском всего на пару дюймов. Сэра Ричард успел уйти на два шага влево, меч прорубил воздух по широкой дуге... и вместо шеи попал по обоим вскинутым бемгишам.

– Отлично! – опять обрадовался сэра Уоллес. – Вы были в плену эмоций, но дрались все равно хладнокровно и грамотно. Теперь уберите свое оружие в амулет и возьмите со стойки первый попавшийся меч. Быстрее! Защищайтесь!

Юноша и учитель снова сошлись на дорожке. Помещение наполнилось звоном мечей. Спустя несколько минут сэра Ричард опустил клинок и зло рявкнул:

– Это безобразие, мсье Кро! Если вы надеетесь, что умение владеть египетскими ножами делает вас воином, то вы не проживете после школы и года! В любой момент, в самый неожиданной ситуации вам может понадобиться взять в руки чужое оружие. Трофейное, ворованное, оружие друга. И вы должны победить, используя его! Чего вы пока сделать не пытаетесь. Не ждите, что с вами что-то станут делать, как проститутка на постели. Атакуйте, захватывайте инициативу, заставляйте противника обороняться. Наступайте первым! К бою!

Битали скрипнул зубами и ринулся вперед, нацелившись мечом на губы учителя. Выпад, удар, удар, длинный выпад... Резанула острая боль в кисти, и его клинок, описав полудугу, воткнулся в стену над стойкой.

– Уже лучше, мсье Кро. С таким мастерством вы вполне способны порубить всех баранов на скотобойне. Но только если они будут безоружны. Впредь не забывайте: меч – это не бемгиш, здесь удерживающая оружие рука почти беззащитна. На сегодня хватит, скоро начнут возвращаться остальные. Ничего, завтра вы опять в первую же минуту получите от Арно Дожара палкой по голове, и мы продолжим.

Битали скрипнул зубами от злости и пошел к выходу. Но покинуть зал не успел: время истекло, и сразу со всех сторон, почти одновременно, возникли десятки однокурсников.

– Поздравляю вас с хорошим отдыхом, мсье! – перекрыл разноголосицу школьников мощный баритон сэра Уоллеса. – Похоже, вы совершенно не знаете, каким должно быть поведение человека в боевой обстановке. Посему мне придется отразить сие непонимание в ваших аттестатах. Ведь ваши семьи и будущие возможные союзники должны знать, чего вы стоите на самом деле. Поэтому с завтрашнего дня тот, кто поразит во время урока встреченного про-

тивника, получит по пять баллов за каждую кровь. Тот, кто окажется убит, получит в аттестат минус один балл. Тот, кто вернется без побед и поражений, получит минус пять баллов.

– Почему минус пять уцелевшему? – возмущенно загудели ученики. – Минус пять должен получать убитый!

– Неправильно мыслите, мсье! – рыкнул сэра Ричард. – От павшего в бою воина семье и друзьям будет больше пользы, нежели от спрятавшегося труса. Посему павшим присуждается минус один, а бессмысленно уцелевшим – минус пять. Обдумайте свое завтрашнее поведение на уроке, у вас на это почти сутки. До свидания, юноши!

– Давай пошли, – схватил Битали за руку недоморф. – Посмотрим, чего они теперь скажут?!

– Куда? – не понял соседя Кро, еще не отошедший от нескольких схваток подряд.

– Идем, идем...

Спустя пять минут они оказались перед портретом сеньориты Долорес, и Надодух, теперь уже сам наскоро соорудивший пилотку, вызвал на свидание Аниту Горамник.

– Ну что, теперь ты поняла?! – торжествующе заявил он, когда рыжая отличница вышла из портрета. – Темный Лорд действительно существует! Он должен возродиться в наше время! И это наверняка директор Бронте!

– Ах, вот оно что, – наконец сообразил Битали. – Ты про статью в энциклопедии.

Прочитать ее однокурсники успели, а вот обсудить – нет.

– Чего? – Горамник, похоже, тоже не сразу поняла, о чем идет речь.

– Статья! Ты помнишь, что было написано в статье? Темный Лорд любил травить смертных мертвыми животными! А моего соседа неизвестный колдун первый раз хотел убить освеженной коровой! Значит, я прав? Скажи, я прав?!

– Ты так любишь загибать пальцы, Надодух Сенусерт, – вздохнула рыжая. – Поэтому давай, подними лапки и загибай. Первое: чтобы возродиться, Темный Лорд должен иметь плоть. Где она хранится столько веков, как уцелела? Мы не знаем. Нужно искать в справочниках. Второе: для оживления плоти магу нужен тотемник. Которому тоже, получается, не меньше девяти веков. Нужно узнать, как такое возможно. Третье: чтобы охотиться за Битали, ему нужен повод, цель, смысл. Про такое мы тоже пока ничего не знаем. Четвертое: если Темный Лорд – это и вправду наш директор, ты должен знать, как при этом поступить. Или ты собираешься просто носиться вокруг замка и орать: «Профессор Бронте – Темный Лорд»? Как думаешь, чем это для тебя окончится в самом лучшем случае? То есть, чтобы узнать лишь самое необходимое, сидеть нам в библиотеке придется еще не день и не два. Долго. Пятый палец загни: нужно найти способ с Темным Лордом справиться. Теперь опусти эту руку и подними вторую. Сжимай сразу весь кулак. Потому как Битали Кро вчера начал проводить обряды корсовинга. И если мы хотим довести это дело до конца, то целый месяц у нас будет занят каждый второй вечер. И все домашние задания нужно успеть выполнить в оставшееся время. Вы не передумали проводить весь курс корсовинга?

– Нет! – мотнул головой недоморф.

– Тогда топайте к себе и садитесь за уроки. А то ничего не успеете. И другим не дадите.

– А я знаю, как можно узнать, правда ли профессор Бронте Темный Лорд! – поднял руку Битали.

– Как? – повернулись к нему спорщики.

– Помнишь, что нам цепной Гроссер говорил? – кивнул недоморфу Кро. – Бронте нашел его убежище, еще когда был школьником. Кто, как не Гроссер, сможет ответить, изменился с тех пор Артур Бронте или нет? Ведь Темный Лорд – это злой колдун, садист и убийца. Неужели Гроссер не заметил бы таких изменений, если бы директора подменили?

– А если он... – открыл было рот недоморф.

– Никаких «если», – оборвал его Кро. – Темный Лорд должен возродиться в наше время. Значит, родиться таким профессор Бронте не мог. Слишком рано. Либо он принял облик директора недавно, либо это не он. Других вариантов просто нет.

– Идем к Гроссеру? – нтерпеливо переступил с ноги на ногу Надодух.

– История завтра вторым уроком, – парировала Анита. – Завтра и спросим. Ничего за один день не изменится. Теперь, мальчики, идите, пожалуйста к себе и садитесь за конспекты. А то и сами ничего не успеете, и другим не дадите.

Рыжая отличница пропала в портрете Долорес, проводившей ее суровым взглядом, после чего сеньорита махнула на мальчиков веером:

– Идите отсюда. Аудиенция окончена.

– Ябеда, – буркнул недоморф, и юноши отправились к себе.

Битали, переодевшись, честно разложил справочники по прорицанию и начал заполнять дневник, мучительно вспоминая свои видения последних дней и скрупулезно трактуя их по ассоциативному ряду, эмоциональному состоянию и толковым сонникам Гарация и Ясноведницы. Почему-то все, что Гораций толковал как богатство и карьеру, у Ясноведницы считалось предвидением любви и замужества, по ассоциациям выпадала дальняя дорога, а эмоционально он, как сам понимал, банально переживал во сне свои последние поединки. Закончив с заданиями мадам Деборе, Кро перешел к конспектам лекций профессора Пепелета. За последние уроки тот успел надиктовать почти полтора десятка заклинаний: по линейной материализации, вещественной ротации, аэропериализации и кучу других – а Битали, занятый своими проблемами, не опробовал в реальности ни одного. Вооружившись тетрадью, палочкой и воспоминанием о проведенных на уроках опытах, Кро стал создавать простейшие предметы: палки, камни, цветы, шляпы. С камнем получилось с первой попытки, на остальных предметах магия застопорилась. То ли не хватало внутренней силы, то ли он недостаточно точно сконцентрировался на предмете, и тот не соответствовал реальности. Зато вещественная ротация прошла без сучка и задоринки: камень моментально превращался то в стекло, то в дерево, то в лед, то в картон, то в мороженое. Правда, есть его юноша все-таки не рискнул. Чтобы успокаивать бурю или хотя бы остановить ветер, нужно было идти на улицу. Пока Кро размышлял: одеваться или оставить тренировку на другое время, – подоконник вдруг скрипнул, и в комнате появилась Генриетта Вантенуа: на этот раз в бело-черном свитере и длинной клетчатой юбке.

– Привет, – кивнула она и на всякий случай сдвинулась от подоконника в сторону. – Вы уже ужинали?

– Нет, только еще собирались, – признался Битали.

– А я и не хотел! – тут же сообщил недоморф. – Вы идите, идите. А то от уроков отвлекаете.

– Пойдем? – предложила девушка.

– Пошли, – согласился Кро. – Сейчас, учебники уберу...

В коридоре, как только они вышли из-под сфинкса, Генриетта вдруг остановилась и взяла Битали за руку:

– Скажи, ты меня больше не любишь?

– Что?! – слегка опешил юноша и попытался вспомнить, когда это он успел признаться однокурснице в любви.

– Тогда почему ты все время ходишь к этой рыжей? Вызываешь ее, навещаешь, вы о чем-то разговариваете вдвоем...

– Это ты про Аниту? – Кро пожал плечами. – Так получается. Она ведь отличница, кого еще я могу просить проверить работу? Ты-то немногим лучше меня занимаешься. Да и Надодух совсем не гений. Вот ее и зову. Да и в остальном она неплохо соображает.

– Значит, это не потому, что она тебе нравится? Честно? – Вантенуа медленно пошла вперед. – Должна предупредить тебя, Битали, тебе лучше держаться от нее подальше. Будь с

рыжей настороже. Вспомни, как она совсем недавно с Дожаром дружила. А теперь все, и не вспоминает. Стоило тебе победить на дуэли, как она уже к тебе в компанию затесалась, ты и не заметил.

– Слабым – смирение, – усмехнулся Битали и нырнул на лестницу, затачивая девушку за собой.

– Как ты это сделал?! – очутившись на ступеньках, воскликнула она.

– Что?

– Ну, это... «Онберик»! Я ничего не почувствовала!

– А что ты должна была...

– Я, когда прохожу, – перебила девушка, – такое чувство, будто через шипы продираюсь. Сначала все боялась, одежду стеной сорвет. А с тобой тут... Как через дверь! Я всегда думала, что так и надо, так быть и должно. Ты меня еще раз провести можешь?

– Давай, проведу... – Они спустились по лестнице, и, выходя во двор, Битали опять протянул Генриетту за руку.

– Я ничего не чувствую! Ничего! – От полноты чувств девушка кинулась к нему на шею и крепко поцеловала.

По сторонам послышались одобрительные выкрики. Скорее всего, они относились к ходу игры, но Вантенуа опять схватила его за руку, потянула за собой и провалилась в столовую. Кро охнул – ощущения были и вправду не самые приятные. Хотя и не такие уж болезненные.

– Мальчики, стол нам покараульте, пожалуйста, – предупредила девушка компанию второкурсников. Те узнали Битали Кро и заторопились. Когда парочка съела по яблоку и выбрала себе нормальную еду – последний из мальчишек как раз освобождал место.

– Я знаешь, что подумала, – перемешивая салат, сказала Генриетта. – Если мы завтра опять будем проводить корсовинг, нужно еду запасти. На ужин ведь снова не успеем. Ты же не собираешься отказываться от продолжения обряда?

– Нет, – покачал головой Кро.

– Я вот еще о чем подумала, – мечтательно облизала ложку Вантенуа. – Раз я умею перекидываться, я могу попытаться уйти к себе в спальню, превратиться в куницу, вылезти наружу, снова стать собой и находиться с вами до самого утра! И никто не узнает. Скандала не случится, как... Вот она, явилась на помине. Смотри, как оделась. Раньше скромницей наряжалась. Уверена, она теперь ради тебя старается. Приворожить хочет.

Анита Горамник, провалившаяся в столовую вместе со стайкой подружек, была в полупрозрачной цветастой блузке с тонким пояском и в облегающих штанишках до колен.

Разумеется, слова о том, что рыжая однокурсница хочет ему понравиться, заставили юношу проводить девушку долгим и внимательным взглядом. Горамник это почувствовала, повернула голову, приветливо улыбнулась, махнула рукой и – все. Вернулась к подругам, начисто забыв про «великого воина, победителя всех и вся в школе маркиза Клода де Гуяка».

– Ладно, нужно идти заниматься, – заключил Кро. – А то завтра опять весь вечер в кустах пройдет. Будет не до уроков.

* * *

– Вы просто голубки, Кро, смотреть приятно, – тихо хмыкнула Анита, усаживаясь в аудитории мсье Гроссера на свободную парту перед Надодоухом и Битали. – На математику рука за руку, с математики рука за руку, на лестницу рука за руку, на историю рука за руку. Прямо завидно.

– У Генриетты «онберик» плохо получается. – Кро сразу понял, на что намекает отличница. – Болезненно. Вот я ее через стены и провожу, чтобы не мучилась.

– А разве у нее хоть что-то получается хорошо? – пожала плечами девушка. – Хотя не знаю. Я имела в виду только учебу.

Битали промолчал. У него вдруг сладко заныло в груди от воспоминания о первом поцелуе... Том самом, неповторимом. И он подумал: а вдруг первый поцелуй рыжей девчонки окажется столь же сладким, как тот? Подумал и тряхнул головой, отгоняя дурные идеи. Изменить Генриетте с Анитой... Это было бы слишком жестоко.

– Вы решили сегодня вместе сидеть? – Вантенуа тоже изменила привычной компании ведьм и пересела на парту рядом с отличницей. Других свободных мест возле Битали и недоморфа, увы, не было.

– У нас возникло несколько вопросов к учителю, – ответила Горамник. – Хотим задержаться после урока и задать. Они по истории, так что можешь не заморачиваться.

– Не ты одна про Темного Лорда знаешь! – гордо вскинула подбородок Генриетта. – И без тебя разберемся.

– Особенно ты.

– Это вы мне, юные леди? – громко осведомился Гроссер, поворачивая кольцо на шее цепью назад.

– Нет, простите, мсье! – испугалась отличница.

– Тогда давайте вспомним о временах становления родов, когда наши предки, расселившиеся из священной земли второй родины, обосновались на новых местах...

– Нафиг нам всю эту чушь зубрить? – поморщился Надодух. – Можно подумать, мне это поможет, когда меня соседи резать придут.

– Эта, с позволения вашего, «чушь», мсье Сенусерт, – продемонстрировал неплохой слух цепной учитель, – позволит вам сохранить правила приличия в столкновениях вашей будущей жизни. Например, когда некие дикие люди приходят в чужой дом и говорят: отдавайте ваше добро, целуйте нам ноги и служите нам до гроба, – это называется вульгарный бандитизм. А вот если вы приходите в чужой дом и говорите, что восемь веков назад ваши прапрадеды по линии жены племянника сестры вашей тетушки пришли на эти земли, а потому у вас есть исконное право владения, и все должны отдать вам свое добро, целовать ноги и служить вам до гроба, – то это уже благородная борьба за справедливость и дело чести родовитого дворянина. К тому же, если добрым жителям дома не удастся вас зарезать и придется выполнить ваши требования, им будет легче сдаться на вашу милость. Ибо, получится, они сдадутся не бандиту, а признают ваше исконное право владения. Крайне полезный нюанс для поддержания здорового психологического климата в завоеванных поселениях. На какие земли вы можете претендовать исходя из древности вашего рода, мсье Сенусерт?

– На любые. У нас в каждом роду хоть какие-то родичи, но есть. Четыре тысячи лет между семьями браки заключались! Уже никто в стороне не остался.

– Меч короткий, – негромко, но внятно высказался Арно Дожар.

– Это тема уже другого предмета, мсье Дожар. А вы, мсье Сенусерт, надеюсь, все поняли? Или есть вопросы?

– Нет, мсье Гроссер, спасибо за подсказку на будущее.

– Всегда рад помочь. Теперь вернемся к векам становления...

Битали Кро не мог похвалиться такой же долгой родословной, как у соседа, а потому преподавателя слушал в половину уха. Короткая фраза юного графа напомнила ему о совсем близком уроке гендерных искусств. Там опять начнется – трое на одного. И что тут делать – он не мог придумать, несмотря на все свое старание.

Наконец перечисление родов, семей и континентов закончилось. Еще с полчаса учитель посвятил рассказу о достоверно известных родах, деградировавших в смертных и обезьян. В школе маркиза де Гуяка, как успел заметить Битали, это стало традицией: приводить примеры

того, как излишне безмятежная и сытная жизнь расслабляет людей, делает их слабыми и беззащитными, отучает от самодисциплины и знаний, превращает в животных.

– Недаром их называют «братьями нашими меньшими», – в тон его мыслей закончил мсье Гроссер. – Очень многие мохнатые, тупые, четырехрукие и четвероногие являются нашими родичами всего лишь в сотом-двухсотом поколениях... На сегодня все. Рад был всех вас видеть, юноши и девушки, до свидания.

Ученики стали собирать учебники, торопливо потянулись к выходу: выбираться из каземата историка было долго, а время пошло уже их личное, обеденное. Задержалась только четверка заговорщиков, переглядывавшихся между собой.

– И чего спросить? – шепотом поинтересовалась Анита. – Мсье, вы не считаете, что наш директор Темный Лорд?

– Нет, лучше сразу: вы не заметили, в последнее время у профессора Бронте не появилось склонности к садизму? – предложил недоморф. – Или, как вы считаете: Артур Бронте не стал служителем темных сил? Поклоняется ли он злу?

– Надо узнать только, – поправил Битали, – не изменился ли директор со своих детских лет в худшую сторону?

– Сильно в худшую сторону, – уточнила Горамник.

– О чем шепчетесь, молодые люди? – первым не выдержал посаженный на цепь преподаватель. – Вы хотели о чем-то спросить?

– Да, мсье! – решился Кро. – Скажите, вы слышали что-нибудь о маге Двух Драконов?

Историк захохотал. Громко и жизнерадостно, позвякивая железными звеньями.

– Ой, молодцы! – утер он глаза. – Ой, посмешили! Вы ни разу не спрашивали мадам Кроус, знакома ли она со сложением? Или мадам Деборе – слышала ли она о кофейной гуще? Ой, давно я так не смеялся! Ну, конечно же, детки, я слышал про этого славного парня и даже имел честь быть с ним знакомым. Надо сказать, это самый благородный из известных мне магов и самый сильный из существовавших в нашем прошлом чародеев. Человек-эпоха, трудами которого существующий мир принял привычные вам всем черты.

– Как это «благородный»?! – отчаянно возмутилась отличница. – А как же его жестокость, убийства, пытки и издевательства?! Разве не он истребил всех колдунов на Саксонских островах? Разве не он оживлял и натравливал на смертных мертвых животных? Разве не он убил двух спящих драконов, науськав их друг на друга? Про это написано во всех справочниках и энциклопедиях! Если вы не знаете, я могу их вам принести!

– Дорогая моя фея! – упав на кресло и отвернув цепь набок, учитель снова утер слезы смеха. – Милая моя девочка... Неужели ты и вправду веришь всему тому бреду, что написан в пыльных толстых книгах?

– Как же иначе? Это ведь мудрость, накопленная человечеством! Только благодаря...

– Юная леди, – наконец начал успокаиваться Гроссер. – Неопытная моя и доверчивая девочка. Должен вас огорчить, но в большинстве всех этих знаменитых опусов, – указал он на собранные возле стола книжные шкафы, – в лучшем случае нет и половины правды. Увы и ах, но книги пишут победители, а потому мы никогда не узнаем о благородных целях несчастных, что поднимали неудачные бунты и начинали безнадежные войны. Книжки пишут выжившие, а потому мы никогда не узнаем о подвигах отважных воинов, но постоянно зубрим побасенки про мудрость трусов. Историю пишут подонки, объединившиеся против героев, дураки, крикливой толпой затравившие мудрецов, и негодяи, прятавшиеся в норах в те часы, когда благородные и честные мужи погибали в битвах.

– Значит, история про двух драконов – это ложь? – решила уточнить Горамник.

– Правда, моя девочка. Истинная правда от первого до последнего слова, – кивнул учитель. – В те годы мой друг был еще очень юн, ему не стукнуло и полусотни. Но он уже успел обрести немалую известность благодаря активному проповедничеству самых высоких духов-

ных идеалов. И очень часто подкреплял свои слова грубой силой, ибо так устроен мир, что само по себе слово приносит мало пользы. Тогда, больше десяти веков назад, маги не скрывались от смертных, а повелевали ими. Ставили над обычной толпой своих правителей, что вынуждали всех прочих вести нужный образ жизни, накапливая для чародеев силу, строить для нас дома и святилища, добывать для нас пищу и изготавливать предметы обихода. И этот юный чародей не стал исключением, выбрав для своих целей какого-то саксонского королька и собрав для него королевство. Как обычно, опорой любой страны становятся укрепленные убежища для людей и смертных. Замки, города. Для столицы, что должна была стать сердцем нового королевства, мы выбрали обширную скалу, неприступную со всех сторон, удачно расположенную, достаточную, чтобы вместить большое поселение. Начали строительство: проложили дорогу, перекинули на скалу мост, возвели первую башню, первые дома, – как вдруг скала содрогнулась, и все наши постройки рухнули. Разумеется, мы сочли это проявлением вражеской магии, воздействием заклинаний кого-то из врагов. Хотя, конечно, количество силы, необходимой для встряхивания целой скалы, было безмерным, и колдунов, способных на подобное воздействие, мы вспомнить не могли. Что же? Пришлось на этот раз смириться, провести защитные обряды, ограждающие город от чародейства, приготовить и расставить вокруг амулеты и начать строительство сьзнова. И опять, когда часть строительства была уже завершена, скала содрогнулась и город разрушился.

– Так вы были там, мсье? – изумилась Генриетта.

Но Анита ткнула ее локтем в бок и прошипела:

– Дай послушать!

– В тот раз нам очень захотелось найти неведомого врага и уничтожить его. Хотелось начать ради мести войну, заставить врагов умыться кровью в плату за доставленные нам мучения. Смертные обратились к королевскому магу, но тот уверил, что никто из соседей не попытается затеять с нами вражды. Мы начали строительство в третий раз, и нам удалось построить немало, как вдруг...

– Скала дрогнула снова! – не выдержал недоморф.

– Да, все строения превратились в руины, – признал Гроссер. – И опять мы схватились за мечи и амулеты, оглядываясь в поисках врага. И опять королевский маг успокоил нас, уверив, что способных на столь могучее воздействие колдунов нет далеко окрест. Он стал искать секрет в самой скале, прошел сквозь нее под землю и вскоре вернулся, весь в крови, со следами тяжелых ран. Он сказал, что принес радостную весть: под скалой есть обширное озеро, которое способно напоить город во время любой, самой долгой осады и может использоваться даже в обычные, мирные дни. За скалу же можно больше не бояться. Ее сотрясали два обитавших в подземелье дракона, но теперь они мертвы.

– Так маг убил их или нет?

– Этот вопрос мы задали ему спустя два месяца, пробив к озеру подземный ход. Вода, знаете ли, всегда была огромной ценностью для любого поселения. Мы увидели туши двух смертоносных ледяных драконов, столь огромных, что размеры их превышали любые мыслимые пределы, и походивших на составленные рядом надвратные башни. Похоже, они спрятались в гроте над озером в незапамятные времена и жили там, питаясь случайно забредавшими в пещеры в поисках укрытия путниками и зверьми. Сперва они скрывались там от летнего зноя, а долгими зимами наводили ужас на окрестности, а потом, когда зимы стали короче, а лето – длиннее, в какой-то год стали слишком велики, чтобы вылезти через старый лаз наружу. Мы спросили нашего друга, как он смог в одиночку справиться с этими тварями? Маг засмеялся и сказал, что это пустячное дело. Он всего лишь поспорил драконов, натравил друг на друга и подождал, чем закончится поединок. Никто так и не понял, говорил ли он правду или проявил скромность. Ведь все помнили полученные им и долго заживавшие раны. Но в любом случае, подвиг этот оказался столь несомненным, тяжелым и полезным для людей, смертных

и обитаемой земли вообще, что наш друг Эриджун получил прозвище-звание мага Двух Драконов, а настоящее его имя использовалось все реже и реже.

– Его звали Эриджун? – ощутил в душе слабое покалывание давнишнего воспоминания Битали. – Странно, ни в одном справочнике это имя не указано.

– Разумеется, – кивнул учитель. – Ведь, зная имя, можно вызвать дух усопшего. А этого его враги боятся больше всего. У Эриджуна слишком много наследников, готовых продолжить его дело. Давать советы и продолжать учение можно и в мире духов.

– Но ведь он натравливал на смертных трупы животных? Это правда или ложь? – подняв руку, как на уроке, спросила Горамник.

– На этот вопрос нельзя ответить прямо, – пригладил волосы историк. – Для начала нужно вспомнить, какие истины проповедовал маг Двух Драконов, что привлекало к нему союзников и отчего его так ненавидели враги. Начну с того, что был он талантливым ученым, и именно он неопровержимо доказал, что смертные, человекообразные обезьяны и еще несколько животных видов – это продукт нашей с вами, людской деградации. Человек слаб. Сытая, спокойная жизнь не побуждает его использовать все свои силы и способности. А способности, долго не используемые, имеют неприятную привычку отмирать. Кто мало думает – становится дураком, кто мало колдует – становится смертным, кто мало ходит – превращается в безногого уродца. Понимая общность нашего происхождения, кровное, хоть и дальнее, родство, маг Двух Драконов стал требовать уважительного отношения сперва к людям и животным, а потом и вовсе ко всем представителям подлунного мира. Он не требовал ничего невозможного. Не призывал нас стать вегетарианцами или самим таскать на горбу плуг, впрягаться в телеги и поднимать на стены строительный раствор. Он говорил: будьте добрее. Не причиняйте другим боли и душевных страданий, не отнимайте жизнь без крайней нужды, не мучайте никого из пустых прихотей, не превращайте ужас в веселье. Вы, конечно, не знаете, что в давние времена пленных часто заставляли убивать друг друга на потеху публике, что животных тоже часто закалывали публично, под общее веселье и глумление; что на пирах метаморфы не просто пожирали смертных, но и устраивали долгое шумное представление, часами гоня их по замку, то даруя надежду, то отнимая ее и доводя несчастных до непереносимого ужаса; что многих зверей не просто убивали для еды, а забивали насмерть палками, считая, что так их мясо становится вкуснее. Против всего этого и поднял свой голос наш друг. Он говорил: если голоден – убей. Но быстро и безболезненно, не дав жертве испугаться и не издеваясь над ней. Он говорил: тебе нужна сила смертных – забирай ее. Но взамен дай им хорошую погоду и урожай, спаси от болезней и нищеты, а не бросай в грязи и нищете, на грани смерти. Он учил не превращать низших духов в рабов, используя обман и глумясь над их природным чувством справедливости, – он предлагал делать их своими друзьями. Он учил, а нередко и заставлял магов нести в мир добро и счастье. Править слабыми и смертными, даруя им радость, а не терроризируя, вызывать в слугах любовь к себе, а не ужас и покорность.

– И при чем тут ожившие трупы? – не позволила уйти от вопроса рыжая отличница.

– А при том, милая леди, – наклонился вперед Гроссер, – что немалое число охотников, убив зверя, снимают с него только шкуру, выбрасывая все остальное, то бишь тело животного, как ненужный мусор. А маг Двух Драконов требовал от всех не убивать без крайней на то нужды. Какая же это «нужда», если вся туша выбрасывается как мусор на гниение? Мой друг стал перемещаться в разные края, оживлять таких вот брошенных зверей и посылать их к охотникам. Славная была забава! Ведь животных не оживлял никто и никогда. Маги часто восставали из могил сами, они нередко оживляли смертных. Но оживлять животных? Такого никто не видел! Ведь все считали их просто мясом, едой. Разве можно оживлять еду? Да, смертные пришли в ужас, ужас неопишутый. Целые деревни снимались с мест и удирали от идущих из леса освежеванных рысей и бобров, нутрий и енотов... Ведьмы сходили с ума, маги запирались в пещерах и замках, короли начинали против дохлятины правильную войну. Но своего мы

добились быстро и бесповоротно. Ни один охотник больше не оставлял в лесу после себя ни куска мяса. Приносил домой, раздавал бедным, кормил сытным варевом домашнюю скотину – тела животных еще очень и очень долго не выбрасывались в мусор. И если смертный не мог использовать свою добычу целиком, до последней косточки – он предпочитал зверя не убивать.

– Отлично! – захлопал в ладони недоморф. – Здорово было придумано! Правда, Битали?

– Вы считаете, это правильно? – не поддержала восторга мальчишек Анита. – Маг Двух Драконов проповедовал любовь, а потом стал отучать охотников от их ремесла с помощью ужаса?

– Никто не совершенен, девочка, – пожал плечами учитель. – Доброе слово плохо доходит до слушателя, если за ним не покачиваются пики, и самым великим праведникам трудно найти последователей, если они не становятся реальной силой. Наш друг хотел оградить зверей от напрасной смерти, и он добился этого, пусть и напугав убийц. Он хотел, чтобы маги без жестокости относились к смертным – и добился этого, научив смертных убивать колдунов. Когда стало смертельно опасно устраивать охоту на жителей деревень, пожирать детей на глазах у родителей, забирать скот и насыпать мор за малейшую провинность, заставлять смертных работать от света до света, забирая себе все ими нажитое, и содержать их впроголодь, когда тут и там запыхали костры с жестокими хозяевами, доброте и милосердию научились даже самые злобные из колдунов и самые голодные из метаморфов. С того времени, если зло и сохранилось в отношениях людей и смертных, оно перестало быть публичным. Злодействовать открыто не смел больше никто. Благодаря нам, друзьям мага Двух Драконов, и ему самому мир стал хотя бы выглядеть более добрым и счастливым, чем раньше. Лыщу себя надеждой, что не только выглядеть.

– А как же насчет насаждения предательства и падения морали у смертных? – не унималась Анита. – В энциклопедии было написано про его аморальность.

– Мораль, не мораль... Была жизнь, обычная, человеческая, – судя по тону учителя, воспоминания будили в нем самые приятные эмоции. – Жизнь с любовью, изменами, приключениями и забавными парадоксами. Помню, как-то сам король, как там его имя... Нет, давно было. Так вот, король пришел к магу с жалобой на неодолимую, иссушающую любовь к одной замужней даме, страдающей излишней порядочностью и не желающей изменять мужу даже с венценосной особой. Мой друг с легкостью наделил короля внешностью ее мужа, и тот провел в обществе возлюбленной немало приятнейших дней. Однако потом досталось и королю. Маг Двух Драконов представил ему благородного рыцаря, который, согласно его предсказанию, должен был соблазнить королеву... – Историк рассмеялся. – Это было весьма забавное зрелище. Все смертные твердили друг другу о благородстве, клялись в чести, упражнялись в клятвах верности и не верили, что измена случится. Дошло до того, что уверенный в чести соратника король сам назначил его в телохранители своей жены... Но маг Двух Драконов никогда не ошибался с предсказаниями... В итоге неизбежное случилось, королеву чуть не сожгли, благородные рыцари устроили поистине собачью грызню...

– Я вижу, вы готовы оправдать любую его мерзость, мсье Гроссер! – вспыхнула Горамник. – Издевательства над смертными, истребление магов и ведьм, кровавые оргии.

– Он убивал лишь тех, кто не хотел признавать его власти, юная мадемуазель! – повысил голос учитель. – Мы стремились к общему благу, к миру на планете и были вынуждены сметать противников всеобщего счастья со своего пути!

– Ради общего счастья он научил смертных истреблять людей?

– У нас не хватало сил. И мы научили смертных помогать нам в борьбе, убивать злобных, жадных и упрямых чародеев.

– Ради общего счастья он призывал смертных нарушать закон?

– Закон был несправедлив!

– Ради общего счастья он помогал мужчинам пробираться в постели ничего не подозревающих женщин? – Анита Горамник раскраснелась, ее палец обличающе указывал Гроссеру в лицо.

На этот раз учитель ответил не сразу. Он взялся за цепь, подергал, словно надеясь, что уж теперь-то она обязательно оборвется, повел плечами:

– Наверное, если покопаться в прошлом, у каждого из нас найдутся дела, про которые он хотел бы забыть. Каждый иногда ошибается, иногда идет на поводу у гнева или жертвует великими деяниями ради мимолетного бессмысленного поцелуя.

– Разве поцелуи бывают бессмысленными? – подала голос Вантенуа.

– Трудный вопрос, милая, – опять звякнул цепью историк. – Проще понять устройство мироздания, чем найти ответ на эту малость. После этой бессмысленности мы разошлись в разные края, чтобы нести учение мага Двух Драконов во все концы света, а самый сильный и великий из нас остался на Саксонских островах, попавшись в капкан такой вот шальной глупости. Вы представляете, он влюбился! Величайший маг истории, потрясатель основ, автор трех Пророчеств из пяти, случившихся за нашу историю и повернувших ее в новое русло, – влюбился, подобно простому школяру!

– Темный Лорд дал три великих Пророчества? – не поверил своим ушам недоморф. – Не может быть! Какие?

– Все три последних, ставших поворотными точками в истории человечества. Пророчество о Большой Войне, сбывшееся, то самое, что мы не смогли предотвратить. Потом, когда стала литься кровь, многие говорили, что предугадать войну было нетрудно, что росли противоречия, на Земле стало тесно, что нравы разных родов стали нетерпимы друг для друга. Что это не Пророчество, а так, просто понимание ситуации. И тем не менее, никто, кроме Эриджуна, Большой Войны не предсказал. Затем было услышанное Пророчество Единения. Потеряв миллионы жизней, маги поняли, что таких трагедий допускать больше нельзя, и заключили Хартию. Пятое Пророчество предупреждало о том, что в наше время смертные накопят слишком много своих, упрощенных знаний и смогут истреблять магов так же легко, как самих себя. В это отказывались верить почти все... Пока последняя сварга смертных не превратила мимоходом в пепел несколько десятков магов и сразу три семьи. Теперь, как уверил меня наш уважаемый директор, в деле успокоения смертных ведется очень активная работа сразу многими орденами. Кровавый Лорд – а отнюдь не Темный, юноша, – Кровавый Лорд никогда не ошибался в предсказаниях. Если бы маги приняли Пятое Пророчество и вовремя воспрепятствовали смертным, трагедии бы не случилось.

– А как же пророчество о возвращении Темного Лорда?

– Кровавого. Или просто Лорда, юноша, – опять поправил учитель. – Так вот, это совсем не пророчество. Это всего лишь предупреждение. Он вернется. И он будет мстить. Про это знают виновные, этого они и боятся. Уходя в мир духов, мой друг всего лишь предупредил врагов, что не умирает. Он не собирался умирать, и он не умер. Маг Двух Драконов вернется. И избавит меня наконец от этой проклятой цепи!

– Значит, он все-таки ушел в мир мертвых за неведомыми заклинаниями! – торжествующе воскликнула Горамник.

– За заклинаниями? – удивился историк. – Нет, зачем они ему? Он и так остается сильнейшим из магов записанной истории. К тому же он овладел тайной призывания первородных духов, которых так любят называть демонами. Причем он вызывал кого-то из самых могучих, самых древних, из тех, что жили еще до создания мира. С их помощью он пару раз стер в порошок собранные ненавистниками армии, и те больше не решались на открытую борьбу.

– И поэтому его называли Кровавым? – сделала быстрый вывод рыжая отличница.

– Вот на таких постулатах и основаны идиотские статьи ваших справочников, – ткнул в нее пальцем мсье Гроссер. – На самом деле прозвище Кровавый было самым что ни на есть уважительным.

– Как это может быть? – хором удивились Генриетта и Битали.

– Помните, с чего я начал рассказывать об Эриджуне! – недовольно повысил голос учитель. – Он стал известен как ученый, исследователь родства разных животных видов и просто людей, непревзойденный мастер по определению чистоты крови. Это свое знание он сделал частью своего оружия. До сего дня никто, кроме Кровавого Лорда, не был способен создать заклинаний, амулетов, предметов – да чего угодно, способного определить чистоту крови своего владельца и в зависимости от этого служить хозяину или убить его. Вы даже не представляете, как много замков или домов стоят заброшенные потому, что заговоренные моим другом двери и ворота отказались открываться перед новыми владельцами, как много друзей или просто слишком дальних родственников умерло, попав в предназначенные чужакам ловушки. Сколько позора обрушилось на те семьи, где законный наследник не мог извлечь из ножен отцовского меча, не признавшего чистоты крови принца, а потом с легкостью ложившегося в руку какого-нибудь пастушка или бродяжки! Но преимущества заговоренных или сделанных Лордом вещей давали семьям так много преимуществ, что они все равно постоянно обращались к нам за этими сокровищами. Уверен, до сего дня в мире еще существуют сотни таких смертоносных амулетов. Обручальные кольца, высушивающие хозяек в случае измены мужу; диадемы, испепеляющие всех, кроме старших женщин рода; ожерелья, удавливающие модниц не из рода заказчиков; браслеты, убивающие воров и грабителей или невинных слуг, решивших втихаря примерить хозяйскую вещицу; мечи и ножи, не признающие руку тех, в жилах кого течет чужая кровь, и способные зарезать незаконного владельца; эфесы, обжигающие ладонь полукровки. Такие амулеты стали для многих колдунов главным доказательством их чести и права на главенство в семье. Женщину, носящую кольцо Кровавого Лорда, никто не посмеет заподозрить в неверности, а графа вскинувшего над головой меч, созданный магом Двух Драконов, никто не назовет прижитым на стороне выродком. За умение проследить и доказать чистоту крови нашего друга и начали называть то хозяином крови, то правителем крови. Но получалось неблагозвучно, пока кто-то не назвал его Кровавым Лордом.

– Так он Кровавый Лорд или Темный? – так и не понял недоморф.

– Он просто Лорд. Или просто Маг. Часто произносить имя маг Двух Драконов несколько затруднительно, юноша, – улыбнулся Гроссер. – Мы его чаще называли просто Эриджуном. Враги это имя из памяти старались стереть. Кровавый Лорд им тоже не нравилось. Больно зловеще звучало. А страх был их любимым оружием, делиться таковым они не хотели. Поэтому они стали называть Лорда Темным, или Черным. Дескать, дяденька плохой, а мы хорошие. Сторонников проще вербовать. Среди тех, кто не понимает, в чем дело.

– Огромное спасибо, мсье Гроссер! Это было очень интересно и познавательно, – поднялась Анита.

– Подожди, ты чего?! – возмутился недоморф. – Мы же еще не узнали самого главного!

– Мы вообще ничего еще не узнали, мсье Сенусерт, – решительно парировала рыжая. – Но еще пять минут, и мы опоздаем на урок. Простите, мсье Гроссер.

– Нет-нет, ты права, девочка, – кивнул историк. – Опаздывать на уроки не стоит. А я... – Он печально подергал свою цепь. – Я готов продолжить нашу беседу в любое удобное вам время. Идите, ко мне по времени сейчас спустится новый класс.

– Вот видите, – поднимаясь по ступеням последним, сказал Битали. – Оказывается, Темный Лорд не такой темный и не такой злой, как рассказывают в страшилках. Вряд ли такой маг станет устраивать охоту на ни в чем не повинных школьников.

– Только на тебя, сосед, – культурно поправил недоморф. – Никого другого он пока не тронул. Цивик не в счет. Разве ты не слышал, что этот маг был большим спецом по родослов-

ным? Может быть, твоя вина лишь в том, что семьсот лет назад твой прадедушка наступил на ногу большому другу нашего историка? И хотя твои родичи пытаются тебя спрятать, дергая из школы в школу, Лорд тебя все равно вычислил.

– Ты с ума сошел, Надодух! – возмутилась Генриетта. – Тебе же сказали, что маг Двух Драконов хотел избавить мир от насилия и жестокости. Такой не станет мстить невинному человеку за грехи его прапрадедов!

– Ну, не знаю, – высказала свое мнение и Анита Горамник. – Пока что мсье Гроссер подтвердил все факты, изложенные в статье про Темного Лорда. И про натравливание дохлых зверей на смертных, и про аморальность с распущенностью, и про то, что он научил смертных убивать нас, чистокровных магов с тремя душами. Уверена, что и про истребление всех колдунов и ведьм на Саксонских островах и севере Европы тоже окажется правдой.

– Что же ты его не спросила? – попрекнул недоморф.

– А ты что, времени не чувствуешь? Время урока по гендерным искусствам подходит. Гроссер так длинно про каждый пустяк рассказывал, что на новые вопросы времени не осталось. Это убийство у него, дескать, для добра совершено, это прелюбодеяние – для укрепления дружбы, этот кошмар – во имя всеобщего миролюбия... Дружка своего выгораживал. Мы, кстати, без обеда остались. Если Битали насчет корсовинга не передумал, еще и ужин пропустим. Нужно что-то придумывать. У меня уже под ложечкой сосет.

– Ты можешь и не ходить, – тут же посоветовала Вантенуа. – Проведем обряд без тебя, на втором корсовинге несчастных случаев почти не бывает.

– Это тебе лучше не ходить, – парировала отличница. – Перекинешься в парке – опять в спальню ночевать не придешь. Новый скандал случится. Зачем нам это надо?

– Не случится. К метаморфам отношение легче. Долорес ведь не узнает, что я с мальчиками? А одной перекидываться где угодно можно.

Битали промолчал. Отказываться от корсовинга он не собирался, заставлять всех голодать из-за себя – тоже. Значит, нужно было как-то выкручиваться...

Под кровлей северного корпуса Кро и недоморф оказались последними. Сэр Ричард Уоллес уже раздавал амулеты. Школьники тревожно переглядывались – видно, успели получить неприятное напутствие. Цивик подобрался ближе, кивнул:

– Привет! Чего вы на обед не пришли? Все ждали. Я думал, и урок пропустите.

– Как же, пропустишь, – поморщился недоморф. – Директор потом руку откусит, а сэр Ричард половину очков из аттестата спустит.

– Ты свободен вечером? – внезапно осенила Битали гениальная мысль. – Можешь помочь мне в одном важном деле?

– Могу, наверное, – пожал плечами неудачник.

Тут к входной стене подошел учитель с последними амулетами – и про разговоры пришлось забыть.

На этот раз Кро забросило в какой-то овражек с глинистыми крутыми склонами и журчащим внизу родником. Он сунулся направо, но очень быстро уперся в непролазные кусты, повернул влево, прошел меньше ста шагов и оказался на широком песчаном пляже, в котором текущий к пруду ручей пробил узкую борозду. Битали ничуть не удивило, что здесь его уже поджидали с палками верные слуги Арно Дожара во главе с ним самим.

– Аккуратнее будьте! – предупредил Лайтена и Уловера юный граф. – Не царапайте, по телу и ногам бейте. А то он вечно пропадает, побаловаться не успеваем.

«Побаловаться» – означало хорошенько отмузуть его дубинами, при этом не поцарапав, не дав амулету повода вернуть жертву в зал гендерных искусств. Кро невольно вспомнил борьбу Темного Лорда против жестокости к ближним. Историк ошибся: за минувшие века мир изменился слабо.

– Получи! – В этот раз он кинулся сперва на Дожара, надеясь прорваться мимо и загордиться им от его прихвостней.

Но граф отбивался ловко – хотя и пятился, но не пропустил. Зато Битали успел пригнуться, когда услышал сзади резкий выдох, и первый удар длинной орясины достался не ему, а Арно Дожару поперек груди. Граф опрокинулся, однако второй удар оглушил уже Битали – и тот очнулся на дорожке у ног учителя.

– Так-так, лучший фехтовальщик опять возвратился первым, – хмыкнул сэр Уоллес. – Какая интересная закономерность... Вставайте, вставайте юноша, не тяните время. Возьмите на стойке секиру, проверим ваше умение работать с ней.

Секирой оказался огромный, в человеческий рост, топор с широким лезвием, формой похожим на лезвие бемгиша, но в полтора раза больше и почти втрое тяжелее. Битали поднял эту штуковину и сразу почувствовал, как у него вот-вот оторвутся руки. Секира весила не меньше пуда и не имела никакой балансировки.

– Вот, проклятье... – крикнул Кро.

– Да-да, юноша, эта славная игрушка была любимым инструментом местных жителей для потрошения римских манипул. Я же, с вашего позволения, ограничусь более современной штучкой... – Преподаватель рубанул воздух мечом. – Идите сюда, юноша. Я жду.

– А-а-а!!! – Битали рубанул из-за головы.

Учитель чуть качнулся в сторону, подпернув ногу, и топор впился в доску на глубину ладони. Сэр Ричард покачал головой, поднял клинок, коснувшись его кончиком горла ученика:

– Какое сказочное позорище, мсье Кро. Вы труп два раза. Я бы даже сказал, труп в квадрате. И это лучший фехтовальщик школы! И вам не стыдно смотреть на себя по утрам в зеркало?

– Этой дурой невозможно сражаться! – не выдержал Битали. – У нее нет никакой балансировки, она кривая в рукояти и весит, как опившаяся лошадь!

– Что ты сказал?! – У сэра Ричарда заиграли желваки и зашевелились крылья носа. – Это пьяная лошадь? А ну, защищайся!

Учитель резко отшвырнул меч – впившийся острием в стойку возле алебард и мелко там задрожавший, – сделал шаг вперед, толкнул плечом рукоять секиры, перехватил ее двумя руками:

– Готов?!

Гигантский топор резанул воздух. Битали схватился за амулет, обнажил бемгиши, скрестил перед собой, откачнулся от лезвия, скользнул вперед, пытаясь как можно скорее добраться короткими ножами до тела преподавателя. Однако тот отскочил, не останавливая топора – секира описала полный круг над головой сэра Ричарда и пошла вперед. Битали понял, что теперь не успеваешь ни отскочить, ни увернуться, и закрылся глухим двойным блоком. И все же остановить тяжеленный разогнанный топор оказалось не так просто: кисти до локтей содрогнулись от жесткого удара, но клинки все равно вылетели в сторону, и только непостижимое чудо спасло голову от разрубающего надвое удара.

– Х-ха! – превозмогая боль в руках, сделал выпад в открывшегося учителя Кро... И вдруг непонятно откуда ему навстречу вылетела прочная кленовая рукоять и врезалась в челюсть, опрокидывая на спину. Из глаз посыпались искры, почти сразу юноша ударился затылком о помост, и тут же на горло свалилась страшная тяжесть: сэр Ричард Уоллес кинул рукоять секиры ему на горло, наступил с двух сторон ногами:

– Так, значит, у этой галльской любимицы нет балансировки, мсье Кро? Значит, она тяжелая и опившаяся? Вы все еще в этом уверены, юный воитель?

Битали в ответ мог только хрипеть, перед глазами сперва мелькали цветные искорки, потом поплыли черные круги.

– А ну, встать! Оружие в руки. Готовься к бою!

Тяжесть на горле исчезла, остался только вес секиры. Кро поднялся, сжимая ее в руках, удерживая, словно палку, тряхнул головой.

– Забудь про все, щенок! Твоя жизнь в твоих руках! Качни с боку на бок, вокруг оси. Где центр веса? Центр: толчки двумя руками, вверх-вниз, вправо-влево. Действуй! – Преподаватель сделал глубокий выпад мечом, непонятно когда оказавшимся в его пальцах. Битали чуть сдвинулся, сразу двумя руками толкнул древко навстречу, отводя клинок в сторону. Для двух рук одновременно вес секиры показался не таким уж и большим. – Еще! Еще!

Прямые выпады и вправду получалось отбивать без особого труда.

– Еще раз вспомни, где центр веса! Короткий конец к себе, быстрые движения длинным рычагом! Действуй!

Учитель довольно неуклюже попытался уколоть его слева – Битали оставалось лишь слегка толкнуть рукоять, чтобы та, провернувшись чуть ниже обуха, отбила быстрый удар. Еще один выпад – и опять длинная рукоять стремительно крутанулась вокруг тяжелого топора.

– Ну, что?! Где теперь балансировка, юнец? Балансировка не в оружии, мсье Кро, она у вас в голове. Почему стоите с железкой в руках? Думаете сравняться с Гераклом? Опустите железку на плечо. Пока прямой опасности нет, руки должны отдыхать. Когда появляется цель, толкаете топор в ее направлении плечом, потом подправляете руками... Сюда!

Битали толкнул плечом отдыхающую возле уха секиру, телом качнулся влево, руками, корпусом, всем своим весом разгоняя свое оружие в направлении кончика меча.

Дзинь! – соприкоснулась сталь со сталью, секира впилась в глубоко в пол, а оказавшийся сзади учитель шепнул в ухо:

– Вам все еще нужна балансировка, мсье? Или вам все же хватит своего разума, тела и мастерства? Человек с вашими глазами, мсье Кро, должен без заминки сражаться с любым врагом мечом, ножом, секирой, алебардой, посохом монаха или даже дверкой от шкафа, а не заводить диспуты о балансировке или весе оружия. Балансировка в голове, сила в руках, оружие на стойке, второе слева. Вперед!

На этот раз Битали досталась алебарда. Теперь он уже безропотно взялся за незнакомое оружие, на ходу торопливо оценивая его преимущества:

На острие пика – можно колоть издали.

Легкий топор – при хвате снизу можно с замаха нанести сильный удар по дальней неподвижной мишени, или при среднем хвате – по недалекой.

Длинное древко – легко парировать рубящие удары.

Древко толстое и тяжелое – им можно оглушить, его не перерубишь.

Развесовка оружия – почти посередине. Легко работать сразу обоими концами. Битали даже пожалел учителя с его жалким коротеньким мечом.

– Начали! – Сэр Уоллес метнул клинок острием ему в лицо.

Кро обеими руками выбросил алебарду вверх, отбивая удар, отпрянул, поддвигая к себе правую руку и толкая вперед левую: сам топор и пику на конце. Лезвие почти чиркнуло учителя по боку – но опытный боец подпрыгнул, пропуская сталь понизу, откатился, выбросил правую руку:

– Чортъе!

Битали ощутил, как пол уходит у него из-под ног, и уже через секунду рухнул головой вниз, к горлу тут же прикоснулось холодное острие:

– Ты считаешь меня смертным, юнец? – оскалился сэр Уоллес. – Ты с кем намерен сражаться, с кроликами? Хватит валяться, простудишься!

Учитель отступил, крест-накрест разрубив воздух:

– Все ваши враги имеют волшебные палочки, мсье Кро! И все отлично умеют ими пользоваться! А потому извольте или не отпускать противника на дальнюю дистанцию, или сами

меняйте оружие на магическое, когда не получается зарезать врага раньше, чем через две секунды.

– Так нечестно! – возмутился Кро. – Мы не...

Меч ударил его по ногам, но юноша успел поставить алебарду вертикально, тут же ударил ею сверху, норовя развалить учителю череп, но тот, как обычно, в последний миг успел уйти влево, приблизился, попытался сделать длинный выпад. Однако алебарда оказалась длиннее. Сэр Уоллес поднырнул, отпрянул, вскидывая руку к горлу. Еще отпрянул... еще... еще, никак не успевая выставить сменившую меч палочку в направлении школьника на те пару секунд, что нужны для произнесения опорного слова.

– Уже лучше! – убегая от острия алебарды, почти касающегося горла, кивнул учитель. Резким движением он сменил палочку на меч, отвел пику, рубанул сверху – Битали успел подставить древко алебарды и отступил, чтобы закончить фразу:

– Мы еще не проходили боевых заклинаний!

– Я знаю, – покачал палочкой вместо клинка учитель. – Вы только начали зубрить управление силой и ее накопление. Именно поэтому вначале я учу вас работать стальным оружием. Как совмещать в поединках магию и клинки, вы узнаете только на шестом курсе. Но вы, мсье Кро, в любом случае обязаны помнить, что египетские ножи хороши лишь на расстоянии трех шагов. И вбейте себе в руки и ноги, в самые примитивные безусловные рефлексy: или сокращайте дистанцию, или меняйте клинки на палочку. Или...

Сэр Уоллес качнул палочку вперед – но прежде, чем он успел произнести заклинание, Кро метнулся вправо и вперед, крутанулся, разгоняя алебарду широким замахом.

– Именно, мсье! – рассмеялся сэр Ричард, оказавшийся уже на пять шагов в стороне. – Либо вы должны уйти из сектора магического воздействия, с линии атаки. Неплохо, неплохо. Теперь верните алебарду на место и возьмите шестопер. Посмотрим, как вы управитесь с тем же упражнением, имея замах в десять раз короче... Чортъе!

Пол резко дернулся, и Битали опять грохнулся на пол вниз головой. Вскочил, возмущенно выкрикнул:

– За что?!!

– На удалении от врага свыше трех шагов в ваших руках должна быть палочка, – невозможно напомнил сэр Уоллес. – Меч – это оружие ближнего боя, а палочка – для большей дистанции. Как по-вашему, почему боевые амулеты носят на шее, а палочку в нагрудном кармане? Чтобы менять одно на другое единым движением! – И он опять качнул своей палочкой: – Чортъе!

Но на этот раз Кро успел метнуться из-под заклинания в сторону. Он быстро подобрал со стеллажа неоснащенное топорище, метнул в учителя и еще до повторного магического удара подскочил к стеллажу, схватил полуметровый стержень с тяжелой шипастой головкой...

– Мсье Цивик? Я разочарован...

Битали развернулся, сжимая в руках палочку и шестопер, и увидел в углу скрюченную фигурку главного школьного неудачника.

– Надеюсь, вам не нужна врачебная помощь? Мсье Ларак? Мсье Батиас? Вы что, попали в засаду? Битали Кро, верните оружие на стойку, можете отдохнуть.

Молодой человек поставил стержень на место, сунул палочку в нагрудный карман и неожиданно ощутил, как сильно устал. Сэр Уоллес гонял его недолго, но на самом пределе сил.

– Как наши предки ухитрились этими махинами сутки напролет сражаться, ума не приложу, – покачал головой Битали. – Секиры, алебарды... Тут через полчаса уже язык на плече.

– Ты представляешь, меня укололи в спину, – пожаловался Цивик. – Даже не знаю, кто это сделал?

– Бывает, – кивнул юноша. Цивик, при его везении, был способен оцарапаться и сам.

В зал тем временем все прибывали ученики. Кто-то начинал жаловаться на несправедливость или невезение, кто-то сразу лез в драку со своим недавним противником по учебному сражению, кто-то громко, отчаянно ругался.

– Минус один, минус один, минус один, – невозмутимо подсчитывал вернувшихся сэри Ричард.

– Ты говорил, Битали, тебе нужно помочь? – вспомнил Цивик. – Сегодня?

– Да, – кивнул Кро. – Понимаешь, у меня не получается попасть на ужин. А кушать хочется. Ты бы не мог в столовой набрать еды для меня, Надодуха и... и еще на пару человек и принести в конец парка, к кустарнику у болота?

– На четверых? – почесал лоб Цивик. – Много получится. Незаметно утащить трудно. Давай, я Дубуса возьму? Вдвоем принесем столько, что на всех хватит.

– Возьми Дубуса, – согласился Битали.

– А может, и я помогу? – спросил Ларак, сидевший все это время неподалеку.

Кро ненадолго задумался. Доверять свой ужин вкусам Ирри Ларака он бы, конечно, не рискнул. Но отказываться от помощи тоже было бы глупо: когда не знаешь своего ближайшего будущего, лишняя пара рук всегда пригодится. Умом Ирри, может, и не блещет, но парень крепкий.

– Да, спасибо. Только ты пойдешь с нами. Цивик, на пятерых ужин вынесете?

– Вернувшиеся могут отправляться в комнаты, – разрешил сэри Уоллес. – Готовьтесь к урокам попроще. Порадуйтесь, пока живы. И обдумайте свое поведение на завтра, чтобы не лишиться шкуры так просто еще раз. Свободны! О, мсье Лоран минус один, мсье Завьялов минус один. Вы тоже можете быть свободны.

Надодуха его соседу пришлось дожидаться в башне. Недоморф появился вскоре после окончания урока, потянулся и сообщил:

– Глубокоуважаемый сэри может засунуть свои баллы себе в одно место. А меня в лесу ни одна собака не найдет.

– Что, минус пять?

– Пошел он... – отмахнулся Надодух. – Жалкий полукровка, дорвавшийся до власти. Ну что, мы идем?

Битали вспомнил, что не условился с Лараком о месте встречи – но за сфинксом оказалось, что сосед по башне дожидается их в коридоре. Да не один, а с малолеткой Комби из своей комнаты.

– Это еще что за явление? – удивился недоморф.

– Он тоже хочет помочь, – заявил Ирри. – Мы ведь все заодно, правда?

– Я просил Цивика и Дубуса принести нам из столовой еды, – пояснил Кро. – Кого-то нужно выслать им навстречу, иначе они дороги не найдут.

– А-а! – повеселел недоморф. – Значит, сегодня голодным останется только один?

– Кто? – не сразу сообразил Битали.

– Тот, кто вместо ужина станет сосать силы из моих кустов. Ну что, мы идем?

Девочки присоединились к неожиданно большой компании уже на улице. Все вместе они пересекли парк, пробрались в тайник мсье Сенусерта. Ларак и Комби, естественно, тут же изошлись в восхищении, а Битали погрузился в «могильный холмик» и, не дожидаясь проводника, начал дышать.

Примерно через десять минут он перестал слышать голоса вокруг себя, через четверть часа его опять начали скручивать слабо различимые в вечернем воздухе вихри. Руки и ноги юноши стало прижимать к телу, кости и суставы снова отозвались протяжной ноющей болью. Кро приготовился снова провалиться в темноту материнской утробы – но в этот раз силы природы не желали расставаться с ним так просто. Вихри сгущались и сгущались, потоки из невидимых превратились в полностью зримые и осязаемые – точно струи воды пронизывали воз-

дух вокруг. Они сотрясали стены ямы, с хрустом перемалывали камыши, врываются в грудь перерождающегося мага, прошивали ее насквозь, завершали оборот и устремлялись в тело жертвы снова.

Но с каждым таким оборотом часть вихря оставалась в теле, наполняя его, приподнимая, распирая изнутри. Распирая так, что Битали понял: еще чуть-чуть – и его разорвет в клочья! Ему хотелось отказаться от дальнейшего накопления, избавиться от той обжигающей мощи, что превращала его в подобие воздушного шарика – но корсовинг невозможно остановить в середине обряда. Оставалось только одно: избавиться от этой невыносимой силы, скинуть ее, выбросить прочь!

Вот только как?

Остаться на месте стало подобно смерти – Битали на плохо слушающихся конечностях стал выкарабкиваться наружу, выкатился на траву.

– Вы что, не видите? Ему же плохо! – подбежала Анита, схватила его за ладонь и вдруг резко покраснела, отлетела назад и упала, раскинувшись, без сознания. Вся остальная, собравшаяся в убежище недоморфа, компания шархнула от Битали.

«Отдать! Избавиться!» – продолжала пульсировать в разуме Кро одна-единственная мысль. Он отполз на несколько шагов к краю поляны, застонал, с трудом удерживая себя в сознании, и коротким ударом вонзил руки в землю, сбрасывая в нее всю накопленную энергию до конца. В теле возникла приятная слабость – и мир вокруг померк...

Когда он открыл глаза – на небе светились звезды. Битали сделал пару глубоких вдохов, приподнялся на локте:

– Что это?

– Смотрите, он жив! Жив! – кинулись к нему сразу шестеро. Тут были и Цивик, и недоморф, и Ларак, и Комби... Все, кроме Горамник.

– А разве было непонятно?

– Еще бы! – кивнул Надодух. – После того, как ты вот это сделал, – кивнул он чуть в сторону, – ты больше не дышал, и даже сердце не билось. Мы, вон, уже носилки начали вязать, чтобы вас с Анитой до школы донести.

– А что с ней?

– Она дышит... Хотя досталось ей немало. Она ведь первая до тебя дотронулась... – Он опять указал за Кро, и юноша, наконец, повернул голову.

Возле кустарника, под самыми розами, чернел круг выжженной травы диаметром примерно с его рост. А посередине, серые от пепла, уходили в глубину грунта две дыры.

– Ты почти по локоть руки туда загнал, – сказал недоморф. – После того, как чернота распозаться перестала, а ты больше не шевелился, мы тебя оттащили. Думали, мертвый, и стали носилки вязать. Теперь легче будет. Только девчонку тащить.

– Кого? – слабым голосом поинтересовались из ивового кресла.

– Анита очнулась! – Толпа отхлынула от Битали к девушке. – Ты цела? Ты как? Как себя чувствуешь?

– Не знаю. Меня как бревном придавило. И вывернуло. Кости все болят, и кожа. Битали... У него талант. Собрать столько силы за один раз... Куда он ее дел?

– В землю шархнул. Как молнией. Вся трава сгорела!

– Какие вы, мальчишки, необразованные кретины! А палочка вам зачем, палочка?! Все амулеты и магические инструменты делаются из элементов высокой абсорбционной способности. Они могут впитывать силу в огромных количествах. В палочку нужно было потоки направлять, в палочку!

– Теперь поздно говорить, – брошенный всеми Битали попытался встать на ноги. – В следующий раз попробую.

– Хоть бы кто учебник открыл перед корсовингом! – судя по тону, Горамник окончательно пришла в себя. – Или для вас Филлова болтовня высший авторитет?

– Ой! – Кро не удержал равновесия и уселся обратно на землю.

– Подожди, не прыгай! – кинулся к нему Надодух. – Забыл, что после корсовинга отдых требуется? Цивик, давай!

Мальчик, спохватившись, подскочил с корзинкой, выдернул из нее полотенце, расстелил на траве, положил несколько апельсинов, развернул бумагу с несколькими кусками жареной трески:

– Я заметил, ты рыбу любишь?

– Да, спасибо, – кивнул Кро.

– Куда компот налить, не нашлось, – извиняющимся тоном сообщил Цивик. – Я вместо питья фруктов взял.

– Все отлично, сосед, большое спасибо. Я голоден, как первородный дух. – Кро взялся за угощение, оглянулся: – А вы чего стоите?

– Да мы уж наелись, времени хватило, – успокоил его Надодух. – Давай, питайся.

– А сколько времени? – Битали поднял глаза к небу. – Вот проклятье, полночь скоро!

Он торопливо подъял угощение, сгрыз один апельсин, два других сунул за пазуху:

– Все, я готов. Идем. Только дубинки сейчас из веток сделаем.

Минуту спустя отряд был готов к короткому, но опасному переходу: шестеро ребят сжимали в руках увесистые дубинки, Анита Горамник достала из потайного кармана и воткнула в волосы гребешок, Генриетта зачем-то намотала на левую ладонь цветастый платок.

– Они, конечно, звери, но не так голодны, – оглядев друзей, сделал глубокомысленный вывод недоморф. – Пошли, я знаю удобную дорогу.

К удивлению Битали, выбравшись из тайника, Надодух пошел не влево, знакомым кружным путем, а направился прямо к аллеям близкого парка, уже оккупированным множеством оборотней. Волки, рыси и медведи не замедлили собраться к живой парной добыче, но... Но шесть дубин, готовых разить сразу во все стороны, сильно портили хищникам аппетит. А потому оборотни держались на почтительном расстоянии – в нескольких шагах.

Путники миновали нижний парк, поднялись на фонтанную площадку, потом к цветникам. До стен остался всего один переход – и гризли не выдержал. Медведь взревел, поднялся на задние лапы, кинулся на Ларака. Парень без колебаний взмахнул оружием, опуская тяжелую деревяшку ему точно на нос. Битали, повернувшись, быстро, со всей силы, ударил зверя узкой рукоятью дубинки под ребра и скорее почувствовал, чем увидел движение справа – широким взмахом поймал в прыжке крупную рысь, отбив ее, словно теннисный мяч. Бурый медведь отступил, получив по лапам от недоморфа, и Кро вновь ударил назад, попав гризли по голени. Тот опрокинулся и сбежал, унося в зубах трофейную дубину. Однако Ирри, не растерявшись, тут же обнажил меч из школьного амулета.

По левую сторону отряда послышался жалобный скулеж – там самые голодные тоже получили по клыкам. Оборотни залаяли, завыли, зарычали сильнее прежнего, но на повторную атаку уже не решились. Однокурсники поднялись к площадке для игр и корсовинга в верхнем парке, вдоль стены замка добрались до входа и ввалились в коридор первого этажа.

– Так-так... Вижу, число нарушителей разрастается на глазах. Мсье Кро и мсье Сенусерт, похоже, заразны и нуждаются в строгой изоляции.

– Ой! – Спортивный костюм опал, и стремительная куница помчалась по коридору прочь.

– Мадемуазель Генриетта Вантенуа, если не ошибаюсь? – проводил ее взглядом профессор Артур Бронте, облаченный на сей раз в темно-бордовую атласную мантию, украсивший нос очками, а голову – четырехугольной шапочкой со свисающей набок кисточкой. На груди, на золотой цепочке висел овальный медальон с серебряной змеей поверх алой эмали, свившейся в знак бесконечности и кусающей себя за хвост. – Мадемуазель Горамник, прихватите ее одежду,

будьте так любезны. От вас, кстати, я подобного никак не ожидал. Безусловная отличница, лучший аттестат, гордость школы. И вдруг – второе нарушение подряд! Все остальные, наверное, не слишком беспокоятся из-за возможного исключения или потери оценок. Но вы, Анита!

– Простите, профессор, но сейчас вы сами можете убедиться, что я не позволяю себе ничего лишнего, – неожиданно вступила в спор крохотная рыжая девочка. – Все наши встречи в свободное время посвящены занятиям по учебным темам. Сегодня во время корсовинга у Битали Кро возникли сложности, но мы справились с ними, никто не пострадал. Разве успех при таком сложном опыте не извиняет небольшую задержку?

– Что за сложности? – заметно насторожился директор.

– У меня не получилось направить полученную силу в палочку, профессор, – признался Кро. – Я немного растерялся от неожиданности и слил ее в землю.

– Там круг вот такого размера выжгло! – восхищенно выдохнул Ирри Ларак и раскинул руки в стороны.

– Даже если вы заняты исключительно школьной программой, извинения не могут быть бесконечными, юноши! Вы нарушаете обязательный распорядок! Обычно мы снисходительны к подобным шалостям, если они не влекут тяжелых последствий, но... Но, занимаясь школьными предметами, вам стоит тщательнее рассчитывать время! Мадемуазель Горамник, напоминаю вам о распорядке дня особо. Вы девушка, одна ваша ошибка способна безнадежно испортить все ваше будущее. Ступайте по своим комнатам. Все.

– Спасибо, профессор, – кивнула Анита. – Битали, проводи меня, пожалуйста. В это время ходить по коридорам одной страшновато.

– Через пять минут сеньорита Долорес должна пропустить вас в корпус! – тут же добавил директор. – Я проверю. Все, уходите. Мне некогда.

– Спокойной ночи, профессор, – кивнула девушка, взяла Битали за руку и сунула ему свернутый костюм Генриетты. – Идем.

– Спокойной ночи, спокойной ночи... – разногласно попрощались с директором остальные однокурсники.

– Как ты на него решительно... – удивился Кро, отойдя с Анитой по коридору на два десятка шагов. – А если бы он разозлился?

– А директор никогда не наказывает ни тебя, ни тех, кто нарушает что-то вместе с тобой. И оценки тебе завышать всех заставляет, и в этот раз никого не наказал, только припугнул. У вас у всех дубинки – запрещенное в школе оружие. Но ни одного балла ни у кого не снято, заметил? Надодух хоть и получеловек лохматый, а понял правильно: странное что-то вокруг тебя творится. Только Бронте тебя точно убивать не собирается. Одной рукой гробить, а другой отметки завышать – это нелогично. Воспитывать хоть дурака, хоть героя из того, кто должен умереть – лишняя трата сил. Тут другое что-то.

– Что?

– Не знаю, – пожала она плечами. – Ты слеплен из сплошных сюрпризов. Вот и Вантенуа уже попалась. Ты с ней, кстати, поосторожнее. Не влипни по-глупому.

– Ты про что? – не понял Кро, протаскивая однокурсницу за собой на лестницу.

– А у тебя и правда гладко получается, – удивилась Анита. – У меня хуже. Ты, кстати, молодцом держишься.

Они вышли с лестницы на этаж.

– Это ты про что? – повторил свой вопрос Битали.

– После того, как ты разделал Арно Дожара на дуэли, как уличного бродяжку, на тебя сразу многие девочки глаз положили.

– Очень многие? – чуть придержал ее за руку Кро.

– Да, многие, – невозмутимо выдержала его взгляд Анита. – Но ты как начал свои отношения с Генриеттой вести, так ни разу отступить от нее и не попытался. Такая верность, она

многого стоит... Парней, на которых можно положиться, как на тебя, в наше время немного. Даже завидно.

– Да? – Слушать такие слова было приятно, но Битали понимал, что это уважение начисто запрещает ему любые отношения с хрупкой симпатичной девушкой. Сделай он хоть шаг на сближение с отличницей – и он тут же потеряет ее уважение как предавший и обманувший Вантенуа.

– Только ты смотри... – покачала головой Анита. – Как бы твоя куница глупость какую не учинила ради своей любви. В проводники она к тебе уже набивалась, если не помнишь. Может и зелье приворотное подлить, и наговор над спящим сделать. Тебе нужно такое счастье?

– А я-то думал, все девочки грезят большой искренней любовью! – покачал головой Битали.

– От любви, мой герой, никто из нас никогда не откажется, – улыбнулась рыжая и опустила голову. – Но замужество – это тоже неплохо.

Еще несколько шагов, и они оказались перед портретом.

– Добрый вечер, Долорес, – помахала сеньорите рукой Анита.

– Как вы себя ведете, бесстыдница! – широко распахнула глаза женщина. – В такое время! Не в постели! Да еще с мужчиной!

– До завтра, Битали. – Девочка забрала одежду подружки, закинула руку юноше на затылок, приподнялась и поцеловала его в щеку.

– До завтра... – От столь неожиданного поступка мысли Кро окончательно смешались.

– Что вы себе позволяете?! – визгливо возмутилась Долорес.

– Юбки подбери, старая клязница, – весело ответила девушка и решительно вошла сквозь одеяния сеньориты в стену.

Когда Битали вернулся в башню, недоморф уже раздевался перед разобранной постелью.

– А-а, пришел, сердцеед, – зевнул он. – Что, теперь под серебристой кроной будет качаться на качелях другая?

– Отстань, я просто проводил... – Зевота оказалась заразной. – Сколько же сейчас времени?

– Через шесть часов вставать. – Надодух влез под одеяло и снова зевнул. – А ты заметил, что директор был одет для важной встречи? Интересно, что он делал у колодца в таком платье? Не нас же караулил!

– У колодца? – Битали мгновенно вспомнил про сделанное в свой первый вечер открытие. – Для того, кто не боится высоты и кому лень долго спускаться по ступеням, колодец может стать отличным проходом. Профессор Бронте наверняка ведь умеет левитировать, правда? Спуститься в глубокое подземелье по воздуху будет несложно. Скажи, сосед, ты когда-нибудь слышал про орден Пяти Пророчеств?

Увы, ответа не последовало. Надодух Сенусерт крепко спал.

* * *

Генриетта перехватила его перед первым уроком в коридоре и обвиняющим тоном заявила:

– Ты не пришел на наше место!

– Извини, милая, я не смог, – попытался взять ее за руку Битали. – Вчера вернулись во сколько! Да я еще и выдохся сильно. Меня даже ворон соседский разбудить не сумел, еле успел в столовую заскочить.

– В столовую, значит, успел, – отдернула руку девушка. – А меня одну оставил мерзнуть! Отойди от меня.

– Давай в класс проведу...

– Сама умею! – гордо передернула плечами Вантенуа и ушла в стену. Но тут же вернулась и зло добавила: – Я все знаю!

И опять ушла.

– Чего это она про тебя знает? – спросил оказавшийся рядом кареглазый Картье.

– Она же не сказала! – развел руками Битали.

– Не прикидывайся! – тут же встряла чернявая Таше. – Разве вчера ночью ты не провожал Аниту до наших спален?

– Во молодец! – громко присвистнул Дистини, только что увлеченно беседовавший с приятелями по ордену. – И Дожара признаться в трусости заставил, и девицу его увел!

– Только ночью отпустил?! – так же громко восхитился Завьялов.

– Арно теперь удавится от злости! – добавил Батиас, а еще кто-то из «троллей» одобрительно похлопал Битали по плечу.

– Так и надо! – поддержали его сразу двое из компании орденцев.

– У нас ничего не было! – попытался оправдаться Кро, но вызвал лишь новый приступ веселья, а потому махнул рукой и ушел в аудиторию.

Перед следующим уроком Вантенуа демонстративно держалась в стороне и во время обеда не стала подсаживаться к обитателям башни. Правда, ее место за столом заняла Горамник. Она попала к середине разговора: мальчишки вспоминали вчерашнюю победную битву.

– Я ее снизу – дац! Она аж через хребтину перевернулась! – гордо повествовал Цивик.

– А я ногу в последний момент отдернул и – по черепушке! – захлебываясь, перебивал Дубус.

– Гризли был выше меня вдвое! – одновременно с ним говорил Ларак.

– Сейчас опять на гендерные искусства идти, – ковырнул вилок из супа кусок мяса недоморф. – Тоже хороший повод оторваться.

Собеседники его тут же потухли. Боевое настроение испарилось почти мгновенно, сменившись унынием.

– Наша беда в том, что на уроке мы одиночки, – после недолгого молчания сказал Кро. – Если мы сможем соединиться, в учебной чаше с нами не справится никто. Обратни стаей не смогли – что уж тут одиночек бояться!

– Нужно выбрать место для встречи, – добавил недоморф. – И, попав в лес, тут же идти к нему. Если хотите, конечно. Например, у Серого дуба. Он в центре, его хорошо видно.

– Не знаю, – покачал головой Цивик. – Ни разу его не видел.

– Я вообще ни разу не понял, куда попал, – согласился Ирри Ларак. – Пока разберешься, где находишься, куда идти, сто раз убить успеют. Орденцы в стаи всегда собираются, один не отобьешься.

– Я замок всего один раз заметил, не то что дуб какой-то, – кивнул Битали. – Ирри прав, в лесу трудно сразу понять, в какую сторону идти. Пока разберемся, урок закончится. А уж вместе собраться и вовсе не успеем.

– Вам нужен собачий свисток, – доев борщ, спокойно сообщила Горамник.

– Толку-то с него, – отмахнулся Надодух. – Кроме меня, никто не услышит.

– Нужно не обычный делать, а мертвый, – уточнила рыжая отличница. – С приговором на отнятие голоса. Берете иву, из одной ветки вырезаете нужное количество свистков. Обязательно из одной! Свистки в воду кидаете и читаете заговор на немоту, чтобы весь голос в воду ушел. Кто воду с голосом свистка выпьет, только тот его и слышит. А остальные нет. По свисту вы в любой чаше друг друга найдете, если не слишком далеко разбросает.

– Свистки вырезать – раз плюнуть. За час управлюсь, – кивнул недоморф. – Но только вечером. В замке ивы не растут. Да и не успею до урока.

– Мне тоже не меньше часа нужно на заговор, – добавила девушка. – Как готовы будут, приносите.

– Выше нос, братья! – приободрил понурых друзей Битали. – Нам только этот урок в норах пересидеть нужно. А завтра мы сами на охоту выйдем! Надодух, Анита, правда сделаете?

– Легко! – хмыкнул недоморф.

Горамник просто кивнула.

– Тогда все отлично! Считайте, нам остался последний день перед наступлением. День продержимся – и вперед, к полной победе!

Однако самому Битали отсиживаться было нельзя. Он отлично помнил обещание учителя всегда сообщать Арно Дожару о его месте появления, а потому, очутившись в густых зарослях бузины, тут же начал выбираться из ловушки прочь. Причем не в сторону рябиновых кустов, откуда просвечивал проходимый лаз, а ровно в противоположную, проламываясь через ветви, пролезая под ними, протискиваясь между стволами у самых корней. Через несколько минут он оказался в темном сумеречном ельнике, стал пробираться между корнями и вдруг... Наткнулся на крупного барсука с серой, с проседью, шкурой и черно-белой полосатой мордой. Они встретились глазами и замерли, изучая друг друга. Барсук, никуда не сдвигаясь, начал скрести лапами из-под себя, быстро разбрасывая землю и погружаясь в глубину. Битали отлично понял его желание сделать себе надежное укрытие, прикрыть тыл и спину, оставив на виду только зубастую пасть и когтистые лапы. Ведь вокруг столько шума, столько странных, незнакомых врагов. Побежишь – и этот, пахнувший капустой и мясом, и еще чем-то яблочным, может наброситься сзади. И кто встретится впереди – непонятно. А потому лучше закрепиться здесь, зарыться, ошетиниться когтями и зубами и пересидеть, пока незнакомец не уйдет. Он сыт, сейчас тепло и сухо, жирок под шкурой есть, а этот чужак бледный и тощий, совсем болезненный. Он долго не выдержит, уйдет первым...

Битали вдруг понял, что живет мыслями и чувствами этого зверя, понимает его эмоции и желания. Барсук тоже замер. Он ясно ощутил, что опасности от незнакомца не исходит. Скорее, наоборот: сочувствие и доброжелательность. Совершенно непонятное лесному зверю, а потому завораживающее чувство доброжелательности.

«Я бы тебя угостил, да не ожидал, что встретимся, – мысленно извинился Кро. – Не сердись за беспокойство, пугать не хотел».

И юноша совершенно ясно ощутил, как зверь в ответ желает ему набитого брюха и удачи в спасении от опасностей.

Они еще несколько мгновений смотрели друг другу в глаза, закрепляя неожиданное знакомство, после чего Кро прошел рядом с барсуком и двинулся дальше, пробираясь между ветками. Уходил – и все равно ощущал свой след в обонянии животного, слышал свои шаги его ушами. Словно какая-то частица его самого осталась внутри зверя, чтобы приглядеть за своим хозяином. Он шел вперед – и одновременно слышал, как кто-то крадется следом, чувствовал запах спиртового дезодоранта, начищенных туфель и потной рубашки. Чувствовал не сам – а со стороны.

Еще пара шагов – Битали обнажил бемгиши, отступил влево за молодую, но достаточно густую елочку и затаил дыхание. Пара минут – хвоя слабо хрустнула под ногами преследователя. Шаг, еще, ближе... Совсем рядом!

Кро, не выглядывая, рубанул широким взмахом на уровне горла. Клинок врезался во что-то упругое – и противник тут же исчез, уносясь под далекую кровлю северного корпуса. Слух и нюх далекого зверя подтвердили: исчез, – и юноша ответил мысленной благодарностью. С каждым его шагом чувственная связь со зверем ослабевала, но все равно, теперь он знал: здесь, в дикой чаще, у него остался друг. Готовый помочь – но в трудный миг нуждающийся в помощи от него.

– Успехов, приятель, – прошептал он. – Не беспокойся, через час в лесу снова станет тихо и спокойно.

Он крался на север, надеясь выйти к дороге и вдоль нее пробраться к относительно безопасным воротам. Обогнул травяную кочку, услышал под ней приглушенное сопение, остановился. Сопение оборвалось – но и кочка просела немного вниз. Битали вскинул оружие – кочка подпрыгнула и кинулась бежать, громко вопя:

– Это Кро, Кро! Здесь Битали Кро! Берегись, тут Битали Кро!

Юноша, поддавшись охотничьему инстинкту, пробежал несколько шагов вслед, но быстро остановился. Он же не голодный волк, чтобы убивать всех подряд! Свои пять баллов в аттестат он получил, и пусть остальные носятся, как зайцы, сколько захотят. Ему лучше подумать о собственной шкуре.

Кро развернулся, двинулся в противоположном направлении, но минутой позже опять остановился. Ему показалось, что крик неведомого трусишки захлебнулся от боли или страха. Захлебнулся – но не исчез. Значит, мальчишку не убили – с ним развлекались. А Битали такое отношение к людям очень не нравилось. Он покачал головой и стал как можно бесшумнее красться через кустарник, на полсотни шагов левее предыдущего пути.

Вскоре он увидел то, о чем еще раньше успел догадаться: на полянке, рядом с растрепанной травяной кочкой, лежал на спине Ронни Завьялов, а рядом ходили кругами довольные развлечением прихвостни Дожара, время от времени угрожающе взмахивающие дубинками, а иногда и опускающие их то на живот, то на ноги жертве. Сам юный граф в экзекуции участия не принимал. Он стоял в паре шагов дальше и вяло допытывался:

– Куда побегал этот жалкий гусар? Где ты видел полукровку Кро?

Завьялов махал в сторону тропы, но Дожару ответы не нравились:

– Ты думаешь, по такому знаку кого-то можно выследить? Говори отдельно и подробно: откуда выскочил, куда скрылся, как выглядел. Прятался, нет? Он хоть как-то себя маскировал или шел открыто?

Граф не торопился. Время урока катилось к концу, выследить любимую жертву он явно не успевал. Вот и коротал минуты за баловством. Тем более что Ронни от страха не мог связать двух слов, чем давал только новые поводы для пинков и вопросов.

– Плюс пятнадцать. – Битали ощутил нездоровый азарт. – Мышки наконец смогли выследить котенка.

Он сделал несколько тихих шагов, а потом резко рванулся вперед.

Все четверо повернули головы на шум, но в первое мгновение отреагировать никто не успел. Вполне достаточно, чтобы резануть Карла Уловера египетским ножом поперек спины, перепрыгнуть Завьялова и обрушиться на Лайтена. Тот, правда, уже начал пятиться, вскинул дубину, приняв на нее первый удар. Обернулся на господина. Ронни вскочил, торопясь унести ноги. Еще один миг, определяющий судьбу: Дожар мог успеть либо помочь слуге, либо заколоть беглеца. Он выбрал второе – и Битали получил шанс, отпрянув, уколоть противника в лицо. Лайтен закрылся, но второй бемгиш тут же коснулся его беззащитного живота. На полянке осталось только двое.

– Привет, гусар! – рассмеялся граф. – Оказывается, тебя можно не только выследить, но и приманить? Я это запомню.

– Ты хочешь приманивать свою смерть, хвастун?

– А это мы сейчас узнаем. Здесь нет вторых попыток. Поединок до первой крови...

С этими словами они и очутились в зале гендерных искусств.

– Опустите оружие! – решительно приказал сэр Ричард Уоллес. – Урок окончен. Плюс двадцать мсье Дожару, плюс пятнадцать мсье Кро. Остальным минус пять. Еще немного, господа, и ваши аттестаты станут пустыми, как казна французского короля! И это хорошо, поскольку трусы и недотепы не нужны ни в одной семье. Урок окончен, юноши, до завтра.

– Если мне кого и хочется убить, то только самого «сэра», – прошипел на ухо соседу недоморф. – Увидимся за ужином, пошел резать свистульки.

Ответа Надодух дожидаться не стал.

– А я тогда займусь уроками, – сказал ему в спину Битали.

На выполнение самостоятельных работ у юноши с каждым днем оставалось все меньше и меньше времени.

* * *

Свистки Анита Горамник принесла на обед во влажном матерчатом мешочке.

– Извините, высохнуть не успели. – Она развязала узел и растянула горловину. – Разберите.

Мальчишки споро переложили в карманы простенькие свистульки, и только Ларак недовольно буркнул:

– Грубо сляпано. Деревенская поделка.

– А в лоб? – моментально отреагировал недоморф.

– А это зелье, – поставила на стол бутылочку отличница. – Подставляйте стаканы.

Обитатели башни дружно выпили компот, освобождая емкости. Затем проглотили отмеренной каждому по трети стакана холодной, чуть горьковатой воды.

– Все, – развела она руками. – Вы заколдованы. Как ощущение?

– Пока не знаю... – пожал плечами Цивик, достал свисток и хорошенько в него дунул. Все сидящие за столом моментально заткнули уши – в то время, как в остальной столовой никто ничего не заметил. – Кажется, работает.

– Тогда удачи, мальчики. Вечером у Битали третий корсовинг. Собирайтесь пораньше, а то опять до полуночи обряд затянется. До вечера.

Отличница, наскоро перекусив, убежала, а когда юноши тоже поднялись из-за стола, Генриетта потянула к себе Кро за рукав, тихо спросила на ухо:

– Чего она вам подлила?

– Да так, зелье... – не стал вдаваться в подробности Битали.

– Да ты что, с ума сошел?! – отпустив рукав, зашипела девушка. – А если это зелье было приворотное? Или другая отравка? На минуту отвернуться нельзя, всякую гадость в рот тащите! Из чужих рук вообще нельзя никаких угощений брать. Ты меня понимаешь? Никогда!

Похоже, Вантенуа начисто успела забыть и про то, что обиделась, и про то, что больше с ним не разговаривает и что теперь она живет сама по себе.

– Урок, Генриетта, урок, – попятился Кро. – Извини, нужно бежать. До вечера!

В этот раз настроение Битали было приподнятое. Его не испортило даже то, что подслушанный учителем амулет выбросил его в дом на опушке – место, открытое со всех сторон, с распахнутой на некошенный луг дверью. Юноша сиганул в окно, пригнувшись добежал до одинокой елочки, закатился под лапу, перевел дух.

– Открытое не открытое... Дожару тоже время требуется свою банду собрать.

«Мертвые» свистки уже всюду звучали в его ушах, но Кро отвечать не торопился. Сэр Ричард каждый раз подбрасывал графа и прихвостней ближе к жертве. Поэтому подзывать друзей к этой компании не следовало. Куда разумнее было уйти от опасного противника подальше.

Возле домика никто не появился. Битали осторожно выбрался из-под лапы, быстро и мягко ступая, пошел на звуки свистков. Минут через пять он решился дунуть и в свой. Раз, другой, третий, с интервалом в десять шагов.

– Тише ты, оглохнуть можно, – недовольно пробурчали у него над ухом, и с кленовой ветки свесился головой вниз Надодух. – Ты ко мне, или я к тебе?

– Пошли к ребятам, заждались ведь!

– Они не заждались, а свихнулись, – спрыгнул вниз недоморф. – Ты что, не слышишь?

Битали напряг слух и в промежутках между свистками услышал приглушенные расстоянием, отчаянные вопли Ларака:

– Битали, ты где?! Кро, а-у-у! Битали, мы здесь!!!

– Ну, дурак, одно слово, – пожал плечами Надодух. – С таким в одну команду вписываться – это голову в гильотину за компанию совать! Человек десять оттуда уже убежали, и это только мимо меня. Трое в ту сторону прошли.

– Трое? Давай быстро за мной! – Битали сорвался на бег, теперь уже ничуть не скрываясь, с хрустом проламывая кусты и перепрыгивая поваленные деревья. Дуть в свисток он перестал – а вскоре свистеть прекратили и впереди. Так же, как и выкрикивать его имя.

Цивик, Дубус и Ларак, как оказалось, дожидались остальных на светлой уютной полянке, возле уже знакомого Кро могильного камня – к нему-то спинами и прижала их троица юного графа. Уловер и Лайтен, как всегда, с дубинами перекрыли пути отступления, перед самым лицом Цивика покачивался кончик графского клинка:

– Так где же ваш любимый Битали? Отчего не откликается? Он что, должен был сюда выйти? Он где-то рядом? Вы уговорились встретиться здесь?

– Это не он меня звал, олух безмозглый, – окликнул Дожара Кро, выходя на поляну. – Это Ларак.

Граф развернулся, оскалился, то ли в улыбке, то ли в зверином рычании, рубанул воздух. Битали обнажил египетские ножи. Тут Цивик торжествующе взвыл, вскидывая меч и рубя им из-за головы. Арно Дожар, естественно, услышал, крутанулся, принял удар на клинок, дал ему соскользнуть влево и широким движением рубанул мальчишку поперек груди. Точнее – попытался рубануть. В последний миг Кро успел вогнать бемгиши юному графу под ребра, и тот исчез, так и не коснувшись паренька своим клинком.

– Трунио! – В руке Цивика, оказывается, уже была палочка, и он выплескивал заклинание вправо от Битали.

Кро повернул голову и обнаружил в двух шагах от себя Карла Уловера, подкравшегося во время стычки на дистанцию удара. Вот только после стремительной магии Цивика вместо дубинки у него в руках вдруг оказался короткий тоненький прутик. Уловер бросил прут и тоже выхватил из нагрудного кармана палочку – то тут за его спиной прямо из травы бесшумно вырос недоморф, кокетливо удерживая меч двумя пальцами, тихонько кольнул графского прихвостня – и тот пропал вслед за хозяином. Лайтен же все еще на что-то надеялся. Он дважды попытался огреть Ларака по голове, но тот уклонялся, и орясина с треском расщепывалась о камень. Однако и дотянуться полуторным мечом до врага с длинной дубиной Ирри никак не мог.

– Это делается не так, смотри, – спокойно пошел вперед Битали.

Лайтен с ревом взмахнул палкой – поперек тела, на уровне пояса. Так, чтобы ни пригнуться, ни перепрыгнуть. Кро повернулся боком и встретил удар обоими бемгишами, чуть отступил, гася инерцию дубины, и тут же, пока противник пытался поднять свое тяжелое оружие, спокойно приблизился и уколол его в живот. На полянке остались только обитатели башни.

– Да! Да! – радостно запрыгали мальчишки. – Ур-ра! Это мы, мы! Мы победили!

Впервые за все время остаток урока гендерных искусств однокурсники провели в безмятежности. Развалившись в траве и греясь на солнышке, они просто дожидались шести часов – и никто не рискнул потревожить покой маленького, но дружного отряда.

– Десять баллов, мсье Кро, пять баллов, мсье Надодух, – подвел итог сэр Уоллес по их возвращении.

– Нет, неправильно! – вскинул руку Битали и громко закончил: – Арно Дожара одолел мсье Цивик, сэр Ричард Уоллес, я просто оказался рядом! А мсье Лайтена свалил Ирри Ларак!

– А Карла Уловера сделал Дубус, – добавил недоморф, – я только последнего пинка добавил.

– Вот как... – поджал губы учитель. – Похоже, вы работали общими силами, одним отрядом и сами распределили свои победы.

– Да, мы – братство башни! – гордо заявил Ларак.

– А за старшего, как я понимаю, мсье Битали Кро?

– Да, он наш глава! – подтвердил Ирри, не понимая зловещей ухмылки сэра Ричарда.

– Что же у вас мсье Сенусерт остался с результатом в минус пять, мсье Кро? – подошел ближе к юноше учитель. – Вы знаете, что в братствах успехи делятся поровну, а за неудачи отвечает глава? Чтобы мсье Сенусерт не стал жертвой несправедливости, вам не хватает десяти баллов. Итак, мсье Цивик, Дубус, Ларак, Сенусерт... Каждому плюс пять баллов в аттестат. Мсье Кро, минус пятнадцать!

– Но почему? Так нечестно! Неправильно! Сэр Ричард Уоллес!!! – хором возмутились соседи по башне, но учитель невозмутимо отрезал:

– Урок окончен, до завтра, юноши.

– Негодяй! Подлец! Это бесчестно! – продолжали возмущаться друзья, спускаясь по лестнице. – Почему он так сделал? Упырь недобитый!

– Оставьте, ребята, – отмахнулся Битали. – Он вычел баллы у меня и добавил Надодуху. У меня несправедливых отметок много, не жалко. Просто наше братство вернулось с урока в минусе, нам не хватило побед. В следующий раз сядем отдыхать попозже. Цивик, Дубус, вы нас вечером выручите опять с ужином?

– Конечно, голова! – с готовностью подтвердили однокурсники.

– Тогда пошли, в башне нам делать нечего, – решил Кро. – Учебники сэру Уоллесу, к счастью, не требуются. Раньше начнем, раньше выберемся.

– Это если девчонки уже освободились, – заметил недоморф.

Как оказалось, Генриетта и Горамник, стоя поодаль друг от друга, уже ожидали ребят возле колодца. Победители, разумеется, в первую очередь кинулись к рыжей.

– Ты молодчина! Ты гений, Анита! Ты просто чудо!

Недоморф и Битали еще издали начали хвалить отличницу, а Ирри Ларак, не стесняясь, обнял ее и расцеловал:

– Я твой раб, Анита! Отныне и навсегда! Пять баллов одним разом! Сегодня же напишу родителям.

– Спасибо, Анита. Ты наша спасительница, – следуя примеру товарища, теперь и остальные мальчишки обняли сокурсницу и чмокнули в щечку.

– Да ерунда все это, второй курс, – раскрасневшись, оправдывалась девушка. И только Вантенуа, не подходя, поторопила:

– Идемте же наконец! А то опять до полуночи застрянем.

– Да идем, идем, – согласились остальные.

И едва Битали отпустил отличницу, как Генриетта тут же крепко взяла его за руку.

Пока компания добиралась до выращенного недоморфом укрытия, мальчишки оживленно пересказывали Аните подробности своего сражения, выросшего в их пересказе до эпических размеров. Генриетта, оказавшаяся без внимания, темнела с каждым шагом и все сильнее сдавливала ладонь молодого человека. Очень скоро из знака соприкосновения тел познание превратилось в тягость, и Битали только обрадовался, когда возле лаза под акацией подруга наконец-то выпустила его из своей хватки. По ту сторону его вниманием уже овладела Горамник:

– Палочка у тебя с собой? Ладно, не ехидничай, знаю, что нормальный маг с ней никогда не растается. Но у тебя, сам знаешь, все не как у людей. Приготовь ее в легко доступном месте. В идеале – в кармашке на груди, или на веревочке. Чтобы взять в любой момент...

Нет, сразу не бери, в начале обряда могут случиться судороги, и она выпадет. В общем, когда начнешь различать потоки, принимать их и сможешь себе подчинить – направляй их в палочку. Она способна впитать столько, что ты и представить себе не можешь. Специально для этого и изготавливалась.

– Удачи тебе, Битали, – оттерла однокурсницу Генриетта. – Береги себя и зря не рискуй. Если что, мы рядом. – И она с какой-то мстительностью коротко поцеловала его в губы.

– Пока, – помахал всем остальным Кро, достал из-за пазухи палочку и, крепко сжав ее в руках, спиной вперед рухнул в камышовую «могилу». Уже здесь он ткнул палочку в карман рубашки и начал дышать спокойно и глубоко, лишь немногим чаще обычного.

Вскоре вокруг знакомо сгустились вихри, обжимая конечности, кости заныли от слабой боли, в груди стало распирать от неведомой силы. Битали понял, что пора нацеливать эту горячую мощь в палочку, потянулся за ней – и тут же заметил, что потоки следуют за его движениями. Он раздвигал руки – вихри расширялись, поджимал ближе – они сжимались, раскидывал – струи били в стороны. Если во время первого обряда вливающиеся в тело силы полностью подчиняли его себе, то теперь уже тело стало само руководить внешними и внутренними силами.

Оставив баловство, Битали вытащил из кармана палочку и, сжав ее обеими руками, направил в привычный с детства амулет проходящие через грудь силы. Поток был широк и могуч и проскакивал мимо – но юный чародей видел, что за палочкой все же возникают вихри, заполняющие возникшую пустоту. Значит – что-то остается и в ней. Битали не различал времени, для него весь мир слился в струи живых сил. И лишь потому, что боль в костях и груди ослабевала, а глаза вместо водопадов стали видеть сперва струйки, а потом и просто легкую рябь, он понял, что время прошло. Дыхание выправилось само собой, мир вокруг стал простым и привычным, сквозь вихри до него донеслись голоса друзей.

– Кажется, все. – Он спрятал палочку под рубашку и выкатился из ямы на траву. Раскинул руки, просто лежа и отдыхая.

– Цивик, накрывай, – скомандовал недоморф. – Глава братства голоден, как венгерский упырь. Однако рано мы сегодня закругляемся, только-только звезды зажглись. Этак и без дубинок можно до школы дойти. Даже скучно. Может, еще посидеть?

– Перестань, – узнал Битали голос Горамник. – Лишних неприятностей искать не нужно. Они вас и так сами находят. – Послышались шаги, и отличница произнесла совсем рядом, над ухом: – У тебя получилось, Кро?

– Отойди от него! – взорвалась Вантенуа. – Хватит липнуть!

– Не знаю, – перекатился на живот юноша. – Но трогать меня можно без страха. Хочешь попробовать?

Он протянул отличнице руку, но та резво отскочила на несколько шагов:

– На кустиках тренируйся. Мне одного раза хватит.

– Я могу тронуть, коли надо! – отважно предложил Ларак и наложил Битали на лоб свою немаленькую пятерню. – Ничего.

– Лучше бы ты руку подал, – оттолкнул его Кро.

– Я фляжку раздобыл, – похвастался Цивик. – Так что на этот раз еще и компот будет. Садись, брат. Рыба, тушеное мясо и макароны. Хотя, конечно, все равно все остыло. А огня разводиться Надодух не дает.

– Ты у себя дома костры разжигай, – огрызнулся недоморф. – А мне здесь лишних углей и проплешин не надо.

– Так вон, все равно в прошлый раз осталась.

– Пусть зарастает.

– Да я и так поем, ничего, – уселся перед пеньком на плетеный стул Битали. Когда он входил на поляну, ничего этого не было. Видимо, успели вырастить или сделать за время обряда.

Кро взялся за снесь, а сбоку на корточках присела рыжая отличница:

– Скажи, ты проходил в предыдущих школах заклинание «вэк»?

– Это которым у соседей со стола можно тетради сбрасывать?

– Да, – кивнула Анита. – У нас тоже этим баловались.

– Тебе зачем? – подошла с другой стороны Вантенуа.

– Хорошее упражнение для измерения силы. Если до корсовинга большинство школьников может скинуть со стола с пяти шагов тетрадь или пустой стакан, то после обряда двигают им справочники и опрокидывают стаканы, полные воды. Попробуем, как у тебя теперь палочка работает?

– Давай, – согласился Битали, истребляя макароны с мясом. – Только компот жалко, его лучше выпить. А справочники никто с собой не тащил.

– А ты вон, на краю поляны, по кустам «вэки». Сразу будет видно, как далеко и широко ветки отогнутся.

– Да дай же ты ему поесть наконец! – остудила пыл сокурсницы Генриетта.

Битали отставил тарелку из-под макарон, привычно стукнул по краю, забыв, что пенек не имеет языка, быстро расправился с двумя кусками фореги, осушил стакан и поднялся:

– Где станем пробовать?

– Да хоть здесь... – Отличница отсчитала пять шагов от кустарника за оставленным после прошлого корсовинга выжженным кругом, вскинула палочку. – Опорное слово произносится полным выдохом, и одновременно палочка резко подается вперед, мысленно с ее кончика сбрасывается содержимое в направлении цели, – напомнила Анита и устремила вперед палочку: – Вэк!

Кусты на ширину двух шагов и почти на три в длину наклонились, как от сильного порыва ветра, выпрямились снова. Цивик и Дубус захлопали. Ларак завистливо причмокнул.

– Так сможешь? – задорно поинтересовалась у Кро сияющая девочка.

– Не знаю, давно уже не пробовал. – Битали достал свою палочку, сосредоточился, сделал длинный прямой выпад: – В-вэк!

Кусты оглушительно крикнули, как от натуги, полегли... И не встали, вывороченные с корнями полосой на добрую сотню шагов от юноши и на двадцать в ширину.

Долгую мертвую паузу прервал угрюмый недоморф:

– Спасибо, конечно, что расширили мой домик, но могли бы предупредить. Я бы предпочел направление на север и не таким узким коридором. Уборки у меня тут теперь... Завтра не ждите.

– А по оборотням он так же ударить может? – вторым пришел в себя Цивик.

– Конечно, – кивнула Анита.

– Я хочу это видеть.

– И я, – добавил Дубус.

– И я, – согласилась Горамник. – Только Битали, помни: если выбрасывать силу так, в полный импульс, палочка разрядится за три-четыре раза. Усилие нужно дозировать, ограничивать. Вот только... Если не тренироваться, не научишься.

– Тогда идите тренироваться, – попросил недоморф. – Но уже в другом месте.

– Обратней, обратней бить! – оживился Ларак.

Увы, то ли друзья возвращались слишком рано, то ли звери почуяли неладное – но ни одного хищника на своем пути через парк они не увидели. Развлечения не получилось.

* * *

Утром ворон соседа опять разбудил Битали ни свет ни заря. Юноша сходил позавтракал, а потом, раз уж все равно поднялся, отправился прогуляться по парку. Забрел к серебряной плакучей иве, заглянул под крону. Но скамейка висела пустая. Самое время было вернуться в ком-

нату и, пользуясь свободным временем, выполнить какую-нибудь самостоятельную работу. Но Кро почему-то взгрустнулось, и он долго раскачивался под ивовой кроной, а потом до самого урока не спеша прогуливался по аллеям парка, дыша свежим воздухом и слушая пение птиц.

На естествознание профессор Налоби явился взъерошенный куда сильнее обычного и чрезвычайно взволнованный:

– У меня для вас весьма важное известие, юноши и девушки! Занимаясь посадками для нашей кухни, я не раз доходил до самого Тихого лагеря и обращал внимание, что в северной его части, примыкающей к болоту и кустам, уже давно не случалось опасных явлений и каких-либо признаков активности. Вчера вечером я не поленился проникнуть в это место, войдя в крайний грот, у входа в который растет старый вяз. И обнаружил, что там не просто мирно и безопасно, но и накопилось огромное количество естественной, природной силы! Его хватит на три школы, подобных нашей, и еще останется! К сожалению, в этом году обряд корсовинга курс уже прошел, но в следующем учебном году мы станем проводить обряд там и только там! Там вы наконец почувствуете, что такое настоящая сила и каково ею владеть хотя бы некоторое время... О чем это я? – Он сдвинул на сторону войлочный блин и почесал макушку. – Ах, да, посадки для кухни... Тема нашего урока: садовые гномы. Гномы-растители, гномы-вредители, воспитание гномов, выживание их с огородов послушных смертных и приманивание в сады нерадивых...

Тема была интересной для ведьм и знахарей, выращивающих в своих посадках разные травы для снадобий и лекарств, но совершенно скучной для природных магов, более привыкших полагаться на собственную накопленную силу и отработанные веками заклинания. Однако недоморф, не в пример обычному, строчил в конспект лекцию Филла почти дословно, не отвлекаясь ни на миг. Словом не перемолвиться. Битали вяло отмечал самые важные моменты, больше частью глядя по сторонам. Несколько минут разглядывал шуришающую пером Вантенуа. Генриетта даже в профиль выглядела чуть приплюснутой с боков, к тому же излишне носатой и с вытянутым подбородком. Темные волосы собраны в хвост, на щеках постоянно играют желваки. Анита, не в пример ей, походила на рыжий взрыв. Вместо привычного хвостика сегодня у нее вдруг появились пышные кудри, которые делали ее более взрослой, нежели на самом деле. Но только сзади и за партой. Когда она поднимется – станет видна изящная, аккуратная фигурка. Впрочем, может быть, с годами она станет крупнее?

Анита Горамник ощутила его взгляд и оглянулась, ответив короткой улыбкой.

После естествознания последовала долгожданная для четырех однокурсников история. С трудом высидев урок, двое юношей и две девушки, листая конспекты, тянули время, пока все остальные школьники не ушли из каземата.

– Вижу вас, вижу, – кивнул Гроссер и пересел из-за стола на диван. – Подсаживайтесь ближе, теперь кричать на весь подвал ни к чему. Ну, давайте, дети, спрашивайте. Что еще вы хотели узнать?

– В энциклопедии написано, – с готовностью заговорила Анита, – что Темный Лорд истребил всех чародеев на Саксонских островах и севере Европы. Это правда? Да или нет?

– Да или нет, деточка, да или нет... – задумчиво откинулся на спинку учитель. – Знаешь, в истории почти нет вопросов, на которые можно ответить одним из этих слов: «да» или «нет». В реальности все всегда куда как сложнее. Прежде всего, нужно вспомнить, что делал для окружающего мира мой друг. Он боролся против бессмысленных убийств – и среди животных с тех пор к нашему Лорду особое отношение. Ему верят, ему помогают. Вы знаете, кто был у него тотемником? Барсук! Дикий барсук. Лорд не держал свой живой амулет в клетке, его тотемник бегал на свободе. Но все точно знали: в нужный момент он придет, чтобы спасти друга. И знаете, тотемник Эриджуна так и не найден! Его искали, когда хотели убить, выслеживали потом, но так и не нашли. Будь он спрятан в тайном или сильно защищенном укрытии – рано

или поздно рука убийцы непременно добралась бы до него! Но леса – бесконечны. Где там его искать, в каких краях? Безнадежно...

– Вы хотите сказать, тотемник Темного Лорда жив до сих пор? – не поверила собственным ушам отличница.

– Я хочу сказать, никто не слышал о его гибели, – довольно улыбнулся историк. – Но это не так важно. От зверей в нашем мире мало что зависит. От смертных – куда больше. Их Эриджун научил убивать магов, и смертные стали восставать против самых жестоких из них. Я знаю, как ненавидят за это Лорда многие колдуны. Он вынудил их бояться бывших рабов! Жалкие кролики вдруг начали охотиться на волков... – Гроссер довольно засмеялся. – Сколько было визга и ужаса, вы даже представить себе не можете! Теперь, я слышал, маги и вовсе начали от смертных прятаться. Однако были и еще существа, получившие от него свободу. Это низшие духи, телесные обитатели болот, домов, лугов и полей, лесов, подземелий. Путем обмана колдуны превращали их в безропотных рабов. Им постоянно внушали, что они должны, должны, должны и никак не могут расплатиться за мелкий подарок, полученный в минуты первого знакомства. Их обостренное чувство справедливости становилось для них крепким собачьим ошейником. Знаете, что придумал Эриджун? Он сказал, что за полученное добро нужно платить добром миру, а не обязательно тому, кто сделал что-то для тебя. Тебя угостили хлебом? Когда сможешь – поделись едой с другим голодным. Тебе дали кров? Не отказывай в нем другим. Тебя вылечили? Когда понадобится, сам помоги страждущему. И это помогло! Низшие духи ощутили этот выход как справедливый. Сплошь и рядом в ответ на требование прислуживать в благодарность за подачку маги слышали в ответ: «Ну и что? Я тоже даю милость другим. Так поступают все! В этом нет ничего особенного, чтобы я отработывал долг. Я верну его, дарю часть своего прибýtка более слабым». Многие, многие колдуны оказались в одиночестве, без слуг и рабов. Все связанные паутиной лжи духи получили свободу. Лорд ничего не требовал себе в благодарность, ведь он тоже всего лишь добивался справедливости. Но духи навсегда запомнили, кто именно стал их спасителем, и всегда служили ему верой и правдой, и завещали это всем, имеющим разум. Думаю, даже первородного духа он смог залучить в свои слуги лишь благодаря этому поступку. Ведь первородный дух – тоже дух, и общее уважение к моему другу передалось и ему.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, мсье Гроссер? – не дала себя запутать Горамник. – Ведь в энциклопедии пишется об истреблении Темным Лордом почти всех магов на севере Европы. Это правда?

– Эриджун боролся ради важной цели, юная мадемуазель, – опять взялся за ошейник учитель. – Он дал миру Пророчество о Большой Войне и попытался ее предотвратить. Единственным способом сохранить мир было объединение всех чародеев под единой властью. Если бы лишили магов права начинать войну, если б дали им общего властителя, судью и вершителя законов – никаких междоусобиц, никакого кровопролития, никакой несправедливости больше бы не случилось! На всю планету опустился бы мир и процветание. И вы думаете, маги согласились на это? Согласились на покой и мир? Не-ет, было множество бунтов, были попытки убийства, были яды, порча и проклятия, были войны. Упрямые колдуны пытались истребить Лорда – он убивал в ответ. Да, поначалу нас оказалось слишком мало для открытых сражений, и ему пришлось использовать смертных для уничтожения самых злобных врагов. Но это была необходимость, направленная на общее благо. Эриджун без колебаний сражался за свое учение и иногда, может быть, несколько переступал разумные пределы. Однако, согласись, трудно сохранить спокойствие, ощутив яд на губах целующего тебя ребенка. А ведь достаточно всего лишь его оттолкнуть – и в твоём прошлом навсегда останется пятно, которое недруги обязательно раздуют до безумия.

– Я не читала про такой случай, – покачала головой рыжая отличница.

– А любовь? – встряла в беседу Генриетта. – Вы говорили, в жизни Темного Лорда была великая безумная любовь!

– Да не «Темный» же, наконец, а просто Лорд. Или хотя бы «Кровавый»! – поправил ее Гроссер. Впрочем, без особого раздражения. – Да, любовь была, – признал он с немалой грустью. – И, как настоящая большая любовь, она переломала все вокруг себя. Я ведь говорил про огромную славу, которую заслужил Маг среди низших духов? Они, обычно скрытные и нелюдимые, всячески стремились попасться ему на глаза, назваться, сказать слова благодарности. Это и привело к фатальному финалу. Во время очередной своей поездки наш Лорд выслушал слова благодарности от одной озерной девы. Вы их наверняка изучали, этих духов. Ничего особенного, жалкие, никчемные и бесполезные существа. Всего и достоинств, что внешность, ласкающая взгляд любого человека. И та лишь для того, чтобы заманивать коралловыми устами смертных к себе в воду, да пожирать их в глубине жемчужными зубками. Но внешность хозяйки одного из озер так поразила нашего друга, что сердце его с тех пор стало биться в такт ее сердцу, дышал он лишь ее дыханием и думал лишь о тех мгновениях, когда сможет к ней прикоснуться. Это его речь, кстати. Может, и не дословно, но выражался он примерно так. С тех пор учение было забыто, друзья забыты, планы забыты... Забыто все! Величайший маг стал безропотным рабом низшего водного духа.

– Низшего? – вопросительно вскинула брови Горамник.

– Может, и не совсем, – смирился историк. – Этакая болотная королева. Она смогла дать ему защиту от любых водяных тварей. Точнее, водяные твари обязались не причинять ему вреда. Любые твари, от жаб и пиявок до водяных и болотниц. Но даже это она делала не ради него, а лишь для того, чтобы он без боязни приходил к ней в озеро или другие омуты. Еще бы, такая честь! Сам Лорд соизволил раскрыть ей объятия. Он потом смог наложить на нее чары, позволяющие безбоязненно жить на суше, и она тоже стала подолгу обитать в его замке.

– Значит, даже гаруфер при встрече не причинил бы ему никакого вреда? – уточнил недоморф.

– Ну, конечно же! – отмахнулся историк. – Но я уверен, что сделала она это не ради него, а лишь для того, чтобы не отпугнуть мага возможными опасностями во время свиданий. Так ведь и это еще не все! После того, как у озерной леди пошли дети, а Лорд вовсе перестал появляться на людях без нее, стало понятно, что это не короткая страсть, а чувство навеки... Как это проще пересказать? Длилось это несколько десятков лет. Любовь Мага поломала много, но не все. Сделанное им до встречи с женщиной продолжало жить и развиваться, борьба шла, наш друг не уклонялся от битв. Он обрел власть над всемогущим демоном, первородным духом, и теперь громил врагов даже в открытых битвах. В общем, всем было ясно, что одолеть мага Двух Драконов невозможно. Вот тогда и возник в чьей-то голове хитрый план. Ударить по слабому и самому болезненному месту. Как это сказать?.. В общем, однажды озерная леди исчезла. Пропала, сгинула без всяких пояснений. Но явно не добровольно – некоторые ее слуги оказались мертвы.

– Кто это сделал? – в ужасе прикрыла рот ладонью Генриетта.

– Самым страшным в этом была именно неизвестность, юная леди. Пустота. Никто из врагов не похвастался таким успехом, ни один друг не мог дать совета. Ни карать, ни просить о помощи было некого. Вот тогда моего друга и охватило истинное безумие. Он призвал к ответу каждого, на кого могла упасть хоть тень подозрения, он искал ее следы во всех мирах и во всех концах света. Он... Он сделал все, на что только способен чародей, и даже немного больше. Тщетно! Тогда маг Двух Драконов отправился на поиски в последнее место, где еще не был: в мир духов. В царство мертвых, где чаще всего и скрывают самые страшные секреты. Но он предупредил, что вернется. И тогда виновникам преступления уже не удастся спастись от возмездия.

– Ужасно, – кивнула Вантенуа.

– Да, это ужасно, – довольно холодно подтвердила Горамник. – Большое спасибо вам за рассказ, мсье Гроссер. Но нам хотелось бы успеть перекусить перед новым уроком.

– Бегите, бегите, – разрешил учитель. – Мы с вами встретимся еще не раз. Если что-то будет неясно, всегда сможете уточнить.

– Спасибо, мсье Гроссер, – поднялся и Битали.

– Спасибо огромное! – добавил недоморф.

Вместе они отступили к лестнице и вместе заговорили, едва оказались на ступенях:

– Он врет, врет во всем! – зло потрянула головой Горамник. – Дружка своего выгораживает, маньяка-убийцу. Любовь у него, мол, семья, дети. Да всем известно, что у людей и духов, пусть и плотских, детей быть не может! Они не от людей деградировали, они вместе с нами изначально созданы! Любые связи бездетны, у нас все строение другое!

– Конечно, врет! – вторила ей Генриетта. – Обозвать хозяйку озера низкой тварью! Сказать, что она любить не может, что она из корысти его от бед защитила и на сушу жить перешла! Да он просто завидует ей! Завидует, что он их игры ради любви бросил, женщину им предпочел. Он просто ревнует!

– Темный Лорд защищен от болотных тварей! Вы поняли, защищен?! – пытался перекричать их Надодух. – Это был он, он! Только он мог спокойно поймать гаруфера и принести к нам в комнату. Только он умеет оживлять зверей и натравливать их на людей! Все сходится, это Темный Лорд!

Внезапно на лестнице наступила тишина. Все трое высказались и теперь выжидающе смотрели друг на друга, ожидая ответа.

– Может, пойдем все-таки пообедаем? – предложил Битали.

– Ну да, конечно. – Отличница пошла вверх, бормоча что-то себе под нос, через несколько витков резко остановилась: – Так что мы знаем, мальчики? Точно знаем, что Темный Лорд мог и хотел вернуться. Знаем, что дохлые звери и болотные твари – его любимые существа. Знаем, что он убивал напропалую и вполне может иметь зуб на Битали из-за его родственников. И что твое родство, Кро, он способен определить точнее тебя самого. Пожалуй, я соглашусь с Надодухом. Очень советую тебе накопить как можно больше силы и потренироваться в ударных заклинаниях типа «вэк» или «морт». Как бы тебе не пришлось встретиться с кем-то пострашнее гаруфера.

– Надеюсь, теперь это случится не у нас в комнате, – шумно почесал за ухом недоморф. – Хотя болеть я буду, конечно, за тебя!

– Умеете вы настроение поднять, право слово, – усмехнулся Кро. – Большое всем спасибо.

– А директор? – спохватилась Генриетта. – Он ведь заставил всех завышать Битали оценки! Может, он что-то знает? Про настоящую семью, про повод, из-за чего Темный Лорд Битали изжить собирается? Ведь его отношение к Битали не просто так!

– А может быть! – кивнул недоморф. – Раз Артур Бронте по рождению не совпадает с Лордом, значит, он просто что-то знает!

– Какая разница? – поморщилась Анита. – Ну, знает он настоящую семью Битали – ну и что? Если мы узнаем, почему Кро хотят убить, опасности это не уменьшит. Нужно думать, как справиться с самим Лордом. И пошли, наконец, обедать!

Она быстро побежала вверх, и разговор сам собой прервался. Когда мальчики выскочили с лестницы в коридор, они наткнулись на улыбающуюся мадам Деборе, своим телом закрывающую проход от стены до стены. Анита и Генриетта уже стояли перед ней.

– Мсье Кро, мсье Сенусерт, – кивнула прорицательница. – Итак, милые мои, прошу следовать за мной.

Вслед за женщиной, метушей коридоры своей длинной юбкой, они обогнули замок, в восточном корпусе на углу остановились между покрытыми арабской вязью, золотистыми, слабо светящимися гобеленами.

– Сюда, – указала на углубление в полу учительница. Первой на это место ступила Горамник. Анне Деборе стукнула палочкой по камню на стене – и девушка исчезла. Женщина кивнула Генриетте: – Прошу.

Через миг та тоже пропала.

Третьим в углубление ступил Битали. В животе привычно потянуло – и он оказался в овальной комнате размером примерно с комнату его и Надодуха, с застекленными бойницами и деревянным, настеленным поверх балок, потолком. Здесь было чисто и опрятно: несколько полочек с книгами, разделенных приступками с букетами полевых цветов, застеленный зеленой скатертью стол, на котором стоял чайник на ножках, с закопченными боками, еще одна ваза, хрустальный шар и что-то еще, объемистое, но закрытое двумя матерчатыми салфетками. Кроме того, убранство комнаты составляли кресло у стены, три стула и складная расписная ширма, отгораживающая изрядную часть помещения.

Рядом возник Надодух, а следом и сама преподавательница.

– Присаживайтесь, милые дети, – разрешила она и опустилась в кресло, раскинув руки на подлокотники. Девушки заняли стулья, а мальчики остались стоять, чтобы не спорить из-за единственного свободного места.

– Мы что-то нарушили, мадам Деборе?! – воинственно поинтересовалась Анита.

– Ну, что ты, конечно же нет, милое дитя, – кивнула в ее сторону прорицательница. Пальцы шевельнулись, янтарная печатка стрельнула желтым лучиком. – Однако я заметила, что вы стали слишком уж подолгу засиживаться у мсье Гроссера, и хочу напомнить одну страницу из истории нашего мира. Девять веков назад небольшая кучка магов во главе с тем, кого ныне принято называть Темным, решила захватить власть над всем миром. Над всеми, понимаете? Сделать всех прочих магов послушными слугами. И они стали добиваться своего всеми возможными способами, не останавливаясь перед обманом, убийствами, предательством. Семьи, которые отказывались признавать их власть, они истребляли полностью, вплоть до младенцев в колыбелях и смертных слуг. Против сильных магов они подсылали убийц из числа смертных, над слабыми глумились, упиваясь своей властью. А когда против этой тирании поднялись все чародеи севера, Темный Лорд и его слуги начали войну, истребляя всех без счета и жалости, выжигая целые рода и купаясь в крови. Из каждых пяти северных чародеев они уничтожили троих, и еще один из этой пятерки погибал на их стороне. Хотите ли вы оказаться в самой гуще подобной мясорубки, милые создания? Видеть, как гибнут ваши дети и родители, ваши друзья и просто сверстники? Узнать, что сгинули в небытие четверо из каждых пяти обитателей вашей родной земли?

Однокурсники подавленно промолчали.

– Если бы Темный Лорд победил, – продолжала мадам Деборе, – мсье Гроссер, как один из главных соратников мага Двух Драконов, наверняка получил бы себе в подчинение какой-нибудь континент. И никто на этих землях не смел бы без его разрешения повысить голос, высказать неожиданные мысли или организовать новый союз или орден. К счастью для всех нас, Темного Лорда удалось одолеть. И ныне мы живем в мире свободы. Я не спрашиваю вас, что и зачем рассказывает вам наш историк в дополнительное время, что обещает и как оправдывает свои деяния. Я лишь прошу помнить, как выглядело воплощение его идей. Кровь, смерть и боль. После чего уже много веков, до сего дня, мы вынуждены скрывать от смертных свое существование. Вы понимаете, из-за него нам приходится опасаться жалких смертных! И когда удастся выправить это положение, еще непонятно. Не забывайте об этом, когда снова будете слушать его рассказы. Думайте не о словах, а об ужасах, которые ими прикрываются. Сейчас только от нас зависит, чтобы сотворенный Темным Лордом кошмар не повторился.

– Но ведь Темный Лорд уже возвратился, правда? – торопливо спросил недоморф. – Он в нашей школе, где-то здесь!..

– Ступайте, дети, – взмахнула палочкой мадам Деборе, и все четверо тут же оказались в коридоре.

– Вы поняли, да?! Поняли?! – закрутился Надодух. – Она не рискнула отрицать! Она проболталась! Темный Лорд где-то в школе!

– Лично я поняла, что мадам оставила нас без обеда, – ответила Горамник. – Мы-то всяко раньше ее в аудиторию успеем. А вам пора бежать.

Урок гендерных искусств развел мальчиков и девочек в разные классы. Если, конечно, можно назвать классом ту россыпь колотых валунов в рост человека, посреди которой оказался Битали волею выпавшего ему амулета. Осторожно переступая с камня на камень с риском переломать ноги, он вдруг услышал совсем рядом свист, достал из кармана свою свистульку и тоже дунул. Слева тут же отозвались. Кро повернул на звук, медленно и осторожно спускаясь с завала к густому осиннику.

– Привет. – Недоморф опять обнаружился наверху, среди ветвей. – Забирайся, тут двигаться проще, я тебя уверяю.

– Извини, – продолжил путь с камня на камень Битали. – Боюсь, с дерева я грохнусь скорее. Не все такие ловкие.

– Ничего особенного, – перепрыгнул с ольхи на березу Надодух. – Попросту, хоть и недоделанный, я все же посильнее простого человека буду. Почти оборотень.

– Кого я вижу, гусар наконец нашелся! Ты даже не представляешь, как я соскучился! – запрыгнул на крупный валун Дожар. – И где твоя шайка неудачников?

У Битали екнуло в груди от радости: похоже, его заклятый враг не заметил присутствия недоморфа. Как не заметили его и пробирающиеся по камням между частыми деревьями графские слуги.

– Разве ты ничего не заметил, мой маленький Арно?! – оглушительно громко поинтересовался Кро. – Вы здорово влипли, ребята! Очень сильно! Камни и чашоба – не лучшее место размахивать палками! Я вас переколю, вы даже крякнуть не успеете.

– Пой, пой, – покивал Дожар. – Порадуйся напоследок. Мы тебя сейчас меж камней зажмем и истолчем, как в ступе пестиками.

– Это там? – указал вправо Битали.

Граф повернул голову и не увидел, как свесившийся с нижней ветки Надодух ткнул Уловера мечом в макушку и тут же поднялся обратно.

– Можно и там. А можно и здесь. – Дожар еще не заметил своей потери. А за спиной Лайтена качнулась и затрещала осина в две руки толщиной. Парень оглянулся, но никакой опасности не заметил. Поднять голову он просто не догадался.

– Хочешь, там? Тогда я иду к тебе! Иду-иду! – не переставая голосить, Битали, перешагивая с камня на камень, подобрался к самому валуну, на котором стоял юный граф. Обнажил бемгиши.

Дожар махнул мечом вниз, прикрывая ноги, оглянулся, снова махнул:

– Да где же они?

– Помочь?

Голос сверху заставил графа резко вскинуть голову, ноги его скользнули по покатоному камню. Он грохнулся на спину, меч со звоном отлетел в сторону, и Дожар сполз по валуну прямо к Битали.

– Вот, проклятье... – только и выдохнул он.

– Бывает, – сочувствующе усмехнулся Кро и аккуратно кольнул бедолагу в кончик носа.

– Оттуда свистят! – указал вперед покачивавшийся в кроне недоморф.

– Тогда пошли.

– Я тебя за овражком подожду...

Надодух прыгнул вперед на дерево, потом на следующее, еще раз, и совершенно скрылся из виду. А Битали еще четверть часа перешагивал с камня на камень, удерживаясь за влажные стволы, пока не добрался до самого оврага с крутыми склонами и не перелез через него.

Все его братство оказалось в сборе: Цивик, Ларак, Дубус, недоморф. И горело, похоже, жаждой битвы.

– Что станем делать, голова? – выразил общее мнение Ирри и решительно стиснул меч.

– Нам не хватает десяти очков. Нужно пойти и где-то их добыть. Вы готовы?

– Да! – вскинули мечи Цивик, Дубус и Ларак.

Недоморф, напротив, зевнул и указал пальцем Лараку через плечо:

– Вон там, в двухстах шагах, кто-то сопит. Под бузиной, наверное, затаился. А по ветру несет зубным порошком, двумя видами одеколона, крахмалом и гуталином. Думаю, человек пять. Или чуть меньше. Вы кого найти предпочитаете?

– Пятерых...

– Тогда пошли, – развернулся недоморф и зашагал по тропинке.

– Подожди! Если мы так просто выйдем, они сразу разбегутся. Пусть первыми Цивик и Дубус идут, и Ларак. Мы чуть позже. Ваша задача – завязать драку, привлечь к себе внимание. И не пострадать. Продержитесь минуту, и мы с Надодухом успеем их обойти и нападём сзади. Сможете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.